

AUTHOR OF THE BESTSELLING *THIS MAN* TRILOGY

ДЖОДИ ЭЛЛЕН МАЛПАС



ТЕЛОХРАНИТЕЛЬ

Люди думают, что всё знают о Камилле Логан: папочкина дочка, красивая, избалованная молодая женщина с банковским счётом своего отца, который финансирует её образ жизни. Но Камилла полна решимости избавиться от его оков. Начав самостоятельную жизнь, она совершает ошибку, которая приводит её к пребыванию в реабилитационном центре и грязным высказываниям прессы. Теперь, после столь сильного сопротивления, чтобы стать независимой и счастливой, она понимает, что её жизни угрожают безжалостные сделки в бизнесе её отца. Оказавшись между негодованием и страхом, Камилла принимает просьбы отца в её защите. Но ничто не могло подготовить её к бывшему снайперу С.А.С., который врывается в её жизнь.

Джейк Шарп живёт в своём личном аду. Он был отстранён от обязанностей однажды, и последствия были разрушительными — как в личном плане, так и в профессиональном. Он поклялся никогда не позволять этому случиться снова. Принять должность телохранителя Камиллы Логан — не тот вид отвлечения от его демонов, который ему необходим. Женщина и Джейк не очень ладят, но защита наследницы кажется меньшим из двух зол. Он очень скоро осознает, что Камилла не та женщина, за которую себя выдаёт. Она нежная, сострадательная, её присутствие успокаивает. Его долг защищать её со временем перерастает в нечто большее, чем просто хорошо оплачиваемая работа, как бы он с этим не боролся. Ему нужно отпущение грехов. Ему нужна Камилла. Но он понимает, что не может иметь оба варианта сразу.

Переводчики: *Елена И.* (1–6 гл.), *Виктория Д.* (с 7 гл.)

Редакторы: *Ирина Д.* (1–6 гл.), *Настёна*

Сверка: *Настёна*

Обложка: *Иришка К.*

Переведено для группы: *Золочевская Ирина || Б. Б. Рейд*

Совместно с группой: vk.com/ofdyfantasy

Глава 1

Джейк

Его глаза, широкие и испуганные, таращатся на меня. Его тело застыло подо мной. Жара, пыль, крики вокруг меня отвлекают, не дают сосредоточиться. Но я должен. Я быстро моргаю, поворачиваясь, чтобы удержать его в безопасности, толкаю его в гравий и песок подо мной. Я не должен быть здесь. Я должен быть вне поля зрения окружающих холмов, невидимым среди зарослей и скал. Неизвестная, невидимая угроза.

Человек, которого я держу в плену, худой и истощённый, а его глаза окрашены в жёлтый цвет. Этот подонок с промытыми мозгами убил двух моих товарищей. Сильная боль в плече напоминает мне, что меня он тоже чуть не вывел из игры.

Я должен был остаться на месте. Я облажался. Отчаянная, эгоистичная потребность вывалить весь ад на эти испорченные задницы привела к гибели двух солдат. Это я должен лежать мёртвым в грязи в нескольких метрах отсюда. Я заслуживаю этого.

Его сердце бешено бьётся под тонкой тканью грязной футболки. Я чувствую этот стук даже сквозь слои моей одежды и бронежилет. Но этот злой блеск в его остекленевших глазах всё ещё был там, когда он начал бормотать на меня кучу

иностранных слов.

Он молится.

Ему стоило бы.

— Увидимся в аду. — Я нажимаю на курок и отправляю пулю ему в череп.

Я вскакиваю на постели, мокрый от пота и задыхающийся, тонкие простыни прилипают ко всему телу.

— Твою мать, — я дышу, позволяя глазам приспособиться к раннему утреннему свету, пока я не вижу темно-синий горизонт Лондона из панорамного окна в спальне. Сейчас шесть утра. Я знаю это, даже не глядя на часы на тумбочке у кровати. И не только восход солнца говорит мне об этом. Тревога в моей голове взрывается в одно и то же время каждое утро — это одновременно благо и проклятие.

Сбрасывая ноги с кровати, я хватаю телефон, не удивляясь, когда не вижу ни сообщений, ни пропущенных звонков.

— Утречко, мир, — бормочу я, отбрасывая телефон обратно на тумбочку, а затем поднимаю руки к потолку, растягивая мои напряжённые мышцы. Я поворачиваю плечи, вдыхая воздух в лёгкие, прежде чем спокойно выдохнуть через нос. Наклоняюсь вперёд, я опускаю предплечья на колени и смотрю на город, отталкивая кошмар в безопасный угол моего разума, медленно дышу. Вдох-выдох. Вдох-выдох. Вдох и выдох. Я закрываю глаза и благодарю силу своего железного спокойствия. Я мастер в этом.

Но потом мои мышцы снова напрягаются, когда кровать смещается подо мной. Моя рука скользит прямо под матрац, чтобы вытащить мой VP9 (*прим. — Heckler&Koch VP9. Самозарядный пистолет. Имеет открытый нерегулируемый прицел и магазин на 15 патронов. Отдача при коротком ходе. Производство Германия*), прежде чем разум успеет озвучить эту команду.

Импульс.

Пистолет направлен на мою бодрствующую цель ещё до того, как мои глаза успевают сфокусироваться.

Инстинкт.

Я на ногах, голый, как в день, когда я родился, руки устойчивы и вытянуты на всю длину передо мной. Девятимиллиметровый пистолет слишком хорошо лежит в моих руках.

— Хм-м-мм-м. — Мягкое мурлыканье пробирается в мой разум, и я замечаю клубок длинных обнажённых конечностей, вытянувшихся на моей кровати. Мой разум играет со мной, возвращая меня к бару, в котором приземлился прошлой ночью, и я сразу же убираю пистолет из поля зрения, как раз вовремя, прежде чем её глаза открылись. Она лениво улыбается и растягивает своё стройное, подтянутое тело, рассчитанное на то, чтобы у меня потекли слюни, а член дёрнулся от нужды.

Хреново для неё. У меня на уме только одна вещь. И это не она.

— Вернись в постель, — шепчет она, похотливо глядя на все шесть футов, четыре дюйма (*прим. — примерно 193 сантиметра*) моего тела, когда приподнимается на тонком локте. Она подпирает рукой подбородок, длинные пальцы барабанят гладкую кожу щеки.

Я не уделяю ей внимания, которого она требует. Что ж, я ожидаю очень разочарованную женщину на горизонте. Та же сцена, другой день.

Я ухожу, чувствуя удары злобного взгляда, брошенного мне в спину.

— У меня дела. Выход сама найдёшь, — кидаю я через плечо, не достаивая её своим

вниманием пока говорю. У меня нет времени на это.

— Не стесняйся угоститься бананом на выходе. — Я завернул за угол в ванную.

Окна от пола до потолка на двух стенах дают мне 180-градусный вид на город, но всё, что я вижу — это моё измождённое лицо в зеркале. Я вздыхаю и держу руку на краю раковины, открываю кран и смотрю на своё жалкое отражение. Чувствую себя также дерьмово, как и выгляжу. Грёбаный Джек Дэниелс. Моя ладонь поднимается и пробегает по шершавой челюсти, когда я слышу:

— Ты, блядь, мудака! — сопровождаемые обнажённой женщиной, вваливающейся в мою ванную.

Не могу с ней не согласиться. Я бестолковый. Напряжённый, мстительный засранец. Хотелось бы, чтобы мир и покой, наконец, снизошли до меня, но в моей жизни нет мира. Я вижу их лица каждый раз, когда закрываю глаза. Дэнни. Майк. Они были для меня как братья, и даже через четыре года я знаю, что это из-за меня они мертвы. Моя глупость. Мой эгоизм.

У меня нет выхода. Только отвлечение. Работа, алкоголь и секс — всё, что у меня есть. И без назначения на данный момент, у меня остаётся только два выбора — да или нет.

Я устало смотрю сквозь своё отражение и нахожу её такой же возмущённой, какой, я знаю, она и была. Но там также есть и желание. У неё упругая грудь и твёрдые соски, а её злые глаза всё ещё прожигают меня. Я поворачиваю голову в сторону и жду пока её жадный взгляд не опрётся в мой. Она покусывает губы. Мой член остаётся мягким. Даже утреннего стояка нет.

— Дверь не забудь закрыть, — категорично говорю я, показывая ей абсолютно прямолинейное лицо, сопровождающее мой тупой приказ. И тогда я вижу это. Намерение.

«Ну, вот и всё», — размышляю я про себя, отталкиваясь от раковины и выпрямляясь, подбадриваю себя.

Она подходит ко мне, её кулаки сжимаются и разжимаются.

— Ублюдока! — она ударяет меня по щеке. И я позволяю ей. Стиснув зубы, я жду, прежде чем открыть глаза.

— Дверь там, — говорю я, протягивая руку мимо неё.

На несколько мгновений мы оба оказываемся в тупике: она ошарашена, вероятно, возвращаясь назад к хорошему траху, который я дал ей прошлой ночью, и меня — бесстрастного, желающего, чтобы она поспешила и убралась.

— Спасибо за гостеприимство. — Наконец она разворачивается на босых ногах и, топая, уходит прочь.

Через несколько мгновений дверь захлопывается, и я возвращаюсь к зеркалу, схватив мою зубную щётку. Я чищу зубы. Затем, натягивая шорты и кроссовки, я выхожу на улицу.

Утренний воздух ощущался просто здорово. Я направляюсь в парк, слушая звуки Лондона на рассвете, редкий трафик, птиц, звук шагов бегущих ног, стучащих по асфальту. Всё создавало успокаивающий эффект, который был мне так нужен, чтобы хорошо начать свой выходной.

Трава все ещё полна росы, влажный туман прилипает к моему голому торсу, пока я бегу по тропинке. Мои ноги начинают постепенно неметь. Вот то, что мне нужно.

Моё внимание все ещё направлено вперёд, моё направление автоматическое, как будто я пробегал этот маршрут миллион раз.

Наверное, так есть. Те же лица, в основном женские. Все с надеждой улыбаются, когда видят, как я приближаюсь. Их спины выпрямляются, дыхание внезапно превращается во что-то близкое к тахикардии. Сегодня, может быть, тот самый день, когда я остановлюсь и скажу привет, или, может быть, брошу им быструю улыбку, пока буду пробегать мимо.

Как я уже сказал, хреново для них. Они — просто ещё одно лицо среди моря бессмысленных лиц на моем пути. Я незаметно обхожу каждое из них, моё тело работает автоматически, чтобы избежать столкновений.

Через полчаса моё сознание начинает проясняться. Алкоголь вместе с потом выходит из моего организма. Всё это сочтётся из моего тела на протяжении последней мили пробега, пока мои лёгкие не начинают гореть от нужды.

Хватит.

Я снижаю темп и медленно захожу к кафе «Нерона», глядя на небо.

Я киваю, доволен. 7:20, я на точке. Пробираясь через дверь, я беру салфетку и вытираю лоб, пока иду к стойке. Я подхватываю бутылку воды, проходя мимо холодильника, открываю её и выпиваю полностью, прежде чем вижу официантку. Она видит меня до того, как у меня появляется шанс сунуть руку в карман и достать бумажник.

— Ваш чёрный кофе уже в пути, — говорит она через плечо, быстро проверяя, что делает.

— Спасибо, — бормочу я, выбрасывая пустую бутылку с водой. Она попадает с точностью в мусорное ведро. Мой чёрный кофе уже на прилавке, когда я снова обращаю своё внимание на официантку.

Каждый день одно и то же. Я выпиваю свой кофе и ухожу.

Уличное движение растёт, пока я иду по Беркли-стрит, собираясь купить газету у моего обычного продавца. Когда я подхожу, он, улыбаясь, протягивает её мне.

— Рано этим утром, мистер.

Я киваю и беру газету, переворачивая её, прежде чем просмотреть первую страницу. Гнев поднимается из моих пальцев, как только я мельком вижу заголовок.

В ТУРЦИИ ВО ВРЕМЯ ПЕРЕСТРЕЛКИ ПОГИБЛО 19 ЧЕЛОВЕК

— Ублюдки. — Я поглощаю ярость и беспомощность и читаю дальше. Эвакуации производятся, туристов предупреждают, чтобы не ездили туда. Турция была добавлена в список других красных зон. Весь этот чёртов мир — одна сплошная красная зона в наши дни. Я комкаю бумагу и выбрасываю её в помойку.

Я не знаю, зачем делаю это с собой. Я ничего не могу сделать, чтобы помочь. Не сейчас. Я не нужен. И не хочу быть нужным. Моя разрушительная ярость в Афганистане позаботилась об этом. Лица моих товарищей, моих друзей, начинают разрушать стену обороны в моей голове. Счастливые лица. Мёртвые лица. Я моргнул в ответ на воспоминание, заставляя его уйти, прежде чем оно успело завладеть мной. Мне нужен ещё один грёбаный бег на десять миль.

Я включаю душ и оставляю температуру, как есть там. Холодно, чертовски холодно. Пули ледяной воды ударяют меня со всех сторон, гарантируя, что всё моё тело получит наказание. Это хорошо. Реально.

Я откидываю голову назад, и струя воды бьёт по моему лицу, в то время как я обдумываю свою рабочую нагрузку на весь день. Надо почистить мой пистолет, в четвёртый раз на этой неделе. Проверить электронные письма. Может быть, позвонить Эбби.

Последний пункт каждый день был в моём списке на протяжении последних четырёх

лет. Он остаётся невыполненным. Просто, блядь, позвони ей. Дай ей знать, что ты жив. Это всё, что ей нужно. Всё, что ты можешь ей дать. И всё же я не могу заставить себя вернуться в прошлое. Моё дыхание замедляется, голова опускается. Снова стрельба, взрывы, крики.

Письмо!

Я потираю лицо, отстраняясь от грани приступа тревоги, и беру гель для душа. Мне нужно продолжить мой день. После того, как я умываюсь и оборачиваю полотенце вокруг своей талии, я беру свои таблетки и достаю одну, проходя в открытое пространство моей квартиры к подножию панорамных окон, где мой стол доминирует над пространством. Я опускаюсь в огромное чёрное кожаное кресло и запускаю свой ноутбук. Я смотрю, глядя на город, пока мой компьютер загружается, снова погружаюсь в свои мысли.

Просто напиши ей. Дай ей знать, что ещё жив. Я холодно смеюсь над своим жалким миром. Эбби — вероятно, единственный человек на этой планете, которому, не всё равно жив я или мёртв. Или было не всё равно. Я один. Нет семьи, нет друзей. Нет родителей.

С того момента, как мои родители были убиты на рейсе 103 Pan Am (*прим. — Взрыв Boeing 747 над Локерби. Крупная авиакатастрофа, произошедшая 21 декабря 1988 года. Авиалайнер компании Pan American совершал рейс PA 103 по маршруту Франкфурт-на-Майне — Лондон — Нью-Йорк — Детройт. Через 58 минут после взлёта в грузовом отсеке произошёл взрыв пластичной взрывчатки семтекс. Горящие обломки авиалайнера рухнули на город Локерби (Шотландия). Погибло 270 человек — 259 на борту (243 пассажира и 16 членов экипажа) и 11 на земле*)), у меня была одна цель. Война. Мне было семь лет. Я даже не очень понимал, что произошло, но я знал, что там были плохие люди, и их нужно было остановить. Горящая потребность бороться со злом росла, когда я становился старше. Моя бабушка заботилась обо мне, пока старость не забрала её. Больше некому было обо мне заботиться. Я присоединился к армии, чтобы внести свой вклад. Хоть чем-нибудь помочь.

Моя меткая стрельба вскоре была замечена, и меня выгнали из курсантов. Они дали мне винтовку, и я больше никогда не оглядывался назад. Я прицелился, я выстрелил, я убил. Снова и снова, и каждый раз я испытывал чувство достижения чего-то. Я не чувствовал вины. Просто достижение. Потому что в мире стало на одного опасного ублюдка меньше.

День! День!

Уведомление по электронной почте вытягивает меня из моих мыслей.

— Привет, моя хорошая, — говорю я себе, когда вижу её имя на экране.

Я вдруг надеюсь на некоторую передышку. Прошло уже две недели без назначений, и я схожу с ума. Две недели, когда я ничего не делал, кроме того, что пил, болтался и сражался, чтобы отвлечься от воспоминаний.

Как всегда, и типично для Люсинды — её заметка проста и прямолинейна... именно поэтому она, несомненно, единственная женщина, которая мне действительно нравится.

Но моя довольная улыбка скоро исчезает, чем дальше я читаю.

НОВЫЙ КЛИЕНТ: Тревор Логан — деловой магнат и владелец недвижимости.

ОБЪЕКТ: Камила Логан — единственная дочь клиента.

МИССИЯ: Вести наблюдение

ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТЬ: до бесконечности

ОПЛАТА: 100 000 фунтов стерлингов в неделю

Я откидываюсь назад на своём стуле. Сто тысяч в неделю? Там должен быть какой-то подвох. Наблюдение? Я давно не брался за такие миссии, и я не уверен, что сейчас это хорошая идея, и не по какой-то другой причине, кроме того, что речь идёт о дочери Тревора

Логана — безжалостного бизнесмена, который уничтожал каждого на своём пути к вершине.

Я читал про него в газетах, совсем недавно. Судебный процесс, когда его обвинили в подавлении миноритарного акционера фирмы, которую он купил. Конечно, он победил. Он всегда побеждает, а пресса всегда поддерживает его. Этот человек невероятный лицемер, и я не могу представить, что его драгоценная доченька чем-то от него отличается. Люсинда, должно быть, спятила.

Она должна думать лучше. Она знает моё прошлое. Ужасы, каждую грязную маленькая деталь. Такая работа потребует постоянного наблюдения, полной невидимости. А с такой женщиной? Да ни за что. Я бы в итоге придушил её... или, что похуже. Постоянные напоминания о другой женщине, которая обладала такими же качествами, могли усилить мои флешбэки.

Я стараюсь привести мысли в порядок, до того, как они успели убежать туда, где я не смогу их контролировать.

«Не соглашусь даже за миллион», — печатаю я ответ.

— Ты только начала мне нравится, Люсинда, — тихо говорю я, выдыхая.

Пьянство и траханье просто не прекращаются из-за отсутствия заданий, но посылать мне это предложение просто глупо. Она пытается меня убить? Я собираюсь нажать кнопку отправить, когда появляется панель поиска Google

— Чёрт, — бормочу я, набирая несколько слов в окне поиска.

Я сразу же ненавижу то, что вижу. Женщина чуть за двадцать, с тонкими ногами и опасно соблазнительной улыбкой. Её длинные светлые волосы беспорядочно растрёпаны и заплетены через плечо, когда она потягивает шампанское на вечеринке в саду, в окружении, пускающих на неё слюни, мужчин.

Я был прав. Прямо сейчас это худшая женщина, и я определённо не должен вмешиваться дольше, чем мне нужно, прежде чем она вытрахает мне мозг.

Тем не менее, когда я должен был закрыть окно и вернуться к своему ответу Люсинде, я обнаружил, что вместо этого бездумно нажимаю на другие изображения. Я просмотрел десятки фотографий, на которых она выходила из очередного клуба, с вечеринок или прогулок по улицам Лондона с кучей пакетов с покупками, отягощающими её.

Есть и профессиональные снимки, в основном для модных брендов и дизайнеров.

Я нахмуриваюсь, когда на экране появляется ссылка Википедии. У неё есть чёртова страница в Википедии? Я вздыхаю, но всё равно нажимаю на ссылку и продолжаю читать.

Камилла Логан, младший ребёнок делового магната Тревора Логана и известная тусовщица. Родилась 29 июня 1991 года, изучала моду в Лондонском колледже, до того, как начала работать в Elite Models. Живёт в центре Лондона и является постоянным лицом в социальных сетях. Романтические связи включают Себастьяна Питерса, наследника «Peters Communications». У Камиллы типичные модельные параметры: 5 футов 8 дюймов, (прим. — примерно 175 сантиметров), размер бюстгалтера «3 °С» и «25 талия» (прим. — бёдра, грудь, талия практически 90/60/90). Светлые волосы, голубые глаза. После грубого расставания с Питерсом в прошлом году, Камилла поступила в клинику Приорат, чтобы преодолеть зависимость от кокаина. С тех пор она занялась своей модельной карьерой и представляет такие бренды, как Карл Лагерфельд, Gucci и Boss.

Я в шоке откинулся на спинку стула.

— Они дают ей чёртову статистику? — моё сознание искажается, когда я возвращаюсь к своей электронной почте и добавляю:

«P.S. Ни за что. Я пас!»

Я не добавляю спасибо. Люсинда, должно быть, спятила. С этими мыслями я захопываю ноутбук.

Я вращаю янтарную жидкость в бокале, наблюдая, как гладкий напиток наполняет бокал. Сколько я выпил сегодня вечером? Десять? Одиннадцать? Я выпиваю свой виски и хлопаю пустым бокалом по стойке. Бармен немедленно наполняет мой бокал, и я киваю в знак благодарности.

Я знаю, что женщины здесь смотрят в мою сторону, и все они хотят, чтобы я поднял глаза, чтобы они могли поймать мой взгляд. Но если я дам кому-нибудь из них хоть намёк на внимание, ночь закончится тем, что большинство из них делали в последнее время. Чёрт, До свидания и пощёчина. И повторить. Я просто хочу выпить сегодня вечером. Просто выпить.

Я начинаю тереть глаза. С отсутствием отвлечений, будь то задание или женщина, чтобы трахаться. Борьба, чтобы помешать моему разуму бродить по прошлому, тёмным страшным местам — это битва, и никак иначе.

Лица начинают мелькать в моей голове, лица, которые преследуют меня каждый божий день. Взрывы гремят в моём мозгу, и моё сердцебиение начинает набирать обороты.

— Твою мать, — я дышу, поднимаю голову и обнаруживаю женщину, строящую мне глазки из-за стойки. Она — это передышка от моих личных пыток, которые я собираюсь перенести. Но когда я поднимаюсь со стула, чтобы подойти ближе, оглушительный звук разбитого стекла заставляет меня схватиться за стойку, чтобы успокоиться.

Моё сердце стучит в моём долбаном горле, мой разум отчаянно мечется в знакомых сценах. Разбивающиеся окна, взрывы от вражеского огня, крики страха. Я пытаюсь отговорить себя, мои взгляды устремляются вокруг бара, чтобы напомнить себе, где я. Бармен прокликает меня, и я оглядываюсь, чтобы увидеть, как он смотрит на разбитое стекло у его ног.

— Эй, красавчик.

Мои глаза стреляют в мою сторону и находят соблазнительно улыбающуюся женщину с другой стороны стойки. Я ничего бы так не хотел, как схватить её, оттащить в свою квартиру и трахнуть, пока моё сердце не забьётся по другой причине. Я не вижу её лица. Я могу видеть только моё прошлое. Это не работает. Я кидаю на стойку несколько купюр и ухожу.

Достаю из внутреннего кармана куртки таблетки и откручиваю крышку. Мне нужно на чём-то сосредоточиться, и как можно быстрее. Воспоминания становятся всё более частыми, а мои таблетки — всё менее эффективными.

Если так будет продолжаться дальше, я возьму комнату Камиллы Логан в Клинике Приорат. Я вернусь туда, где я был четыре года назад. Я потерял и мне ничего не остаётся, кроме как постоянно мучить себя и переживать свои ночные кошмары. Они никогда меня не покинут, но я могу их ограничить. Мне просто нужно отбросить своё личное дерьмо в сторону и увидеть Камиллу Логан, такой, какая она есть.

Работа. Нужно сосредоточиться на миссии. Это оно. Это всё, что у меня есть.

Я достаю свой телефон и набираю Люсинду.

— Как раз собиралась звонить тебе, — говорит она в приветствии.

— Я принимаю предложение Логана. Я возьмусь за работу.

Мне наплевать, кто мой клиент. Женщина, ребёнок, даже грёбанная обезьяна. Мне просто нужно работать. Ничто не может быть хуже этого.

— Хорошо, — просто отвечает она, не придавая этому большого значения. — Спасибо, что ты избавил меня от необходимости дать тебе пинка под зад.

Моё сердце начинает немного расслабляться.

— Кто-то же должен, — бормочу я.

— Где ты?

— Челси.

— В баре?

— Уже ухожу.

— С кем? — с усмешкой спрашивает Люсинда.

— Ни с кем.

Она смеётся, как будто она не верит мне. Хотя, несомненно, так и есть.

— Выспись, Джейк. И будь в Башне «Логан» завтра в три. Утром сто тысяч будет зачислено на твой счёт.

Она вешает трубку, и я отправляюсь домой, теперь мои мысли сосредоточены на предстоящей работе и только на ней. Я лучший в охранной фирме, на которую работаю. Я не бросаю слов на ветер. Это факт.

Если вы хотите защитить кого-то, вы нанимаете меня. У меня безупречный послужной список. И я планирую продолжать в том же духе.

Я снова в игре.

Глава 2

Ками

— Камилла!

Я оборачиваюсь на звук своего имени, мои сумки кружатся вокруг меня, создавая, что-то похожее, на огромную тщательно продуманную иллюзию бумажной пачки. Я улыбаюсь, когда вижу, как Хизер торопится ко мне, её глаза сияющие и взволнованные. Поднимая руку к лицу, я стаскиваю свои солнечные очки, прежде чем вес моих покупок заставит меня опустить руку.

— Привет! — почти пою я, соответствуя её взволнованному настроению. — Сегодня не работаешь?

Счастливое лицо Хизер грустнеет, как раз перед тем, как она обнимает меня. Я не могу обнять её в ответ из-за неприличного количества сумок в моих руках, но я ни капли не сожалею. Ей понравится то, что я ей покажу.

— Они уволили меня, — обиженно выплёвывает она, прижимая меня ближе к себе.

— Вот чёрт! Что случилось? — спрашиваю я, когда она отпускает меня, перекидывает свои блестящие каштановые волосы через плечо и поправляет сумочку от Шанель.

— Вечер вторника. Вот что произошло. — Она обнимает меня руками и начинает вести нас по Бонд-стрит.

— О-о-о-о. — Вечер вторника возвращается ко мне. Или что я могу вспомнить из того вечера. Шампанское. Много шампанского и несколько сомнительных танцевальных движений в нашем любимом баре.

— Да, о-о-о, — изображает она, слегка улыбнувшись мне. — Вчера я пришла на работу вовремя, вот только не смогла перестать веселиться. Всё было размыто.

Я смеюсь, представляя, как она щурится на мониторы за камерой.

— Веселье — одно из важнейших условий счастливой жизни, дорогая.

Мы переходим дорогу и направляемся к кафе. Мне нужен чай со льдом и побыстрее.

— И что теперь? — спрашиваю, позволяя всем сумкам выпасть, из моих ноющих рук.

Хизер усаживает свою аккуратную задницу на стул.

— Теперь я могу сосредоточиться на нашей мечте, Камилла!

Её глаза горят от возбуждения.

— Есть какие-нибудь новости?

— Да! У нас есть другой заинтересованный инвестор, — говорю я ей, пытаюсь казаться спокойной. Я не могу позволить себе быть в восторге от возможности создать нашу линию одежды с нуля. Нет, пока у нас не будет твёрдой сделки на столе. Мы уже совершали эту ошибку прежде. Мы почти подписали договор, когда я заметила пункт, который не был упомянут на переговорах. Кое-что о пошиве одежды определённого размера, что, в основном, означало, что любая женщина, имеющая даже малейший изгиб или намёк на задницу, не сможет носить нашу модную линию. Это было соглашение, и мы с Хизер очень серьёзно к этому относились. Мы ясно дали понять, что наша одежда должна быть доступна каждой женщине независимо от формы и размера. Инвесторы не сдвинулись с места, и мы тоже.

— Они очень заинтересованы.

— Правда? — она широко улыбнулась мне.

— Правда! — подтверждаю я, не в силах удержать себя от улыбки, но я так нервничаю. На данный момент, мы всего лишь два симпатичных личика с телами, которые хорошо смотрятся в одежде и без неё. Я люблю свою работу модели, но я очень хочу доказать всем, в том числе и моему отцу, что я могу быть не просто манекенщицей. Я знаю, что Хизер чувствует то же самое. Ни одна из нас не желает идти на компромисс в отношении нашей мечты, и, кроме того, мы не готовы принять какое-либо финансирование от наших отцов. Папа Хизер тоже обеспечен. Не настолько обеспечен как мой, тем не менее, он непристойно богат.

— У нас встреча с моим агентом завтра. У неё есть несколько вещей, чтобы обсудить с нами.

— Я буду там! — она ухмыляется и указывает на мои сумки. — Что ты там купила? Что модного для Камиллы Логан и Хизер Портер? Ты ведь понимаешь, что мы сможем носить наш собственный лейбл, когда он будет доступен.

Меня волнует эта мысль. Выбор ткани, разработка дизайна, создание качественных и доступных изделий. Мода движется слишком быстро, чтобы женщины могли тратить целое состояние на последние тенденции.

— Просто платье для празднования двадцать пятого дня рождения Саффрон. — Я вынимаю сумку из сумки. — И некую ткань, которую я взял в Камдене, на которую я хочу, чтобы ты взглянула. Это будет потрясающее платье. — У меня уже есть дизайн в моей голове, и я просто знаю, что мастерство Хизер в пошиве одежды будет потрясающим.

— Холодный чай?

— Да. Пожалуйста. — Она продолжает рыться в моих пакетах.

Я всё ещё чувствую напряжение от моего баловства во вторник вечером, моя кожа стала менее сияющей и мягкой. Я беру бутылку воды и выпиваю её, прежде чем подойти к прилавку. Мне нужно увлажнение и возможно чистка лица. Господи, мне двадцать пять лет, а я уже чувствую, что прошла через всё, что касается общественной жизни в Лондоне.

— Привет, мне обычный чай со льдом и обычный со льдом и лимоном. Спасибо, — говорю я девушке официантке, доставая десятку из сумочки. — О, и воду.

— Боже мой! — выдохнула она, почти заставив меня подпрыгнуть. — Вы Камилла Логан, не так ли?

Я чувствую, как мои щеки вспыхивают. Я поднимаю на неё глаза и вижу лицо, пронизанное страхом. Это и лестно, и неловко.

— Да, — подтверждаю я, надеясь, что она не сделает из этого большого дела.

— В жизни вы ещё красивее. Я вам так завидую! У вас просто идеальная жизнь.

Я напряжённо улыбаюсь. Отлично. Чудесно. Просто прекрасно. Ей, должно быть, лет семнадцать. Она даже не представляет. Никто понятия не имеет о постоянной битве за то, чтобы сосредоточить свой ум на своём будущем, а не на своём прошлом. Властного отца, который пытается контролировать мою жизнь или вызова, с которым я почти ежедневно сталкиваюсь на социальной сцене Лондона, движимой кокаином и шампанским. Это частные битвы, которые останутся частными. Слишком много моих сражений уже было передано миру... и моему отцу.

— Ты очень милая. — Я напрягаю всю свою искренность, несмотря на то, что она, на самом деле, очень милая. Наивная, но милая.

— О, Боже, спасибо! — она почти летает от счастья, такая взволнованная. Мой заказ готов в рекордно короткие сроки. Передавая мне напитки, её лицо светится от гордости, на немного наклоняется.

— Ваши напитки за мой счёт. Всем расскажу, что купила напитки самой Камилле Логан!

— О, нет, не стоит! — я качаю головой, в упор отказываясь принять её добрый жест.

— Я плачу за напитки, но всё равно спасибо.

— Нет! — она делает шаг назад и непреклонно складывает руки на груди с дерзким блеском в глазах.

Я не собираюсь спорить с ней, поэтому я выбираю единственный вариант. Я достаю из кошелька ещё одну десятку, затем кладу их обе на прилавок:

— Теперь ты можешь сказать людям, что Камилла Логан купила тебе напиток!

Я слышу её визг восторга, когда я сажусь за столик. У Хизер в руках стопки невероятного материала, который я нашла, она до почти до середины размотала рулон из бархатной ткани.

— Все хорошо? — спрашивает она, складывая его обратно.

— Очень оживлённо. — Я отдаю ей чай со льдом, когда она смеётся, вытягивая шею, чтобы взглянуть на официантку.

— Ура, наконец-то! — восклицает Хизер, выпивая чай. — Я уже люблю этот материал!

— Он потрясающий, не так ли? — я помешиваю лёд соломинкой и отдыхаю на металлическом стуле, моя кожа впитывает солнечные лучи. Я думаю, расклешённая к талии...

— Пышная юбка. — Хизер заканчивает за меня, улыбаясь.

— Да!

Вот почему я люблю её, и почему мы такие идеальные деловые партнёры. Мы идеально синхронизированы с нашими мыслями и идеями.

— Я сделаю эскиз к концу недели.

— Буду с нетерпением ждать.

— Отлично. И нам нужно договориться о посещении поставщика ткани, о котором ты мне рассказывала. — Я беру свой дневник и пролистываю страницы. — На следующей

неделе?

— Конечно. Не похоже, что я теперь занята на дневной работе.

Я смеюсь. Она звучит опустошённой.

— Тогда я позволю тебе это устроить. — Взглянув на мой чай, я замечаю, что лёд быстро тает. — Что ты наденешь на вечеринку Саффрон?

Она наклоняется, побуждая меня сделать то же самое. Любой, кто смотрит, подумает, что она собирается раскрыть что-то сочное в отделе сплетен.

— Я думала о красном платье и золотых каблуках.

— Хороший план, — быстро заявляю я.

— А ты?

— В противном случае ты не смогла бы помочь мне с этой сумкой? — спрашиваю я, протягивая руку и вытаскивая моё новое платье.

— Это было бы грубо, — фыркает она, расширяя глаза, взяв в руки прекрасную чёрную фигуру. — Ух ты, как оно мне нравится!

— Мне тоже! — соглашаюсь я.

— Ух. Оно короткое. — Она играет бровями, и я сразу понимаю суть.

Папарацци.

С фотографами, бродящими по ночам, мы все полностью осознаём потенциальный ущерб, который может нанести неправильная фотография, если она появится в журнале на следующей неделе. Как твоё платье, поднимающееся и показывающее эту слишком большую ногу, или, не дай Бог, немного целлюлита. Это мягкий пример в грандиозной схеме вещей, как бы это ни раздражало. У прессы есть более отвратительная сторона, более разрушительная и, к сожалению, я была на этой стороне в особенно трудное время в прошлом году, когда Себастьян и я расстались. Я знаю, что папа заплатил многим газетам, чтобы они не печатали фотографии. Будь то деньги или обещания. Но его связи и отношения не простирались до глянцевого журналов. И там было слишком много моих фотографий.

Я вздрагиваю, вспоминая, как безнадежно себя чувствовала, насколько чёрным был мой мир, и как я была разочарована в себе. Себастьян сделал это со мной. Втащил меня в свою наркотическую дымку и чуть не испортил. Он взял мои деньги, когда потратил свои, а родители отвернулись от него; его неоднократно арестовывали за вспышки насилия, алкоголя и наркотиков; и когда ему не с кем было набраться, я всегда была под рукой. Я надеюсь, что он никогда не вернётся в Лондон. Я надеюсь, что он никогда не выйдет из реабилитации. Я никогда не хочу видеть его снова.

— Камилла? — мягкий голос Хизер пугает меня, и я прыгаю на стуле, пытаюсь сосредоточиться на моей лучшей подруге. — Где ты была?

— Нигде. — Я смотрю вниз на свой стакан и обнаруживаю, что выпила всё, пока блуждала в стране сожалений. Я чувствую, как Хизер наблюдает за мной, возможно, с грустной улыбкой на лице, несомненно, после того, как пришла к правильному выводу.

Я поднимаю глаза и улыбаюсь ей, и она улыбается в ответ, протягивая руку

— Он ушёл, — шепчет она, крепче обнимая её.

Я киваю и медленно выдыхаю, собираясь. Хизер прошла через всё это со мной, она знала про все мои ошибки. Благодаря средствам массовой информации мир узнал о моей путанице с кокаином, но они не знали о привычке Себа выражать на мне свой гнев. Это происходило за закрытыми дверями. Хизер сложила всё вместе, и после того, как я умоляла её, она не сказала ни душе. В сообщениях прессы мой гиперопекающий отец уже начал

испытывать перегрузку, расшатывая независимость, за которую я так боролась. Хизер помогла вернуть меня на правильный путь. Мы родственные души. Лучшие друзья детства. Каждый шаг нашей жизни был сделан бок о бок. Я надеюсь, что это никогда не изменится. Хизер — единственный человек на земле, который знает подробности моих отношений с Себастьяном. И я планирую продолжать в том же духе.

— В любом случае! — она отпускает мою руку и хлопает в ладоши. — Представляешь поездку в «Харви Николс»? *(прим. — «Харви Николс» — это универмаг, продающий товары класса люкс, и он занимается этим уже почти 200 лет: «Харви Николс» основан в 1831 г. Исходно это был небольшой магазин в фешенебельном районе Лондона, который торговал бельем, но постепенно разросся и сейчас занимает целый квартал и персональную строчку в модных журналах).*

Мои плечи уныло опускаются. Я очень хочу этого, но не могу. И я злюсь из-за этого, потому что я должна сделать кое-что гораздо менее волнующе.

— Меня ждёт мой отец. — На самом деле, меня вызвал его личный помощник, но кого это волнует. Он ждёт, поэтому я ухожу.

Её лицо искажается.

— Он снова попытается заставить тебя встретиться с каким-нибудь скучным деловым партнёром?

Моё лицо совпадает с Хизер при мысли, что папа придумал для меня очередное состязание на небесах. Богатые. Они всегда богаты и смертельно скучны.

Я встаю и собираю свои сумки, наклоняясь, чтобы поцеловать Хизер в щеку.

— Я бы предпочла засунуть горячие угли в глаза. Хочешь зайти куда-нибудь?

Она подставляет свою щеку для поцелуя.

— Нет, Саффрон встречает меня. Ей нужно найти наряд на день рождения.

Я раздражённо проворчала, желая присоединиться к ним, и направилась по улице, чтобы забрать мой «Мерседес С63». Весь путь к Башне «Логана» я потратила, отчаянно пытаюсь собрать немного сил, чтобы пережить «встречу» с моим отцом.

Что в основном означает, что моя бедная голова очень сильно заболела.

Глава 3

Джейк

Пройдя сквозь стеклянные двери в Башне «Логана», я не удивляюсь, обнаружив в холле рентгеновский аппарат и сканер багажа. Если они думают, что это помешает мне пронести в здание оружие, то они просто идиоты.

Я спотыкаюсь рядом с ошеломляюще красивой латиноамериканкой, не сводя глаз с охранника.

Серьёзно блин?

Всё это высокотехнологичное оборудование для обнаружения и при этом парень в возрасте используется для его мониторинга? Я в смятении качаю головой. Он должен быть готов к выходу на пенсию. И он смотрит на женщину рядом со мной, а не на меня — метр 90 с лишним — высокий, опрятный парень со спрятанным Хеклером VP9.

Он не знает, что у меня есть скрытое оружие, но я определённо представляю большую угрозу, чем миниатюрная красавица, которая теперь касается моей руки, не обращая внимания на наполненный похотью взгляд охранника, потому что её глаза мечтательно смотрят на меня.

Я стараюсь прижимать наши руки чуть-чуть ближе, заводя её внутрь. Я слышу, как она

затаила дыхание. Затем я делаю шаг, резко останавливаясь и поворачиваясь, как будто я что-то забыл и, как бы случайно сбивая её сумку с плеча.

Мне легко удаётся этот ход.

Она взвизгивает, роняет сумку и отшатывается назад. Я просто ловлю её за руку и успокаиваю, прежде чем ослабить хватку. Содержимое её сумки рассыпается у её ног, и я пытаюсь быть тем «джентльменом», которому она скорее поверит.

— Извините, — говорю я, собирая некоторые из её вещей. Она, как и планировалось, присаживается со мной на пол, и ей понадобится гораздо больше времени, чтобы поправить свою облегающую рубашку, чем мне собрать её вещи. Про себя я отмечаю, что материал рубашки слишком тонкий, облегающий. Она явно любит демонстрировать себя.

— Нет проблем, — отвечает она, когда к нам присоединяется пожилой охранник, пытающийся присесть, чтобы помочь, и надеюсь, похвалить темноволосую красавицу. На ней практически написано «Трахни меня», я не мог бы написать это лучше. Я протягиваю руку к спине и вынимаю пистолет, быстро осматривая его, а затем с силой направляю его по мраморному полу с внешней стороны рентгеновского аппарата. Он плавно останавливается прямо под сканером багажа на другой стороне.

— Вот возьмите. — Я передаю даме её сумку и делаю приличное лицо. Я помогаю охраннику встать, прежде чем он что-нибудь себе сломает. — Всё в порядке?

— Всё великолепно!

Он смеётся, его грудь распухает, когда он стряхивает мою руку помощи. Я улыбаюсь изнутри. Я на самом деле улыбаюсь, и это по-настоящему. Он смотрит на меня как на соперника. Ему хорошо за семьдесят, у него много избыточного веса и он видит меня — тридцатипятилетнего потрёпанного, известного телохранителя — угрозой. Он реально гордый человек.

— После вас. — Я протягиваю руку в знак того, что женщина пройдёт вперёд, как только охранник займёт свою позицию.

Её улыбка. Клянусь, если бы во мне было двадцать «Джеков», и это были ранние часы, я мог бы принять эту улыбку за вопиющее предложение. Я сунул руки в карманы, когда она подошла к сканеру багажа, оценив бесстыдное, соблазнительное колебание её большой задницы, когда она уходила.

Я смеюсь себе под нос, но наслаждаюсь шоу, пока оно длится, когда я поднимаюсь и освобождаю свои карманы от телефона, ключей и кошелька, аккуратно кладя их в лоток на сканере багажа. Потом я спокойно прохожу через рентгеновский аппарат позади неё. Старикашка даже не смотрит на меня. Он даже не услышал бы сигнализацию, вздумай я её включить. Он слишком потрясён этой пышной задницей, направляющейся к лифту.

— Все чисто, можете проходить, — бормочет он, коротко глядя мне в глаза, затем подходит к стулу и хмыкает, садясь на сиденье.

Чисто? Он понятия не имеет. Я собираю свои вещи, а затем опускаюсь, чтобы завязать гипотетический шнурок, выхватываю пистолет и убираю его обратно на своё законное место. Затем я подхожу к лифту и присоединяюсь к красавице, глядя на индикаторы пола и соединяя мои руки за спиной.

— Хороший галстук, — размышляет она, протягивая руку и поглаживая шёлк, покрывающий всю длину моего торса.

Я не могу сдержать улыбку от её дерзости, мои глаза опускаются, чтобы увидеть, как её пальцы ласкают материал.

— Женщина, которая знает, чего хочет, — тихо говорю я, встречаясь с ней глазами.

— Некоторые мужчины находят это привлекательным.

Она прикусывает губу, осторожно трогая мою грудь, отпуская галстук.

— Действительно? — я смеюсь себе под нос над её притворной невинностью.

— Очевидно.

Двери в левом лифте открываются, и захожу внутрь перед ней. Теперь нет необходимости в джентльменских манерах. Она послужила для моей цели. Я поворачиваюсь и нажимаю кнопку для пятидесятого этажа.

— Плохо, что я не один из них. Это было бы приятно. — Я дерзко подмигиваю, ловя её обалдевший взгляд, прежде чем зеркальные двери закрываются. Ну вот! Теперь я ублюдок для ещё одной столкнувшейся со мной женщины. История моей жизни. Или, по крайней мере, последние четыре года.

Лифт быстро несёт меня на вершину Башни «Логана». Двери открываются, и я выхожу в небольшое пространство, где каждый метр белого цвета. Я чувствую, как мне мгновенно становится холодно. Белые мраморные полы, белые стены, разбавленные лишь несколькими абстрактными холстами, одинаково холодными, и огромная белая стойка администратора.

— Сэр. — Высокий, восхищённый тон привлекает моё внимание к женщине за столом. — Могу я чем-нибудь помочь?

— У меня в три часа встреча с мистером Логаном. — Я сканирую местность, отмечая камеры на каждом углу. Я бы поставил свою жизнь на то, что сейчас он следит за мной. Я выпрямляю спину, мои руки соприкасаются позади меня, когда я возвращаю глаза к секретарше.

Она расправляет плечи и поднимает трубку.

— Мистер Логан, у меня здесь мистер... — она замолкает, выслушивая ответ с другой стороны. Она выглядит удручённой, и встряхивается только тогда, когда я слышу громкий голос мужчины на том конце. Она заметно съёживается, прикрывая динамик ладонью. — Я не расслышала вашего имени.

— Это потому, что я не назвал своё имя. — Я произношу это и смотрю, как она умирает на месте.

— Ваше имя?

Я щёлкаю пальцем по задней части её компьютера.

— Разве это тебе не сказало?

— Вас нет в системе. — Она теряет терпение, а я вновь охреневаю от сложившейся ситуации. В который раз за сегодня? Для чего?

— Джейк Шарп. — Я избавляю её от страданий, и она быстро убирает руку с приёмника, её тело расслабляется с облегчением.

— Мистер Шарп, сэр. Джейк Шарп. — Она вскакивает со стула, уронив трубку.

Кажется, репутация Логана опережает его. Мне было бы её жаль... если бы я был из сострадательных. А я не такой. Она карабкается за телефоном. — Да, сэр! — хлопнув, она опускается на стул и сглатывает, закрывая глаза. — Последняя дверь слева. — Она указывает вниз по коридору.

Я просматриваю несколько развешанных холстов на своём пути, и сморщиваю нос от плохого вкуса этого пресловутого бизнесмена. Все они выглядят как капли красок разбрызганные случайно. Я уверен, что моё персональное восприятие задушат любители искусства, но я говорю, что вижу. И я вижу беспорядок.

Я только поднимаю кулак, чтобы постучать в дверь из красного дерева, как слышу короткое требование:

— Войдите! — я откидываю руку назад и бросаю взгляд через плечо, увидев камеру, установленную на стене рядом с дверью его кабинета.

— Долбаный Большой брат, чёрт возьми, — бормочу я, берясь за ручку и проталкивая свой путь внутрь. Я не знаю оскорбляться мне или впечатляться, когда я нахожу его в окружении двух обезьяноподобных мужчин.

— Добрый день, — я говорю вежливо, бросая обученный взгляд на огромных зверей, осторожно смотрящих на меня.

Логан подходит к стулу перед своим столом.

— Садитесь, Шарп.

Мягко закрыв дверь, делаю осторожный шаг, чтобы дать его обезьянам ложное чувство безопасности, сосредоточив внимание на мистере Логане, но запоминая каждую деталь его кабинета.

Я расстёгиваю пиджак и спокойно опускаюсь в кресло. Я не достаиваю мальчиков-обезьян даже мимолётным взглядом. Это скажет им, что они мне угрожают. На самом деле нет. Одни мускулы и никаких мозгов. Бьюсь об заклад, ни один не мог поддерживать спринт дольше пяти секунд.

— Рад знакомству, — я откидываюсь, расслабляясь в своём кресле. Вражда, которая исходит от двух мужиков, пронзает мою кожу. Я им не нравлюсь. Хорошо. Я здесь не для того, чтобы меня любили.

— Ваша репутация впечатляет. — Логан берёт файл и пролистывает, делая вид, что просматривает его. Он ожидает, я подумаю, что это куча информации для меня. Меня смущает такая уверенность. В этом файле ничего нет, но указывать на это идиоту было бы глупо. Он слишком хорошо платит мне.

Играй в его игру, Джейк.

— Я никогда не подвожу. — Нет смысла быть скромным. Моя репутация действительно впечатляет, и каждый, кто ценит безопасность, знает это.

И это одна из немногих подробностей, которые кто-либо знает обо мне. Всё остальное засекречено.

Он отбрасывает бесполезную папку в сторону, вставая со стула. Его фотографии даже близко не отражают реальности. Он ещё страшнее во плоти.

Камилла Логан явно получила свою внешность от матери, второй отчуждённой жены Логана, что я быстро обнаружил после подробного поиска по ней. Мать Камиллы — была студенткой, наверное, на двадцать лет младше Логана.

Жена номер один, скромная, на десять лет моложе его и мать его сына — сводного брата Камиллы, Ти Джея — была отброшена после появления матери Камиллы. Она бежала из страны в свою родную Россию, потеряв опеку над Ти Джем в грязном суде, оставив сына в руках безжалостного отца.

Я также проверял и Ти Джея. В отличие от Камиллы, он был достаточно неудачлив, чтобы унаследовать внешность папаши, а не прекрасной русской мамы.

Теперь Тревору Логану, которому в этом месяце исполняется шестьдесят лет, принадлежит третья жена. Женщина, ради которой он оставил мать Камиллы. Она даже моложе, чем Камилла и Ти Джей.

— Вы получили аванс? — спрашивает Логан, подходя к окну, спиной ко мне.

— Да, — просто отвечаю я, избегая благодарности за это. Нам нужно создать ровную рабочую площадку, и я, выражая благодарность, не придаю этому значения. — Когда мне начинать?

— Немедленно. — Он поворачивается и подаёт знак одному из своих людей, который быстро берёт файл со стола Логана и приносит его мне. — Всё, что вам нужно знать о Камилле, содержится в этом файле.

Обезьяна № 1 держит его, угрожающе нависая надо мной. Любой нормальный человек будет стоять, чтобы избежать такого возвышения. Я не нормальный мужчина. Я достаю файл и кладу кончики пальцев в конец, ожидая каких-либо признаков того, что он собирается выпустить его. Нет никаких признаков, ни намёка на то, что он намерен передать его добровольно. Он хочет, чтобы я дёргал, чтобы я чувствовал его сопротивление. Я закрываю на это глаза, но не собираюсь кормить его эго. Я держу свои пальцы в равновесии, где они находятся, и жду. Я не отступаю, и, похоже, он тоже не отступит. Мы можем задержаться здесь надолго.

— Грант! — лает Логан, явно недовольный, обнаруживая вражду. — Отдай ему чёртов файл!

Грант мгновенно освобождает свою хватку, как испуганный кот, позволяя мне получить досье. Я не наслаждаюсь своей победой. Это поставило бы меня на уровень равный этим двум идиотам. Я положил файл на колени и быстро пролистал.

— Моя дочь очень дорога для меня, — говорит Логан.

Я не смотрю на него не потому, что воспринимаю информацию, а потому, что Логан взял множество семейных фотографий своей дочери, начиная с того момента, когда она была ребёнком, и до сегодняшнего дня. Многие из них я уже видел в интернете. Она всегда была потрясающей. Мои глаза замирают на той, на которой она выходит из клуба. Дата показывает октябрь 2015 года, и она выглядит совершенно ужасно. Бывший. Это снимки папарацци. Интересно сколько заплатил Логан, чтобы скрыть это от прессы? Как бы то ни было, это были потраченные впустую деньги. В Интернете есть ещё много подобных вещей, все из которых показывают, что его дочь выглядит отвратительно, и все это в компании её бывшего парня-наркомана. Я морщусь лицо, закрывая файл, и уделяю Логану моё внимание.

— Так почему именно вы меня нанимаете? — спрашиваю я. Мне известно, почему я здесь, но информация отрывочная. Мне нужно знать больше.

— Чтобы защитить мою дочь.

— От чего ей нужно защищаться, мистер Логан? Были угрозы?

— Ваши услуги являются мерой предосторожности.

Предосторожности? Ага, шас! Я не верю ему. Я очень дорогая мера предосторожности.

— Вам придётся дать мне немного больше, — категорически говорю я, бросая файл обратно на стол, игнорируя его шокированный взгляд. Я предполагаю, что не многие люди говорят этому человеку, как всё будет.

— Я нанимаю вас в качестве личной охраны. Ваша задача — защитить мою дочь.

— От чего, мистер Логан? — этот мужик, редкий мудака. — Чем больше у меня информации, тем лучше я буду работать.

Он фыркает и машет рукой в воздухе одному из гигантов, окружающих его стол.

— Покажи ему.

Я наблюдаю, как один из мужчин берёт белый конверт со стола и передаёт его, на этот раз без признаков сопротивления. Он быстро учится. Я взял его и вытащил развёрнутую

бумагу, обнаружив фотографию Камиллы с буквами, напечатанными под её лицом.

М.Е.Р.Т.В.А (*прим. — D.E.A.D — мертва или ей конец*).

Коротко и ясно.

— Это пришло вчера с курьером, — говорит Логан. — Вероятно какой-то дурак, который оказался на плохой стороне сделки. Угрозы являются частью моей работы. Я расстраиваю многих людей. — Он указывает на своих охранников. — Но никогда не было угроз моей дочери. Как я уже сказал, вы — мера предосторожности. Вы лучший.

Я сомневаюсь, задумчиво проводя большим пальцем по бумаге.

— Вчера, вы говорите? — спрашиваю я небрежно, бросая газету на стол с файлом. Эта бумага слишком чёткая и чистая, чтобы с ней можно было справиться. Здесь нет складок, нет загнутых краёв, нет складок. Она не тронута. Вы можете ожидать чего-то где-нибудь, даже если это крошечный изгиб уголка, учитывая, что это было упаковано в конверт, доставлено и прочтено. Бог знает, сколько людей должно было справиться с этим на пути к пятидесятому этажу Башни «Логана». Здесь же нет ничего такого.

— Да, вчера.

— Имя курьера?

Он пренебрежительно машет рукой в воздухе.

— У нас бесконечная текучка курьеров, доставляющих сюда посылки. Мы не храним записи. Они приходят, кто-то подписывает, и его отправляют на нужный этаж.

Я принимаю его ответ. По крайней мере, мне кажется.

— Выкуп не просили?

— Нет. Ничего такого.

— Значит, хотят напугать вас.

— Многие люди хотят напугать меня, мистер Шарп.

— Я бы просто ограбил вас. — Я небрежно пожимаю плечами, становясь всё более подозрительным с каждой секундой. Что-то тут определённо не сходится.

— У всех разные мотивы. — Он понимающе смотрит на меня взглядом, который мне совсем не нравится. — Полагаю, сейчас у вас щедрая плата, которую я плачу.

Я заставляю свои глаза не сужаться и вместо этого улыбаюсь. Логану не нужно знать, какова моя мотивация.

— Я проверю. Уверен, что вы хотите знать, кто угрожает жизни вашей дочери. — Я возвращаюсь к причине, по которой я здесь.

— Конечно. — Лицо Логана немного искажается от гнева, слегка меня обескураживая. Он выглядит искренне встревоженным. Может даже мысленно составить заговор о смерти того, кто угрожает его дочери. — Я дал вашей коллеге доступ к моей электронной почте и записям.

— Хорошо. — Я мысленно делаю заметку, позвонить Люсинде при первой же возможности, когда забираю досье на Камиллу Логан и снова просматриваю его.

— В файле ничего нет о парне. Он у неё есть?

— Не в данный момент. — Он выглядит довольным этим фактом. — У Камиллы выбор мужчин исторически плох. Хотя я планирую исправить это.

— Да неужели?

— У моего друга есть сын. Пора Камилле начать успокаиваться, и она разумно выйдет замуж. Объединение двух семей было бы... полезным для всех нас.

— Кроме Камиллы, — подчёркиваю я. Что это, устроенный брак из 1800-х годов

— Мистер Шарп, вы здесь не для того, чтобы ставить под сомнение мои деловые решения. — Он смотрит на часы, и я рычу изнутри. Его дочь — это деловое решение? Чёртов мудака.

— Она должна прийти с минуты на минуту. Наверное, лучше, чтобы вас не было, когда я скажу ей, что происходит. Она может быть вспыльчивой. — Он смотрит на меня почти нежно. — Имеет свой собственный разум. Вы же знаете молодых девушек.

На самом деле, нет, я не знаю молодых девушек.

— Вы не сказали ей об этом? — я реально шокирован и озвучиваю это. — Она там одна, без защиты?

— Сначала я хочу, чтобы все были на месте.

Меня трудно удивить. Требуется много усилий, чтобы добиться этого после всего того дерьма, с которым я столкнулся. Но я крайне удивлён сейчас.

— Жизнь девушки может быть в опасности, а она даже не знает? Она сейчас там, передвигается по улицам Лондона в этом блестящем «Мерседесе», и вы позволили это?

— Она упряма, — бормочет Логан почти с сожалением. — Я пытался заставить её остаться с матерью, но она проигнорировала. И я могу вам сказать прямо сейчас, что она не будет рада, что вы за ней следите.

Я выдуваю длинный поток воздуха.

— Я с трудом скрываю себя, — бормочу я себе под нос. Вы можете защитить кого-то, только если он хочет быть защищённым. Я думал, что она хотела быть защищённой.

Я изумляюсь от этих трёх мужчин, мой пистолет прожигает дыру в моей спине, зудя, чтобы я рисовал мишени, целился и стрелял в лоб Тренора Логана — в наказание за то, что он был таким нарциссическим уродом.

— У вас есть полчаса до того, как я уйду, — говорю я через плечо, выходя из себя. Я не верну аванс в сто тысяч. Оплата за неудобства и ещё он вводит меня в заблуждение. Мне нужно, чтобы Люсинда достала мне ещё один контракт. В любой точке мира. Мне всё равно. Пусть просто займёт меня.

Когда я иду по коридору, я достаю телефон из кармана и устанавливаю секундомер.

— Время пошло, Логан, — говорю я себе под нос.

Глава 4

Ками

Башня «Логана». Это место наполняет меня страхом, потому что когда меня вызывают в кабинет отца — это обычно означает, что мне не понравится то, что он мне скажет.

Чем бы это ни было, для меня это будет вторжением в личную жизнь. Для отца, однако, это всего лишь бизнес. Вот почему я в его штабе. Это его рабочее место. Центр его деловых отношений. Если бы сегодня утром речь шла о настоящем времени для отца-дочери, я бы была в его огромном загородном особняке на окраине города. Стиснув зубы, терпела бы его властную нынешнюю жену Хлою и, слушая, пока он наполняет мою голову подробностями о мужчинах, подходящих мне по его стандартам.

Не моим. Его! Это значит, что они богаты, но безумно скучны и им не хватает личности вне бизнеса.

Я ненавижу, что всё ещё чувствую необходимость проявлять храбрость каждый раз, когда я здесь. Я никогда не преклоняюсь перед его необоснованными требованиями и настойчивостью, какими бы они ни были — например, когда он пытался заставить меня изучать юриспруденцию вместо моды, или, когда он пытался записать меня в Лондонский

университет, и я бросила ему вызов и записалась в колледж. Или его попытка связать меня с партнёром по бизнесу, когда я начала встречаться с Себастьяном. Все его жены всегда слушались его, без вопросов, включая мою маму. Я не буду, и он не может развестись со мной из-за этого. Он мой папа, и я люблю его, но он та ещё сволочь.

Я вхожу в его кабинет и смотрю на Питера и Гранта по обе стороны от стола. Они здесь не для вида. Мой отец — безжалостный бизнесмен, расстроивший многих людей на пути к вершине, как в тот момент, когда он выманивал акции у девяностолетнего председателя сети домов престарелых, которую он купил во враждебном поглощении. Человек умер спустя несколько дней, а через неделю после этого было подожжено одно из зданий папы. Или в тот момент, когда соперник отца в борьбе за продажу сети отелей был арестован за сексуальные домогательства по отношению к сотруднику, в результате чего ему пришлось отстраниться. Многие подозревали, что папа заплатил женщине за обвинения. Подозрения остались безосновательными, хотя я и по сей день считаю, что мой отец как-то с этим связан. У меня нет розовых очков. Он чёрствый и безжалостный.

Я сквозь зубы улыбаюсь охранниками и затем сосредотачиваю своё внимание на человеке, сидящем между ними за столом.

— Моя маленькая звёздочка! — для человека своего возраста он встал и неожиданно быстро подошёл ко мне, прежде чем я добралась до кресла. — Обними меня!

Я балую его с подозрением, смотря на его чрезмерный восторг. Я становлюсь более обеспокоенной.

— Что случилось? — спрашиваю я, глядя на Пита и Гранта. Оба уклоняются от моего взгляда. Это не сулит ничего хорошего.

— Ничего, дорогая.

Он отпускает меня и, придерживая за плечи, нежно улыбается. Он снова покрасил волосы в чёрный цвет. Я хотела бы, чтобы он просто признал поражение и принял седину. Он бы выглядел гораздо более выдающимся и представительным, и менее похожим на того, кто пытается не отставать от своей последней жены. И это совершенно невозможно, так как на этот раз он действительно остановился и женился на женщине на год младше меня.

Я вздрагиваю, когда ментальные образы Хлои, жены номер три и женщины, ради которой он бросил мою мать, поглощают мой разум, как лесной пожар. Она потрясающая красавица, но совершенно тусклая. В ней нет Света. Благослови её Бог, она просто хочет быть моим другом. Лично я бы предпочла выколоть себе глаза.

— Садись. — Он практически толкает меня в кресло. Затем он беспокоит меня ещё больше, потому что не занимает свою обычную позицию за своим огромным столом, где он король своего замка. Вместо этого он пододвигает кресло рядом со мной и садится, отрываясь от золотого зажима своего галстука. — Ты сегодня выглядишь особенно красиво. — Он берёт прядь моих волос и задумчиво наклоняет голову. — Я так горжусь тобой, дорогая.

— Ты? — осторожно спрашиваю я. В чём дело? Я снова могу взглянуть на Пита и Гранта. Их лица ничего не выражают.

— И я сделаю всё, чтобы обеспечить твою безопасность.

Ох, блин, ублюдок-фотограф сфотографировал меня у бара? Мелькнули ли мои трусики, когда я сидела в такси? Неважно, если это совершенно невинно. Тысячи молодых женщин выходят на вечеринки каждую ночь в году. К сожалению, для меня, папарацци могут заставить всё это казаться таким неопрятным и грязным. После моего заключения в

реабилитационной клинике, мне нужно только понюхать бутылку водки или моргнуть, чтобы мне сообщили, что я снова на пути к самоуничтожению. Те дни давно прошли, хотя я всё ещё время от времени борюсь, папе не нужно это знать. Он достаточно невыносим.

— Папа. — Я наклоняюсь вперёд, готовая заявить о своей невинности, и ещё раз заверить его, что я никогда не планирую возвращаться в эти тёмные места. — Я не...

— Просто послушай меня на минутку.

К моему большому удивлению и, несомненно, к его, я это делаю. Я замолкаю и позволяю ему сказать всё, что у него на уме, потому что моё паучье чутьё говорит мне, что дело серьёзное.

— Я получил кое-что вчера, — говорит он.

— Кое-что?

Он вздыхает, взяв меня за руки, словно демонстрируя поддержку. Мне это не нравится. Ни капельки! Я видела много настроений моего отца, но я не видела этого. Он обеспокоен.

— Сообщение.

— Сообщение? Что за сообщение?

— Угрожающее.

Я чувствую, как в моём животе пробуждается обида, и он это знает. Я стараюсь как можно дальше отстраняться от дел отца. Я усердно работаю, зарабатываю собственные деньги и стараюсь идти своим путём.

Я могла бы рассмеяться. Моему отцу действительно угрожают. Поэтому у него есть Пит и Грант, находящиеся рядом с ним постоянно. Почему это так беспокоит сейчас?

— И? — спрашиваю я нежно.

— Они угрожали тебе.

Редко бывает, что мне, нечего сказать. Мне не нужно ничего спрашивать. Его слова, плюс его мощный стресс прямо сейчас, когда он держит мою руку, глядя на меня с апологическими (*прим. — Аполóгия — защитительная речь, письмо, сочинение, текст, направленный на защиту чего- или кого-либо. Предполагается, что объект аполгии подвергается внешним нападкам. В настоящее время слово «аполгия» означает чрезмерное восхваление чего-нибудь или кого-нибудь, защиту (обычно предвзятую)*) глазами, рассказывает, что он думает, что это серьёзно.

Мой сводный брат, Ти Джей, работает на нашего отца. Он участвует во всех деловых проектах и идёт по стопам папы как хардкорный бизнесмен, хотя он куда более симпатичен, чем мой отец. Все это говорят. Я его очень люблю, но он процветает, будучи сыном одного из самых богатых и влиятельных людей в Лондоне. Он хочет быть частью всего этого. Это сын нашего отца, это точно. Почему ему не угрожают?

Не то, чтобы я этого хотела, никогда, но это имело бы больше смысла.

— Теперь послушай меня, дорогая. — Мой отец действует с осторожностью, вероятно, ожидая, что в любой момент из моего рта вырвется бомба с руганью. Если бы сейчас я могла составить предложение, я бы заорала, но я не могу. Мой разум — в абсолютной путанице. Что это значит? — Это просто пустые угрозы, я уверен, — продолжает он. — Но я всё же принял меры предосторожности. — Его рука поднимается и касается моей щеки, его толстый большой палец успокаивает меня. — Я не могу быть слишком осторожен со своей маленькой звёздочкой, не так ли?

Я просто смотрю на него, и сквозь туман растерянности и шока мне удаётся понять одну вещь. Он знает, что это не пустая угроза.

— Хорошо, — говорю я.

Он не может скрыть своего удивления. Его дочь, которую он открыто называет «вызывающим живым проводом», только что покорила ему и его мерам предосторожности. Однако после изумления я вижу облегчение, и это только подчёркивает, насколько серьёзным он это считает.

— Хорошая девочка. — Он наклоняется и ласково целует меня в лоб, затем встаёт и требовательно щёлкает Питу пальцем.

— Позовите его.

Я хмуро смотрю на Пита, ловя его резкий кивок большой головы на толстой шее, прежде чем он выходит из комнаты.

Его? Позовите *его*?

— Что происходит? — спрашиваю я, садясь на своё место, когда мой отец опускается на своё.

Он ничего не говорит и вместо этого начинает стучать по-своему iMac, пристально глядя на экран.

— Грант, приготовь мою машину через полчаса.

— Да, сэр. — Грант уходит, не достаивая меня взглядом, оставляя меня и папу одного в кабинете. Я не могу вспомнить, когда в последний раз я была наедине с отцом. У него всегда есть или его помощники, или его тупая новая жена, прикрепленная к нему.

Отдыхая в своём кресле, я смотрю на человека через стол, моего отца, и пытаюсь прочитать его. Теперь я не могу. Всё его беспокойство и стресс, похоже, исчезли.

— Папа, ты...

Дверь в его кабинет распахивается, и моя голова поворачивается. Пит практически заполняет дверной проём, его взгляд хмурый. Да что происходит?

Он входит.

— Сэр, — бормочет он, двигаясь в сторону, показывая...

Мужчину.

Вся влага у меня во рту испаряется. Просто пропадает. Тут сухо как в пустыне, и это лишает меня возможности произносить слова, застрявшие на моём языке.

Кто это, чёрт возьми?

Мои глаза горят смесью восторга и любопытства. О, мой бог, он потрясающий — такой высокий, крепкий под этим серым костюмом, но не громоздкий, его длинные ноги немного раздвинуты, стойка широкая. Он выглядит мощным. Сильным. Чертовски вкусным.

Я открываю рот, собирая немного влаги, постоянно сглатывая, пока мои глаза остаются прикованными к его красивому лицу. Его челюсть равномерно обсыпана тёмной щетиной, короткие, не уложенные волосы совпадают с серыми пятнами на висках. И его глаза. Тёмные, тёмно-коричневые, и они смотрят на меня с такой же интенсивностью.

Я пересаживаюсь в кресле, мой разум кричит на меня, чтобы я сказала хоть что-то. Но ничего не работает, кроме моей способности оценить смехотворно хорошего мужика, стоящего на пороге кабинета моего отца.

Он делает несколько длинных шагов ко мне этими длинными ногами. Моя голова поднимается, когда он подходит ближе. Магнетизм его глаз удерживает меня на месте, пока он не встанет надо мной, прямо и серьёзно. Большая ладонь тянется ко мне, и мои глаза падают на неё.

— Джейк Шарп, — говорит он, эти два отдельных слова словно облизывают всю длину

моего позвоночника и заставляют его распасться на кусочки. Здесь становится чертовски жарко.

Я схватила его за руку, и, увидев мои тонкие пальцы, окружённые его большими способными, меня охватило странное чувство. Моя рука. Она ощущается в такой безопасности, конечно, это глупо.

Он отпускает мою руку, быстро убирая свою. Мои глаза поднимаются к нему, я просто ошеломлённо хмурюсь, пока он поворачивается к моему отцу.

— Нам пора? — категорически спрашивает он.

Присутствие этого странного человека ощутимо. Это заставляет Пита и Гранта и все их мускулистые мускулы казаться смешными.

— Позаботься о ней, — говорит мой отец.

— Она в надёжных руках. — Шарп странно смотрит на свои большие руки и переворачивает их.

Я еле сдерживаюсь, чтобы не схватить их и проследить каждую из множества линий на его ладонях. В надёжных руках. Одна из его рук ощущалась безопасно, обхватив мою, так что я могу только представить, насколько безопасно я буду чувствовать, когда всё его тело окружит меня.

Кто этот Джейк Шарп? Я чувствую, что мои мышцы расслабляются, моё тело тает в кресле. Я могла бы чаще заходить в офис отца, если этот человек сейчас на его стороне.

Возможно, папа заменяет Пита или Гранта. Возможно, он понял, что ему нужна скорость и ловкость, а не накачанные мышцы. Может быть...

Мой ход мыслей сходит на нет, когда слова папы возвращаются ко мне. Заботиться о ней.

Я вскакиваю до того, как узнаю, но мои ноги, не готовы выдержать мой вес. Я шатаюсь прямо на Шарпа, сталкиваясь с его высоким телом. Он не сдвигается с места, оставаясь высоким и стабильным. Его единственными обнаруживаемыми движениями являются незаметные руки, которые быстро поднимаются и ловят меня.

— Осторожнее, — тихо прошептал он, с лёгкостью обращаясь со мной, пока я снова не встану на ноги. — Всё нормально? — он смотрит на меня, но ничего не говорит.

Я сразу начинаю скучать по теплу его широкой груди. Он почти самый совершенный мужчина, которого я когда-либо видела, и это достижение, учитывая, что у меня были съёмки с более красивыми парнями, чем я хочу вспомнить. Но он мужчина. Настоящий мужчина — большой, сильный, зрелый. Чёткий, ярко-белый воротник его рубашки и отлично завязанный серый галстук не могут скрыть первичную энергию, практически фонтаном бьющую от него.

О, Боже!

Я борюсь с некоторым самообладанием и поворачиваюсь к моему отцу.

— Что ты имеешь в виду, присматривай за ней? — спрашиваю я.

— Я нанял Шарпа присматривать за тобой, — объясняет он.

Острый кашель раздаётся рядом со мной, и папа бросается перефразировать свои слова.

— Он твой телохранитель в обозримом будущем. Лучшая защита, которую можно купить за деньги.

— Прощу прощения? Он... — я выкидываю руку в общем направлении Шарпа, и она сталкивается с его твёрдым бицепсом, заставляя меня в шоке отшатнуться. Чёрт, он как живой терминатор.

— Он мой телохранитель?

— Да. — Мой отец решительно кивает.

— Нет! — я смеюсь, глядя на Шарпа. — Без обид.

— Никто пока не нанят, — отвечает он, совершенно равнодушно, словно ожидая, что подвергнется этой маленькой семейной драме. Я отвожу взгляд, не в силах слишком долго сосредоточиться на нем из-за страха загореться страстным пламенем.

Лицо отца напряжено от разочарования, которого не было с тех пор, как я приехала.

— Камилла Логан, это не подлежит обсуждению. Я нанял Шарпа, чтобы защитить тебя!

— Я взрослая женщина, — спокойно говорю я, крепко удерживая свой нрав, который умоляет, чтобы я его отпустила. — У меня плотный график — моделирование контрактов для выполнения, встречи, участи в показах и фотосессии.

Неприличное раздражение, которое выпускает мой отец, делает то же что и всегда, когда он демонстрирует такое пренебрежение к моей карьере.

— Ты имеешь в виду выглядеть хорошенькой для камеры?

— Я договариваюсь о сделке с моей новой модной линией, — добавляю я, сдерживая свой характер. — Я делаю это с нуля, и создаю свой профиль вне моей карьеры модели.

— Камилла, сколько раз я тебе говорил? — вздыхает мой отец. — Ты и твоя тупая подружка тратите время впустую. Там уже есть много модных брендов.

Я стискиваю зубы. Он просто не понимает этого.

— Тогда ещё один не повредит, не так ли? — я перевожу взгляд на неповоротливого мужчину, стоящего рядом со мной. — Я сомневаюсь, что мистер Шарп будет признателен за необходимость перенести простоту моей бессмысленной карьеры.

Шарп краем глаза смотрит на меня.

— Я терплю то, что мне нужно.

— Как тебе прогулка по подиуму? — серьёзно спрашиваю я. Давайте посмотрим, знает ли он о том, что ему предстоит. — Может быть, я могла бы использовать тебя в рамках компании. — Я могу сказать по лёгкому движению его бровей, что он думает об этом. Хорошо.

— Может быть, вы сможете дать мне учебник. — Его лицо внезапно стало таким же серьёзным, как и моё. — Так как вы эксперт.

— Вы предлагаете?

— Вы спрашиваете?

Я только сдерживаю свой пристальный взгляд. Он саркастичен. Я раздражаюсь на себя. В эту игру могут играть двое.

— Примите позу.

— Если вам повезёт, — тихо говорит он, расправляя плечи.

Я поджимаю губы, роясь в уголках моего запутанного разума для умной реплики.

— Я думаю, что ты будешь хорошо выглядеть в юбке.

— Мне говорили, что у меня отличные ноги.

Мои проклятые глаза опустились на его ноги. Длинные, мощные ноги с толстыми бёдрами. Я бросаю взгляд на пол быстро. Как это случилось? Почему я общаюсь с ним?

Я бросаю взгляд на моего отца.

— Я не хочу и не нуждаюсь, чтобы за мной иногда следовал телохранитель.

Шарп сдвигается рядом со мной, прочищая горло.

— Это не будет иногда, — равномерно заявляет он, снова глядя на меня. — Это будет

постоянно.

Если бы я не знала лучше, я бы подумала, что он наслаждается этим.

— Постоянно?

— Двадцать четыре на семь. — В его темных глазах появляется злой блеск, который я хочу выбить. — Я буду следить за каждым вашим шагом.

Я симулирую беспечность и возвращаю своё внимание к отцу, яростно игнорируя волнуемый порыв желания, который почти отклоняет меня от курса.

— Ты не будешь вторгаться в мою личную жизнь, папа, — спокойно говорю я, поднимая мою сумку с пола. — И ты ни в коем случае не говори мне, что делать.

— Я не приму это! — кричит папа. Я даже не вздрогнула. Его терпение истощается. Мне всё равно. Моё тоже.

Я понятия не имею, чего я ожидала, когда отец сказал мне, что принял меры предосторожности в свете угрозы. Может быть, это был бы водитель или комендантский час. Я могла бы жить с комендантским часом. Дай мне комендантский час!

Но его? Я быстро смотрю краем глаза, видя, что Шарп делает то же самое со мной. Я быстро отвожу взгляд. Нет, этого не произойдёт. Чтобы он был около меня двадцать четыре часа в сутки? Всем мужчинам, с которыми я когда-либо работала, приходится много трудиться, чтобы изобразить интенсивность на фотографии. Шарп источает это естественно. Это далеко за пределами мужественности. Это слишком много, чтобы устоять. И это... чертовски, блядь, жарко.

— Я отказываюсь быть в тени одного из твоих миньонов. — Я поворачиваюсь и ухожу, слышу телефонный звонок в сумке, а также хорошо слышимый крик разочарования от моего отца. Пробираясь сквозь огромную сумку, продолжая свой путь, я достаю телефон и вижу сообщение от Хизер.

«Себастьян вернулся в город».

Моё сердце останавливается в груди, а ноги замирают у двери. Я смотрю на сообщение, надеясь, что слова могут измениться и сформировать другое сообщение. Но прочитав его в пятый раз, я всё равно повторяю те же самые ужасные слова. Этого не может быть.

Мой бывший вернулся? Это плохо. Очень плохо.

Я, наконец-то, встала на ноги. У меня ушло чертовски много времени на то, чтобы снова обрести себя, и теперь он вернулся в Лондон, и вся моя стабильность, за которую я борюсь каждый день, чтобы поддерживать её, внезапно становится такой хрупкой.

Я глубоко дышу, пытаюсь сдержать предательские слёзы, которые зажимают мои глаза, и глубоко дышу, но когда я начинаю рассуждать с собой, повторяя себе снова и снова, что я теперь сильнее, чем когда-либо прежде, что-то начинает просачиваться в мой хрупкий внутренний мирок.

Я поворачиваюсь, чтобы противостоять отцу, поскольку всё это встаёт на свои места. Он уже знает, что Себастьян Питерс вернулся в город. Конечно, он знает. Это дело телохранителей — всего лишь тщательно разработанный план, чтобы держать меня подальше от Себастьяна.

Я смеюсь изнутри за его творчество, но его закулидность не такая уж неожиданность. Если ко мне приставлен телохранитель, и этот телохранитель отчитывается перед ним, он, безусловно, будет держать его в курсе моей жизни — то, к чему отец стремится ежесекундно.

Я стискиваю зубы и фиксирую моего грозного отца на месте с раздражённым взглядом.

Разве он не верит в меня? Неужели он думает, что я побегу прямо в руки Себа и позволю ему забить грамм кокса мне в нос?

— Ты действительно совсем меня не знаешь, не так ли? — выплёвывая я, поворачиваясь и уходя.

Глава 5

Джейк

Я поднимаю руку и потираю челюсть, когда вижу, как она исчезает из двери кабинета её отца, и единственная вещь, которая приходит на ум и удивляет меня это то, что я не видел избалованной девчонки. Тут не было никаких признаков самодовольной, эгоистичной красоты. На самом деле, я увидел совершенно независимую, яркую молодую женщину.

Это не то, чего я ожидал, и, откровенно говоря, должно быть облегчением, за исключением моего бьющегося сердца, моего скачущего ума... и моего раздражающе ноющего члена, которые говорят мне не забегать вперёд. Мои ноги внезапно начинают двигаться по собственному желанию, выводя меня из кабинета Логана и преследуя его дочь. Защити её. Это просто, и на какое-то время я буду занят.

Я на автопилоте, мои шаги длинные и быстрые, пока я иду по коридору к лифтам. Но затем я вижу вспышку исчезновения Камиллы за углом, а не в направлении лифтов.

— Чёрт поberi... Мои ноги несут меня за ней, пока мой быстро соображающий мозг не дал инструкции.

Импульс.

Инстинкт.

Доберись до неё.

Я проникаю через дверь на лестницу, тяжёлая деревянная дверь чмокает кирпичную кладку позади и создаёт оглушительное эхо, которое отражается от стен. Я останавливаюсь, борясь с желанием вытащить мой пистолет.

Она просто хочет удрать, я рассуждаю сам с собой. Это всё. Последнее, что мне нужно сделать, это напугать её до полусмерти моим «Хеклером». Я заставляю себя дышать на ступеньку ниже, слушая, и я слышу лёгкие щелчки её пяток.

— *Готова или нет, вот и я,* — бормочу я себе под нос, бросаясь вниз по лестнице. Мои длинные выпады мгновенно поднимают ступеньки вверх, и это всего лишь несколько секунд, прежде чем я замечаю её изящную руку, держащую поручень. Те смешные вещи, которые у неё были на ногах, внезапно — всё, что я вижу в моих мыслях. Глупые фиговины на высоких каблуках. Она ломает свою чёртову шею.

Ни один объект никогда не был ранен в мою смену, случайно или нет. Чёрт её поberi!

Мой темп увеличивается, моя скорость растёт, и облегчение, когда она появляется на виду, когда я обхожу лестничный пролёт, почти душит меня. Это глупая реакция на глупую ситуацию, но у меня никогда не было объекта, пытающегося убежать от меня. Или женщины, если на то пошло. Я пролетаю мимо неё, приземляясь у подножия лестницы, и поворачиваюсь к ней лицом. Чёрт, я потею. Несколько лестничных пролётов, и я чертовски потею. Что со мной?

У неё не было времени, понять, что это я пролетел мимо неё, как бешеный бык. Её ноги не могут остановиться, и она с визгом сталкивается с моей грудью. Мои руки крепко обнимают её, прижимая к себе.

Я тоже задыхаюсь. Я не знаю почему, но её лёгкая фигура, прижатая к моей груди, вызвала вспышку тепла, простирающаяся прямо к... моему члену.

Блядь!

Я освобождаю её прежде, чем буду уверен, что она собралась, и делаю несколько очень осторожных и мудрых шагов назад. Моя челюсть напряжена. Моё грёбаное сердце закичивается. Что это за хрень?

Я прижимаю ладонь ко лбу и зажмуриваю глаза.

Уходи, Джейк. Просто иди нахуй прочь.

Я не знаю, как долго я стою здесь, повторяя твёрдую мантру, но, когда я, наконец, открываю глаза, она всё ещё стоит передо мной, выглядит устойчивой и собранной. Это больше, чем я могу сказать про себя, но её чёткое самообладание заставляет меня возвращать свои мысли в порядок.

Её милый маленький подбородок уверенно приподнимается, лицо решительное. На секунду я позволяю себе полюбоваться её уравновешенностью, думая, что это возбуждает. Затем она говорит, и все мысли о том, как она выглядит сексуально, исчезают с напоминанием о том, почему я здесь.

— Я не согласна с тем, что вы меня преследуете. У меня есть жизнь, и я хочу продолжить её.

— Согласны вы или нет, мы с вами собираемся стать очень близки.

Я сожалею о своём выборе слов сразу, когда её рот открывается... потому что я вижу кончик её розового языка, и это всё, что я могу сделать, чтобы не схватить её и не попробовать. Я снова возвращаюсь, оставляя пространство между нами, как и она. Я использую её необходимость дистанцироваться в моих интересах, не учитывая тот факт, что я тоже отошёл.

— Не волнуйтесь, я не кусаюсь.

Это наглая ложь. Я бы с радостью погрузил в неё зубы...

— Может быть, я кусаюсь.

Мои брови удивлённо поднимаются, прежде чем я могу их остановить. А она быстрая. Ладно, я дам ей это.

— Хорошо, — я сама невозмутимость. — Мне говорили, что я хорош на вкус.

Она немного хмурится.

— Ты выглядишь немного мясистым на мой вкус.

— Конечно. Ты предпочитаешь симпатичного мальчика, не так ли? — я стою прямо и откашливаюсь, словно подчёркивая тот факт, что я самый дальний, которого она может получить от изящных, обтекаемых мужчин, с которыми её изображают.

Она уверенно выходит вперёд, но её глаза определённо изо всех сил стараются не заполучить меня.

— А какой у тебя тип? — она склоняет голову, ожидая моего ответа.

Этот единственный вопрос заставляет меня глотать кашель.

— Ты не хочешь знать, — честно отвечаю я, не испытывая острых ощущений от небольшого расширения её глаз. Я быстро напоминаю себе, почему я здесь, и это не побуждает её. Я снова отступаю, давая нам обоим пространство.

Камилла быстро берёт себя в руки и кладёт сумку на плечо.

— Угрозы нет, не так ли? Мой бывший парень вернулся в город, и это единственная причина, по которой мой дорогой отец нанял тебя.

Моя первая мысль: *наркоман бывший вернулся? Почему я этого не знаю?* Моя вторая мысль: *если он приблизится, я вышибу ему мозги.*

Последняя мысль чисто профессиональная. Потому что это моя обязанность защищать её.

— Угроза очень реальна, мисс Логан.

Я включаю свой профессиональный выключатель. Тот, который всегда включён. Немного неисправен сейчас, я планирую исправить это очень быстро.

— Я не был нанят, чтобы держать тебя подальше от твоего бывшего парня, — говорю я механически, добавляя в голову, что в любом случае я сделаю всё возможное, чтобы сделать именно это. Я видел фотографии Камиллы во время этого краткого расставания. Она была тенью женщины, стоящей передо мной, этой красивой, яркой, соблазнительной женщины.

Соблазнительной?

Ирония не ускользает от меня. Я ежедневно сталкиваюсь с женщинами, которые стараются изо всех сил, чтобы поймать мой взгляд. Эта женщина делает это, даже не пытаясь. И, чёрт возьми, если это не самая привлекательная, *соблазнительная* вещь в грёбаном мире. Я слегка качаю головой, и эти непрофессиональные мысли исчезают. Снова.

— Правильно, — она фыркает и толкает меня мимо, застигая меня врасплох.

Я прижал её к стене за наносекунду.

И после наносекунды мне интересно, что, чёрт возьми, только что произошло.

— О Боже, — выдыхает она, прижимая её обратно к кирпичам позади неё, её свежее дыхание бьёт меня по шее короткими, тяжело дыша.

Я только на секунду считаю, что напугал её. Потом я чувствую, как её закалённые соски вдавливаются в мою грудь через мой костюм. Я вдыхаю, глотаю и повторяю. Снова и снова, сгибая мои колени, чтобы привести её лицо в соответствие с моим.

Что я делаю? Это глупо. Отпусти её. Отойди!

Её глаза широко раскрыты, неуверенные и... мерцают желанием. Это обычно не было бы таким сюрпризом для меня, но я пугающе знаю, что мои отражают её.

Она глотает, моргает и смотрит в сторону.

— Я почти уверена, что физического ограничения меня нет в твоём списке обязанностей. — Она сглатывает.

— Не делай резких движений, — резко бросаю я, отбрасывая все непристойные мысли, которые пронзили её высказывания, вплоть до самых глубоких, самых безопасных глубин моего разума. — Я думал, что ты снова сбежишь. — Я отступаю, и она выпрямляется, ударяя меня мерцающими глазами топаза.

— Поскольку, кажется, я застряла с тобой, давай разберёмся с этим.

Я киваю, соглашаясь, коротко и резко, думая, что это отличная идея. Установить основные правила. Границы.

— Давай сделаем это, — коротко говорю я.

— Не разговаривай со мной, — произносит она, отворачиваясь от меня. — И не трогай меня.

Я снова киваю, легко соглашаясь. Это, наверное, самый безопасный вариант из всех.

Камилла делает паузу на несколько мгновений. О чём она думает?

— Хорошо, — бормочет она, делая предварительный шаг ко мне. — Я не собираюсь убегать сейчас. Просто хочу убедиться, что ты больше не будешь заниматься регби.

Я держу рот на замке и жестом показываю ей путь. Она быстро проходит, и я следую, но сосредотачиваю своё внимание на ней, определяя мою дисциплину и фиксируя её.

Плотнo.

Прежде чем сделать что-то безумно глупое.

Глава 6

Ками

Я всё ещё дрожу внутри, когда выхожу на свежий воздух, не вспоминая ни одного шатания или шага, который мне понадобился, чтобы добраться сюда. Моё дыхание повсюду. Он позади меня, держит дистанцию, но всё ещё слишком близко для комфорта... или моей стабильности.

Я останавливаюсь и оглядываюсь через плечо, обнаруживаю, что он стоит позади меня, его руки сложены за спиной. Он похож на типичного телохранителя, и я огорчена, что он охраняет меня. Хизер взбесится. Или будет ревновать. Я не уверена.

Нахмурившись, я делаю два шага вперёд, затем снова останавливаюсь, снова заглядывая через плечо. Шарп тоже делает два шага, возвращая расстояние между нами до уровня, который он, очевидно, считает удобным. В ста милях от этого человека всё ещё было бы неудобно. На самом деле, пока этот человек находится на одной планете со мной, я больше никогда не расслаблюсь. Я чувствую себя оскорблённой. Моя свобода, моя жизнь, моё счастье... мои чувства. Они все под атакой.

Я делаю ещё два шага и наблюдаю, как Шарп делает то же самое.

— Это просто смешно! — бормочу я, шествуя по дороге, набирая Хизер.

— Думала, ты позвонишь быстрее, — говорит она, выражая определённую обеспокоенность в своих словах. — Что случилось с твоим отцом?

О, она должна быть обеспокоена, потому что, если Джейк Шарп следит за мной, то он также будет следить за моей лучшей подругой, поскольку мы практически застряли вместе. Себастьян вернулся. Угрожающее сообщение. Мой новый телохранитель. За последние полчаса у меня было больше шоков, чем справедливо.

— Он нанял для меня телохранителя. Видимо, против меня была какая-то угроза.

Она кашляет.

— Ты серьёзно?

— К сожалению, да. — Возмущение генерируется в моём животе.

— По крайней мере, это то, что он мне сказал. Теперь, когда ты сказала мне, что Себ вернулся, я подозреваю, что знаю, в чём проблема.

— Хм-м-м.

Я открываю машину и бросаю сумку на пассажирское сиденье, прежде чем сесть на водительское. Я вставляю ключ в замок зажигания и завожу машину, ожидая, пока включится Bluetooth, прежде чем бросить свой телефон на сиденье с моей сумкой, а также жду чего-то другого от моей лучшей подруги.

— Привет? — подсказываю я.

— Я здесь.

— Тогда скажи что-нибудь!

— Ну, я думаю, это тоже возможно. Себ или угроза. Так в чём же дело с твоим телохранителем? — смущённо спрашивает она.

— Он в основном следит за мной всё время.

— Ну, это твоя сексуальная жизнь в дыре.

Она смеётся, и я хмуро смотрю на ветровое стекло. Я не думала об этом. Я была больше обеспокоена моей свободой. Не то чтобы я рассказывала об этом или о чём-то ещё, но, если появится такая возможность, я не хочу, чтобы Шарп стоял у края кровати и наблюдал. Я

вздрагиваю.

— Да чтоб вас всех, — бормочу я с негодованием. — Мне нужно увидеть тебя.

— Я за пределами «Пикассо». Хочешь стакан игристого?

— Да, — я выдыхаю, мешая себе сказать ей заказать бутылку, хотя праздновать особо нечего. — Я только покидаю Башню «Логана».

— Скоро увидимся.

Она вешает трубку, я собираюсь тронуть с места свой «Мерс», но мне мешают ускориться, когда дверь распахивается и появляется голова Шарпа.

— Это должно быть заперто, — коротко указывает он на пассажирскую дверь. Я почти забыла о нём.

Почти.

— Ты не поедешь в моей машине.

Я отвожу взгляд, прежде чем у меня появляется возможность насладиться его великолепной мужественностью.

В моей машине? Это слишком близко.

— Не сегодня, нет, но как только мы разберёмся с логистикой, ты поедешь со мной на моей машине.

Я высмеиваю свои мысли по этому поводу.

— Посмотрим, — говорю я себе, чертовски хорошо понимая, что он это понял. Может быть, если мне будет трудно, он уйдёт. Стоит попробовать.

— Да, так и будет. — Он указывает на «Рендж Ровер», припаркованный передо мной. — Это мой. Я буду следовать за тобой домой. Я не...

— Хорошо.

Он кивает и закрывает дверь, я смотрю суженными глазами, когда его длинные ноги преодолевают короткое расстояние до его огромного автомобиля. Он снимает свой пиджак, прежде чем сесть в машину. Я пытаюсь не смотреть на него, чтобы избежать великолепного зрелища его плотной задницы под брюками, и божественного вида его широкой спины под белым хлопком хрустящей рубашки.

— Ублюдок, — бормочу я себе под нос. Его рука появляется из окна и машет для меня, чтобы я проезжалась. Чёрт. Я надеялась, что он позволит мне следовать за ним.

Я вздыхаю и проверяю свои зеркала, прежде чем выехать с парковки, проезжая со скоростью двадцать миль в час по дороге, постоянно проверяя своё зеркало заднего вида. Он позади, толстый бампер его «Рендж Ровера» практически нюхает задницу моей машины. Как бы это ни было заманчиво, я не нажимаю на тормоза, что бы он протаранил меня сзади, и я смогла бы судиться с его раздражающей задницей.

Протаранил меня сзади...

Моя нога становится тяжёлой, мой дорогой «Мерседес» едет по дороге вниз, но он всё ещё остаётся спрятанным за мной. Я поворачиваю направо, затем налево, затем снова направо, и даже обгоняю несколько машин, чтобы оторваться от него на некоторое расстояние. Ничто из этого не помогает мне потерять его, и моё разочарование накапливается и нарастает, поскольку моя машина становится всё быстрее и быстрее.

— Пошёл на хер, Шарп.

Внезапно я резко ухожу налево, прорезая чёрную кабину, и меня как будто кричат и ругают. Взглянув на своё зеркало, я смеюсь, когда вижу, что такси резко остановилось через перекрёсток, не позволяя никому спуститься по дороге после меня.

— Получи!

Я пою, чувствуя себя слишком довольной собой. Лучший телохранитель, которого мог купить мой отец? Да правильно!

Я проезжаю по боковой улице и вижу Хизер, сидящую у «Пикассо» под зонтиком, два бокала шампанского перед ней. Её шея удлиняется, как у сурикатов, когда она замечает меня, и она машет мне рукой. Могу поспорить, что она умирает от желания услышать все подробности. Я могла бы оставить свою машину здесь на всю ночь и заказать ту бутылку, в которой я так отчаянно нуждалась.

Я тороплюсь к ней, но быстро останавливаюсь, когда слышу звук визжащих шин впереди.

— О... — моё самодовольство падает в канаву рядом с канализацией.

Его «Рендж Ровер» мчится ко мне, рёв двигателя громоподобный, почти злой. Или это может быть водитель внутри? Он останавливается, и я бросаю взгляд на Хизер. Она внимательно наблюдает.

Хлопок двери заставляет меня немного подпрыгнуть, и я клянусь, я чувствую, как земля дрожит под моими каблуками, когда он шагает ко мне. Я собираюсь встать перед ним лицом к лицу.

Его палец поднимается и обвинительно указывает на меня, когда он подходит ближе, его лицо искажается.

— Если ты когда-нибудь снова сделаешь такой трюк, тогда я... я... я... я...

— Ты что? — спрашиваю я, принимая мою ухмылку Элвиса. С кем, чёрт возьми, он думает, что разговаривает?

Он подходит вплотную ко мне. Безопасное расстояние, похоже, не применяется сейчас. Пульс в его напряжённой челюсти чувствуется, хотя я пристально смотрю на него.

— Я перекину тебя через колено, — угрожающе шепчет он. — И отшлёпаю твою чёртову задницу до красноты.

Мышцы моей задницы напрягаются, и я снова изо всех сил пытаюсь сдержать этот странный коктейль отвращения и похоти.

— Что прости?! — я дышу, делая шаг назад, чтобы избежать его близости.

Он выпрямляется во весь рост и перекатывает плечи, словно пытаюсь избавиться от веса, лежащего там.

— Только не пытайся снова ускользнуть от меня.

— Или ты меня отшлёпаешь?

— Это была фигура речи.

— Неуместная, не так ли? — *Пожалуйста, скажи «нет». Пожалуйста, скажи «нет». Пожалуйста, скажи «нет».* Я не знаю, о чём думаю.

— Да, — бормочет он, оглядываясь вокруг нас, сверху до низу, осматривая все места, которые тут есть. — Почему ты здесь? — спрашивает он.

Я смотрю на Хизер.

— Встречаюсь с подругой. — Шарп следует за моим взглядом и вздыхает.

— Хизер Портер.

— Откуда ты знаешь...? — мои слова прерываются. Конечно, он знает. Натянув свою сумку через плечо и встречаясь с презрительным взглядом, я оставляю его на асфальте и иду к ошеломлённой Хизер.

— Дай мне этот напиток, — говорю я, падая в кресло. Она либо не слышит меня, либо полностью игнорирует, поэтому я протягиваюсь через стол и хватаю его сама.

— Привет!

Она смотрит на меня взглядом «что за хрень»?

— Не надо, — говорю я, качая головой.

— Это он? — бормочет она, не прочь направить на него свой бокал. — Телохранитель?

— Да. — О, живительный глоточек.

— Чёрт возьми.

— Я знаю.

— Где рекламный щит?

Я вновь глотаю.

— А, что?

— Рекламный щит. — Её глаза метнулись, искренне оглядываясь.

— Какой рекламный щит?

— Тот, из которого он только что выпал?

Я вдыхаю своё отвращение и снова глотаю.

— Он мудак.

— Он подходящий мудак.

— Хезер, это не лучший разговор о моём телохранителе.

— Дай мне передохнуть! — смеётся она, позабавившись. — Не говори мне, что не думала о нём в постели. Он твёрдый. Высокий. Великолепный.

Я смотрю через плечо, когда восхищённый взгляд Хизер начинает двигаться, явно следуя за Шарпом. Ему лучше не приходить сюда! Он — нет. Он садится на несколько столов от нас и выглядит огромным в маленьком кресле. И он может выглядеть расслабленным, но я вижу каждый мускул, натянутый под его рубашкой и брюками. Он как гигантский тигр, уравновешенный и ожидающий атаки.

— Вообще, нет, — тихо бормочу я, больше для себя, чем для Хизер.

— О! — Хизер хихикает, и я снова обращаю на неё своё внимание, выпивая ещё шампанского.

— И теперь ты отчаянно ищешь причины, чтобы найти его непривлекательным.

— Мне не нужно искать. Есть из чего выбирать.

— Подробнее?

— Как бы, он хулиган, для начала. Могучий и сильный. — Я знаю, в глубине души не было намерения причинить мне боль или напугать меня, и он этого не сделал. То, что на самом деле пугало меня каждый раз, когда он приближался, говорил или трогал меня, это моя реакция. Внутренняя битва, которую я веду в борьбе за сохранение сильного фронта, уже утомляет меня.

И он был со мной меньше часа.

Двадцать четыре/семь? И как долго это будет продолжаться?

Я сжимаюсь в своём кресле и делаю ещё один глоток.

— Смени тему, — умоляю я, и сразу же сожалею об этом, когда губы Хизер выпрямляются. Есть только ещё одна тема, которая должна быть рассмотрена прямо сейчас, и я не могу решить, является ли это скорее ситуацией, чем человеком, сидящий позади меня, и почему он сидит позади меня.

— Саффрон видела его. Сказала, что выглядел хорошо, — говорит Хизер неуверенно и

мудро. Или, возможно, ей вообще не следовало это говорить. Мне не нужно это слышать.

Саффрон не знает неприятных деталей.

Что касается её и всех остальных, то Себастьян повёл меня на свой тёмный, покрытый кокаином путь. Это достаточно плохо, и всё, что нужно знать. Себастьян тоже модель, точёная, как лицом, так и телом. Он заставляет девушек пускать слюни... но он... проблемный. Ужасно проблемный, и он доставил мне неприятности. У него есть захватывающая личность, а также захватывающий характер. Но он проиграл. Даже его родители разочаровались в нём.

— Он чист? — спрашиваю я.

Хизер пожимает плечами.

— Саффрон сказала, что его глаза были чисты, а тело не так сильно натянуто, как всегда. Но кто знает?

— Хм-м-м.

Я смотрю вдаль, размышляя о тех тёмных временах.

— Итак, где он будет спать? — Хизер врзается в мои мысли, прежде чем они завладеют сознанием, и я благодарна. Но её вопрос смущает меня... пока она не кивает мимо меня.

Я снова вижу Джейка позади. Он пристально смотрит на меня, как ястреб. Шаткое дыхание, которое выходит из меня, едва заметно, но мой инстинкт подсказывает мне, что он всё равно его обнаружил. Затем наши глаза встречаются, и он смещается в кресле. Придумывая грязный взгляд, глупый защитный механизм, я целюсь и стреляю.

— Хороший вопрос, — бормочу я, наблюдая, как его взгляд падает на мой рот. Я не хочу, правда, нет, но мой предающий язык выскальзывает и скользит по моей нижней губе. Резкое движение снова в его месте, его ноздри раздуваются, когда он отворачивается.

— Тогда вам нужно уточнить, потому что, если мистер Сексуальные-Штанишки останется у тебя, тогда я тоже могу.

— Он не останется, — я говорю честно. Она не помогает. — Расскажи мне план дня рождения Саффрон, — попросила я, задаваясь вопросом, как мы вообще ушли от этой темы.

— Ну, это будет в Пикчердроме (*прим. — Пикчердром. Старинный театр ресторан в Лондоне*). — Эффектная корова арендовала всё заведение. Её папочка платит за всё.

В отличие от Хизер и меня, наша подруга Саффрон не дважды думает о том, как бы растратить деньги отца на такую роскошь.

— И она утверждает, что независима?

Ура! Я все ещё могу смеяться.

— Я знаю, — соглашается Хизер. — Но теперь ты не так независима. — Она снова кивает мимо меня, но на этот раз я отказываюсь смотреть. Мне просто нужно притворяться, что его нет. Он не там. Его там нет. Я сражаюсь с желанием, чтобы повернуться и рассмотреть его «хорошенькое личико», задаваясь вопросом, как мне удастся уклониться от внимания Шарпа? Мой интерес к нему — это вздор! Не похоже на то, что его можно проигнорировать.

Глава 7

Джейк

Вы не можете защитить того, кто не хочет, чтобы его защищали. Иногда необходимы уступчивость и сотрудничество. Она же не даёт мне ни того, ни другого. И мне хочется свернуть её красивую, упрямую шею.

После того, как она обнимает свою подругу на прощание и идёт к своей машине, она колесит по окрестностям Лондона, до своей квартиры в Мейфэре¹.

Я заезжаю на подземную парковку, но свободных мест не нахожу. Я вижу самодовольный взгляд Камиллы, когда она достаёт из багажника своего «Мерса» сумки с покупками... поэтому я ставлю свой «Рендж Ровер» за ним. Она не сможет никуда уехать, если я заблокирую её.

Выгрузив все свои покупки и кучу папок, она поворачивается, и её самодовольная улыбка спадает с лица. Стоит мне выйти из машины, как она замечает сумку, торчащую у меня из-за спины. Я подготовлен, и отвечаю на её вопрос прежде, чем она успевает его задать.

— Я ночую здесь. Если тебе интересно. Это часть контракта, и твой отец настоял.

Её прекрасные губы складываются в тонкую линию.

— Это нарушение моих личных прав.

— Обсуди это со своим отцом. У меня есть приказ.

— Что ж, я приказываю тебе оставить меня в покое.

— Не вы мне платите, Мисс Логан.

— Сколько?

Я заинтересовано приподнимаю бровь.

— Это конфиденциальная информация.

— Значит, ты сделаешь всё, что прикажет тебе мой отец, буквально?

— В пределах разумного, — отвечаю я.

— А наполнить ванну для меня — это в пределах разумного?

Она саркастически улыбается, в то время как я борюсь с мысленными образами, наполняющими моё сознание.

— Зависит от того, захочешь ли ты, чтобы мы приняли её вместе. — Я наклоняю голову, ожидая очередной колкости.

Камилла фыркает. Это так мило, что я почти улыбаюсь. Затем она бросает на меня непристойный взгляд, надменно поворачивается и торопливо уходит.

— Ты в ней не поместишься.

Не так уж и мило.

Я едва сдерживаюсь, чтобы не закатить глаза и следую за ней через массивную стальную дверь в вестибюль, где на каждом углу висят большие, искусно сделанные зеркала в золотых рамах. Я внимательно осматриваюсь вокруг, подтверждая ту информацию, что уже знаю. Вход по карте, три камеры, два лифта, один консьерж. Это здание принадлежит Логану старшему, и я бы поставил свой последний фунт на то, что Камилла Логан платит за квартиру не по общему тарифу. Я вежливо киваю заинтригованному швейцару, который кивает в ответ. Затем жду лифт, стоя в четырёх футах² от Камиллы. Двери зеркальные. Избегать её отражения — сродни самоубийству, поэтому я отвожу взгляд и продолжаю осматривать здание. Вращающиеся двери, не очень надёжные, несмотря на вход по карте, и швейцара, напоминающего близнеца старика, охраняющего здание Логана.

Слабый звук сигнализирует о прибытии лифта на нужный этаж, и я, как джентльмен, позволяю Камилле выйти первой, когда двери лифта открываются. Затем как раз, когда я сам собираюсь последовать за ней, дверь закрывается прямо перед моим носом.

Клянусь, я едва не врезаюсь головой в стекло, но успеваю заметить довольную ухмылку на лице Камиллы, прежде чем теряю её из виду.

— Чёрт возьми, — бормочу я, бросая сумку на землю и сжимая кулаки. Набравшись терпения, я втягиваю шею в плечи и закрываю глаза, повторяя успокаивающую мантру.

Не придуши её. Не придуши её. Не вздумай её придушить.

Я испытываю искушение пустить себе пулю в лоб и покончить со своими страданиями. На что, чёрт возьми, я подписался? Подъезжает другой лифт, я беру свою сумку и вхожу внутрь, нажимая кнопку верхнего этажа. Лифт едет слишком медленно, как мне кажется. Она скрылась из виду. Она никогда не должна быть вне поля моего зрения.

— Самая настоящая заноза в моей грёбаной заднице, — бормочу я. Но Камилла заноза в моей заднице по куда большим причинам, чем я думал — раздражающим, надоедливым, болезненным долбаным причинам.

Я выхожу, когда лифт, наконец, достигает верхнего этажа, и нахожу то, что уже успел заметить, завернув за угол в коридоре. Дверь квартиры 30 плотно закрыта. Я могу гарантировать, что она закрыта на все замки. Две минуты, и я мог бы войти, но решаю не использовать свои навыки и вместо этого спокойно стучу в дверь. Я не удивляюсь, когда не получаю ответа, поэтому стучу снова, чтобы сохранить самообладание. Это трудно, когда внутри себя я хочу выбить дверь и свернуть её стройную, красивую шею.

По другую сторону двери слышна лишь тишина.

— Чёрт возьми, — я вытаскиваю пистолет и целюсь в замок, думая, что так будет гораздо быстрее, чем пытаться урезонить эту глупую девчонку. Но затем кусочек уже почти утраченного рассудка берёт вверх над разочарованием и советует мне не делать этого.

Я вздыхаю и засовываю пистолет за пояс брюк.

— Камилла, эта дверь действительно очень красивая, — тихо говорю я, чувствуя, что она стоит с другой стороны, и скорее всего, прижимается ухом к двери. — Мне ужасно не хочется портить её, — я замечаю, как темнеет дверной глазок и улыбаюсь про себя. Затем я медленно наклоняюсь вперёд, приближаясь всё ближе и ближе к двери, пока не вглядываюсь в глазок. Прямо за дверью происходит какое-то движение. Я усмехаюсь про себя. Эта девушка просто невозможна. — Можно решить всё по-хорошему или по-плохому.

— ДА ПОШЕЛ ТЫ!

Обречённо опустив голову, я взвешиваю все возможные варианты. Я могу либо сломать эту дверь к чертям и опуститься до её детского поведения, либо же могу показать ей, что любую ситуацию можно разрешить спокойно, независимо от того, насколько она кажется трудной. И я имею в виду ситуацию с угрозами и с анонимным сообщением. Не ту ситуацию с возникшей химией, которую я испытываю к ней, клюнувшую меня в самую задницу и болезненно сжирающую меня изнутри. Женщины всегда служат мне для одной и только одной цели. Ни разочарование, ни ярость не являются этой целью. На самом деле именно из-за этих двух эмоций мне не стоит завязывать с женщинами длительных взаимоотношений. Камилла Логан же уже злоупотребляет своим столь долгим присутствием в моей жизни.

Глядя себе под ноги, я сдаюсь и сажусь на усталую задницу, готовя себя к долгой грёбаной ночи. Прислонившись спиной к двери, я достаю телефон и быстро сообщаю Логану последние новости, едва удерживаясь от того, чтобы не отметить в конце, что его дочь — упрямая маленькая девчонка. Однако же, я просто информирую его о том, что бывший парень его дочери вернулся в город.

Затем я открываю свой список контактов. И моё сердце пропускает удар. Имя Эбби пристально смотрит на меня, и мой палец парит по экрану гаджета, то опускаясь, то

поднимаясь по списку туда-сюда. Этот контакт только для одной единственной цели. Болезненные воспоминания. Мне они не к чему. Я громко смеюсь, холодным, леденящим душу смехом. Воспоминания всегда рядом, мучают меня каждый день, но не к чему провоцировать их самому. Мне не нужно возвращаться в те места, которые только усилят агонию и ненависть к женщине, разорвавшей меня на части и отправившей мою жизнь по нисходящей спирали вниз.

Я отбрасываю телефон в сторону и прижимаюсь головой к закрытой двери, глядя в потолок, пытаюсь очистить свой разум. Мой телефон начинает звонить, желанное отвлечение от одной из моих обычных внутренних битв, я смотрю на экран и вижу имя Логана. Я не удивлён. Прежде чем ответить на звонок, я прикладываю ухо к двери, и слышу шаги где-то отдалённо. Она не подслушивает.

— Я так и думал, что это вы, — говорю я вместо приветствия.

— Себастьян Питерс, — в голосе Логана чистая злоба, которую я вполне могу понять. Я прочитал всё то дерьмо, что написали про него в Интернете. — Он чуть не сломал её.

— Так вот почему вы меня наняли? — прямо спрашиваю я, думая, что, возможно, Камилла что-то заподозрила.

— Нет, ты знаешь, почему я нанял тебя. Ты видел то сообщение, но тебе не повредит взять на контроль и Себастьяна Питерса.

В его голосе слышны нотки отвращения. Да, я читал всю предоставленную информацию, но почему у меня такое чувство, что я знаю далеко не всё?

— Он питает слабость к кокаину. Я не хочу, чтобы этот кусок дерьма оказался рядом с моей дочерью.

— Разумеется, — выдыхаю я, раздумывая о том, что защита от бывших парней не входит в мои обязанности. Я телохранитель. Ни психолог, ни психотерапевт. Это не моя работа — мешать Камилле Логан нюхать кокаин, если она этого захочет. Но я, чёрт возьми, буду.

— Я позвоню вам, если мне будет что сообщить. Взамен я прошу вас о том же, — я кладу трубку прежде, чем услышу ответ на свою просьбу, и поворачиваюсь в одну сторону, а затем в другую, пытаюсь устроиться поудобнее, вытянув ноги во всю длину.

Через десять минут в таком положении мои колени и предплечья начинают затекать. Десять минут спустя мой пистолет болезненно упирается мне в поясницу, а задница начинает неметь. «*Мне платят*», — напоминаю я себе. Много. Я могу вынести это дерьмо. Я бывал в ситуациях и похуже, в более худших условиях.

Я закрываю глаза и представляю, как шипы от зарослей рассекают моё лицо, когда я ползу на локтях по дикой местности, и прежде чем успеваю остановить эту мыслимую спираль, она как назло приводит меня к воспоминаниям о моих товарищах, Дэнни и Майка, лежащих мёртвыми в грязи. Я чувствую глубокую боль от пули, вонзившейся в моё плечо. Запах смерти ударяет в ноздри, и крики невинных гражданских наполняют мысли. Затем ясный мысленный образ её лица напоминает мне о том, как я оказался среди всей этой анархии. Анархия, которую я создал сам.

Я резко открываю глаза и с трудом перевожу дыхание, вытирая капельку пота со лба.

— Чёрт, — вот тебе и отвлекся. Я проклиная Камиллу Логан за то, что она не позволяет мне делать свою работу, когда завожу руку за спину, вытаскивая пистолет, и кладу его около своего бедра. Откинув голову назад, я пытаюсь отвлечься, перебирая всю имеющуюся у меня информацию. А её не так уж и много.

Есть куча разъярённых бизнесменов, которые лишились денег после агрессивного

поглощения их компаний Логаном. Любой из них мог жаждать мести. Проще говоря, у Тренора Логана чертовски много врагов. У меня такое чувство, будто я ныряю в котёл с кучей информации, но при этом не имея ни малейшего понятия, как добраться до самого дна, до самой сути. Добавьте к этому, моё внутреннее ощущение, что Логан скрывает информацию, и сейчас мой мозг обрабатывает десяток возможных вариантов. А ещё этот бывший парень. Формально не подозреваемый, но определённо угроза. Угроза? Да, угроза. Он представляет угрозу здоровью Камиллы, а возможно, и её жизни, если снова доберётся до неё. Что делает его такой же угрозой, как и другие первоочередные. Поэтому я буду относиться к нему именно так. Сообщение, которое показал мне Логан. Бумага была слишком элитной. С этой мыслью я хватаю телефон и посылаю Люсинде короткое сообщение:

«Я не думаю, что Логан до конца откровенен с нами. Угроза была напечатана на бумаге, которая выглядела так, будто только что вышла из пачки. Он сказал, что письмо прибыло вчера с курьером. Проверь систему видеонаблюдения в башне Логана».

Я нажимаю кнопку «отправить» и, как и ожидалось, получаю ответ практически моментально:

«Интересно. Я этим займусь. С другой стороны, я просмотрела электронную почту Логана с помощью одной хакерской программы. Ничего подозрительного. Никто ничего такого не писал. Всё чисто, как стекло. Как дела?»

Я смеюсь, глядя в телефон.

«Не спрашивай. С вами, женщинами, трудно. Пока ты будешь этим заниматься, достань мне всё, что найдёшь на Себастьяна Питерс».

Ответ приходит буквально через секунду.

«Бывший? Могу я спросить, зачем?»

Мой ответ прост и понятен.

«Нет».

Отбросив телефон, я снова принимаю свою прежнюю позу: кладу руки на согнутые в ногах колени, откидываю голову назад, и начинаю пережёвывать всю информацию. Ничего хорошего из этого не выходит. Кстати об этом...

Я снова шевелюсь, хмурюсь, но мои молчаливые проклятия на неудобный пол прерывается, когда я слышу щелчок замка. Я замираю.

А потом я резко падаю назад, мышцы живота напрягаются слишком поздно, чтобы удержать меня. Я лежу на спине, глядя на самые удивительные ноги, которые когда-либо видел. Они бесконечны, начинаются от красивых розовых кончиков пальцев и идеально узких лодыжек, переходящих в стройные икры. Это просто самые совершенные ноги. И её бедра. Я чувствую, как мои руки сжимаются по краям брюк, и меня чуть не хватает удар. Её розовые кружевные трусики выглядывают из-под огромной белой футболки. Надпись на ней «МЕНЯ НЕЛЬЗЯ ИГНОРИРОВАТЬ» заставляет мои губы дёрнуться в улыбке.

Неужели она надела её нарочно? Нет, Мисс Логан, конечно же, нет. Особенно не сейчас. Что, чёрт возьми, она пытается со мной сделать?

Чёрт, мне нужно взять себя в руки, прежде чем нас обоих убьют. Отвлечение. Это лучшее решение, чтобы поразить цель, и тот, кто хочет потенциально поразить цель — Камиллу Логан, — сейчас имеет огромное преимущество. Потому что я глупо отвлекся. Её светлые волосы рассыпались по плечам, ложась на идеальную грудь под футболкой, и когда я взглядом добираюсь до её лица, то обнаруживаю, что она сняла макияж. Мой член соприкасается с тканью брюк. Господи Иисусе, она просто идеальна. Я чувствую себя

обязанным сказать ей, о том, чтобы она больше не утруждала себя процедурой нанесения макияжа. Ей это не к чему.

Её лицо приближается, нависая над моим. Она складывает руки на груди, вдавливая ткань футболки в свои манящие линии. Мой оживший член мгновенно становится твёрдым.

— Зачем тебе пистолет? — Камилла указывает подбородком в сторону моего «Хеклера», напоминая мне, где он. Её вопрос также напоминает, о том почему я здесь.

Я вскакиваю, забирая по пути пистолет, и засовываю его за пояс брюк.

— Чтобы пристрелить тебя, когда ты снова меня разозлишь.

Она хмурится, её нос в форме пуговики морщится от отвращения. Хорошо. Ненавидь меня. Это значительно облегчит ситуацию.

— Ты настоящий очаровашка, не так ли? — фыркает она, поворачиваясь на босых пятках и практически наказывает меня видом своих ног сзади. — Тебе лучше войти.

Мои брови приподнимаются от удивления. Что изменилось? Не знаю, но спорить не собираюсь. Моя задница всё ещё покалывает, от долгого сидения на полу. Я беру свою сумку и медленно иду в... ад.

Я встревожено оглядываюсь, хотя и сдерживаю себя. Для женщины, которая так безупречно выглядит, она настоящая неряха. Туфли, сумочки, одежда, косметика — всё, что только можно вообразить, разбросано на стульях и диванах. А ещё повсюду, включая пол, валяются чертежи, обрывки материалов и кипы бумаг. Как Камилла может так жить? У неё ведь наверняка есть уборщица? Я не могу точно сказать, какой дизайн преобладает в её квартире, кроме грёбаного беспорядка, но, судя по чистым стенам, которые являются единственными зонами, свободными от какого-то модного дерьма, я предполагаю, что это минимализм. Минимализм? Я мысленно фыркаю. Камилла Логан скоро изменит это. Я чувствую, как меня передёргивает, от того как моё чётко расписанное военное прошлое рвётся наружу. Я пробираюсь сквозь море одежды и бросаю сумку на стол, заваленный лаками для ногтей всех цветов радуги. Я сразу же замечаю тот, цвет которого сейчас у неё на пальцах. Нежно-розовый. Тонкий и девчачий.

— Ты можешь спать здесь.

Я поднимаю глаза и вижу, как она склонилась над диваном, смахивая с сидений ещё больше мусора. Я чуть не окосел. Чёрт возьми, она меня убивает!

— Я всё уберу, — предлагаю я, делая что угодно, лишь бы она не наклонилась вот так. — Позволь мне, — я протискиваюсь мимо Камиллы, буквально отталкивая её бедром, чтобы избежать более тесного контакта.

— Прекрасно, — кажется, она несколько пренебрежительно бредёт в свою спальню. — Какой грёбаный джентльмен.

Не обращая внимания на её наглость, я достаю из брюк пистолет и кладу его на подлокотник дивана. Затем сбрасываю туфли и расстёгиваю ширинку, заметив, что Камилла не закрыла дверь своей спальни полностью. Эта небольшая небрежность с её стороны, оставить небольшой просвет, заставляет меня чувствовать себя немного спокойнее, находясь в другой комнате.

Я развязываю галстук и расстёгиваю рубашку, а затем трачу пять минут на поиски свободного места, чтобы положить их. Я сдаюсь и кладу свою аккуратно сложенную стопку поверх одежды, разбросанной на стуле. Возвращаясь к дивану, я падаю на задницу и со вздохом тру ладонями лицо. Ночь всё равно будет долгой.

— Эта женщина так и ищет своей смерти, — бормочу я.

Камилла ловит мой взгляд через щель в двери, когда ходит по своей комнате. Мне нужно отвернуться. Мне нужно закрыть глаза и притвориться, что её там нет. Чёрт бы её побрал, она разрушает мой план, когда останавливается прямо перед дверью, спиной ко мне. Медленно, слишком медленно для невинной особы, она стягивает футболку через голову и отбрасывает её в сторону.

У меня перехватывает дыхание. Обнажение этого огромного пространства её кремовой кожи — видение, которое теперь никогда не покинет меня. Боже милостивый, я снова двигаюсь, и моя рука оказывается на члене, у которого появилось собственное сердцебиение. Я недооцениваю эту женщину. В том, что она оставила дверь открытой, не было ничего невинного. Ничего невинного.

Она играет на моих нервах, как на грёбаной скрипке. Может быть, это у меня есть желание умереть.

Она исчезает из поля зрения, и весь запас воздуха, который я держал запертым в своих горящих лёгких, вырывается наружу, моё сердце танцует в груди. Я достаю таблетки из сумки и моментально заглатываю их, надеясь, что они не только избавят меня от ночных кошмаров, но и придадут мне некоторую силу, чтобы противостоять новой клиентке.

Глава 8

Ками

Ещё темно, но я слышу, чириканье птиц, что говорит о наступлении утра. Я не сомкнула глаз. Просто не могла забыться и заснуть, зная, что он в соседней комнате. С пистолетом. Я никогда не видела пистолет, не в реальной жизни. Джейк хорошо смотрится с ним, он слишком ему подходит. Он выглядит потрясающе, определённо.

Глаза опухли и, несомненно, покраснеют. А это не очень хорошо, учитывая, что сегодня у меня встреча с моим агентом. Большую часть ночи я провожу, пялясь в телефон в поисках информации о Джейке Шарпе. Я чувствую себя обязанной выяснить всё, что могу о нём, учитывая то как он хорошо осведомлён о моей жизни. Но ничего не нахожу, хотя поиск гугл по фото выдал несколько фотографий различных знаменитостей, запечатлённых с ним на заднем плане, бесстрастным и холодным. Кроме этого, ничего. И это расстраивает меня куда больше, чем я хочу признать.

А какова его история?

Было бы гораздо легче его ненавидеть, если бы меня так к нему не влекло. Интересно, сколько ему? Лет тридцать пять? В нём действительно ничего не выдаёт его истинный возраст, кроме седины на висках и очевидного опыта работы.

Перекатившись на бок, я смотрю в небольшую щель приоткрытой двери. Я знаю, что он видел меня прошлой ночью, как я бесстыдно разделась, прежде чем забраться в постель. До сих пор не понимаю, зачем я это сделала. Самоудовлетворение? Не знаю. Возможно, неразумное желание убедиться, что его влечёт ко мне так же, как и меня к нему, взяло верх.

Вытягиваю шею, заглядывая в гостиную, пока что-то не появляется в поле зрения. Его ноги. Его голые ноги, ещё и распластавшееся на диване. Я вдыхаю, мои глаза пригвождены к нему. Отмечаю тёмные волоски от его лодыжки до колена, и, разумеется его бёдра также оказывается в поле зрения, я кладу ладони на матрас кровати и начинаю немного высовываться. Разочарование наполняет меня, когда он начинает ёрзать, и тем самым скрывает свою длинную, худую ногу от моего взора. Бросаю грозный взгляд на дверь и наклоняюсь ещё немного, медленно и осторожно продвигаясь вперёд, пока снова не вижу его ногу.

— Чёрт! — мои руки соскальзывают с матраса, и я подаю на пол.

Удар.

— Ой! — шёпотом пропищала я, вдавливаясь щекой в волокна ковра, мои ноги всё ещё лежат на кровати, а торс свисает с края. Съеживаюсь и задерживаю дыхание, ожидая, что он ворвётся в мою комнату для устранения угрозы. Но единственная угроза — мои жадные глаза.

— Идиотка, — бормочу я себе под нос, начиная разворачивать своё скрюченное тело и забираться обратно на кровать. Он лучший защитник, о котором только может мечтать человек. Что за дерьмо. Он даже не заходит проведать меня. А ведь именно сейчас меня могут прижать к кровати с пистолетом, направленным мне в голову.

— Идиот, — снова шепчу я, но на этот раз моё оскорбление адресовано греховно восхитительному мужчине, который в настоящее время валяется на моём диване, возможно, голый.

Валяется на диване.

Возможно, голый.

— О, Боже, — внезапно я уже оказываюсь не на кровати, а двигаюсь к двери, как будто меня тянет какая-то невидимая сила. Когда я натягиваю футболку, мягкий ворс ковра в спальне вдавливается между пальцами ног, и дверь становится всё ближе и ближе, пока всё тело Джейка не оказывается у меня как на ладони. Господи, помилуй. Он, распластавшись лежит на спине, крепкие руки оказываются у него над головой, а его лицо лежит на его правом бицепсе. Он спит.

Крепкий.

Это первое слово, которое приходит на ум, после «опасный», следующего за ним. А затем в голове вспыхивает слово «шедевр». У меня начинается дрожь, и кровь пульсирует в ушах, не давая возможности услышать голос рассудка, говорящий закрыть дверь покрепче, а не открывать её шире, чтобы пройти дальше.

Я в гостиной своей квартиры, делаю лёгкие, неуверенные шаги к своей цели, желая, как можно лучше разглядеть это совершенство. Подхожу ближе, не вызывая с его стороны ни шума, ни движения. Он выглядит безмятежным и ещё более красивым без той жёсткости в глазах, которая присутствует, когда он бодрствует. Одно только его лицо привлекает моё внимание, как мне кажется, на целую вечность, его тёмные спутанные волосы были всклокочены, щетина грубая, челюсть острая. Просто великолепно. Мужественный. Естественный. Грубый.

Позволив своим глазам оторваться от спокойной красоты его лица, я позволяю им задержаться на его торсе. Мускулы расслаблены, но всё ещё заметны, каждый кубик чётко очерчен под россыпью тёмных волос. Я лишь немного благодарна, что на нём боксеры, когда добираюсь взглядом до его паха. Чёрный материал обтягивает бёдра и плотно облегает упругие ляжки. На нем нет ни грамма жира. Он чокнутый, но такой идеальный. Он как живое воплощение произведения искусства, когда дело касается его тела.

Я достаточно близко, чтобы оценить его, но все же немного наклоняюсь ближе, задерживая дыхание, уверенная, что если я вздохну, то этот вдох коснётся его кожи и разбудит его. Мне приходится сдерживать себя в желании прикоснуться к нему. Затем я замечаю небольшой шрам на его напряжённом плече. Он едва заметен, серебряная линия на его идеальной коже. Я наклоняюсь ещё немного, заинтригованная.

Он двигается.

Это происходит так быстро, что я даже не успеваю вскрикнуть от страха. Только когда моя спина соприкасается с полом, и я моргаю, чтобы зрение прояснилось, понимаю, где нахожусь.

Под ним.

Его обнажённая кожа прижимается к моей тонкой футболке.

Разум говорит мне сопротивляться, извиваться и освободиться от его прикосновений, но ощущать тело Джейка рядом с собой так приятно: крепкое и сильное, тёплое и в тоже время от него веяло защитой.

Он смотрит на меня сверху вниз, ничего не говоря, его тёмные глаза обжигают кожу, пока я не чувствую, как румянец приливает к моим щекам. Несмотря на то, что я не могу двигаться, моё прерывистое дыхание заставляет тело вздыматься под ним, заставляя нашу кожу соприкасаться... везде. О Боже, его твёрдый член прижат к моему бедру, а мои возбуждённые соски, вероятно, вдавливаются ему в грудь, посылая электрические разряды. Он прижимает мои запястья к полу над головой. Я пленница, пойманная на месте преступления, ожидающая его следующего шага. Что же он сделает?

Поцелуй меня!

О Боже, неужели я так подумала? Эти слова вдруг снова и снова раздаются у меня в голове. Я хочу, чтобы он целовал меня, трахнул, вонзил в меня своё мощное тело. Я никогда раньше не испытывала столь резкого влечения к мужчине. Не такое сильное. Это что-то новое, что-то дикое и опасное, и это приводит меня в отчаяние и сдерживает. Он должен ощущать это, и, судя по большому, твёрдому куску плоти, втиснутому в моё бедро, я предполагаю, что он тоже чувствует это.

Я ищу в его глазах любой отголосок его мыслей, но чувствую разочарование и раздражение, когда ничего не нахожу. Только тёмная и бездонная пустота вглядывалась в меня. Но затем что-то меняется, и волна разочарования заставляет его сморщить лоб, медленно образуя глубокую складку на лице. Вдруг замечаю, что он не дышит. Он затаил дыхание.

Проглотив весь запас воздуха, Джейк, наконец, двигается и морщится, когда трётся своим членом о моё бедро. Однако он быстро берёт себя в руки, очевидно, обнаруживая силу воли, которой у меня совсем не осталось. Отпустив мои запястья, он отодвигается, заставляя меня чувствовать себя глупой и одинокой.

— Хорошо всё рассмотрела, да? — говорит он, отодвигаясь от меня ещё дальше.

Я ощущаю себя так, словно меня только что ударили по лицу, все влечение и желание улетучиваются от его резкости. Я перевожу себя в режим защиты.

— Ты всегда спишь полуголым на диване клиента? — коротко спрашиваю я, вставая и обхватывая себя руками, пятясь в свою комнату, чувствуя себя чертовски глупо. О чём я только думала?

— А ты всегда падаешь с кровати? — бросает он через плечо.

Я съёживаюсь и проклинаю себя за понимание того, что всё это время он не спал. Конечно, так и было. Если бы он спал и думал, что это незваный гость, то пистолет был бы направлен мне в голову, как в моей комнате, так и сейчас, когда он повалил меня на пол. Он даже не потянулся за пистолетом. Вместо этого он просто схватил меня. Он был ошеломлён... а потом потерял контроль. Из-за меня. Эта мысль заставляет низ живота сжаться по причинам, которые я, возможно, никогда не узнаю. Закрыв дверь спальни, я прислоняюсь к ней спиной и в отчаянии вглядываюсь в потолок, чувствуя себя полной

дурой.

— Дура!

Я заставляю себя сесть на край кровати и провожу добрых полчаса, пытаюсь вразумить себя. Джейк Шарп, присматривающий за мной, окажется более серьёзной проблемой, чем я могу себе представить.

* * *

Приняв душ и приведя себя в порядок, я осторожно выхожу из своей спальни, одетая в джинсовые шорты и короткий разноцветный топ, на ногах сланцы от «Havaianas». Заплетаю в косу грубо высушенные волосы и бреду через гостиную на кухню, мой взгляд бежит в поисках Шарпа.

Я нахожу его прислонившимся к столешнице, умытым и выглядящим неприлично свежим и красивым в каких-то поношенных джинсах и чёрной футболке с круглым вырезом. Значит, он нашёл вторую спальню и ванную? Он смотрит на меня, когда я вхожу, держа мобильник у уха. Я быстро отвожу взгляд и направляюсь к холодильнику, достаю бутылку грейпфрутового сока и залпом выпиваю половину.

— Спасибо, — говорит он, но в его голосе нет ни капли благодарности. — До свидания.

Я стою к нему спиной, по-прежнему ужасно смущённая, умирая внутри от того, что практически преподнесла себя ему на блюдечке, а он отказался. Если раньше он не считал меня глупой маленькой девочкой, то теперь определённо считает.

Я слышу за спиной какое-то движение, за которым следует лёгкое покашливание. Я начинаю завинчивать крышку бутылки, мысленно определяя, где находится всё, что мне нужно, прежде чем уйти.

— Ты не упоминала, что есть свободная комната с ванной, — произносит он чётко, без обвинения, но я чувствую, что оно имеет место быть. — На самом деле там намного чище.

Он уже и это отметил. Единственная причина, по которой в моей квартире такой беспорядок, это то, что мы с Хизер были заняты совершенствованием наших дизайнов, тщательным изучением тканей и мозговым штурмом маркетинговых идей. Не то чтобы я должна ему что-то объяснять. Поэтому я ничего не говорю и отправляюсь на поиски своей сумки. Я нахожу её и иду к двери, на ходу перекидывая ремень через плечо. Схватившись за ручку, я открываю дверь, но его ладонь захлопывает её у меня над головой, не давая двери открыться. Я чуть ли не подпрыгиваю от злости.

— Поскольку я принял твои основные правила, ты можешь оказать мне честь, следуя одному из моих, — говорит он из-за спины, придерживая дверь за моим плечом. Я хмуро смотрю на дверь перед собой, держа рот на замке и повернувшись к нему спиной. — Никогда больше не подкрадывайся ко мне, — он убирает руку, и я, не теряя времени, снова тянусь к ручке и выхожу, стряхивая покаяние, вызванное его близостью.

— Ты забыл, кто на кого работает? — фыркаю я, обходя лифт и протискиваясь на лестничную клетку, не готовая стоять и ждать лифта. Мне нужно идти. Подальше от него.

Он не отвечает на мой вопрос, но и не признает его, предпочитая спокойно следовать за мной. Хорошо. Он уважает мои границы. Никаких разговоров.

Я врываюсь на подземную стоянку и направляю брелок на свой «Мерседес».

— Не мог бы ты отогнать свою машину? — интересуюсь я, не поворачиваясь к нему.

— Мы поедем в моей машине, — решительно отвечает он.

— Я сама могу вести машину, — я открываю дверцу и бросаю туда сумку, прежде чем плюхнуться на водительское сиденье. Завожу мотор и пристёгиваю ремень, глядя в зеркало

заднего вида. Шарп садится в свой «Рендж Ровер», и я удовлетворённо хмыкаю. Может быть, ему тоже невыносимо находиться ко мне так близко, и он решит отказаться от своего правила совместных поездок. Было бы неплохо.

Я жду, положив руки на руль, пока он отгонит свою огромную машину, но через две минуты он всё ещё стоит неподвижно, и моё терпение начинает истощаться. Я начинаю скрежетать зубами и через несколько минут начинаю сигналить. Это не производит никакого эффекта. Шарп сидит на водительском сиденье своей машины, занятый телефоном, спокойный, насколько это возможно.

— Придурок, — бормочу я, распахивая дверь и шагая вперёд. Я стучу в его окно, и оно начинает опускаться, хотя он не сводит глаз с экрана телефона. — Двигайся, — коротко приказываю я.

— Нет, — просто отвечает он. Окно начинает подниматься, и я смотрю на него, разинув рот, хотя он не обращает особого внимания на моё оскорблённое эго.

Я стучу кулаком по окну, и стекло снова опускается, его внимание всё ещё приковано к телефону.

— У меня в одиннадцать встреча с моим агентом, — сообщаю я ему как можно спокойнее. — У меня нет на это времени.

— Тогда я предлагаю тебе перестать всё усложнять и залезть внутрь. — Окно снова поднимается, лишая меня возможности протянуть руку и задушить ублюдка.

Я издаю разочарованный вопль и иду к своей машине, стаскиваю сумку с сиденья и захлопываю дверцу. Я никогда не встречала такого несносного человека!

Садясь в его машину, из моих ушей буквально валит пар, я плюхаюсь на сиденье и достаю телефон из сумки. Шарп молча отъезжает, и я набираю номер отца. Я не могу с этим смириться. Это несправедливо.

— Камилла, — ровный голос отца не успокаивает меня. Это просто напоминает мне, кто он такой и что мои протесты ни к чему не приведут. Но я всё равно пробую.

— Папа, — я стремлюсь говорить, как можно слаще, сдерживая нахальные нотки, которые, я уверена, он ожидает услышать. — Как бы я ни ценила твою заботу, я не могу позволить этому парню преследовать меня повсюду. У меня есть работа. Встречи, на которые нужно ходить. Он везде со мной.

— Камилла, я уже говорил тебе, что это не обсуждается.

— Это из-за Себастьяна? — спрашиваю я. — Потому что я могу заверить тебя, что больше никогда его не увижу.

— Дело не в Себастьяне. Речь идёт об угрозах, которые меня не устраивают. Шарп останется, пока мы не выясним, кто их прислал.

— Но...

— Камилла, у меня нет на это времени, — обрывает он меня, и его натура Элвиса выходит наружу. — У меня сейчас важная встреча. Шарп остаётся. Я не желаю больше слышать об этом, — он кладёт трубку, и я кидаю свой телефон в сумку, так, блядь я завожусь!

Я всегда бросаю вызов своему помешанному на контроле отцу. Всегда делаю то, что хочу я, а не то, что хочет он. Это первый раз, когда у меня действительно нет выбора, потому что, единственная возможность избавиться от Шерпа это убить его. Я бессильна. И я ненавижу это.

Краем глаза я незаметно отмечаю его профиль, и взгляд устремлённый на дорогу.

Джейк даже не вздрогнул, пока я говорила о нём, как будто его здесь нет. Вот что мне нужно сделать. Притвориться, что его здесь нет. Больше никаких переходов от ругательств к раздражающему восхищению им. Больше никаких взглядов украдкой на его широкую грудь или очевидную силу его мускулов. Больше никаких вопросов о нём. Ни в коем случае. Он смотрит на меня, и я быстро отвожу глаза, оскорблённая тем, что принимаю решение относительно всего именно сейчас, и он поймал меня за этим. Я определённо слышу, как он тихонько хихикает себе под нос, и бросаю на него хмурый взгляд, но седина на его висках привлекает моё внимание.

— Кстати, сколько тебе лет?

Это просто вырывается изо рта, унижая меня.

— Тридцать пять, — он поворачивается ко мне с весёлой полуулыбкой. — А тебе?

Я хмурюсь ещё больше. Он прекрасно знает это прочитав информацию обо мне. Я отворачиваюсь, не обращая на него внимания.

— Где находится офис твоего агента? — спрашивает он, сворачивая с моей улицы в нужную сторону, словно уже зная, куда нужно ехать. Он пытается заставить меня говорить. Поэтому я держу рот на замке, снова игнорируя его. Он делает мою жизнь невыносимой, и я намерена ответить ему взаимностью. К концу дня он уволится.

* * *

Мы подъезжаем к офису моего агента Керри в Хэттон-Гарден, и я выскакиваю из машины, без единого слова захлопывая за собой дверь. Я замечаю Хизер, ожидающую меня снаружи, и спешу к ней, игнорируя её лёгкую улыбку, когда она, очевидно, замечает Шарпа. Она обнимает меня.

— Ну и как...

— Не спрашивай, — предупреждаю я, вырываясь и открывая дверь. Я знаю, что он идёт в нескольких шагах позади нас, когда мы поднимаемся по лестнице на первый этаж, и когда мы входим в офис моего агента и её глаза расширяются, глядя на нас, я знаю, что мне придётся объясниться. Как я уже говорила, его нельзя игнорировать.

— Краткосрочная договорённость, — говорю я, подходя к столу своего агента и садясь.

Хизер опускается на стул рядом со мной.

— Папа опять напрягает людей, — язвительно замечает она.

Мой агент слегка смеётся, нисколько не удивляясь.

— Старый добрый папочка.

— Что есть для меня? — спрашиваю я, пытаюсь сосредоточиться на работе — на чём-то, что я люблю и что отвлечёт меня от Шарпа, который держится где-то позади.

Керри садится и перекладывает через стол папку.

— Ты не возражаешь, если мы с Камиллой обсудим ещё кое-что? — спрашивает она Хизер.

— Не обращай на меня внимания, — моя подруга небрежно машет рукой в воздухе, оглядываясь через плечо. — Конечно, я найду как скоротать время.

Я шлёпаю Хизер по колену, и она пожимает плечами, неохотно возвращая своё внимание к Керри, которая снова словно загнипнотизированная смотрит куда-то за наши спины. Я кашляю, чтобы вывести её из этого состояния.

— Да-да!

Керри вздрагивает и возвращается к разговору.

— «Levi's³» запускает новую линию и хочет, чтобы именно твои ноги были в их

джинсах.

— О-о-о, — задумчиво говорю я, открывая файл и просматривая его, игнорируя Хизер, которая снова поворачивается, чтобы поглазеть на моего телохранителя.

— А «Dior» выпускает новый чудо-крем. Ты первая в их списке блондинок, чтобы сняться в их ролике, — подмигивает Керри, указывая на моё лицо. — Самый идеальный тон кожи лица в модельной индустрии.

Хизер смеётся, оборачиваясь.

— Разве это имеет значение? Они всё равно отретушируют всё что нужно.

Керри проводит пальцами по своей строгой стрижке, отмахиваясь от замечания моей подруги.

— Заинтересовалась?

— Конечно, — звонко отвечаю я. — А это, что за проект? — я кладу папку на её стол и смотрю, как глаза агента постоянно смотрят словно сквозь меня, заставляя задуматься, что Джейк делает за моей спиной. Керри покраснела? Мой жёсткий агент, который никогда не проявляет и намёка на эмоции? Я хмурюсь и вытягиваю шею, оборачиваясь через плечо. Он стоит у двери, сложив руки перед собой... выглядит чертовски греховно великолепно. Я поворачиваюсь к Керри, прежде чем мои жадные глаза начнут ещё более откровенно пожирать его. — Проекты? — подсказываю я.

Взгляд Керри устремляется на меня.

— О да, съёмки! — она волнуется, борется с бумагами на своём столе, а Хизер хихикает, сидя рядом со мной. Это впервые. Керри не свойственно волноваться. Полагаю, это зрелище должно быть утешением. Не только я нахожу этого высокомерного придурка привлекательным. — Вот, — она берёт листок бумаги и передаёт его мне. — «Levi's» возвращается к корням. Тема ранчо: ковбой, шляпы и сапоги, что-то в этом роде. «Dior» — это минимализм. Минимальный макияж, невыразительный; ты понимаешь о чём я.

— Звучит неплохо! — моё настроение поднимается, некоторые новые проекты дают мне толчок, в котором я нуждаюсь.

— Отлично. Я начну переговоры. Есть какие-нибудь пожелания?

— Да, — подхватывает Хизер. — Она хочет полную миску апельсиновых Смарти⁴ и комнатную температуру в девятнадцать градусов. Не больше, — невозмутимо произносит она, и я раздражаюсь смехом.

Керри поднимает взгляд и что-то записывает — я знаю, что это не требования, выдвинутые Хизер.

— Ты же знаешь, что я расшибусь в лепёшку ради тебя, да?

Я улыбаюсь, забавляясь.

— Я знаю. Но я не люблю умников, и там будут халаты, чтобы согреться.

— Боже, мне нравится, иметь с тобой дело, — Керри возвращается к своим каракулям. — Я позвоню тебе и сообщу все подробности.

— Прекрасно. А теперь расскажи нам о новом потенциальном инвесторе, — прошу я, не вынося осторожного взгляда Керри, обращённого на меня при его упоминании. — Что?

— Да, что? — Хизер подалась вперёд.

— Ну что ж, — Керри кашляет, оттягивая время.

— Керри, просто скажи.

— Они хотят работать с тобой, Камилла. Они действительно хотят. Им нравится идея, и что ты возглавляешь кампанию, и они даже отстаивают идею расширения ассортимента для

всех женщин всех форм и размеров.

— Но? — спрашиваем мы с Хизер в унисон.

— Но ты не будешь иметь права голоса в дизайне, — она прикусывает губу. — Или ткани. Или аксессуаров.

Я облакачиваюсь в кресле.

— То есть, по сути, они просто хотят, чтобы моё лицо и тело помогали продавать новую линию одежды, на которой будут наши имена, но у нас не будет права голоса не... в чём?

— А я где-либо участвую? — возмущённо спрашивает Хизер.

— Нет, — отвечает Керри по существу, заставляя мою подругу обмякнуть в кресле, боль отражается на её хорошеньком личике. — Извини, но это все равно отличная возможность, Камилла. И они предлагают большие деньги, — она подаёт мне через стол папку.

Протянув руку, я потираю руку подруги, бросая на агента усталый взгляд. Неужели она действительно думает, что я пойду на это?

— Керри, тогда это ничем не будет отличаться от того, чем я занимаюсь изо дня в день. И они хотят, чтобы я бросила свою лучшую подругу и партнёра? У нас есть сотни рисунков, несколько великолепных дизайнов!

Её губы образуют тонкую линию, на лице появляется сочувствие.

— Взгляни на их предложение, — она постукивает по папке, и я беру её, закатив глаза. — Они заинтересованы.

Я встаю и собираю свою сумку, небрежно запихивая файл внутрь, прежде чем вывести ошеломлённую подругу из её травмированного транса. Она медленно встаёт.

— Позвони мне, когда узнаешь подробности о «Levi's» и «Diog», — я поворачиваюсь, и моё уныние усиливается, когда вдобавок ко всему я вынуждена противостоять Шарпу. Наши взгляды встречаются на несколько мгновений, но он первым прерывает контакт, открывая дверь. Я бормочу слова благодарности и толкаю Хизер за дверь.

— Я им не нужна, — бормочет Хизер, тяжело спускаясь по лестнице. — Они хотят тебя, но без меня.

— Мы работаем вместе, — напоминаю ей я. — Я не соглашусь, если мы будем работать не вместе. Я не сделаю этого без тебя, — она поворачивается и смотрит на меня остекленевшими глазами. — Ты действительно так думаешь?

— Да! Хизер, ты гениальная модистка, и твоё внимание к деталям, фактурам и контрастам огромно! Я бы не хотела работать ни с кем, кроме тебя.

Не говоря уже о том, что эта девушка прошла со мной через многое. Она была рядом, держа меня за руку в самые тёмные дни моей жизни. Она никогда не отказывалась от меня. Я обязана ей всем. Причина, по которой я стою здесь сейчас, заключается в том, что Хизер не отказалась от меня в своё время. Я никогда этого не забуду. Мы команда, и никто этого не изменит. Неважно, сколько денег они готовы заплатить.

Я вижу, как её сомнения рассеиваются, и она бросается ко мне в объятия.

— Спасибо.

Я позволяю ей обнять себя, улыбаясь.

— Какие у тебя дела запланированы на сегодня?

— Обедаю с мамой. Хочешь присоединиться к нам? — она отпускает меня и выпрямляется.

Несколько мгновений я обдумываю её предложение, гадая, достаточно ли ужасным наказанием для Шарпа будет заставить его терпеть наши посиделки, и вынудит ли его это

уйти.

— Нет, но спасибо за предложение, — мне нужно что-то более изощрённое. Не для себя. Для Джейка. Я улыбаюсь про себя. — Свободна сегодня вечером?

— Ты хочешь отдохнуть?

— Как тебе вариант с девичником? Вино, может быть, маникюр, поедим какой-нибудь гадости и посмотрим что-нибудь девчачье по телику? — Шарп возненавидит этот девичник. Я позабочусь об этом. — Мы можем что-нибудь ещё придумать.

— Мне нравится!

— Будешь у меня в шесть?

— Потрясающе! — она выскакивает на дорогу и останавливает такси. — Тогда увидимся!

Я машу рукой на прощание и оборачиваюсь, чтобы увидеть, как Шарп хмурится, но не из-за меня. Он смотрит куда-то через дорогу. Удивляясь тому, что именно может привлечь его внимание, я также слеую за его взглядом, но всё, что я вижу, — это ряды машин, припаркованных на улице.

— Жди здесь, — коротко приказывает он, выходя на дорогу. Он весь напряжён, взвинчен и сосредоточен.

— Джейк, что ... — я прерываюсь, когда он переходит на лёгкий бег. Я удивлённо приподнимаю брови. Затем замечаю белый фургон, выезжающий из какого-то закоулка и быстро мчавшийся по дороге.

Джейк замедляется, пока совсем не останавливается, и фургон окончательно не исчезает за углом. Он тянется к карману, доставая мобильный, и снова поворачивается ко мне.

— Белый фургон, — говорит он по телефону, идя ко мне. — Я не разглядел ни номер, ни лица. Может быть и ничего, — телохранитель вешает трубку, и я ошеломлённо смотрю на него. — Что? — спрашивает он, засовывая телефон обратно в карман.

— Просто машина, припаркованная на улице.

— Слишком быстро он удрал.

— Как и я, если увижу, что ты подкрадываешься ко мне, — я качаю головой и, обойдя его, ухожу. У него паранойя.

Я чувствую, что Джейк следит за мной, когда я перехожу дорогу, направляясь к его «Рендж Роверу», но прежде чем успеваю прибавить шагу и оказаться на более удобном расстоянии между нами, я замечаю знакомое лицо и резко останавливаюсь. Резкий удар в спину с проклятием, и я устремляюсь вперёд.

— Осторожно! — рывкаю я, бросая хмурый взгляд через плечо, яростно игнорируя треск электричества от нашего контакта.

Он тут же отступает, его лицо непроницаемое. Но его глаза не отрываются от моих.

— Извини.

Я бросаю взгляд в сторону, обнаруживая того, кто заставляет меня заикаться.

— Ти Джей! — кричу я, срываясь на бег в сторону моего брата.

— Эй, маленькая звёздочка! — смеётся он, когда я врезаюсь в него, заключая в свои яростные объятия. Забавно, это прозвище не раздражает меня только тогда, когда его произносит Ти Джей. Как я рада его видеть! Мы встречаемся крайне редко, в основном потому, что папа обрабатывает его до мозга костей. Не то чтобы Ти Джея это сильно беспокоило. Он наслаждается доверием отца, а также ответственностью. Отец воспитал его

так, чтобы он стал его преемником во всём, что касается бизнеса, но Ти Джей далеко не так безжалостен.

— Что ты здесь делаешь?

Он отодвигает меня от себя и дерзко дёргает меня за щеку.

— Только что забрал костюм из химчистки, — он поднимает чехол с костюмом. —

Сейчас иду на встречу с папой в его адвокатскую контору.

Я не удивлена. Это еженедельное мероприятие для моего брата и отца.

— И кто подаёт на него в суд на этот раз?

— Чёртов мир! — смеётся он. — Как дела, малышка?

— Хорошо, — быстро отвечаю я. Ти Джей знает, что происходит. Папа делится с ним всем. — У него и для тебя тоже есть такая машина для убийств?

Он легонько тычет меня в плечо, затем кладёт руку мне на голову, взъерошивая волосы.

— Ага, Мисс Смешные Штанишки.

— Эй! — вырываюсь я, как только убираю с лица выбившиеся пряди волос, обнаруживая, отсутствие брата рядом.

Потому что большое тело Шарпа оказывается между нами.

Он так близко, что мне приходится запрокинуть голову, чтобы посмотреть ему в лицо. И я замечаю, как под его чёрной футболкой напрягаются мускулы.

— Ты кто? — спрашивает он, подозрительно и враждебно.

Серьёзно? Может ли этот человек быть вежливым и мягким по отношению хоть к кому-либо? И если подумать, он должен чертовски хорошо знать, кто такой Ти Джей. Он, должно быть, видел его фотографии в справках, которые он, вероятно, уже навёл. И, если подумать, он точная копия моего отца. Шарп выглядит жалко. Он всё ещё взвинчен. Из-за того фургона?

Положив руку на плечо Шарпа, я переношу вес на спину и отталкиваю его в сторону. Или пытаюсь это сделать. Он не шевелится. Ни малейшего движения даже несмотря на мои усилия.

— Это мой брат, — вздыхаю я, двигаясь в сторону, чтобы снова увидеть Ти Джея, так как Шарп не проявляет желания подвинуться.

Как и ожидалось, глаза Ти Джея встревожены.

— Так это и есть машина для убийства? — он поднимает руку. — Приятно познакомиться, мистер Шарп.

Я почти уверена, что слышу рычание, исходящее от моего телохранителя, когда он поднимает руку. Его смертельный взгляд прикован к моему брату, который, будучи ещё ниже меня ростом, вынужден отступить на пару шагов и почти сломать себе шею, чтобы только увидеть оскаленное лицо Шарпа.

— И мне, — отвечает он коротко, резко и без всякой искренности.

Ти Джей практически вырывает свою руку из яростной хватки охранника и бросает на меня вопросительный взгляд. Я делаю шаг вперёд и беру брата за руку. Его, я обхожу. Ти Джей нервно смеётся.

— Отец не шутил, когда говорил, что нанял его не потому, что он ему понравился. Ну и придурок!

Мы останавливаемся, и я задумчиво хмыкаю, бросая взгляд через плечо. Джейк всюду осматривается. Это начинает меня нервировать.

— В любом случае... — продолжает Ти Джей, притягивая меня обратно. Лицо у него

серьёзное. Я знаю, что будет дальше. — Я слышал, что кое-кто вышел из реабилитационного центра.

— Забавно, я тоже слышала.

— Камилла, — предупреждает он, устало произнося моё имя. — Мы просто...

Я поднимаю руку, чтобы остановить его.

— Я с ним покончила, — я напрягаюсь, произнося эти слова, но не потому, что мне их трудно выговаривать, а потому, что меня бесит необходимость повторять их в миллионный раз. Моё беспокойство, когда Хизер сказала мне, что Себ вернулся в город, сменилось тонной решимости. Я не собираюсь с ним встречаться. В любом случае, судя по тому, что я слышала, он вновь скоро вернётся в реабилитационный центр.

— Забавно, что именно в тот день, когда Себастьян вышел, Шарпа наняли, чтобы защитить меня. Он необъятен.

Ти Джей похож на него, за исключением того, что он не кажется таким угрожающим.

— Я видел записку, малышка. Мы не можем быть слишком осторожны по отношению к нашей маленькой звёздочке.

— И вообще, что там написано? И кто её прислал?

— То, что там написано, не имеет значения. И если бы мы знали, кто это прислал, неужели ты думаешь, что мы оставили бы его безнаказанным?

Я вздыхаю, признавая своё поражение. Я знаю, что мне нет места в бизнесе, даже если он касается меня.

— Хочешь кофе? — я указываю на кафе через дорогу.

— Может быть, в другой раз. Мне нужно быть на этой встрече, — как по сигналу его телефон начинает звонить, и он улыбается, протягивая его мне. Я вижу, как на экране мелькает «отец». — Я опаздываю на тридцать секунд, — поцеловав меня в лоб, Ти Джей пятится к своей машине, уверенный, что мой неуклюжий охранник обойдёт его стороной. — Присмотри за нашей девочкой, — говорит он Шарпу по-братски. Это согревает меня изнутри... пока я не вижу, что Джейк снова заметно напрягся. Этому человеку просто необходимо хоть когда-то расслабиться, ради всего святого!

Ти Джей запрыгивает в свой «Мазерати» и с визгом мчится по улице, а я направляюсь к машине Шарпа, зная, что он не отстаёт. Это похоже на то, как если бы он отошёл от меня на определённое расстояние, но невидимая верёвка всё равно начала бы наматываться, чтобы приблизить его ко мне.

* * *

В шесть часов Хизер буквально ломится дверь. Я бегу, чтобы открыть, но Джейк опережает меня, глядя в глазок, положив руку на поясницу, где, как я уже знаю, он держит пистолет. Чёртов параноик.

— Это Хизер, — бормочу я, наблюдая, как он разворачивается и отходит прочь от двери, не потрудившись даже открыть её для моей подруги.

Скривив губы, когда он проходит мимо, я открываю дверь, подражая улыбке Хизер, когда замечаю две бутылки вина, которые она держит в руке.

— Я пришла! — произносит она, проходя мимо меня. Я знаю, из-за кого она резко останавливается и замолкает. Поэтому закрываю дверь и толкаю подругу на кухню. — Он божественен, — шепчет она, ставя бутылки на кухонную стойку, пока я беру бокалы.

Я усмехаюсь про себя.

— Если тебе нравится невротический тип...

— О, да. — Хизер наполняет бокалы, пока я роюсь в шкафах в поисках перекуса. Загрузив поднос, возвращаюсь в гостиную с Хизер, идущей за мной следом. Шарп сидит на диване, его ноутбук лежит на его крепких бёдрах. Я останавливаюсь перед ним и жду, когда он оторвёт взгляд от экрана и посмотрит на меня.

— Прощу прощения, — вежливо говорю я, мило улыбаясь.

Он смотрит через комнату на единственное кресло, потом на Хизер. Его лицо совершенно спокойно, и как раз в тот момент, когда я думаю, что он может отказаться уступить место, он встаёт со своего места. Его болезненно медленные движения мускулами, заставляют меня отвести взгляд, прежде чем я попаду в очередной плен. Краем глаза замечаю Хизер. Она не сдерживается, насытившись, её глаза искрятся от радости, когда Джейк шагает к креслу через комнату и снова садится, уткнувшись лицом в ноутбук.

Я падаю на диван и кашляю, привлекая внимание моей ошеломлённой подруги. Она удивлённо качает головой и присоединяется ко мне. Я могу сказать, что она хочет сказать мне всё, что угодно, но присутствие Джейка мешает ей. Наверное, это хорошо. Я ставлю миску с чипсами между нами и мы чокаемся бокалами.

— За что мы пьём? — спрашивает она.

Её вопрос заставляет меня задуматься, и так как я не знаю, то не отвечаю на него, а вместо этого задаю свой собственный вопрос.

— Какой цвет? — я хватаю коробку с лаком для ногтей и сую её Хизер прямо под нос. Тем самым начиная выкидывать девичьи штучки.

— Красный! — она наклоняется и хватается бутылку. — Ты можешь заняться моими пальцами, — скинув туфли, она устраивается поудобнее и кладёт их мне на колени.

С помощью специального ватного разделителя я отделяю её пальцы друг от друга.

— У меня есть для тебя этот набросок. Платья, — говорю я ей.

— Я уже знаю, как оно будет смотреться, — отвечает она, и я улыбаюсь, продолжая работать с её пальцами. — Я договорилась о встрече с поставщиком тканей. И у меня есть идея насчёт нижнего белья. О Боже, ты будешь потрясающе выглядеть в нём!

Резкий кашель заставляет меня слегка вздрогнуть, и я смотрю на Джейка, обнаружив, что он пристально глядит на меня. Он быстро отводит взгляд и продолжает смотреть в ноутбук, избегая моего вопросительного взгляда. Хмуро покачав головой, я возвращаю своё внимание к Хизер, обнаружив, что она поджимает губы, оценивая моего телохранителя. Поэтому я двигаю её ногу, чтобы привлечь внимание.

Она улыбается. Я это игнорирую.

После того, как я покрасила последний палец на ноге Хизер, мы немного успокоились и провели следующие несколько часов, болтая, смеясь, размышляя и выпивая. Как только «Грязные Танцы» заканчиваются, я вскакиваю и тащу Хизер за собой, представляя её как Патрика Суэйзи, в то время как я поворачиваюсь и гарцую вокруг неё. Она поёт. Плохо. И я смеюсь, глядя на то, как она готовится подхватить меня.

— Серьёзно? — смеюсь я.

— Я сильнее, чем кажусь, — она нетерпеливо хлопает меня по плечу.

Моё веселье усиливается, когда я поворачиваюсь, ловя взгляд Джейка, наблюдающего за нами. Или, по крайней мере, наблюдающего за мной. Он что, ухмыляется? Я с любопытством прищуриваю глаза. Затем он, кажется, вздрагивает в кресле, быстро отводя взгляд.

— Давай, детка! — кричит Хизер, притягивая меня к себе. Моя улыбка возвращается, и

я бегу к ней, наблюдая, как она переступает с ноги на ногу, пытаясь закрепить на полу. Мы сталкиваемся, крича во всё горло и падаем на диван, смеясь как идиотки.

— Не такая уж и сильная, — хихикаю я, расслабившись в уединении своей квартиры и дурачась со своей подружкой. Нет никакой необходимости быть настороже, ожидая вспышки камеры, которая хочет поймать меня в выходной день. Никакого контролирующего всё вокруг отца, удерживающего всех в страхе. Здесь только я и моя лучшая подруга.

— Держу пари, он мог бы поднять тебя, как пёрышко, — Хизер кивком указывает на Шарпа, ухмыляясь, и я вспоминаю, что дело не только в нас. И всё же стресс за последний день, вызванный появлением Джейка, всплывает и напоминает о том, что он здесь.

Моя ладонь лежит на вздымающемся животе, когда я смотрю на него, видя, как он ёрзает на сиденье. Я провожу гораздо больше времени, чем допустимо, любясь его великолепной фигурой, развалившейся в кресле. Я изучаю его заросшее щетиной лицо и тёмно-карие глаза, пока они изучают меня в ответ. Он улыбается глазами.

Я наклоняю голову, как и он. Он совсем не выглядит раздражённым из-за того, что ему пришлось вытерпеть, наше с Хизер дурачество. Почему? Я поджимаю губы, размышляя.

А потом Шарп быстро отводит взгляд, как будто только сейчас осознавая, что смотрит на меня. Я прикусываю губу и гляжу на коробку с лаками для ногтей, стоящую рядом. Ухмыльнувшись, выбираю самый яркий розовый цвет, который только могу найти в коробке, и встаю, медленно идя к Джейку, стараясь не шататься после слишком большого количества выпитого вина. Я стою у его ног несколько секунд, прежде чем он решает взглянуть на меня. Я поднимаю баночку с лаком.

— Хочешь, я покрашу тебе ногти?

Его глаза определённо слегка расширяются.

— Нет, — решительно отвечает он, снова утыкаясь в свой ноутбук, игнорируя меня.

Моя улыбка растягивается ещё шире, когда я опускаюсь на колени у его ног. Его босых ног. У него красивые ноги. Я тянусь к его ноге и пытаюсь положить её себе на колени.

— Думаю, этот цвет тебе подойдёт, — он борется с моей хваткой, отстраняясь.

— Камилла, — предупреждает он, но я игнорирую его, борясь с его ногой. — Камилла, какого чёрта ты делаешь?

— Позволь мне! — настаиваю я, смеясь, и моё веселье усиливается, когда Хизер присоединяется ко мне на полу, помогая мне поставить ногу Джейка туда, куда я хочу. Даже вдвоём мы ему не ровня. Он буквально стряхивает нас обеих и встаёт, оставляя нас сидеть на задницах от падения.

Я смотрю на него, нависшего надо мной, моё тело дрожит от удовольствия. Я вижу, как он пытается успокоиться, глубоко вдыхает. Теперь он раздражён, и я не могу не радоваться этому. Я ожидаю, что вот-вот и он уйдёт, сбежит от меня и моей надоедливой подружки. Но затем он удивляет меня, закатывая глаза от крошечного дуновения воздуха и опускаясь, берёт меня за руки и поднимает вверх. Мой смех мгновенно иссякает, когда он поднимает меня, словно я ничего не вешу. И он не отпускает меня, едва я встаю на ноги. Наверное, это хорошо, потому что я не чувствую ног. Ничего не чувствую. Но я чувствую своё сердце. Это сводит меня с ума, и становится только хуже, когда он наклоняется, прижимаясь губами к моему уху. Я замираю в его объятиях.

— Я же говорил тебе, Камилла, — выдыхает он, закрывая рот. — Я терплю это, потому что должен, — он опускает руку, оставляя меня дрожать на месте, и уходит. — Я буду в душе.

— О... боже, — Хизер в мгновение ока оказывается рядом со мной, её рука на моей руке. — Заметь, он не помог мне подняться. И он будет в душе? Это приглашение?

Я беру себя в руки и пытаюсь привести мысли в порядок.

— Не глупи, — бормочу я, направляясь на кухню за вином.

— Возможно, но ты можешь представить его голым? И мокрым?

Я молча умоляю свою лучшую подругу заткнуться и не подпитывать мои и без того неуместные мысли. Мои планы, чтобы позлить его резко оборачивались против меня. Я зла. На саму себя.

* * *

После ухода Хизер я стою спиной к входной двери, с силой прикусив нижнюю губу. Джейк так и не вернулся после душа. Он оставил нас наедине, вероятно, решив, что с него достаточно этой девичей дряни. Эта мысль должна бы заставить меня улыбнуться, но это не так. Всё, о чём я могу думать, это о бесконечных моментах, когда я ловила его взгляд, наблюдающего за мной. Он не выглядел обиженным. Он выглядел довольным. Полная противоположность тому, что я хотела или ожидала.

Мои мысли разрушил зевок. Мне нужно поспать, и, что более важно, отключить свой вечно думающий разум. Я беру со стола несколько эскизов и иду в комнату, чтобы сделать несколько заметок на набросках в постели. Но как раз в тот момент, когда я собираюсь закрыть за собой дверь, я слышу Джейка. Я не могу удержаться, чтобы не выглянуть из-за двери в поисках его, подпрыгивая, когда обнаруживаю его прямо перед собой, только что принявшего душ, но полностью одетого. Мои глаза цепляются за его грудь, представляя её нагой, теребя эскизы в руке.

— Камилла?

Я поднимаю глаза и встречаюсь с ним взглядом.

— Да?

Несколько мгновений он молчит, размышляя, прежде чем заговорить. Затем он протягивает руку и берет один из моих набросков. Я молчу, пока он рассматривает рисунок. Держу пари, он даже не знает, что это.

— Это прекрасно, — задумчиво произносит он, слегка наклонив голову. — Что это?

— Это пояс. Часть линии аксессуаров, которую я разработала, — я забираю рисунок обратно, смеясь про себя. Почему он вдруг стал таким дружелюбным?

— Хочешь сделаю для тебя?

Он невесело взглянул на меня.

— Я не ношу ремней.

Он тянется к кромке своей футболки и задирает её. Я ожидаю, что он покажет мне то, что он носит джинсы без ремня, но всё, что я замечаю, — это подтянутый живот. Во рту пересыхает, и я хватаюсь за дверь, чтобы не упасть. Чёрт возьми. Я могу порезать палец пройдясь по любой из этих чётко очерченных линий.

— Единственный аксессуар, который я ношу — это пистолет.

Он поворачивается на босых ногах и уходит.

— Я не могу пристрелить тебя гребанём ремнём.

Моментально, моя похоть исчезает, и лицо искажается от ярости. И, не находя слов, я в гневе захлопываю дверь.

Глава 9

Джейк

Она делает это нарочно. Клянусь, от всего этого девчачьего дерьма у меня мозги розовеют. В общем, прямо сейчас я чувствую себя чертовски возбуждённым.

Я стою позади Камиллы Логан в отделе косметики в «Harvey Nichols⁵», наблюдая, как леди за прилавком то и дело предлагает ей всё новые и новые товары, чтобы Камилла попробовала их, при этом рассыпаясь в хлёстких положительных отзывах о каждом оттенке помады, которую она наносит на губы Камиллы. Лично я думаю, что естественный оттенок губ идёт ей куда больше, но предполагаю, что моё мнение не нужно или не важно ни для кого. Я закрываю глаза, когда Камилла наклоняется передо мной, приближаясь к зеркалу, чтобы взглянуть на последний оттенок помады. Она и это делает нарочно. В своём сознании я всеми силами заставляю свои мысли прийти в норму, пытаюсь стереть мысленный образ её упругой задницы, находящейся на расстоянии вытянутой руки, и снова открываю глаза только тогда, когда уверен, что взял себя в руки.

Надо было держать глаза закрытыми. Она смотрит на меня в зеркало, медленно сжимая губы вместе в течение нескольких дразнящих секунд, прежде чем начинает обиженно надувать их. Мой член дёргается, и я кашляю, быстро отводя взгляд, тем самым пользуясь возможностью прийти в себя. Она определённо делает это нарочно.

Я не играю в её глупые игры. Я не знаю, о чём, чёрт возьми, она думала вчера утром, подкрадываясь ко мне вот так. Одно необдуманное движение с моей стороны, и она могла бы умереть у меня на руках. Когда я прижал её к полу, то не увидел в её глазах ни капли страха, который должен был присутствовать в них. Было что-то ещё, и мне это не понравилось. Это было заманчиво. Ужасно заманчиво. Я едва удержался, чтобы не наброситься на её рот своим.

А потом, прошлой ночью, она заставила меня терпеть её и эту глупую подругу. Боже, я никогда не боролся с собой так отчаянно, и это не имело ничего общего с девчачьим дерьмом, которое она мне навязывала. Мои чёртовы глаза отказывались смотреть в ноутбук. Они продолжали цепляться за неё и искать. Её лицо, во всяком случае, такое красивое, просто ошеломляющее, стоит ей улыбнуться. Она не улыбается открыто на фотографиях, на своих фотосессиях. Всё угрюмо и в основном невыразительно. Это чёртова трата времени.

Я смотрю на Камиллу, и моё сердце замирает. Её присутствие, хотя и вызывающее, но оно успокаивает. Я никогда не пойму этот контраст.

Это чёртова проблема, потому что я не должен смотреть на неё так, как сейчас, и у меня определённо не должно возникать в голове этих проклятых глупых мыслей. Но от моего внимания не ускользнуло и то, что вчера у меня не было ни одной плохой мысли о прошлом, и прошедшей ночью, когда я пытался устроиться поудобнее на этом чёртовом диване, я думал о Камилле, и только о Камилле. И это в равной мере и облегчение, и беспокойство.

Я обвёл взглядом зал, избегая Камиллы и зеркал. Мой телефон звонит как раз вовремя. После встречи со сводным братом Камиллы, Ти Джейем, я немедленно написал Люсинде и попросил её узнать о нём как можно больше. Он мне не нравится. Он изворотлив, и у него вкрадчивое лицо, которое так и просит, чтобы его ударили... немного похожее на лицо их отца. Не могу передать, как трудно было удержаться и не вмазать ему. Брат Камиллы, нахальный ублюдок, имел наглость сказать мне, чтобы я присматривал за ней. Идиот! Если бы на него удалось найти хоть что-то эдакое, это дало бы мне повод, который я искал, чтобы разорвать его на части.

Я открываю сообщение Люсинды. Поиск ничего не дал. Чистый, как чёртово стекло Само собой. Вздохнув, я набираю ответ.

«Курьер? Кто принёс эту угрозу?»

«Курьера не было. Во всяком случае, не в тот день.»

Я хмуро смотрю на экран, не понимая, что это значит. Я бросаю писать и звоню ей, блуждая в нескольких футах от Камиллы, но не сводя с неё глаз.

— Курьера не было? — спрашиваю я, когда Люсинда берёт трубку.

— Нет. Никого.

— Он что-то скрывает, — размышляю я, опустив глаза в пол.

— Тогда давай спросим его.

— Нет, нельзя давать ему повод думать, что мы копаем под него.

— Тогда что делать?

Я смотрю на Камиллу. Она всё ещё склонялась над этим чёртовым зеркалом.

— Он не нанял бы меня просто так, — произношу я, думая, что Логан, должно быть, искренне опасается за безопасность своей дочери. Я ему нужен исключительно для её безопасности. — Продолжай копать, — я кладу трубку и убираю телефон обратно в карман. Я расстроен. Каждый новый поворот в этом деле заводит в тупик, и тот белый фургон возле офиса агента Камиллы определённо вызывает подозрения. Я работаю достаточно давно, чтобы знать, что можно считать подозрительным, а что нет.

Я оглядываюсь. Там до неприличия оживлённо, женщины наводняют прилавки по всюду разбросаны кредитные карточки. Это ад.

После того, как Камилла заставила меня целый час терпеть этот ужасный отдел косметики, она уходит, заставляя меня следовать за ней. Смесь миллионов запахов начинает раздражать нос, вынуждая бороться с зудом, чтобы не разразиться приступом чихания.

Стоит нам зайти за угол, как я замечаю впереди охранника, который быстро движется к нам. Незамедлительная оценка ситуации позволяет понять причину. Я быстро нахожу взглядом Камиллу, замечая, что она идёт прямо на него, полностью поглощённая своим телефоном.

— Эй! — я хватаю её и оттягиваю в сторону.

Её испуганный визг не мешает мне сосредоточиться, и я стаскиваю её с прохода как раз в тот момент, когда мимо пробегает молодой парень, за которым быстро следует охранник. Я провожаю их взглядом, ни на секунду, не выходя из роли охранника. Маленький мошенник быстр, несмотря на то, что у него явно есть какие-то лакомства, засунутые в толстовку.

Я качаю головой и поворачиваюсь к Камилле, не осознавая, что всё ещё обнимаю её за талию. В тот момент, когда я это подмечаю, меня обдаёт жаром. Очень сильным. Я отпускаю её и отступаю назад, предоставляя девушке немного пространства. Её топазовые глаза — напоминают огромные круглые шары... О, чёрт, опять этот взгляд, тот же самый, что возникает у неё каждый раз, стоит мне прикоснуться к ней

Я прочищаю горло и голову, отрывая взгляд от её глаз. Она в оцепенении.

— Твой телефон, — говорю я, заметив его на полу у её ног. Я опускаюсь на колени, подбирая и собирая его, и протягиваю ей. Камилле требуется несколько неприятных секунд, чтобы выйти из транса, её рука робко тянется и забирает свой айфон.

— Спасибо, — бормочет она и поворачивается, выглядя такой же неуверенной, как и моё сердцебиение. Чёрт возьми, её запрет на прикосновения, вероятно, лучшая идея, которая у неё когда-либо возникала, но она не эффективна, если мне на физическом уровне необходимо прикоснуться к ней. Каждый раз, когда я смотрю в глаза этой женщины, то вижу желание, влечение, потребность, но что самое пугающее, и я чертовски сильно *чувствую*

это.

Мне нужно выпить. И чего-нибудь покрепче. Всё, что угодно, лишь бы избавиться от этих дурацких мыслей. Есть только одна женщина, которая хотя бы отдалённо оказывала на меня такое воздействие раньше, и именно из-за неё я стал долбаным бывшим снайпером спецназа. «Бывшим» — это ключевое слово. *Разберись с этим, Шарп!*

Догнав Камиллу, я встаю в очередь за ней, гадая, какое очередное дерьмо он собирается мне преподнести. Ничего не может быть хуже, чем час в отделе косметики, я уверен.

Я ошибаюсь.

Отдел нижнего белья.

Она что, издевается надо мной? Я смотрю вперёд, когда она ведёт меня через лабиринт сексуального нижнего белья, забирая понравившееся комплекты с вешалок. Я отказываюсь смотреть. Я стараюсь смотреть на что-то безопасное, и сейчас единственное безопасное место для моих глаз — это затылок Камиллы. Пока она не оборачивается. Её голубые глаза сверкают, и я вижу в них озорство. Рука, нагруженная кружевными бюстгалтерами и нижнем бельём, оказывается между нами, и я стою перед дилеммой, на что лучше смотреть сейчас: на Камиллу или на грудь нижнего белья в её руках.

Миниатюрного...

Она улыбается, словно намекает на что-то, и кивает проходя вперёд.

— Мне нужно их примерить.

Я расширяю свой угол обзора обводя взглядом как можно больше пространства и соединив руки перед собой, киваю.

— Не торопись, — спокойно произношу я, взгляд выдаёт меня, опускаясь на массу роскошного материала в её руке. Я сглатываю и мысленно стреляю себе в мозг. Если бы я охранял какого-нибудь парня, то, вероятно, стоял бы сейчас в конце бара в каком-нибудь пабе или, что ещё лучше, наслаждался бы каким-нибудь спортивным мероприятием, наблюдая за ним вживую. Ёбаный шопинг! И нижнее бельё? Люсинда, должно быть, чертовски ненавидит меня.

— Сюда, — произносит Камилла, направляясь к примерочным.

Я послушно слеую за ней и, догнав, быстро осматриваю периметр, прежде чем выйти и встать у входа.

— Воспользуйся ближайшей примерочной, и всё будет хорошо. — Она в десяти футах. Я могу смириться с этим.

Она с сомнением смотрит на меня.

— Ты собираешься стоять здесь?

— Здесь достаточно места, чтобы ты чувствовала себя комфортно и была в безопасности, — говорю я ей прямо.

Я наблюдаю, как Камилла вытягивает шею из-за угла в коридор с примерочными.

— Первая кабинка? — спрашивает она.

— Да.

— Я предпочитаю дальние, — небрежно отвечает она, продолжая свой путь.

Я пытаюсь сдержать усталый вздох. Правда, пытаюсь.

— Камилла, не думай, что я не войду, — она меня недооценивает.

— Не думай, что меня это волнует, — парирует она.

Мои брови приподнимаются от удивления. Она же не предлагает...?

Я смеюсь про себя, но мне не смешно.

— Камилла, просто выбери кабинку...

Я вхожу в зону примерочных и стучу костяшками пальцев по дверце, чтобы убедиться, что там пусто, прежде чем открыть дверь. Она доходит до конца примерочных и бросает хитрую улыбку через плечо, прежде чем исчезнуть в выбранной ею кабинке. Несколько мгновений я стою, как придурок, не веря своим глазам, уставившись в пустоту. Похоже, я её недооцениваю. Я оглядываюсь через плечо, вижу занятых помощников и медленно принимаю свою судьбу.

Я хочу убить её. Медленно.

Как только я подхожу к её двери, то слышу шарканье снаружи. Камилла Логан раздевается. Я обращаюсь за помощью к небесам. Дверь чуть приоткрывается, и из-за неё появляется её рука. Я хмуро смотрю на неё, где пара самых маленьких красных кружевных трусиков, которые я когда-либо видел, свисают с кончика её указательного пальца.

— Это «да», — самодовольно говорит она.

Я делаю вдох и закрываю глаза, набираясь терпения, и вслепую срываю их с её пальца. Ещё две минуты шарканья и пыхания из-за двери, прежде чем она снова открывается, на этот раз лифчик.

— Это тоже «да».

Я оставляю её руку висеть в воздухе, думая о том, какой большой кляп получился бы из этого бюстгалтера. Я сам себе удивляюсь. Мои мысли совсем не сексуальны. Я хочу засунуть это сексуальное нижнее белье в её упрямый рот, чтобы она не могла говорить. Затем Камилла приоткрывает дверь ещё немного и выглядывает наружу. Наши глаза встречаются, и эта мысль превращается в образ. Сексуальный образ. Образ Камиллы Логан, стоящей на четвереньках, с лифчиком, засунутым ей в рот, и меня, врезающегося в неё.

— Шарп!

Я подпрыгиваю, рефлекторно выхватывая вещь из её изящной руки. Чёрт возьми, мне определённо нужно разобраться в себе.

— Буду снаружи, — я ухожу прочь, обливаясь потом, чувствуя себя словно в замкнутом пространстве. Дойдя до входа в примерочные, я прислоняюсь спиной к стене и глубоко дышу, изо всех сил стараясь отогнать этот образ.

— Сэр? — появляется консультант, указывая на красный комплект в моей руке. Я смотрю вниз и тут же жалею об этом, этот мысленный образ снова возникает в моём сознании.

— Она возьмёт это! — я впикиваю комплект в руки продавцу и отряхиваю свои ладони, словно это может очистить мой разбушевавшийся разум. Это чёртова попытка. Я делаю себе мысленную пометку написать Люсинде, чтобы она впредь и не думала подсовывать мне подобные предложения о работе.

Продавец забирает нижнее белье с неуверенной улыбкой.

— Я их заверну.

— Спасибо. — Она оставляет меня, позволяя мне хоть немного расслабить напряжённые мышцы, но тут появляется Камилла, прерывая мою минутку релаксации. Я снова становлюсь напряжённым.

— Закончила? — спрашиваю я, молясь, чтобы её ответом было «да». Но у неё на лице появляется игривая улыбка, которую я хотел бы стереть. Может быть, своим ртом?

Она поднимает обе руки, и ещё более сексуальные кружевные комплекты практически бьют меня по лицу.

— Мне они тоже нравятся, — она плавно уходит и кладёт комплекты на прилавок, глядя через плечо на меня мило улыбаясь. Я выдавливаю кривоватую улыбку в ответ и отвожу от неё взгляд. Да, я её ненавижу. С удвоенной силой.

Десять минут спустя я чувствую запах свободы, когда в поле зрения появляется выход. Мне просто нужно ещё раз пройти через отдел косметики и надеяться, что Камилла не отвлечётся на что-то блестящее. Мне нужен воздух. Мои натренированные за время работы глаза разрываются между Камиллой и дверью впереди, благодаря которой я смогу покинуть это ужасное место, моя рука непроизвольно дёргается, желая подтолкнуть Камиллу в спину и поторопить её. Никаких прикосновений, напоминаю я себе. Не прикасайся к ней.

Впереди я замечаю женщину, вооружённую флакончиком духов, которая разбрызгивает их на специальные тестеры и раздаёт их прохожим. Солнечный свет проступает в магазин через стеклянные двери, и я вижу, что облако около неё — это туман из танцующих ароматных частиц.

— Яд, мадам? — спрашивает она Камиллу, когда мы проходим мимо, и берёт на себя смелость брызнуть из флакона на картонку, которую уже готова вручить. Но промахивается, и капли духов попадают на руку Камиллы, пугая её. Я смотрю вниз и вижу, как она потирает руку, улыбаясь женщине.

— Нет, спасибо. Это не мой запах.

— Мне так жаль! — испуганная женщина, цепляется за руку Камиллы. — Должно быть, распылитель перевернулся!

— Всё в порядке, честное слово, — Камилла успокаивает консультанта. — Он немного резковат для меня, — забыв о личных границах, я толкаю Камиллу вперёд, сквозь дымку распылённых духов. Частицы попадают мне в нос, и я, приняв их, морщусь. Потом кашляю, и запах захлёстывает меня. Я отпускаю Камиллу, мои ноги со скрипом останавливаются.

Этот запах.

Мой пульс падает, кожа холодеет.

Этот запах.

Я сглатываю и моргаю, видя перед собой плавающие мелкие брызги, напоминающие орудие пытки.

Этот запах.

Я чувствую, как воспоминание захватывают меня, пригвождая к месту, сковывая мышцы. Я не могу пошевелиться. От этого никуда не деться. Я не мог дышать, и когда воздуха становится совсем мало, в мой нос ударяет огромная доза тяжёлого запаха, идущего прямо в мозг. Яд. Я не чувствовал его четыре года.

Раньше она носила этот яд. Всё вокруг темнеет, и я вижу перед собой только одно. Её лицо. За её лицом последовала кровавая бойня в Афганистане. Крики, стрельба, моя вышедшая из-под контроля ярость. Я наклоняюсь и упираюсь руками в колени, начиная задыхаться. Чёрт, мне нужно убираться отсюда.

— Джейк? — голос Камиллы похож на гул, звучащий где-то вдали. — Джейк, ты в порядке?

Я втягиваю воздух через нос, не в силах контролировать подачу кислорода в лёгкие. Я получаю ещё одну мощную порцию духов и начинается агония, моё сердце колотится как ненормальное.

— Мне нужно выйти, — произношу я натянуто.

Бесцельно иду вперёд, натываясь на людей, отпихивая в сторону всех, кто оказывается у меня на пути. Двери, они так близко, но в тоже время так далеко. Я практически вываливаюсь из магазина, вспотевший, как будто только что пробежал марафон, и облокачиваюсь на стену в надежде успокоится.

Дрожащей рукой тянусь к внутреннему карману пиджака, не переставая глотать чистый воздух, нащупывая таблетки. Это глупо; никакого чудодейственного эффекта от их принятия сейчас не будет, но есть психологическая потребность. Я вытаскиваю их и играюсь с дурацкой маленькой крышкой, пузырёк выскальзывает из руки. Он падает на асфальт прямо у моих ног.

— Чёрт, — ругаюсь я, наклоняясь, пытаюсь сфокусировать зрение, чтобы найти маленький флакончик. Я почти ничего не вижу. Дышу в десять раз чаще, чем следует. Мои руки касаются асфальта, пока я отчаянно пытаюсь отыскать таблетки.

— Вот, — расплывчатое пятно, напоминающее чью-то другую руку, появляется в моём затуманенном сознании, берёт пузырёк и протягивает его мне. В одно мгновение моё зрение проясняется, и я поднимаю взгляд, чтобы увидеть обеспокоенные топазовые глаза, смотрящие на меня.

Я сглатываю и забираю таблетки, пытаюсь открыть крышку, при это стараюсь подняться на ноги, и снова прислоняюсь к стене. Камилла избавляет меня от лишних страданий и забирает пузырёк, легко открывает его и высыпает одну таблетку себе на ладонь. Она протягивает её мне, и я несколько секунд тупо смотрю на небольшую таблетку, прежде чем взять и закинуть её себе в рот.

Я закрываю глаза и делаю несколько глубоких вдохов, ненавидя себя за то, что выставил свою слабость на всеобщее обозрение. Такого никогда раньше не было. Не до такой степени, может быть, только во сне. Но эти духи. Они стали спусковым крючком. Твою мать.

— Бета-блокаторы, — тихо произносит Камилла. — Они контролируют выброс адреналина. Снижают приступы тревоги.

Я опускаю голову и обнаруживаю, что она снова закручивает крышку и закусывает нижнюю губу. Я не мог ей лгать. Но что, чёрт возьми, я должен сказать?

Я протягиваю руку и забираю у неё пузырёк, засовывая его обратно во внутренний карман, прежде чем оценить на сколько уверенно мог стоять на ногах. Быстрое напряжение бёдер говорит о том, что я в норме. Я отхожу от стены, чувствуя, как Камилла следит за каждым моим движением.

— Куда дальше? — спрашиваю я, избегая её взгляда.

— Сегодня вечером мне нужно просмотреть кое-какие бумаги, — тихо отвечает она.

— Домой, значит, — заявляю я, немного взмахнув рукой, в надежде перевести тему и заставить её отмереть.

Но через несколько неловких секунд Камилла всё ещё не двигается, и я вынужден посмотреть на неё, мой взгляд выжидающий. Но она не отвечает на него. Она смотрит на меня — нет, не с интересом и не с любопытством. В её взгляде плещется сострадание, и хотя я знаю, что это не правильно, но это успокаивает.

— Не жалея меня, — тихо прошу её я, наши глаза встречаются и ни один из нас не разрывает этот контакт.

— Почему?

— Потому что я этого не заслуживаю. — Я ловлю себя на том, что становлюсь жертвой её прекрасных глаз, манящих, дарующих мне покой, которого я не заслуживаю.

— Что с тобой случилось? — шепчет она.

— Война, — просто отвечаю я, удивляясь той лёгкости с которой произношу это. Я замечаю понимание на её безупречном лице и, наконец, отрываю от неё взгляд, прежде чем посмею рассказать ей о чём-то ещё из своей дерьмовой жизни.

— Домой, — я немного вытягиваю руку вперёд, позволяя ей двигаться первой и надеюсь, что на этот раз она последует за мной. Она следует. Тихо и задумчиво она проходит мимо меня.

Камилла Логан исчерпала свой лимит злорадства на сегодня. И она никогда не узнает, как я ей за это благодарен.

Когда я следую за Камиллой в вестибюль её дома, мой разум всё ещё затуманен, а нос по-прежнему забит всевозможными запахами. Я нажимаю кнопку вызова лифта и поворачиваюсь, когда слышу приближающиеся шаги. Консьерж, улыбаясь, держит в руке конверт.

— Мисс Логан, ваша почта.

Камилла берёт конверт как раз в тот момент, когда лифт сообщает о своём прибытии и его двери открываются.

— Спасибо, — произносит она, на ходу открывая конверт и входя в лифт. Она запинается, и я хмурюсь, следуя за ней.

— Что случилось? — спрашиваю я, стараясь на концентрировать внимание на мурашках, выступивших на её руках. Она смотрит на меня немного отсутствующим взглядом, заставляя взять конверт из её безжизненных рук.

Изображение сразу же попадаетея мне на глаза.

— Чёрт, — ругаюсь я, глядя на фотографию Камиллы, бредущей по улице с сумками в руках. Я меняю фотографию и тут же вижу другое фото, на ней она садится в свой красный «Мерс». Внизу есть текст, и я напрягаюсь с каждым прочитанным словом.

«У ТВОЕГО ОТЦА ЕСТЬ 3 ДНЯ, ЧТОБЫ СОГЛАСИТЬСЯ».

Двери лифта начинают закрываться, и я протягиваю руку, чтобы остановить их.

— Эй! — кричу я консьержу, когда он отходит от нас. Он поворачивается на звук моего голоса, всё ещё улыбаясь. — Кто доставил это? — я поднимаю конверт в воздух показывая.

— Королевская почта, — отвечает он, заставляя меня перевернуть конверт и поискать почтовый штампель. Там ничего нет, только имя и адрес Камиллы на печатной этикетке. На этот раз я позволяю дверям лифта закрыться, достаю из кармана телефон. Логан отвечает после первого же гудка.

— Камилле доставили несколько фотографий, — я сразу же перехожу к делу. — Кто бы это ни был, он следил за ней. Вчера утром я видел белый фургон возле офиса её агента. Я пошёл в том направлении где он стоял, но он довольно поспешно уехал.

Логан издаёт громкий вздох.

— А что в этих фотографиях?

— Камилла, — рывкаю я.

О чём к хренам он думает?

— Там записка. Они утверждают, что у вас есть три дня, чтобы согласится. Согласится на что?

— Я не знаю! На что я могу согласится, если не знаю, чего они хотят?

Я борюсь с желанием ударить кулаком в стену лифта, глядя сверху вниз на Камиллу.

Она всё ещё выглядит опустошённой.

— Вам больше не угрожали? — интересуюсь я.

— Нет, чёрт возьми! Не выпускай её из виду, Шарп!

— Я и не собираюсь, — произношу я сквозь стиснутые зубы, и сбросив вызов я сразу же звоню Люсинде. Она не успевает ничего произнести. — Я пришлю тебе кое-что с курьером в течение часа. Проверь на отпечатки пальцев. — Двери лифта открываются, и я быстро захожу в него с Камиллой.

— Поняла.

Сунув телефон обратно в карман, я останавливаюсь у двери квартиры Камиллы и смотрю на неё сверху-вниз.

— Ключи? — спрашиваю я, выводя её из транса собственных мыслей.

Она смотрит на меня, даже не пытаясь достать ключи.

— Насколько это серьёзно? — тихо спрашивает она. Страха, который, как я ожидал, должен проступить на её лице, нет. Вместо этого на её лице всё ещё читается чувство сострадания.

— Угрозы обычно именно таковы, — отвечаю я несколько роботоподобным голосом. — Просто форма запугивания. Кроме того, пока я рядом, с тобой ничего не случится. Открой дверь, — я заставляю себя отвести от неё взгляд. Это труднее, чем должно быть, тем более, когда она смотрит на меня вот так, с миллионом вопросов в глазах. Но я чувствую, что эти вопросы не касаются угроз или их причин. Это вопросы обо мне.

Глава 10

Ками

Я провела ночь без сна, но присланные фотографии, не были причиной моей бессонницы. Это было моё любопытство, относящееся к Шарпу. После нашего возвращения, он говорил со мной только тогда, когда это было необходимо, давая односложные ответы. Напряженность так и весела в воздухе. Ужасная. И я знала, что она не имеет никакого отношения к доставленным фотографиям. Я знала, что делала в «Harvey Nichols», мучила его, заставляя страдать, я загнала его в мужской ад. Я наслаждалась каждым мгновением, видя, как он мучился и потел.

Но каждый раз, когда наши взгляды встречались, моё веселье испарялось и заменялось чем-то, что я так сильно не любила чувствовать. Но я не могу отрицать, что чувствовала именно это. Я изо всех сил старалась не обращать на это внимания, но не могла скрывать. Между нами словно проходили электрические разряды, которые, как я сделала вывод, были совершенно реальными. Впрочем, сейчас это не имеет значения.

С тех пор как у Шарпа случился тот жуткий приступ в магазине, он закрылся. Даже не смотрит на меня. Вроде бы я должна радоваться. Это избавило нас от неловкости, когда мы постоянно ловили друг на друге обоюдные взгляды, но, к сожалению, эта неловкость заменяется чем-то другим. Напряжением. Неизвестностью. По крайней мере, с моей стороны. Он здесь, но в тоже время нет. Он похож на робота, и я не могу не задаться вопросом, не потому ли это, что он ослабил свою защиту. Позволив мне заглянуть в него глубже, чем следует. Не то чтобы у него был выбор. Он не контролировал ситуацию. Было довольно мучительно наблюдать, как его большое, сильное тело в один миг стало таким беспомощным. Могу себе представить, что он чувствует. Такой сильный, но такой уязвимый. Это напоминает мне кое-кого другого... Меня... Большая часть меня — это прикрытие. Лично мне кажется, что я постоянно борюсь со своими демонами. Мы с Шарпом куда

больше оказались похожи, чем мне того хочется. Потому что, какова бы ни была его внутренняя борьба, я понимала его. Я поняла. И это немного очеловечивает его, заставляет меня увидеть Джейка немного по-другому.

Когда я вхожу в гостиную, откидывая волосы назад на ходу, то нахожу её пустой. Шарпа нет на своём обычном месте на диване. Он выглядит странно без его большого тела, лежащего на нём. Я слышу звуки из кухни и следую за ними, войдя, нахожу его у раковины, как раз допивающего стакан воды. Я на мгновение задумываюсь, не пришлось ли ему принять ещё одну таблетку. Бета — блокаторы. Одна вещь, которую я выяснила о Джейке Шарпе, это то, что он определённо страдает от посттравматического синдрома. Я знаю это, так как он подтвердил сам, пусть и несколько уклончиво, что он ветеран войны. У него также вероятно есть пулевое ранение.

Но не моё дело совать нос в чужие дела, а после того, в каком состоянии он был у «Harvey Nichols», я не смею. Это было больно видеть. Мне бы не хотелось снова подвергать его такому испытанию.

Я иду к холодильнику за детокс-соком.

— Я встречаюсь с Хизер за кофе, — информирую я, отвинчивая крышку сока и поворачиваясь.

Шарп не шевелится и, кажется, не слышит меня. Он просто погружен в свои мысли.

Я оценивающе смотрю на него, пока иду прочь, потягивая сок. Потом замечаю у его ног сумку.

— Ты куда-то собираешься?

Он смотрит на меня, всё ещё выглядя немного отстраненным.

— Меня перевели на другую работу, — машинально произносит он.

Моё сердце останавливается, и это глупо. Его отъезд, несомненно, лучше, что могло случиться.

— Новый охранник уже в пути, — добавляет он. — Ты будешь в безопасности.

Моё сердце резко пронзает боль. Это сбивает с толку сверх всякой меры, но я продолжаю свой путь, сжимая бутылку в руке до тех пор, пока пластик не начинает громко хрустеть. Самое хреновое во всём этом, это то, что я разочарована его отъездом больше, чем поступившим угрозам. Это безумие.

— Хорошо, — я выдавливаю это слово сквозь стиснутые зубы, заметив свою сумочку на другом конце гостиной, когда вхожу.

Просто возьми её и уходи. Не смотри на него.

Я бросаю телефон в сумку и поворачиваюсь, обнаруживая Джейка, стоящего в дверях кухни и пристально наблюдающего за мной. Его глубокие глаза, когда они изучают меня так пристально, всегда лишают меня возможности двигаться.

— Что? — спрашиваю я резким и отрывистым голосом.

Он поднимает свою сумку с пола, качая головой.

— Ты будешь ждать его здесь, пока он не приедет.

— У меня есть дела! — начинаю спорить я, когда он перекидывает сумку через плечо и направляется к двери.

— Пять минут, Камилла. Ты можешь подождать пять минут. И тебе больше никогда не придется делать то, что я тебе говорю, — Джейк берётся за ручку двери и оглядывается через плечо, почти улыбаясь мне, ожидая моего ответа. Вот почему я не отвечаю.

Мне не нужно никому ничего доказывать, кроме как самой себя. Я честна и независима.

У меня также невыносимо болит сердце, когда я смотрю, как он открывает дверь. Я пытаюсь урезонить себя, говоря, что веду себя глупо, и единственное, что заставляет меня чувствовать себя так, — это комфорт, который я *не* хочу чувствовать от одного его присутствия в своей жизни. Что он может защитить меня. Но дело не только в этом.

Джейк бросает на меня последний долгий, тяжелый взгляд, затем поворачивается, чтобы уйти, но не проходит и двух шагов, как вдруг резко останавливается. Мышцы его спины напрягаются под футболкой, плечи высоко подняты и напряжены. Его сумка падает на пол, а рука быстро устремляется за спину, на чём-то останавливаясь. Пистолет?

Я осторожно отступаю назад... и тут слышу чей-то голос.

— Камилла ты дома?

Все мои внутренности уходят в пятки.

Себастьян.

Я начинаю пятиться назад в испуге, но потом эта паника сменяется другой. Чёрт, Шарп его пристрелит!

Я подлетаю к двери и хватаю Шарпа за руку, которая уже на полпути к тому, чтобы вытащить пистолет из-за пояса джинсов. Он умело вырывается из моего захвата и поворачивается, глаза полны опасного намерения, на лбу блестит пот.

В тот момент, когда он понимает, что это я, то вижу, как его лицо смягчается.

— Это мой бывший парень! — спешу я ему объяснить.

Джейк замирает, и как только я уверена, что информация, предоставленная мной только что, проникает в его разум робота, я встаю перед ним, медленно и осторожно, внимательно наблюдая за ним. Он выглядит опасным. Непредсказуемым. Господи, он выглядит убийственно.

— Господи, — проклятие Себа, наполненное испугом, отвлекает моё внимание от Шарпа. Мой бывший стоит в коридоре, прижавшись спиной к дальней стене. Его голубые глаза широко раскрыты и насторожены, но они также совершенно ясны.

Прошло девять месяцев с тех пор, как я видела его в последний раз. Девять месяцев для понимания самой себя. Он знает, что наши отношения закончены, что для меня нет пути назад.

— Что ты здесь делаешь? — спрашиваю я, бросая взгляд через плечо, и мне не нравится то, что я при этом замечаю. Шарп выглядит смертельно опасным, его рука всё ещё за спиной, готовая вытащить пистолет.

— Как поживаешь, Кэм? — спрашивает Себастьян. Супер-укороченная версия моего имени, единственная, которой он пользовался, обращаясь ко мне, вызывает натиск воспоминаний. Единственное, что меня спасает — это воспоминания о пережитом кошмаре. Это лучшее напоминание.

— Хорошо, — я одариваю Себастьяна спокойным выражением лица, чтобы оно соответствовало моему тону голоса. *Мне хорошо, без тебя!* Находясь в реабилитационном центре, он регулярно сообщал мне новости в длинных, подробных электронных письмах. Я решила не отвечать, а после первых двух недель вообще перестала их читать. Они только мешали моему выздоровлению. Он был полон раскаяния. Он всегда был таким. Он не сделает меня снова слабой. У него теперь нет такой власти надо мной.

Бросив взгляд мимо меня, Себ оценивает гору мышечной массы, по-прежнему маячащую позади меня.

Я решаю ответить на его молчаливый вопрос, хотя бы для того, чтобы сдвинуть дело с

мертвой точки. Всё это становится неловким.

— Он работает на моего отца, — говорю я. — Сегодня он мой шофёр.

Это не ложь, но и не правда. Не имеет значения, кем был Джейк Шарп, потому что, судя по всему, он скоро уедет.

И снова от неприятного чувства сожаления моё сердце сжимается, но что более важно, благодаря его присутствию у меня полностью отсутствует чувство страха перед встречей с Себом. В этот момент я понимаю, как благодарна Шарпу за то, что он сейчас рядом. Особенно сейчас.

Себастьян делает шаг вперёд и улыбается.

— Кофе? — интересуется он.

— Не думаю, — отвечаю я.

— Нет? — Он выглядит потрясённым моим отказом, и это сильно поражает меня. А что, по его мнению, я должна сделать? Броситься к нему в объятия и сказать, как сильно я по нему скучала? Я киваю в подтверждении своих слов и наблюдаю, как знакомая волна гнева пробегает по его лицу. Он пытается скрыть это, и, возможно, кто-то другой это и не заметит, но я уже видела это вынужденное спокойствие раньше. Он меня не обманет.

— Да ладно тебе, — напевает он, делая шаг вперёд с улыбкой на лице. — Разве ты не скучала по мне?

На этот раз у меня нет возможности ответить. Я вскрикиваю, когда меня оттягивают в сторону. Шарп берётся за дверную ручку и подходит к Себу, который благоразумно попятился назад.

— На этом ваш разговор с мисс Логан заканчивается, — с этими словами Джейк захлопывает дверь и направляется на кухню, вытаскивая из кармана телефон.

Я смотрю на свою закрытую входную дверь, потом на вход в кухню, и вижу, как Шарп, всё ещё тяжело дыша, исчезает за дверью.

Что, чёрт возьми, только что произошло?

Я иду за ним на кухню и вижу, что он стоит у раковины и умывается.

— Думала, ты уходишь, — говорю я, хмуро глядя на его вздымающуюся спину.

— Планы поменялись, — объявляет он.

Глава 11

Джейк

Я медленно помешиваю кофе, сидя немного позади от Камиллы и Хизер в небольшой итальянской кафешке на Кенсингтон-Хай-стрит, пока они попивают чай со льдом и болтают о чём-то девичьем. Это всё, что я могу сделать, чтобы не застонать, когда слышу, как Хизер упоминает о светском мероприятии сегодня вечером. Двадцать пятый день рождения Шафран. Отлично. Ещё одна попытка в виде Камиллы Логан, одетой во что-то чертовски горячее и расхаживающей по бару, в то время как бесконечные толпы мужчин в это время пускают на неё слюни. Идеально. Не могу, блядь, дождаться.

Она стала заметно спокойнее реагировать на мою защиту после вчерашнего скандала с Харви Николсом. Её новый подход — неожиданность, и я не могу понять, радуется ли он меня.

То, как она посмотрела на меня после того, как подняла выскользнувший из моих рук пузырёк с таблетками и протянула мне его, что-то изменило во мне, и я изо всех сил пытаюсь понять, что именно. В её глазах не было осуждения, когда она помогала мне. Не было ничего, кроме сострадания. Я всё ещё сомневаюсь, в том не было ли это одним из побочных эффектов от таблеток и не показалось ли мне это, может я успокоил её именно

тем, что показал часть своего мира. Я пытался понять и осознать произошедшее, но из-за этого ещё больше расстроился и озадачился зарождающимся чувством комфорта, которое чувствовал от того, что Камила прибывала в спокойствии. Я не могу перестать смотреть на неё. Я могу попытаться убедить себя, что это моя работа — следить за ней, но это неправда. Я за ней не слежу. Я восхищаюсь ею — её профессиональной этикой, тем, что она прекратила собственное саморазрушение, и её решимостью следовать за своей мечтой, а не идти по лёгкому пути. Несмотря на деньги её отца или инвесторов со своими идеями. Она такая чертовски сильная. Просто быть рядом с ней дарит чувство спокойствия, которое как я знаю, я не должен ощущать. Она не отвлекает. Она дарит утешение, которого я не заслуживаю.

Прошлой ночью, лёжа на диване, я пришёл к выводу, что все эти факторы означают, что мне стоит уйти. Поэтому сегодня утром я позвонил Люсинде и попросил её найти мне другую работу. Я был полностью готов оставить Камиллу Логан позади, вместе с запутанными чувствами, которые она вызывала во мне, и найти другой способ отвлечься.

Но всё изменилось в тот момент, когда я открыл дверь её бывшему парню. Я понял, кто он, как только увидел его. Я чуть не пустил пулю в его шикарную голову. Естественный инстинкт защитить Камиллу был сильнее, чем чувство долга. И я не мог игнорировать его. И я не смог уйти. Я видел фотографии Себастьяна Питерса после его освобождения из реабилитационного центра, выходящего из ночных клубов со стеклянными глазами и плотно сжатыми челюстями — всё это было доказательством того, что он снова употребляет наркотики. Похоже, чтение женских журналов стало частью моей работы. Если бы я был чуть моложе, то я бы чувствовал себя слабаком.

Его неожиданный визит в квартиру Камиллы в мгновение ока изменил моё решение доверить её безопасность другому. Когда Камилла отказала ему в кофе, в глазах парня мелькнула угроза. Он кажется более опасным для Камиллы, чем кто-либо. Но я буду защищать её от всех.

Крайне важно, чтобы я приучил свой разум слушаться и избегать любых ситуаций, которые могут сбить меня с профессионального пути. Я не собираюсь утешать себя тем, что это будет легко. Этого не будет. Камилла Логан — красивая, соблазнительная молодая женщина, и в ней также есть решительность и независимость, которые я не мог не счесть очаровательными. И привлекательными. Моё первое впечатление о ней было совершенном ошибочным. Она не соплячка. Она женщина, борющаяся за свою независимость. Она отвергает настойчивые попытки отца кормить её деньгами, и явно не хочет быть ему в чём-то обязанной, не желает быть обузой.

Я также пришёл к выводу, что она невероятно устала от всей этой слезки. За её жизнью следят не только папарацци, но теперь и я, хотя вероятно, она поняла, что уступчивость позволит ей смериться с этим намного быстрее, если она будет прислушиваться ко мне. Нельзя отрицать, что её влечёт ко мне, и в кои-то веки я не горжусь этим. Я также не веду себя как влюблённый.

Я восхищённо смотрю, как она смеётся, такая беззаботная, розовощёкая и с горящим радостью взглядом. Чёрт. Я быстро отвожу взгляд и уже собираюсь попросить официанта принести мне воды со льдом, как моё внимание привлекает резкое движение через дорогу. Мой разум чист, мышцы напряжены. Я немедленно вхожу в состоянии повышенной готовности. Прищурившись, я наблюдаю, осматривая пустое пространство у входа в переулок. Сейчас там ничего нет, но что-то определённо было.

Слыша беззаботную болтовню Камиллы и её подруги в нескольких футах от себя, я ёрзаю на стуле, чувствуя, как пистолет прижимается к моей спине. Мысленно фиксирую окружающий периметр, сохраняя его в своей памяти. Мышцы ног напряжены, готовые к движению в любой момент. Я терпеливо жду, при этом разделяя своё внимание между девушками и переулком.

Затем снова замечаю движение: голова мужчины быстро высовывается из переулка и осматривает наружный периметр кафе, прежде чем скрыться. Проходит всего секунда, но за эту короткую секунду я получаю огромное количество информации. Его лицо, худощавая фигура, глаза-бусинки. Он шпионит. Вскочив, я молниеносно перехожу дорогу, мои ноги чувствуют себя хорошо от напряжения, которое отсутствовало слишком долго. Я подхожу к стене, примыкающей к кафе, и жду. Проходит всего несколько секунд, прежде чем голова мужчины появляется снова.

Я хватаю его за воротник рубашки, выдёргиваю из скрытой темноты переулка и швыряю в стену лицом вперёд. Удерживая его на месте всем телом, с его руками, прижатыми к спине, я игнорирую всхлипы и визги.

— Какого хрена тебе надо? — прошипел я ему в ухо, немного уменьшив хватку, а затем снова ударив о стену. Он всё время запинается и заикается, дрожа всем телом. — Говори! — рычу я, слыша, как позади меня всё громче и громче раздаются стуки нескольких пар каблучков.

Камилла.

Моё сердце учащённо бьётся, и я поворачиваюсь, чтобы увидеть, как она бежит через дорогу ко мне.

— Не подходи! — кричу я, заставляя её испуганно остановиться. — Оставайся на месте! Человек в моих руках продолжает хныкать и скулить. Чёртова киска.

— Простите, — задыхаясь произносит он.

Я быстро проверяю, выполнила ли мой приказ Камилла, затем разворачиваю парня, продолжая удерживать его руки скованными за спиной, прижимая их к кирпичной стене. Его широко распахнутые глаза, казалось, в любой момент могут выскочить из орбит. Отлично.

— Скажи мне, на кого, чёрт возьми, ты работаешь, и я дам им знать, почему ты не выполнил их задание.

— Джейк! — кричит Камилла, её голос настойчив и встревожен.

— Просто оставайся на месте! — ору я, не отрывая глаз от подонка в моих руках.

— Он папарацци! — кричит она, подходя ближе.

Мне требуется всего несколько секунд, чтобы обработать полученную информацию. Папарацци? Я продолжаю держать мужчину в своём захвате, полностью не доверяя ему, смотрю вниз, замечаю разбитую вдребезги камеру валяющуюся на земле.

— Он просто хочет сфотографировать меня, — успокаивающе говорит Камилла, поднимая руку и кладя её на мой бицепс. Я бросаю взгляд вниз, вижу её тонкие наманикюренные пальцы, лежащие на моей обнажённой руке.

— Папарацци? — бормочу я ей в руку, чувствуя, как восхитительный жар проникает мне под кожу.

— Да, — уверяет она меня, и я поднимаю взгляд, чтобы увидеть, что она слегка улыбается, пытаясь успокоить меня. — Он не причинит мне вреда, — она смотрит на перепуганного мужчину, которого я по-прежнему прижимаю к стене. — Привет, Стэн.

— Привет, Камилла, — его голос дрожит так же сильно, как и его тщедушное тело. — Не могли бы вы попросить этого милого джентльмена, отпустить меня?

Я слышу, как она тихонько хихикает. Это чёрт самый сладкий звук на свете.

— Конечно, — она смотрит на меня. — Ты не мог бы отпустить его?

— Да пожалуйста, — огрызаюсь я, думая о фотографиях, которые вчера доставили Камилле. Когда она немного приближается, глядя на меня, я понимаю, что она уловила ход моих мыслей.

— Я знаю Стэна много лет, — произносит она. — Он хороший парень.

Я снова оцениваю папарацци, пробегая подозрительным взглядом по его встревоженному лицу. Он выглядит по-настоящему испуганным.

— На кого ты работаешь? — спрашиваю я.

— Фрилансер. Меня зовут-эм... там... эм... в моём нагрудном кармане, — всё это время он заикается и запинается.

Я лезу к нему в карман и достаю бумажник, открываю его, чтобы удостовериться в правдивости его слов, при этом всё ещё удерживая мужчину на месте.

— Стэн Уолтерс?

Он заставляет себя нервно улыбнуться.

— Это я.

Я отстраняюсь, успокоенный тем, что он не представляет угрозы, и он облокачивается на стену, забирая у меня свой бумажник. Я поворачиваюсь к Камилле.

— Ты на короткой ноге с этими грёбаными папарацци? — недоверчиво спрашиваю я.

— Конечно, — Камилла пожимает плечами и начинает собирать осколки разбитой камеры, валяющиеся на земле. Стэн находит в себе силы присесть и помочь, постоянно бросая на меня настороженные взгляды. — У нас со Стэном есть договорённость, не так ли, Стэн?

— Это точно, — он саркастически смеётся. — Я думаю, нам нужно пересмотреть условия.

Какого хрена?

— Мне очень жаль, — я поднимаю руку и провожу ею по волосам. — Что?

Камилла встаёт, за ней Стэн, и протягивает ему осколки камеры.

— Он делает несколько моих снимков за месяц.

— Тогда какого хрена он слоняется по переулку и шпионит за тобой?

— Потому что он уже сделал нужное количество снимков. Верно, Стэн? — Камилла бросает на него обвиняющий, но всепрощающий взгляд.

— Верно, — виновато соглашается он. — Прости. Немного не хватает провокаций в этом месяце.

— Я пью чай! — она смеётся, запрокинув голову и всё такое. Эта шея. Я моргаю и втягиваю воздух.

Стэн пропускает это замечание мимо ушей и смотрит на меня. Я мгновенно улавливаю ход его мыслей.

— Даже не думай об этом, — предупреждаю я со всей угрозой, на которую способен.

— Но вы такой красивый! — чуть ли не хнычет он, а потом надувает губы. Он, блядь, ещё дуется на меня.

— Нет, — я указываю пальцем на его выпяченную губу. — Клянусь, если моё лицо появится в каком-нибудь журнале, в позе или нет, я выслежу тебя и убью. Понял?

— Но красивый телохранитель — самый ценный аксессуар в наши дни! И, парень, ты просто великолепен.

— Отвали! — в ярости почти что выплёвываю я. Аксессуар? Он ещё и насмехается. — Убирайся отсюда, — я отмахиваюсь от него, толкая в плечо скривив губы.

Он благоразумно бросает все осколки фотоаппарата в сумку и неторопливо уходит, на ходу негодуяще махнув рукой через плечо.

— Я куплю тебе новую камеру, Стэн! — воскликнула Камилла, на её прекрасном лице проступает чувство вины.

— Нет, чёрт возьми, не купишь, — парирую я.

Она не должна чувствовать себя виноватой, и я тоже, даже после того, как чуть не избил этого маленького придурка.

— Ты закончила? — спрашиваю я Камиллу, оборачиваясь и обнаруживая, что к ней присоединилась Хизер. У неё обиженное выражение лица, в то время как Хизер ухмыляется. — Что? — спрашиваю я, сбитый с толку гневным взглядом Камиллы.

— Ты мог испортить мои отношения с прессой!

Она проходит мимо меня и возвращается в кафе, на ходу забирая у Хизер сумку. Я стискиваю зубы, когда длительный эффект от её прикосновения, намеренного или нет, исчезает.

Я чувствую, что ухмылка Хизер все ещё не сходит с её лица, поэтому смотрю ей в лицо, готовясь к её выпад.

— Мне нравится, как ты её защищаешь, — задумчиво произносит она.

Я этого не ожидал.

— Конечно, я здесь для этого. Мне платят за то, чтобы я защищал Камиллу.

Она усмехается, отворачивается от меня и, качая головой, уходит.

— Раскрой свои грёбаные глаза, здоровяк.

Что, чёрт возьми, она имеет в виду? Я бы спросил, но она слишком быстро уходит от разговора. Я подхожу ближе и вижу, как они о чём-то серьёзно беседуют, прежде чем обе женщины замолкают, а Камилла быстро чмокает Хизер в щеку.

— Увидимся позже, — говорит она подруге, бросая на стол оплату по счету и в то же время окидывая меня ещё одним грязным взглядом.

Я вздыхаю. Чего она от меня хочет? Ждёт, пока кто-нибудь попытается запихнуть её в фургон, прежде чем я смогу что-нибудь сделать? Я ни хрена не могу понять её.

Камилла уходит, а Хизер направляется в другую сторону, оставляя меня стоять между ними, как идиота. Откинув голову назад, я закатываю глаза к небу. Затем издаю долгий, чертовски раздражённый вздох. Однако я не мог решить, злюсь ли я на себя из-за занимаемой позиции, или меня больше раздражает результат. Она злится на меня, и я чертовски ненавижу себя за то, что беспокоюсь об этом.

Следуя за Камиллой к своей машине, я запрыгиваю в неё и обнаруживаю, что девушка сидит на пассажирском сиденье, сосредоточенно глядя вперёд. Завожу «Рендж Ровер» и выезжаю, краем глаза поглядывая на неё, пока мы едем по дороге. Неловкое напряжение ощущается физически.

— Домой? — спрашиваю я, сворачивая налево в конце улицы.

Она держит рот на замке и смотрит вперёд.

— Домой? — повторяю, на этот раз чётче и громче. И снова ничего. Отлично. Значит, теперь меня наказывают молчанием? Я ненавижу себя за то, что это волнует меня. —

Камилла, — произношу я, придавая голосу властность, когда мы останавливаемся на светофоре. — Хочешь, я отвезу тебя домой?

Свет меняется на зелёный, но я остаюсь на месте. Я не сдвинулся с места, пока она не ответит. Да я мог бы отвезти её прямо домой, независимо от её желания, но какое-то глупое чувство внутри меня хочет, чтобы она признала меня. Поговорила со мной. Глупо? Да. Чёртова гордость? Совершенно определённо. Чёрт возьми, она на меня так действует.

Вокруг нас начинают реветь автомобильные клаксоны, водители ругаются, высовываясь из окон и размахивая руками. Я их всех игнорирую. Меня это не беспокоит. Я останусь здесь на весь день, если придётся. Камилла, однако, выглядит все более смущённой всем этим шумным зрелищем, неловко ёрзая на стуле.

— Зелёный свет, — бормочет она, отказываясь смотреть на меня, хотя видит, что я повернулся лицом к ней.

— Очень наблюдательно с твоей стороны, — сарказм в отношении неё явно неуместен. Это не поможет. Я должен был догадаться, что её слишком уступчивое поведение не продлится долго.

Девичье лицо искажается от раздражения, когда она поворачивается ко мне, её челюсти плотно сжаты.

— Почему с тобой так трудно? — серьёзно спрашивает она, автомобильные гудки всё ещё раздаются вокруг нас.

Я недоверчиво таращусь на неё.

— Камилла, — я тихо смеюсь, пытаясь взять себя в руки, прежде чем он перейдёт в истерический. Она — работа! — Я задал тебе простой вопрос.

— Да, — сквозь зубы произносит она. — Я хочу домой.

— Видишь, это было не так уж трудно, правда? — Я быстро жму на газ и оставляю шум позади.

— Не смей меня опекать, — выплёвывает она, и я внутренне улыбаюсь. *Я хочу трахнуть* тебя сейчас же.

Но, как ни странно, я и не хочу, чтобы она меня ненавидела. Это откровение. Большинство женщин ненавидят меня после нескольких часов в моей компании, обычно после того, как я выгоняю их из своей постели. Они никогда не стоили ни одной моей мысли. Камилла, однако, стоит многих моих мыслей. Неуместных мыслей. Мучительных мыслей. Досадных мыслей. Я тихо стону. Я бы сейчас отдал всё что угодно, чтобы выпить. Я уже несколько дней не пил ни капли. Выпивка помогает мне расслабиться. И я не бегал слишком долго. Бег успокаивает меня.

Я не трахался, кажется, целую вечность.

Блядь помощи с... Ну, блядь — это пиздец. Это лишь средство для достижения цели. Я ёрзаю на сиденье, мой член начинает набухать, как бы я ни старался унять свои желания. Я просто напоминаю огромный мешок сексуального напряжения. Ничего из этого никогда не было проблемой на предыдущих работах, но раньше я не следил за Камиллой Логан. Теперь же всё происходящее напоминает ежедневную битву за контроль над собственным телом....

Я яростно качаю головой, бросая на девушку быстрый взгляд, просто чтобы убедиться, что она не заметила моего неловкого помешательства. Я вижу, что Камилла смотрит в пассажирское окно, глубоко задумавшись. Часть меня хочет оставить её в покое, дать ей спокойно провести время со своими мыслями, но эгоистичная часть меня — неуместное желание — хочет знать каждую мельчайшую деталь, которая сейчас проносится в её

чертовски умной голове.

Потому что мне нужно знать, совпадают ли её мысли с моими. Мысли, которые неправильны. Мысли, которых у меня не должно быть. И, может быть, тогда я не буду чувствовать, что медленно схожу с ума.

Глава 12

Ками

После того, как Джейк отвёз меня домой, я провожу остаток дня в своей комнате, обдумывая предложение инвестора, надеясь найти какой-нибудь смягчающий пункт, который сделает его более привлекательным. Это пустая трата времени, и я понимаю это, но также отличная уловка, чтобы избежать встречи с Шарпом. Я чувствую себя виноватой, как будто предаю Хизер, даже решив просто рассмотреть предложение. Когда я оставила её возле кафе, после того как Джейк чуть не отправил Стэна в больницу, она заметила то, как Джейк смотрел на меня. Я отмахнулась от её слов, но думала об этом всю дорогу домой. Я тоже видела его заинтересованность во мне. Я стараюсь не думать об этом. И не получается.

Как только отклоняю предложение, я звоню своему агенту, чтобы подтвердить свой отказ. Затем я убиваю ещё некоторое время, обновляя своё портфолио. Делаю всё, что угодно, лишь бы избежать встречи с Джейком.

А потом я оказываюсь совершенно свободна. И я хочу пить. Мне требуется слишком много времени, чтобы собраться с духом и выйти из комнаты за водой, но как только я это делаю, несусь через гостиную на кухню, как крыса по водосточной трубе. Я всё время чувствую на себе его взгляд.

Наполнив стакан, я быстро возвращаюсь в свою комнату, не разыскивая его. Я почти успеваю сделать это, прежде чем мой взгляд предательски падает на диван. Наши взгляды встречаются. Моё сердце подпрыгивает. Моя рука останавливается на ручке двери ведущей в мою комнату. И вода в моём стакане определённо слегка двигается благодаря моим трясущимся рукам.

И всё из-за одного мимолётного зрительного контакта. Джейк быстро возвращает своё внимание к ноутбуку. Атмосфера гнетущая. Ужасно. Он знает, что я раздражена, но не истинную причину этого. Он думает, что знает, но ошибается. Я не сержусь на то, что он мог испортить мои отношения с прессой. Я злюсь, потому что мне нравится, когда он рядом. Я быстро к нему привыкла. Всегда рядом, следит за мной. Я чувствую себя в безопасности. В безопасности от Себастьяна, в безопасности от папарацци и в безопасности от глупых угроз из-за моего отца.

Я протискиваюсь в свою комнату и тут же начинаю расхаживать взад-вперёд, постоянно поглядывая на дверь. Я чувствую себя пленницей в собственном доме. Боюсь свободно бродить, страшась попасться ему на глаза или, что ещё хуже, случайно проскользнуть мимо. Я вздыхаю и набираюсь смелости, чтобы встретиться с ним лицом к лицу, готовая высказать свою фальшивую обиду, просто чтобы отвести душу.

Решившись снова выйти из комнаты, я обнаруживаю, что Джейка нигде нет. Я осматриваю кухню, но там никого, и в конце концов прихожу к выводу, что он, должно быть, в гостевой комнате, в которой он хранит свои вещи и где был свободный душ. Но он по-прежнему спит на диване в гостиной. Я смотрю в коридор и заставляю себя идти вперёд, слегка стучу в дверь, когда дохожу до неё. Я жду какого-нибудь разрешения, чтобы войти, но ничего не слышу, ни писка из-за двери. Поэтому стучу снова, на этот раз чуть сильнее. Ничего.

— Джейк? — крикнула я, приблизив ухо к двери. — Ты здесь?

Ответа не последовало.

Взявшись за ручку, я поворачиваю её и слегка приоткрываю дверь, заглядывая в внутрь. Никаких признаков жизни. Я бросаю взгляд в сторону ванной. Я не слышу ни шума душа, ни движения, доносящегося оттуда.

— Где он? — спрашиваю я сама у себя, протискиваясь в комнату, пока не вижу её полностью. Кровать по-прежнему идеально застелена, а на её краю лежат несколько стопок его одежды, аккуратно сложенных и разложенных. Его сумка лежит рядом с ними, молния расстёгнута. Наверху лежит что-то серебряное, отражающее лучи заходящего солнца, падающие из окна.

— Что это? — я оглядываюсь через плечо и прохожу вперёд, не в силах остановиться. Я должна уйти. Я вторгаюсь в его личную жизнь. Но осознание того, что это может пролить свет на тайну и тьму, которую окружали мою тень, эта перспектива слишком соблазнительна, чтобы сопротивляться. Кроме того, он так много знает обо мне. И кажется справедливым, что у меня появится такое же преимущество.

Когда я подхожу ближе к кровати и открытой сумке, лежащей на ней, я могу сказать, что это серебряная рамка. Рамка для чего? У меня перехватывает дыхание. Фото?

Ещё один быстрый взгляд на дверь говорит мне, что я всё ещё одна. Я стою перед сумкой, в добрых десяти футах от неё, не решаясь идти дальше. Разумная сторона меня, велит мне уйти, проигнорировав навязчивые желания увидеть фото в этой рамке.

Я вытягиваю шею так далеко, как только могу, и вижу одну половину фото. Я задерживаю дыхание, видя счастливое лицо. Лицо Джейка. Я закусываю нижнюю губу, чтобы скрыть кроткий вздох удивления. На фото у него широкая улыбка, его глаза блестят, а его идеальные, ослепительно-белые зубы были выставлены на показ. Я никогда не видела, чтобы он так улыбался, и его глаза были всегда такие тёмные и серьёзные. Он выглядит таким счастливым на фотографии, и я, задаюсь вопросом, кто же был на другой половине фотографии, кто заставил его выглядеть таким счастливым, и делаю ещё шаг, необходимый для того, чтобы увидеть весь кадр целиком. Красивая женщина с длинными блестящими чёрными волосами прижимается к Джейку и смеётся. Моё сердце сжимается, когда я беру рамку. Джейк в армейских брюках и футболке цвета хаки. Он выглядит смертельно опасным за своей счастливой улыбкой, его руки крепкие, материал футболки натянута на бицепсы.

— Какого хрена! — громкий голос Джейка заставляет сердце выпрыгивать из груди держа меня на грани сердечного приступа, и фото выпадает из моих рук. Я подпрыгиваю и поворачиваюсь, прижимая ладонь к груди, мои глаза широко раскрыты и в них читается испуг.

Он стоит в дверях, раздражённый, его грудь тяжело вздымается.

— Прости, — бормочу я, мои щеки пылают под его свирепым взглядом. — Я подумала...

— Ты решила покопаться в моих личных вещах? — он шагает вперёд, хватая фотографию, засовывает её в сумку и застёгивает молнию.

— Кто она? — вопрос, который я не имею права задавать, просто непроизвольно вырвался, удивляя даже меня саму.

— Не твоё дело, — огрызается он и идёт в ванную. — Уходи.

Я вздрагиваю от его резкости, проглатывая беспричинную боль, которую почувствовала. Мне бы очень хотелось, чтобы стыд затмил моё любопытство по поводу фотографии, но

этого не произошло. Эта женщина делала его счастливым, и она явно больше не была частью его жизни. Кто она? И, что ещё более интересно, что заставило его так бурно отреагировать на мой вопрос о ней? Путаница моих мыслей прерывается, когда он появляется в дверях ванной. Я не могу смотреть ему в лицо. Мои глаза опускаются вниз по его телу, так что всё, что я вижу, это его идеальные ноги. Его идеальные босые ноги.

— Ты всё ещё здесь, — говорит он хрипло, но спокойно, эти ноги приближают его ко мне.

— Я уйду, — когда я отступаю, наконец-то убедив своё тело двигаться, то неохотно поднимаю на него взгляд. Я не вижу гнева, который ожидаю увидеть. Я вижу угрызение совести. Но я не могу понять, было ли это раскаяние из-за той женщины, за своё прошлое или за то, что я увидела намёк на него, то ли раскаяние за то, что он накричал на меня.

Когда Шарп закрывает глаза и сглатывает, я прихожу к выводу, что всё дело в этом.

— Прости, — выдыхает он.

— Не стоит. Мне не следовало совать нос в чужие дела. — Я искренне сожалею об этом, но моё сожаление больше, чем моё пренебрежение его личной жизнью. Я сожалею ещё больше, потому что у меня есть вопросы к моей тени, на которые я не ожидаю ответа. Его прошлое не имеет ко мне никакого отношения, но желаю узнать его, и я ничего не могу с этим поделать.

— Она в прошлом, — быстро произносит он, и я удивлённо отшатываюсь. — Она... — слова Джейка превращаются в ничто, и теперь он тоже отшатывается, очевидно, шокированный своим полу-предложением заглянуть в его прошлое. Он, кажется, вздрагивает, чтобы прийти в себя, выглядя при этом немного потеряннным. — Она — ничто, — он отводит взгляд.

Она — ничто, но при этом он всё ещё носит её фотографию с собой? Я натянуто улыбаюсь и делаю шаг, чтобы уйти, но он хватает меня за руку, останавливая. Я не хочу этого, но вздрагиваю. Трудно не реагировать, когда простое прикосновение посылает такой сильный отклик в самое сердце.

Глядя на то, как Джейк держит меня, при этом он словно впадает в транс, практически прожигая дыры в моей плоти своим тяжёлым взглядом. Затем его пальцы немного сгибаются вокруг моей руки, и каждое нервное окончание, которым я обладаю, напрягается как струна, моё дыхание становится поверхностным. Это навевает воспоминания о том, как он держал меня за руку в папином кабинете, это было удивительно и успокаивающе. Я хочу знать, каково было бы, если бы всё его тело обвилось вокруг меня. Я чувствовала это желание, когда он пригвоздил меня к полу тем утром. И когда он схватил меня и отодвинул с пути охранника в «Харви Никс». И когда он поднял меня с пола, когда я попыталась покрасить ему ногти на ногах. Мне был необходим ещё один звоночек.

Мы оба смотрим друг на друга, наши взгляды встречаются, и мы не отводим их. Затем его лицо начинает медленно приближаться к моему, его глаза скользят вниз к моим губам. Я задерживаю дыхание, замерев в ожидании. Он собирается поцеловать меня.

Я тоже собираюсь двинуться вперёд, но звук моего телефона на заднем плане прерывает момент. Мои мышцы сжимаются, и Шарп быстро отстраняется.

— Ты должна это знать, — тихо говорит он, отводя взгляд. Тяжёлая атмосфера возвращается.

Я двигаюсь быстро, стремясь избежать неловкости, мысленно проклиная себя последними словами, когда уйду. Так чертовски глупо! О, Боже, что это было? Что я

наделала? Я мысленно бью себя по голове несколько раз, убегая.

Найдя телефон, я вижу, как на экране высвечивается мамино имя. Я чувствую немного неприятный укол совести. Я избегала её всю неделю, в надежде, скрыть от неё всю эту ситуацию с угрозами и прочим. Она не очень-то любила моего отца с тех пор, как он бросил её ради молодой модели. Если бы она узнала что-то не хорошее, особенно если это не хорошее как-то касалось меня, она бы не восприняла это также как отец. И мне не хотелось бы взваливать на себя и эту головную боль. Я не хочу слушать её разглагольствования об отце и его сомнительной деловой деятельности. Во всяком случае, она закрывала глаза в течении тех двадцать двух лет, что они были вместе, когда она жила той жизнью, к которой привыкла. Она по-прежнему умудряется жить этой жизнью, благодаря хорошим инвестициям после менее чем удовлетворительного урегулирования развода, но теперь она живёт жизнью пропитанной горечью.

— Мама, — я стараюсь говорить, как можно веселее, ожидая презрения, которого заслуживаю за то, что игнорировала её всю неделю.

— А вот и моя девочка, — её мягкий, хорошо поставленный английский акцент заставляет меня чувствовать себя немного лучше. — Я уже начала думать, что ты бросила меня ради своего отца.

Я улыбаюсь, так же натянуто, как улыбаюсь и при входе в гостиную, выглядя не менее эмоционально отстранённой, чем, когда покидала её минуту назад. Хотя я вижу слабое любопытство на лице Джейка, интересующегося, кто на другом конце линии.

— Никогда, мам, — отвечаю я, хотя на самом деле мне и не нужно ничего ему говорить.

— Как поживаешь, сладкая моя?

— Читала журналы? — спрашиваю я, зная, что она обожает все эти сплетни, даже если они сенсационно освещаются в прессе. Она спрашивает, потому что заметила фото Себастьяна, выползающего из бара.

— Я знаю, что ты всегда поступишь правильно, — в её голосе звучит искренняя вера. Это действительно помогает. В отличие от моего отца, она верит в меня. — У меня выдался свободный вечер, — продолжает она, заставляя меня улыбнуться. Это большая редкость. Она — светская львица, распределяющая своё время между женскими, теннисными и боулинг клубами и бесконечными обедами. Я была на одном из этих обедов. Только один раз, и я поклялась никогда больше не посещать их. Обед в кругу, озлобленных и извращённых женщин, то и дело ругающих своих бывших мужей под канаве и шампанское, — я не так представляю себе хорошо проведённый день. — Встретимся за ужином.

— Мне нужно пойти на вечеринку по случаю дня рождения Шафран, — я легко выдумываю своё оправдание, поскольку это правда, но я не надеюсь, что это что-то изменит.

— Тогда встретимся раньше. Немного разомнём твой желудок.

Я съёживаюсь, когда ищу Джейка, обнаруживая, что он теперь занял место на диване, ноутбук покоится на его длинных ногах. Я пытаюсь понять, от кого будет легче отвязаться. Я знаю, что мама не повесит трубку, пока я не соглашусь. К тому же я не видела её больше недели. И всё же я не могу взять с собой Шарпа. Это вызовет множество вопросов, на которые я не хочу отвечать. Он едва ли незаметен, с его то мощным присутствием и худощавой фигурой в шесть футов четыре дюйма.⁶

Как мне убедить его, что ужин с моей матерью не требует его присутствия? Я поговорю с ним несколько минут и решу, как лучше слинять. Я не могу отрицать, что мне нужно немного побыть с ним наедине. Вся эта неловкость становится невыносимой. Я не могу

сказать или сделать что-то по-настоящему правильное.

— Ти Джей тоже будет, — добавляет она, не давая мне выбора. Мне нравится, что моя мама относится к нему как к своей собственности, хотя он точная копия её бывшего мужа, которого она ненавидит. Она, как и я, видит в Ти Джее только хорошее, вероятно, потому, что усердно трудилась, чтобы воспитать в нём эти качества с самого детства.

— Во сколько и где? — я определённо вижу, как Шарп повёл ухом, когда я произношу это.

— Чудесно! Мой водитель заедет за тобой в семь. Выгляди хорошенько, сладкая моя! — она вешает трубку, и я начинаю жевать губу, думая, как лучше подойти к разговору.

— Это была моя мама, — небрежно произношу я, направляясь на кухню за стаканом воды. Как и ожидалось, я не получаю ответа, и не только потому, что не сказала ему ничего такого, чего он не знал. — Она хочет поужинать со мной сегодня вечером, — говорю я, доставая стакан из буфета. — Её водитель заедет за мной в семь.

И снова никого ответа.

Я хмуро смотрю на кран, наполняя свой стакан, прежде чем вернуться в гостиную. Джейка там нет. Его ноутбук закрыт и теперь лежит на сиденье, где его задница была удобно пристроена минуту назад. Я делаю глоток воды, а также стараюсь придать себе уверенности, затем продолжаю свой путь, чтобы найти его и рассказать ему, как всё будет. С каждым шагом я становлюсь всё более и более уверенной, и не игнорирую тот факт, что я меньше всего беспокоюсь о маме и её вопросах о том, кто такой Джейк, и решительно настроена получить от него некоторую передышку от его слезки за мной. Я чувствую, что задыхаюсь от... Я не знаю, от чего именно, но знаю, что это нехорошо.

Я так поглощена мысленной болтовнёй, что забываю постучать и вхожу прямо в гостевую комнату. Стакан выскальзывает у меня из рук и с глухим стуком падает на ковёр, разбрызгивая воду по ногам.

— О чёрт! — я задыхаюсь, оказавшись лицом к лицу с Шарпом, голым и с полотенцем, безвольно зажатым в его руке. Он не двигается. Я не двигаюсь. Мы просто смотрим друг на друга, мои глаза, несомненно, прикованы к глазам Шарпа. Он решает, что сделать. Шокирован. Бесспорно.

Прикройся!

Я выкрикиваю приказ в своей голове, пытаюсь перенести команду из мозга в рот, чтобы суметь её озвучить. Но мой рот отказывается реагировать на мои команды. Но что-то ещё работает в моём организме, и это нельзя игнорировать. Я прижимаю ноги ближе друг к другу, чтобы попытаться остановить пульс, переходящий в сильнейшую пульсацию, мои глаза опускаются вниз по его груди. Каждый крошечный кусочек воздуха, который был у меня в организме, срывается с моих губ с похотливым вздохом. Его член. Он длинный, твёрдый и готовый.

— Камилла, — его тихий оклик моего имени едва слышен. Я слишком увлечена тем, с чем столкнулась. Кто-нибудь, спасите меня, прежде чем я упаду на колени и начну поклоняться ему. — Камилла!

Я подпрыгиваю так сильно, что моя спина ударяется о край двери и я задеваю её плечом.

— Чёрт! — я поднимаю руку и хватаюсь за неё, ошеломлённая и сбита с толку.

— Ты в порядке?

Я встряхиваю головой в надежде обрести хоть какую-то ясность и вижу

приближающегося Джейка, но теперь это маленькое полотенце, было обёрнуто вокруг его упругих бёдер. Очертания его живота, переходящие в идеальные впадины ниже живота, снова заставляют меня думать не ясными образами.

— Да! — я отступаю, убегаю, и снова натываюсь на чёртову дверь. — Чёрт! — я потираю плечо. — Я в порядке, — отвечаю я, ковыляя в коридор. Джейк останавливается прямо перед дверью, хмурое выражение искажает его лицо. — Я иду ужинать с мамой, — выпаливаю я, ещё немного отходя подальше.

— Я знаю, — он быстро осматривает меня с головы до ног, вероятно, проверяя, всё ли со мной в порядке. Да я не в порядке. Плечо, может, и болит, но в другом месте болит сильнее. Мне нужно срочно уехать.

— Её водитель заберёт меня. Ти Джей тоже будет там. Тебе не нужно идти со мной, — по его внезапному выражению отвращения я могу сказать, что он думает иначе.

— Даже не думай об этом, — Джейк разворачивается и уходит от меня, позволяя полотенцу упасть без малейшей застенчивости, открывая мне всё. Я закрываю глаза, чтобы не пялится на такую непристойную безупречность.

— Я буду с мамой и братом, — протестую я всё также не открывая глаза. — Со мной всё будет в порядке.

— Я не собираюсь продолжать этот разговор с тобой, Камилла.

Я хочу открыть глаза и убить его своим самым прожигающим взглядом, но это было бы глупо.

— Ты уже оделся? — спрашиваю я, не в силах скрыть раздражения.

— Да.

Я открываю глаза и сразу же обнаруживаю его в одних не застёгнутых брюках, его грудь всё ещё голая и чертовски божественна. Я задыхаюсь от досады.

— Джейк!

— Тогда отвернись, Камилла, — он останавливается на одном месте, когда натягивает рубашку.

Я ненавижу себя за то, как трудно мне отвернуться от него. Но я делаю это неохотно, по-прежнему видя все эти тонкие линии, пронизывающие его живот.

— Тебе и правда нет необходимости идти со мной.

— Твой отец хочет, чтобы я следил за каждым твоим шагом. Ты же видела фотографии. Повезло, что тебе вообще разрешают покинуть это место, и ты должна заметить, что единственная причина, по которой это так — это то, что я с тобой. Я не против этого, — он буквально выплёвывает слова, его разочарование растёт.

— А если я заставлю? — в мыслях тут же закрутилось миллион неправильных мыслей: я представляю, как он прижимает меня. Что он сделает чтобы поймать меня, как он выглядит, когда притворялся спящим. Моё тело оживает.

— Попробуй, — просто произносит он.

Желание, смешанное с любопытством, пробивается вверх по моему позвоночнику, выпрямляя его. Я хочу попробовать его. Я хочу посмотреть, на что он пойдёт, чтобы заставить меня подчиниться. Я хочу, чтобы он привязал меня к себе, чтобы мы были связаны, и я могла наслаждаться этим прекрасным теплом, которое так глубоко проникает в меня. Я хочу...

— Я иду с тобой, — его дыхание, касающееся моего уха, заставляет меня вздрогнуть тем самым, вырывая из неуместных фантазий, когда он проходит мимо меня, завязывая галстук,

он уходит ещё дальше. — Позвони своей матери и скажи, что нет никакой необходимости присылать водителя.

Я нахожу стену и позволяю своему лбу встретиться с ней с немного большей силой, надеясь, что ударная волна, прогонит моё желание к человеку, которого не следует желать. И, что ещё важнее, который не желает этого в ответ.

Глава 13

Джейк

Я всё ещё ощущаю тупую пульсацию в члене, последствие эрекции, которая давно перестала быть желанной.

Не знаю, о чём думал, но лицо Камиллы, когда я рывкнул на неё, чуть не сломало меня. В тот момент я ненавидела себя. Я вёл себя как придурок со многими женщинами и никогда не чувствовал за собой ни капли вины. Держал их на расстоянии. Всегда.

С Камиллой же всё по-другому. Я жаждал её близости и чувствовал себя конченным ублюдком, набросившись на неё. Потом я возненавидел себя ещё больше, когда остановил её, сказав, чтобы она ушла. Я видел удивление в глазах Камиллы, её мысли в тот момент находились в полном раздрае. И я догадываюсь, что это были за мысли. Чёрт возьми, на мгновение, пока держал её в своих руках, я чуть не сдался. Едва не поцеловал её. Я, блядь, не мог остановиться.

Слава Богу, что позвонила её мать. Следи за собой, Джейк, её лицо, достойное богини, а тело, создано для поклонения.

Я застонал, стараясь не обращать внимания на тупое напряжение в члене. Это не единственное моё разочарование. Нелепая идея Камиллы — та, которую она высказала в надежде, чтобы я не присутствовал на её встрече с матерью — одновременно разозлила и расстроила меня. Логан по-прежнему ничего не знал, а Люсинда следила за его электронной почтой. Какого чёрта им надо? Деньги — очевидный ответ, но у Логана их целая куча, и они их не просят. Он что-то скрывает. Я в этом был убеждён.

Я припарковался в переулке после того, как Камилла односложно сообщила куда мы направляемся. Она выходит из машины и направляется к главной дороге, прежде чем я успеваю заглушить мотор. Я иду в нескольких шагах позади неё, тихо следуя за ней. Она без особых усилий выглядела просто прелестно, надев маленькое чёрное платье, но её красные пятки напоминают смертельное оружие. Чёрный материал её платья идеально контрастировал с её топазовыми глазами, которые на краткий миг расширились стоило ей встретиться со мной взглядом, перед самым выходом из квартиры. С тех пор она ни разу не взглянула на меня.

Когда мы подходим ко входу в шикарный отель, где она должна встретиться со своей матерью и братом, я замечаю швейцара занятого погрузкой роскошного багажа на тележку, так что Камилле приходится самой открыть дверь. Я наблюдаю, как она борется с ней, вдавливая своё стройное тело в полированный металл.

Я протягиваю руку и берусь за ручку, невзначай касаясь её руки. Я замираю, как и Камилла, прежде чем она прижимает руку к груди легко вдыхая. Мы оба стоим неподвижно, моя рука лежит на дверной ручке, по спине пробегают мурашки. Господи, это становится всё хуже — атмосфера, невинность прикосновений... моя реакция на них.

Я смотрю на Камиллу и вижу, что её взгляд мечется в разные стороны. Я быстро открываю перед ней дверь, отступая назад, чтобы исключить риск очередных прикосновений. Она проносится мимо, не произнося ни слова, и влетает в вестибюль, как

будто меня и не было.

Я делаю глубокий вдох и иду за ней, но останавливаюсь, когда Камилла делает это, в нескольких футах передо мной. Она поворачивается в мою сторону, но не смотрит на меня.

— Если можно, держи меня в поле зрения, но не мог бы ты это делать на расстоянии, чтобы моя мать не допрашивала меня?

— Она не знает? — спрашиваю я.

— Нет, и я не хочу, чтобы она знала об этом. Она только зря будет волноваться и начнёт пилить моего отца. Она и так делает это достаточно часто.

Я быстро сканирую местность, оценивая каждый уголок и просвет, каждого человека, находящегося поблизости, сохраняя всё это в памяти.

— Где ваш столик?

— Она каждый раз бронирует один и тот же столик в дальнем конце ресторана, — Камилла по-прежнему отказывается смотреть на меня, но указывает на вход в ресторан.

— Похоже, я буду есть в одиночестве, — я жестом приглашаю её продолжить движение, что она и делает, игнорируя мой цинизм.

Я позволяю ей отойти на несколько футов, прежде чем последовать за ней, и сдерживаюсь, пока метрдотель приветствует её, перед тем как подвести к столику. Мать Камиллы выглядит точно так же, как на всех фотографиях, которые я видел. Хорошо сложенная женщина лет сорока пяти, со светлыми волосами, как у Камиллы, и топазовыми глазами, но чуть менее яркими, чем у её дочери. Кроме поразительного сходства, я не вижу ничего общего. Она выглядит властной и самодовольной. На самом деле примадонна. Каждый раз заказывает один и тот же столик? Водитель? Не хватает только чихуа-хуа в розовом джемпере с оборками и в украшенном бриллиантами ошейнике.

Они приветствуют друг друга объятиями и двойными поцелуями, пока я пробираюсь к пустому столику в нескольких футах от Камиллы и её матери. Это то, на что я готов пойти. Я сижу в углу, весь периметр в поле моего зрения, на достаточном расстоянии, чтобы быть незаметным, но как раз так, чтобы видеть её.

— Сэр?

Я поднимаю взгляд и вижу, что у края моего столика на двоих стоит подтянутый официант с вопросительным выражением лица.

— Мне воды, пожалуйста, — я сопротивляюсь, чтобы не заказать «Джека», в котором так отчаянно нуждаюсь.

— Мне очень жаль, — он явно нервничает. Я почти ничего не сказал, но был вежлив. В чём его проблема? — У вас заказан столик?

Это его проблемы. Это место не похоже на заведение, в которое можно просто войти и ожидать, что тебя накормят.

— Да, — спокойно отвечаю я, принимая меню из его рук с улыбкой, которая предполагает, что он должен принять мой ответ и поспешить удалится.

— Ваше имя, сэр? — спрашивает он.

Я вздыхаю.

— Посмотрите в свою книжечку на том столике, — я указываю пальцем в сторону столика для регистрации. — Какое бы имя вы ни выбрали для этого столика, это я.

— Прошу прощения, сэр. Этот столик зарезервирован.

Я чувствую, что Камилла настороженно наблюдает за мной, вероятно осознавая возможные проблемы, которое я могу вызвать. И это единственная причина, по которой я

неохотно уступаю. — У вас есть свободный столик? — вежливо спрашиваю я.

— Да, сэр, — он улыбается и указывает на противоположный конец ресторана. — Если вы пройдёте сюда.

Я следую за его указательным пальцем и замечаю пустой стол, который он, должно быть, имеет в виду. Тогда я усмехаюсь. Слишком далеко.

— Но, сэр, я... — его слова оборвались, когда я взглянул на него. Я могу только представить угрозу, которую источал мой взгляд. *«Не зли меня»*, — говорю я мысленно. — Сэр, — он кивает и отступает. — Я принесу вам воды.

Я бросаю быстрый взгляд на Камиллу и вижу, что она наблюдает за мной, а её мать, что-то шепчет ей на ухо. Я отмечаю её губы, вероятно шепчущие какое-то согласие, её губы мягкие и манящие, медленнодвигающиеся.

Я не в силах оторвать взгляд от её губ, когда чувствую, как её глаза прожигают меня. Она быстро отворачивается, ёрзает на стуле и потягивает шампанское, сосредоточившись на своей матери, а не на мне. Потеря контакта делает со мной вещи, выходящие за пределы моего понимания. Я мысленно даю себе подзатыльник, как передо мной оказывается кувшин с водой, сдобренный ломтиками лимона и лайма.

— Сэр, вы уже решили, что будете заказывать?

— На ваш выбор, — произношу я, вытаскивая телефон из кармана, но не обнаруживаю ни звонков, ни сообщений.

— У нас очень знаменит печёный омар, сэр.

— Тогда я возьму его, — я открываю свой список контактов, и передо мной вспыхивает имя Эбби. Я хмурюсь, ожидая неизбежного скручивания желудка. Этого не происходит, и я ловлю себя на том, что смотрю на Камиллу, и от этого хмурюсь ещё сильнее. Я пытаюсь придумать, что бы я сказал Эбби, если бы позвонил. *Привет, ты скучала по мне?* Я смеюсь.

Бросив телефон на стол, я вытираю ладонями лицо, прежде чем снять куртку и повесить её на спинку стула. Не знаю, почему я изо дня в день мучаю себя одной и той же дилеммой. Она не хочет меня слышать. Она будет счастливее, если я буду держаться подальше. Наверное, она уже совсем забыла обо мне. Лучше не расстраиваться. Ничего хорошего из этого не выйдет.

Сбоку раздаётся хихиканье, отвлекая меня от блуждающих мыслей, и я поворачиваюсь, чтобы увидеть Камиллу с запрокинутой головой от смеха, её мать тоже смеётся. Моё прошлое внезапно забывается, когда настоящее бьёт меня по лицу, заставляя улыбнуться. С тех пор ни одна женщина не заставляла меня улыбаться...

Я хватаю телефон и звоню Логану. Он отвечает быстро, как обычно.

— Слушаю, — говорит он, когда я откидываюсь назад, бросая быстрый взгляд на Камиллу. Она погружена в разговор.

— Что-нибудь есть? — спрашиваю я.

— Ничего.

Я скреплю зубами от разочарования.

— Мы проверили курьерские доставки в башню Логан в тот день, когда вы сообщили нам об угрозе, — я делаю паузу, чтобы дать ему возможность сказать, что-нибудь, и прислушиваюсь к любой непрощенной реакции, такой как прерывистое дыхание, что-нибудь, что скажет мне, что я попал на след. Но ничего не получаю, так что продолжаю. — В тот день, когда он прибыл, никаких курьерских доставок не было.

— Должны быть, — заявляет он. — Вы проверили камеры видеонаблюдения?

— Да.

— Записи?

— Да.

— Тогда, возможно, его доставил кто-то другой. Не курьер.

Его заявление заставляет меня на мгновение задуматься.

— Вы совершенно ясно дали понять, что это курьер, — замечаю я.

— Я... предположил. Может быть... Я могу ошибаться, — он спотыкается через слово, только усиливая мои подозрения.

— Я понимаю, — я словно отмахиваюсь от него, заставляя замечание прозвучать так, будто оно не имеет никакого значения, в то время как внутри меня бушует раздражающее любопытство. У меня такое чувство, что если я буду настаивать, то он меня уволит. Он наймёт кого-нибудь другого, для защиты дочери. Кого-то, кто не будет задавать вопросов. Я не доверю эту работу никому другому. Кроме того, она отвлекает меня от ночных кошмаров. — Я позвоню и сообщу новости, как только, что-то появится, — задумавшись я кладу трубку, пока сладкий смех Камиллы не вырывает меня из задумчивости. Она выглядит счастливой. Расслабленной.

Ти Джей приходит через несколько минут и ласково приветствует обеих женщин. Мать Камиллы, мачеха Ти Джея, обнимает его, словно родного сына. Эта милая сцена заставляет меня увидеть в матери Камиллы нечто такое, чего я никогда бы не ожидал увидеть. Она чопорная, но явно питает нежные чувства к своему пасынку. Прежде чем Ти Джей усаживается на своё место, он бросает взгляд на меня, сдержанно кивая в знак приветствия. Я киваю в ответ и переключаю своё внимание на Камиллу.

* * *

Камилла ковыряется вилкой в салате, почти не прикасаясь к нему. Смех за их столом звучит не переставая. На самом деле было очень приятно видеть её такой счастливой в обществе матери и брата. Все те несколько часов, что мы провели здесь, прошли без происшествий. Никаких подозрительных личностей, никаких папарацци.

Я расплачиваюсь по счёту, предчувствуя, что Камилла скоро закончит, и жду, пока она встанет. Я наблюдаю за ней, как ястреб, выискивая любые признаки опьянения. Их нет, хотя её мать немного пошатывает на её золотых каблуках, когда она встаёт из-за стола, опрокидывая последние капли своего шампанского. Ти Джей ловит мачеху за локоть, чтобы поддержать её, и Камилла берет её за руку, когда они выходят из ресторана, я следую за ними.

Когда мы выходим на тротуар, я сдерживаюсь, пока они прощаются, мне не нравится наша дистанция, но я стараюсь быть невидимкой. Трудно выглядеть непринуждённо и непритязательно, когда ты такой высокий, как я.

Подъезжает «Бентли», из него выходит водитель, огибает машину и открывает заднюю дверцу для матери.

— Милая пока, я была так рада тебя видеть, — она обнимает дочь, та обнимает её в ответ, прежде чем перейти к Ти Джею. — Береги себя, — приказывает она. — Давай в следующий раз без опозданий.

Ти Джей смеётся.

— Это у тебя бурная светская жизнь!

— Просто держу руку на пульсе, — она подмигивает и целует его в щеку. — Пока-пока, сладкие мои, — она грациозно опускается на заднее сиденье, и водитель захлопывает

дверцу.

Сзади подъезжает машина Ти Джея, и водитель передаёт ему ключи.

— Спасибо, — говорит он, протягивая ему двадцатку. — Веди себя хорошо сегодня.

Камилла закатывает глаза.

— Я всегда веду себя хорошо. Почему ты не идёшь?

Он смеётся, совершенно довольный.

— Я оставлю эту вечеринку тебе. — Наклонившись, он целует её в щёку и бросает взгляд на меня. — Похоже, ты в хороших руках, но будь осторожна, ладно?

Осторожна? Я понимаю, что он не хотел оскорбить мой профессионализм. Но он словно мягко напоминает ей о том дерьме, в которое она вляпалась ранее. И судя по мягкому, почти умоляющему выражению в глазах Ти Джея, он напоминает об этом и мне. Ему не о чем беспокоиться. Она в безопасности. От всего.

Камилла бросает мимолётный взгляд через плечо, закусив губу.

— Конечно, — говорит она.

Я жду, пока он уедет, прежде чем присоединиться к ней на обочине. Всё, что сейчас крутится у меня в голове, неоправданно и неуместно, — я был безумно рад, что Камилла ничуть не похожа на своих родителей по характеру. Она превратила себя в человека, которым хочет быть, и, несмотря на несколько неудач, должна гордиться собой.

— Интересная женщина твоя мать, — размышляю я, останавливаясь рядом с ней.

— Ты имеешь в виду претенциозность, да? — Камилла поворачивается и смотрит на меня. — Тебе не нужно быть вежливым. Когда трезвая она хорошая, — и достаёт телефон, набирает текст и нажимает «отправить». — «Пикчердром» находится в нескольких кварталах отсюда. Идём, — решительно заявляет она, направляясь к моей машине. Я выдыхаю, когда иду следом, напоминая, что ночь ещё далека от завершения.

* * *

Шум. Господи, это невыносимо. Из динамиков доносятся какие-то тяжёлые, пульсирующие басы, и сотни молодняка лет двадцати пяти заполняют помещение, все пьют шампанское. Практически полная темнота беспокоит меня, когда я осматриваю это место. Когда Камилла входит, со всех сторон с визгом восторга шествуют несколько молодых девушек.

В руку Камиллы, любезно предоставленную Хизер, впихивается бокал шампанского, и все обнимаются. Я рычу, когда мужчины начинают об меня тереться. Несколько взглядов устремляются и в мою сторону — девушки смотрели заинтересовано, мужчины насторожено, — когда я наблюдаю за Камиллой, парящей в нескольких футах от меня. Она расслаблена, всё ещё счастлива, и это заставляет меня немного расслабиться, когда я занимаю позицию у бара в нескольких футах от неё и устраиваюсь, готовясь к долгой ночи.

Часом позже я теряю рассудок. За свои тридцать пять лет я пережил немало довольно мучительных ситуаций, но могу с уверенностью сказать, положив руку на моё очерствелое сердце, что прошедший час был самым худшим. Даже один вид того, как она танцует на танцполе, причиняет мне физическую боль. Время от времени я мимолётно задаюсь вопросом, намеренно ли она делает это, в надежде вывести меня из себя. Как бы то ни было, я профессионал и могу это выдержать. Но я ещё и мужчина, у которого слишком долго никого не было.

Я измученно застонал, стараясь не смотреть на неё. Это трудно, учитывая, что Камилла моя клиентка. Работа. Но, чёрт возьми, она совершенна, без особых усилий она выглядит

великолепно и сдержанно в своей красоте и характере. Ни один мужчина в этом баре не застрахован от внимания, которое она притягивала, при этом не требуя его. Другие женщины, все красивы, но они бледнеют, находясь рядом с ней в одном помещении. Я улыбаюсь тайной улыбкой, испытывая странное чувство гордости.

Затем я мысленно стараюсь отключиться от посторонних мыслей, бросая взгляд на верхнюю полку бара. Мне нужно выпить.

— Эй! — рядом со мной появляется Камилла, весёлая и улыбчивая. — Мне нужно отлить, — произносит она, переминаясь с ноги на ногу. — Пойдёшь со мной?

Она пьяна. Её дерзкое заявление меня не смущает. Во всяком случае, я рад, что она предупредила меня вместо того, чтобы идти в туалет и оставить меня.

— Пойдём, — я кладу руку ей на поясницу, яростно отказываясь признать, как приятно ощущать её почти целиком.

Камилла двигается легко, но я запинаюсь, когда она отодвигается от меня. Будь у меня такая возможность, я мог бы возразить на подобное поведение или, возможно, наорать на неё за это, но вместо этого она крепко держит меня за руку, и я теряю всякую мысль. Мои ноги всё ещё работают, но всё остальное перестаёт функционировать. Мягкость её нежной руки в моей слишком приятна, чтобы чувствовать себя в безопасности. Моё сердце колотится, пока я пытаюсь урезонить себя. Её светлые волосы двигаются по её изящной спине, когда она подпрыгивает и покачивается передо мной, поднимая уровень пытки на недостижимую высоту. Я могу вести себя так профессионально, как того требуют обстоятельства, но мой член и все другие жизненно важные органы не разделяют моего энтузиазма. Сопротивление — это ключ. Главное — мыслить здраво.

Я проваливаюсь в туман конфликта, не в силах понять, что именно в этой девушке пробудило во мне все эти чувства — чувства, которые были мертвы в течение многих лет. С тех пор, как взялся за это задание, я старался быть сильным, боролся с собой, чтобы найти причину в запутанных чувствах — держать многое в перспективе. Теперь я боюсь, что чувства становятся сильнее, чем моя способность бороться.

Камилла поворачивается ко мне лицом, когда мы достигаем длинного коридора, её волосы развеваются словно в замедленной съёмке. Она по-прежнему улыбается. За всю свою взрослую жизнь я ни разу не проронил ни слезинки. Жёсткость была натренирована во мне годами, а эмоции — это то, о чём я давно забыл. Так я был счастлив. Эта девчонка всё испортила. Она опасна для меня. Я готов был расплакаться от грёбаного разочарования.

— Ты войдёшь? — поддразнивает она, сильнее сжимая свои пальцы в моей ладони. Я опускаю взгляд, думая, как идеально наши руки смотрятся вплетёнными друг в друга, и слегка сжимаю их в ответ, хмурясь. Что, чёрт возьми, со мной происходит? Я быстро отпускаю её и отступаю назад как раз, когда Саффрон присоединяется к нам.

Прежде чем заговорить, она окидывает меня беглым взглядом.

— Возможно, мне придётся завести себе таково же.

— Шафран! — презрительно говорит Камилла, подталкивая локтем хихикающую подругу.

— Мне не стыдно, — она подмигивает мне, прежде чем взять Камиллу за руку. — Ты идёшь в туалет?

— Если мне позволят, — Кэми серьёзно смотрит на меня, и я нахожу в себе силы надеть на своё лицо маску непроницаемости.

— Я иду с тобой, — я не веду себя как больной. Я просто не чувствую себя комфортно,

когда Камилла исчезает из моего поля зрения.

— Ты не можешь! — выдыхает она, по-настоящему испуганная. Это выше моего понимания. — Тебя арестуют!

— Камилла, разве я похож на человека, который будет испытывать смущение от нескольких женщин, писающих за дверями кабинок?

— Нет, но другие женщины могут быть против! — она смотрит на Сафрон, когда та снова начинает переминыться с одной ноги на другую. — Да ладно тебе.

Я двигаюсь вперёд.

— Служба в...

Она прикрывает ладонью мне рот, и я замираю, наблюдая, как её пьяные глаза стекленеют. Что это? Желание? Она быстро отступает, а её голубые глаза немного проясняются, когда она смотрит на каменный пол.

— Там нет никакой опасности, — тихо шепчет она.

Я заставляю своё сердце выровнять ритм. Я этого не вынесу.

— Тогда ты не будешь возражать, если я проверю? — говорю я чётко, ровно, наблюдая, как её голова начинает судорожно кивать. Возражений нет? Никакой драки? И, что более важно, никакого нахальства?

Это уже слишком. Я сексуально расстроен. Я прохожу мимо неё и толкаю дверь в дамскую комнату, собираясь войти внутрь... пока не раздаются крики. Чтобы заставить меня подпрыгнуть от страха, требуется много усилий, но, похоже, толпа встревоженных женщин делает своё дело.

— Чёрт! — Я отпираю дверь, ловя в зеркале взгляды нескольких дам. Понятно, что они недовольны. — Просто иди, — нетерпеливо рявкаю я на Камиллу, махая рукой в сторону двери. — И побыстрее!

Обе девушки быстро исчезают в дамской комнате, а я сажусь напротив двери, спиной к стене. Сегодняшний вечер отнял у меня все силы. Я чертовски устал. Психологически и физически. Когда это задание закончится, я выпью ящик «Джека», просплю год и буду трахаться два.

Дверь открывается, и оттуда выходят две дамы, бросая на меня взгляды, где-то между влечением и отвращением. Ничего такого, к чему бы я не привык.

— Леди, — говорю я ради того, чтобы они ушли.

Я вытягиваю шею, замечая в зеркале, как Камилла вытирает щёки, как раз перед тем, как дверь снова закрывается. Она выглядела взволнованной. Как раз то, что чувствовал и я. Мои руки поднимаются и складываются на груди, нетерпеливо стучу ногой. Через несколько минут выходят ещё две девушки. Камилла всё ещё там, укладывает волосы. Я закатываю глаза и молча даю ей ещё одну минуту, прежде чем войти и забрать её оттуда.

Это самая длинная минута в моей грёбаной жизни. Я понимаю, что она не будет впечатлена, если я ворвусь туда, но моё долбаное сердце источает тревогу. Нахуй. Она это переживёт. Я отталкиваюсь спиной от стены и ударяю ладонями по поверхности, распахивая дверь. Она с грохотом ударяется о плитки позади, но я не уверен, является ли шум результатом моего действия, или это результат взрыва, произошедшего в моей голове.

Мой желудок уходит в пятки, забирая с собой сердце и лёгкие. Как, чёрт возьми, Себастьян Питерс проник сюда так, что я этого не заметил?

Его рука летит вперёд и соприкасается со щекой Камиллы в резкой пощёчине.

— Ты глупая сука! — кричит он, опрокидывая её на пол. Камилла щекой ударяется о

край раковины с оглушительным треском. — Ты думаешь, я недостаточно хорош для тебя? Ты моя!

Я зверею. Моя ладонь сжимает его за горло, прежде чем я осознаю, свои действия, и протаскиваю его почти через всю толпу дамочек. Сила, с которой его спина ударяется о стену, посылает вибрации вверх по моим рукам и груди. И прежде чем я успел это заметить, я нанёс ему два болезненных, точных перекрёстных удара — один в глаз, другой в челюсть. Ощущения приятные. Так чертовски хорошо. Я вытаскиваю пистолет, нажимаю на курок и приставляю дуло к его виску. Он ничего не понимает. Буквально. Он задыхается, его пальцы цепляются за моё горло.

— Давай я тебе помогу, — рычу я, ещё сильнее вдавливая пистолет в его кожу. — Сейчас в твою хорошенькую головку нацелен «Хеклер VP9». В которой, когда я вышибу твои грёбаные мозги, будет полный бардак, и я, вероятно, сяду за решётку до конца своей долбаной жизни, но я буду счастлив, утешаясь тем, что ты умрёшь, — я поднимаю колено и ударяю его по яйцам, заставляя маленького коротышку визжать в агонии. — Тебе больно, Себастьян? — я наношу ещё один удар, по-садистски наслаждаясь его болью.

— Пожалуйста, — всхлипывает он, слюни и сопли трогательно стекают по его подбородку. Он постоянно шмыгает носом, его зрачки расширены, а вокруг ноздрей появляются красные пятна. Я кажется догадываюсь кем он себя возомнил. Держу пари, он чувствует себя непобедимым, когда под завязку накачан кокаином. Теперь он уже не так непобедим.

Я моргаю. Этого делать не стоило, потому что моя мимолётная темнота даёт мне быстрое воспроизведение его руки, соединяющейся со щекой Камиллы. Ярость поглощает меня. Я убил много людей. Я делал то, что нужно. Я был отстранён, спрятан далеко, вне поля зрения, и меня боялись тысячи. Я был снайпером. Я был неуловимым. Я был спокоен, хладнокровен и собран. Опасен по всем пунктам.

Всё изменилось, когда *она* решила меня наебать.

Я убедился, что все собравшееся видели во мне лишь ненависть. Не имело значения, что моя месть была направлена не туда куда следует. Обрушивая на врага адский дождь из ударов, я чувствовал, что это было единственным решением. Мне нужно выплеснуть весь гнев и боль. Боль, которую она мне причинила.

Поэтому я выбрался из скрытой темноты, оказавшись на краю пропасти и вышел на поле бое. В тот день я впервые посмотрел в глаза человеку и увидел в них страх, прежде чем убить его. Но мне было всё равно. Я стал безрассудным. Глупым. Я был таким глупым. Моя эгоистичная потребность убивать привела к гибели двух моих людей. Два лица, которые будут преследовать меня вечно. Двое мужчин, у которых остались жёны и дети. Два хороших человека. Я не был хорошим человеком. Это должен был быть я. Отвращение к себе и чувство вины — всё это мучило меня. С тех самых пор.

Сегодня это не проблема. Мой срыв тогда произошёл из-за того, что женщина наебала меня. Сейчас я чувствую, как во мне поднимается похожая ярость, только я полностью осознаю её. Я точно знаю, что делаю.

Я убираю пистолет в кобуру и отпускаю шею Себастьяна, и под ещё один сокрушительный удар по почкам он падает на землю, как мешок с дерьмом, скуля и кряхтя.

— Ты не сможешь работать ещё очень долго, красавчик, — делаю движение ногой и наношу ему точный удар по его рёбрам.

Удержаться от убийства ублюдка — самая трудная задача, с которой я столкнулся за

сегодняшний день.

Глава 14

Ками

Я никогда не была жертвой такого грубого и разрушительного насилия. И всё же, где-то глубоко внутри себя страшась этой мысли, я осознаю, что он сдерживается. Джейк мог закончить всё за секунду. Он заставляет Себастьяна страдать. Сила его ударов виднеется с каждым пронзительным соприкосновением с живой плотью.

Время останавливается, звуки сливаются в ничто. Если бы не горящая отметина на щеке и гул в голове, я бы подумала, что умерла. Я чувствую себя мёртвой. Победённой. Потрясённой и слабой.

Себастьян появился из одной из кабинок, словно из ниоткуда. Всего один отказ принять его мольбы о втором шансе заставил его измениться. Всего одна попытка отгородиться от него вызвала вспышку гнева в его глазах, которую я видела раньше, когда он был под кайфом. Но его жестокость меркнет по сравнению с той, что я вижу сейчас.

Я действительно верю, что Джейк Шарп может убить любого человека голыми руками. Его удары точны и смертоносны.

— Джейк, — я почти проталкиваю его имя сквозь свой онемевший язык и наблюдаю, как он отпускает Себа и позволяет ему рухнуть на пол, пока ищет меня глазами, как будто только осознал, что я здесь. Когда он смотрит на меня, Джейк выпрямляется во весь рост, кажется выше, чем когда-либо прежде, и взирает на меня полным решимости взглядом.

Затем он шагает вперёд, наклоняется и, поравнявшись со мной, молча поднимает меня на руки. Он прижимает меня к груди и смотрит на меня сверху вниз, его тёмные глаза остекленели и кажутся затравленными.

Комок, застрявший у меня в горле, расширяется и лопается, потому что сквозь контузию я успеваю сделать вывод, что то, что только что случилось, произошло не только по причине того, что Джейк делал свою работу.

Его ноздри раздуваются, прежде чем он сосредотачивает своё внимание и выходит из клуба со мной на руках. Музыка по-прежнему гроыхает, но я вижу, как люди шепчутся друг с другом, пока меня несут через толпу, и хватка Джейка становится всё крепче с каждым его шагом. Мои веки отяжелели, а сердце переполнено надеждой.

Надеюсь, я никогда больше не встречу с Себастьяном Питерсом. И надеюсь, что Джейк Шарп будет рядом, чтобы обеспечить это. Чтобы защитить меня от него. От всего.

* * *

Яркий свет фойе заставляет меня щуриться, резкий свет слишком неприятно бьёт по глазам. Моё тело поднимается и опускается в такт большим шагам Джейка, и мои руки снова обвивают его шею. Сейчас у меня в голове много мыслей, но самая громкая из них приказывает мне держаться крепче. Никогда не отпускать его. Я много выпила, но сильный удар и трещина в скуле от падения здорово отрезвила меня. Я устала, но даже с затуманенным сознанием, я ощущаю предельную ясность.

После того, как мы вошли в мою квартиру, Джейк понёс меня прямо в спальню и садит на край кровати. Потом он разворачивается и уходит.

— Как ты получил пулевое ранение? — выпаливаю я, отчаянно желая узнать больше о нём, в надежде, что это поможет мне понять, что же произошло с ним в той уборной. Да он был там, но словно и нет.

Он останавливается, но стоит ко мне спиной.

— Я был ранен в бою.

— Ты служил в армии, — я произношу это лишь констатируя это как факт, поскольку уже знала это, но я чувствую, что это хорошая отправная точка, чтобы попытаться вытянуть из него больше.

Он кивает и поворачивается ко мне.

— В спецназе.

Я чувствую, как мои глаза расширяются.

— Что-то вроде шпиона?

— Я был снайпером.

Мой разум нуждается в перезагрузке.

— Так вот почему ты больше не служишь в армии, потому что был ранен?

— Что-то вроде этого, — бормочет он, глядя мимо меня, словно слишком много плохих воспоминаний разом вторглись в его разум.

— Как это случилось? — спрашиваю я, желая получить больше информации.

— Жестоко просчитался.

Я прикусываю губу, пытаюсь унять лихорадочно блуждающие мысли. Я чувствую исходящие от него гнетущие вибрации и прихожу к выводу, что, как бы давно эта рана ни была ему нанесена, она преследует его. Я вижу, как на его лбу выступает пот, и Джейк, кажется, находится в некотором трансе, от одного упоминания о ней, то, что произошло сильно повлияло на него. А потом он вздрагивает, словно пытается стряхнуть с себя эти воспоминания. Это подтверждает мои мысли. У него посттравматический синдром. Я слышал о таких людях, вернувшихся с войны с посттравматическим синдромом. Я слышал, как они то и дело сражаются с внутренними демонами и кошмарами, и теряют сон. У Джейка было также. Я видела, как он принимал таблетки.

Тишина становится неловкой, но прежде, чем я успеваю подумать, как это исправить, Джейк поворачивается и уходит.

— Это случилось всего несколько раз, когда мы были вместе, — моё тихое признание приходит из ниоткуда и без дальнейших объяснений.

Они ему не нужны. Напряжение его плеч, когда он останавливается, и осязаемая кипящая внутри него ярость говорят сама за себя. Не знаю, что на меня нашло; я поклялась, что никогда никому не расскажу о произошедшем, но глубоко сидящая во мне потребность хочет рассказать об этом Джейку.

— Мне было бы всё равно, даже если бы это случилось единожды, и даже тогда он пожертвовал бы своей жизнью, чтобы извиниться, — Джейк рычит эти слова. — Я нашёл бы способ вернуть его к жизни, чтобы снова убить. Даже один раз — это слишком много.

— Я сказала тебе это не потому, что защищаю его. Я говорю тебе это, чтобы ты не думал, что я жалкая неудачница.

— Я так не думаю! — рывкает он, шагая к двери и явно в ярости.

— Тогда что ты обо мне думаешь? — спрашиваю я, и он замолкает. — Какой ты меня видишь, Джейк? Слабой маленькой девушкой, о которой нужно заботиться? Избалованным маленьким ребёнком? Меркантильной, эгоцентричной стервой, не понимающей, что такое настоящая жизнь?

Он резко оборачивается, возмущённый моими обвинениями.

— Нет! На самом деле, как раз наоборот!

Я спрыгиваю с кровати, расправляя плечи в попытке выглядеть как можно более

внушительной. Это выглядит смешно, стоит мне поравняться с Джейком.

— Что случилось в той уборной? — спрашиваю я, тем самым нанося ему удар ниже пояса. Мне всё равно. Я хочу знать.

— Что случилось? — спрашивает он, глядя на меня как на дурочку. Я хочу ударить его за это. — Я выбил дерьмо из человека, который напал на тебя! Как ты думаешь, что я должен был предпринять? Держать тебя на месте, чтобы он получше прицелился?

— Это не единственная причина! — кричу я. — Ты был словно в другом месте! Что с тобой случилось?

Меня начинает трясти от ярости, от беспричинной боли. Что-то случилось в прошлом Джейка, и я знаю это не моё дело. Конечно, он прав, но, учитывая тот факт, что я так охотно выдала ему свои секреты, его отказ причиняет ещё большую боль. Я не единственная, кто переступил черту. Я видела, как он борется с химией между нами! Чёрт побери, я знаю, что он тоже боролся!

Без предупреждения моя рука тянется к его лицу. Джейк видит, как она приближается за милю до соприкосновения, быстрое движение и он ловит меня за запястье.

Мы стоим друг перед другом, уставившись друг на друга... и наша ярость превращается во что-то другое. Я прерывисто выдыхаю и стряхиваю с себя мурашки, наблюдая, как его глаза опускаются к моим губам, прежде чем его взор стремительно поднимается выше, чтобы встретиться со мной взглядом. Напряжение потрескивает между нашими телами.

Я пытаюсь привести мысли в порядок, но у меня нет времени, чтобы всё проанализировать. Джейк быстро приближается ко мне, обнимает и прижимается губами к моим. Я чувствую, как всё напряжение в момент уходит, стресс и смятение покидают моё сознание. Его поцелуй первобытен и неумолим, его твёрдое тело прижимается ко мне. Я застонала, отвечая на его силу, хватая его за плечи, пока мы исследуем рты друг друга, голодные и отчаянные. Мои руки поднимаются к его волосам, удовольствие сотрясает меня, колени подрагивают. Я начинаю пошатываться, держась за него, в надежде не выпасть из его объятий.

О Боже, я так долго представляла себе это. Я молча умоляла об этом. И теперь это происходит, по-настоящему, безумно и неистово, подкреплённое кучей разочарований и отчаяния.

— Чёрт! — Джейк ругается и опускает меня, отстраняясь, оставляя меня тяжело дышать, мои губы распухли и болят. Он проводит рукой по волосам, вздрагивает, поворачивается и начинает расхаживать по комнате. — Мы не можем, — резко говорит он. Его решимость пронзает моё сердце, как кинжал. — Это неправильно. Я твой телохранитель, — он поворачивается ко мне лицом, демонстрируя ещё больше решимости своим строгим выражением лица. — Твой отец позаботится о том, чтобы я больше никогда нигде не работал, — он пробормотал эти слова, крепко зажмурив глаза. — И мне нужна цель, Камилла. Мне необходима эта работа.

Я чувствую, как на глаза наворачиваются жалкие слёзы, и уже не в первый раз в жизни я проклиная отца. Джейку нужна цель. Ему необходим холодный рассудок, чтобы он не блуждал в своих мыслях. В своём прошлом. Не думал о войне. О той женщине.

Это убивает меня, но я говорю то, что должна сказать. Не только потому, что Джейку нужно, чтобы я это произнесла, но и потому, что знаю, что он прав. Мой отец уничтожит его, если узнает, что Джейк переступил дозволенную черту. Он мой телохранитель.

— Я понимаю, — моё сердце сжимается в груди, когда я отступаю на несколько шагов,

прежде чем разворачиваюсь, в надежде поспешно убежать, отчаянно желая уйти от него. На нетвёрдых ногах я добираюсь до двери, хватаюсь за ручку и открываю её, но это всё, что мне удаётся.

Мужская ладонь проходит над моим плечом и соприкасается с дверью закрывая её с хлопком. Моё сжимающееся сердце кажется бьётся где-то в районе горла, и я сглатываю, глядя на руку Джейка перед собой, чувствуя, как он прижимается к моей спине.

— Я не хочу, чтобы ты понимала, — шепчет он мне на ухо. Я закрываю глаза, когда его руки ложатся мне на плечи и медленно разворачивает меня на дрожащих ногах. — Открой глаза, — приказывает он. Я так и делаю.

Мои веки распахиваются, обнажая ему тот хаос, который творится в моей голове, слёзы, скопившееся в моих глазах, я пытаюсь собраться с мыслями.

— Я знаю, что это неправильно, — бормочу я, пытаюсь не заплакать. — Я знаю, что не должна испытывать к тебе такого влечения.

Он мягко кивает, соглашаясь.

— Я понимаю. Поверь мне, я, блядь, понимаю, — бормочет он. — Но сейчас я не могу думать ни о чём, кроме тебя.

Джейк смотрит мне в глаза, прежде чем опустить взгляд вниз, исследуя моё тело, словно теперь он мог посвятить этому действию столько времени, сколько захочет. Он хотел рассмотреть меня до кончиков пальцев ног. И он это делает. Нет ни одного кусочка меня, который бы он не удостоил своим взглядом, ни одного волоска на моей голове, который бы он не ощупал или не погладил.

Нежно, нежнее, чем я могла себе представить, он убирает непослушную прядь волос с моего лба, наблюдая, как он откидывает её назад. Я так неподвижна, что он, наверное, мог бы сбить яблоко с моей головы. Его руки так хорошо ощущаются на моём теле, где бы они не бродили, а сосредоточенное лицо, выглядит почти благоговейно.

— Так чертовски красива, — тихо шепчет Джейк, обнимая меня за талию и притягивая ближе.

Мои руки поднимаются между нашими телами на лёгком вздохе, упираясь ему в плечи, и он опускается и прижимается лбом к моему, это вынуждает его немного согнуть колени, чтобы сделать это. Его свободная рука нежно обвивает мою шею, и он закрывает глаза. Я чувствую себя такой маленькой в его объятиях. В такой безопасности. И всё же вся эта лёгкость и совершенство не замедляют моего бешено колотящегося сердца. Я слышу удары своего пульса в ушах, мои вены кипят от желания, настолько опьяняющего, что меня шатает.

Но я никуда не падаю, хватка Джейка удерживает меня. Похоже, его тактика изменилась. Дикая, хаотичная встреча наших губ мгновение назад почти забыта, он дышит ровно и глубоко, а я смотрю на него находясь так близко, что могу поцеловать. Но я сдерживаюсь — не потому, что не хочу снова ощутить его губы на своих, а потому, что его грубая красота так приятна, и я очарована его молчанием и внезапной мягкостью. Я никогда не видела его таким умиротворённым. Совершенно пассивным. Как будто он поддался внутренней потребности.

— Ты в порядке? — спрашивает он, медленно открывая глаза. Свет, который я вижу в них, ослепителен. Это вселяет надежду. Это всё, что я чувствую сама.

Я сглатываю с лёгким кивком и провожу руками по рукавам его пиджака до локтей, думая о том, как чудесно будет чувствовать его кожу под своими руками. Джейк отрывает свой лоб от моего, и щетина, покрывающее его лицо, удерживает моё внимание вокруг его

рта.

Его губы медленно раздвигаются, и язык проводит дорожку по нижней губе.

Я смотрю ему в глаза, убеждаясь, что он видит в моих уверенность и отчаяние. Никогда в жизни я не чувствовала себя такой уверенной и такой отчаявшейся. Я хочу его — этого загадочного, непостижимого человека. Я хочу его всеми фибрами души.

Он начинает опускать свой рот к моему, не торопясь, как будто готовясь к натиску удовольствия, которое, как он знает, уже совсем близко. Я делаю то же самое. Ближе, ближе, ещё ближе, наши глаза пригвождены друг к другу, пока его губы не касаются моих. Я вздрагиваю в его объятиях, и почти задыхаюсь от переполняющих меня ощущений. Чувства, которые создаёт этот небольшой контакт, взрывают мой разум, больше, чем животный поцелуй мгновения назад, заставивший меня с нетерпеливой тоской гадать, что же будет дальше.

Джейк стонет, низко и нервно, заставляя меня ответить на этот поцелуй. Мой язык соприкасается с его. Я мгновенно поглощена им, руки тянутся к его шее, прижимая его к себе ещё сильнее, нежно, но уверено наши языки соприкасаются друг с другом.

— Чёрт возьми, Камилла, — выдыхает он, немного отодвигаясь и убирая мои руки со своей шеи, но продолжая поцелуй.

Его пальцы скользят по моим бёдрам, он берёт подол моего платья, поднимая его выше, пока я не разрываю наш поцелуй, чтобы он помог мне снять изделие через голову. Оно быстро отбрасывается, прежде чем руки Джейка хватаются за горло, дёргая галстук. Подражая его внезапной настойчивости, я тянусь к его пиджаку и начинаю стягивать его с его с плеч. Он почти вырывает руки из рукавов, когда его рот снова находит мой, вновь с силой захватывая его.

— Рубашка, — бормочет он, нащупав застёжку моего лифчика и одним ловким движением расстёгивая крючок. Я чувствую, как материал, обхватывающий мою грудь, ослабевает, когда мои пальцы лихорадочно и неуклюже теребят пуговицы его рубашки. Он чувствует всё без слов и освобождает меня от этой задачи, разрывая рубашку на своём теле, посылая пуговицы во все стороны комнаты. Затем он тянется к лифчику и стягивает его с моей груди, не оставляя мне выбора, кроме как протянуть руки или сорвать его с моего тела силой.

Я задыхаюсь, видя грудь Джейка, выглядывающую из-под белой рубашки. Хотя я бы с удовольствием провела несколько минут, любуясь ею, у Джейка другие планы. Он достаёт из-за спины пистолет и бросает его на пол, на пиджак. Своими ловкими пальцами он ухватывается за пуговицу на ширинке, сбрасывает туфли и носки, брюки. Всё так быстро. Он не валяет дурака. Свои боксеры он снимает в последнюю очередь, но он снимает их осторожно и медленно, наблюдая за моей реакцией.

И теперь он стоит передо мной совершенно голый.

И я снова восхищаюсь этим зрелищем, но на этот раз он ближе. На этот раз это не случайность. На этот раз никакой неловкости... просто принятие и понимание.

— Возьми всё, — хрипло приказывает он, указывая на своё высокое тело. — Пожалуйста, просто, блядь, заberi всё.

Я сглатываю, меня начинает трясти так, как никогда раньше. Я хочу этого. Всё. Всего его.

Но неожиданно меня охватывает сомнение, и я не решаюсь переступить черту, чтобы получить то, о чём так страстно желала в своих мыслях. Джейк такой высокий и сильный.

Он выглядит так, будто может сломать меня надвое одним движением пальца. Наверное, мог бы. Его эрекция выступает вперёд, кончик блестит от возбуждения. Мои соски твердеют от желания, и серебряный шрам, на его плече, привлекает моё внимание. Джейк смотрит вниз, понимая, что привлекло моё внимание. А потом он протягивает ко мне руку и медленно и легко обводит ею шрам кончиком пальца в течение нескольких неторопливых мгновений, прежде чем прижимает меня к своему телу и подняв меня на руки, словно пёрышко, несёт в постель.

Осторожно он укладывает меня на постель, и я чувствую, как он осторожно стягивает трусики с моих ног, и когда он опускается на колени рядом с моей кроватью, его грудь вздымается, стоит ему втянуть воздух в лёгкие, слегка покачивая головой. Я ощущаю себя идолом, лежащим на каменной плите в ожидании поклонения. Джейк нежно берёт мои руки и заводит их мне за голову, затем нежно проводит вниз своими руками по моему телу, начиная с груди. Я стону, не в силах выразить свои ощущения от подобного контакта, и он улыбается в ответ. Я лежу, обнажённая и беззащитная, моё дыхание учащается, когда он ласкает меня, не торопливо, заставляя затеряться в этих ощущениях. Когда же он достигает моего соска, моя спина слегка выгибается, грудь вздымается в молчаливой просьбе о большем.

Его глаза встречаются с моими, когда он начинает осторожно двигаться по моему лону.

— Ты хочешь, чтобы мой рот был здесь? — спрашивает Джейк, прерывая свои изящные движения.

Я снова киваю, молча желая, чтобы он продолжал, но его палец остаётся неподвижным, и не прикасается к гудящему бугорку нервов.

— Скажи мне, Камилла, — требует он, пристально глядя на меня. — Скажи, чего ты хочешь.

— Пожалуйста, — бормочу я, не прочь попросить его о внимании и прикосновениях. О чём угодно. Его палец снова начинает двигаться, но на этот раз он следует по прямой, направляясь через мой живот к бедру. Низкий, прерывистый вздох срывается с моих губ, моё тело напрягается в ожидании.

— А здесь? — палец Джейка скользит между моих бёдер и по пульсирующим губам у моего входа.

Я теряю контроль, закрываю глаза, выгибаю спину ещё больше в крике полном отчаянья.

— Джейк, пожалуйста! — умоляю я, мои руки дёргаются над головой, готовые схватить его и притянуть к себе.

— Ты близко, — он толкает два пальца внутрь меня, наполняя, подавляя жжение желания. — Я чувствую это, — его голос дрожит, пока он исследует меня где-то глубоко внутри.

— О, Боже, — вздыхаю я, немного успокаиваясь от приятных ощущений, которые дарят его прикосновения. Все мои мышцы сжимаются, удваивая удовольствие. Я уже на краю.

— Не кончай, — приказывает он, заставляя меня в тревоге открыть глаза. Я вижу его лицо, Джейк всё ещё пристально изучает меня, при этом всё продолжая мучить меня своими точными, талантливыми прикосновениями пальцев. — Пока нет, — успокаивающе добавляет он, но затем прикасается своим большим пальцем к моему набухшему клитору, при этом делая свою просьбу почти невыполнимой.

Я больше не могу удерживать свои руки на месте, опускаю их вниз и провожу ими по

животу, наслаждаясь ощущениям от собственных прикосновений. Пьянящий коктейль ощущений, который я испытываю, — это что-то новое. Это захватывает. Джейк уже вызывает во мне привыкание. Что он может сделать со мной, как он может заставить меня чувствовать. Он только несколько минут уделяет мне своё внимание, а я уже нахожусь на грани оргазма. И защищённой

— Ты хорошо себя чувствуешь, Камилла? — спрашивает он, низко и грубо, наблюдая, как мои руки скользят по животу, пока он методично погружает в меня свои пальцы.

— Да! — я схожу с ума, а он наслаждается этим.

— Я ревную, — Джейк использует свою свободную руку, чтобы захватить оба моих запястья в плен и поднимает их вверх, останавливая мои прикосновения.

Он мягко и медленно вновь заправляет руки мне за голову, пристально глядя на меня. Мне нельзя их опускать, и когда он видит во мне уверенность, в моём подчинении, он встаёт и нависает надо мной.

— Ты принимаешь противозачаточные?

Я киваю.

— Ты чиста?

Я снова быстро киваю, ничуть не обидевшись. Нет места оскорблениям, если в борьбу вступает тоска и необходимость. Здесь также нет места для размышлений, поэтому я не задую ему подобных вопросов. Но он отвечает. Не то чтобы мне это необходимо.

— Я тоже, — он нависает надо мной, упираясь кулаками в матрас по обе стороны от моей головы.

— Мои руки? — шепчу я, спрашивая, куда мне их деть.

— Просто держи их там, где они сейчас.

Его грудь встречается с моей, тяжёлая и твёрдая, его руки сгибаются в локтях, чтобы приблизить своё лицо к моему. Затем его пах встречается с моими бёдрами, и я чувствую, как горячая головка его члена слегка толкается в мою киску. Моё сердце колотится, и Джейк шипит, замирая и закрывая глаза. Он пытается найти контроль. Он тянет время, от нетерпения у меня кружится голова, но я должна дать ему времени.

— Я старался не представлять, как это было бы хорошо, — выдыхает он, открывая глаза и позволяя им встретиться с моим взглядом. — Я так чертовски старался.

Ещё одно прикосновение, его возбуждение физически обжигает, и я задерживаю дыхание, почти испугавшись удовольствия, которое собираюсь испытать. Только потому, что я знаю, что хочу большего.

Джейк приподнимает и опускает бёдра, затем плавно скользит вперёд, неторопливо входя в меня, постепенно заполняя и растягивая. Я стону, вдыхая, мои ноги обвиваются вокруг его бёдер притягивая его как можно ближе, мои руки обвивают его плечи.

— О, чёрт возьми, — шепчет он. Опустив голову, Джейк начинает прерывисто дышать в такт своим движениям, его тело дрожит в моих руках. — Я так и знал, — хрипло признаётся он. — Я знал, что быть с тобой будет так чертовски идеально.

— Ты знал, — его член длинный и большой, но мои внутренние мышцы так прекрасно обвивают его естество. — Двигайся, — прошу я, слегка поднимая бёдра, отвечая на его толчки.

— Просто дай мне секунду, — он опускается на локти и поднимает голову, позволяя кончику своего носа встретиться с моим. — Мне нужна всего секунда.

Я хочу поторопить его, но видеть Джейка в таком благоговейном страхе от того, как мы

прекрасно чувствуем себя связанными на столь интимном уровне, заставляет меня промолчать о своём желании. Поэтому я позволяю его глазам смотреть в мои и жду, пока он обретёт некоторую уверенность. Я использую это время, чтобы провести своими руками по линиям на его спине, что заставляет его вздрогнуть.

— Ты не помогаешь, Камилла, — мягко ругает Джейк, при этом вновь касаясь своим носом моего и отстраняется, двигаясь свободно, пока кончик его члена снова не касается моего входа.

Я задерживаю дыхание. И Джейк задерживает своё. Затем он опускает бёдра и снова глубоко входит в меня, заставляя нас обоих задохнуться от удовольствия, наши прерывистые вздохи сталкиваются и смешиваются в одно. Когда снова полностью погружается, он начинает двигаться уверенно и медленно, вызывая фейерверк из ощущений.

С меня хватит. Моя голова запрокидывается назад, руки цепляются за его плечи, когда он находит свой темп, каждое движение Джейка бьёт в самую цель, тем самым подводя меня к пику удовольствия. Я потерялась в этом прекрасном мире удовольствия вместе со своим защитником, при этом молясь, чтобы я никогда не нашла выход из него. Наши стоны наслаждения тонут в окружающей нас тишине, наша кожа скользкая от пота, наши тела двигаются в молчаливой гармонии. Всё так прекрасно — звуки, чувства, ощущение правильности момента.

Джейк поддерживает свой ритм и продлевает удовольствие настолько долго, насколько это возможно. Но судя по ощущениям он вот-вот кончит. Я чувствую, что и сама вот-вот достигну пика удовольствия.

— Опустит ноги, — рычит он, касаясь поясницы и опуская мои ноги. — Раздвинь их.

Я немного удивляюсь его приказам, но всё же делаю всё, что говорит и раздвигаю ноги как можно шире.

И тут же он входит между моих бёдер, словно мяч.

— О Боже! — я почти плачу от удовольствия, но он прижимается губами к моим, прерывая меня, целуя меня крепко и страстно. Моё удовольствие только что достигло новых высот, моё новое положение дарит мне неопишуемые ощущения.

— Ты чувствуешь это? — выдыхает Джейк, покачиваясь, наполняя меня целиком, и потирая моё лоно своей рукой.

Я всхлипываю и начинаю хвататься за его спину, медленный, движущийся по нарастающей, оргазм теперь надвигается на меня словно лавина.

— Возьми его, Камилла, — приказывает он, прикусывая мою нижнюю губу, прежде чем снова атаковать мой рот.

Я чувствую, как мой мир начинает разлетаться на маленькие кусочки.

Глава 15

Джейк

Я никогда прежде не чувствовал такого сильного *единения* с кем-то. И это не отвлекает. Это не сама цель. Это осязаемо. Всё это лишь приводит в тонус каждую мышцу и пронзает каждый дюйм моей обнажённой кожи. Я никогда не чувствовал себя настолько поглощённым женщиной, ни ради одной из них я не был готов пожертвовать своей собственной душой.

Я никогда такого не чувствовал. Никогда.

Много слов пытаются пробиться в мой извращённый разум, но только одному удаётся это.

Моя.

Прижимать её гибкое тело к себе — за пределами любого удовольствия, которое я испытывал за свою жизнь. Это чувство так легко принять, но так трудно осознать. Всё это. Я не нежен с женщинами. Я не трачу время на то, чтобы продлить их удовольствие или пожелать, чтобы оно никогда не кончалось.

Но эта женщина всё изменила. Я хочу, чтобы это мгновение никогда не заканчивалось.

Её размеренные вздохи касаются моего лица, она изо всех сил старается держать глаза открытыми. Она почти на пике, и мне необходимо кончить вместе с ней. Я приподнимаюсь на кулаках, почти вонзая их в матрас, чтобы получить лучшую опору.

— Не сейчас, — приказываю я, не в силах игнорировать безумную вспышку паники на её лице. — Я почти... — я ускоряю движения немного изменяя положение тела и получаю ещё больший контроль. Она уже. Уже близко. — О, чёрт! — восклицаю я, раскачиваясь всё сильнее, быстро входя и выходя из тугой и тёплой киски Камиллы, с каждым новым толчком приближаясь к заветной кульминации.

— Джейк! — её вскрик моего имени, пока она яростно трясётся подо мной в экстазе, заставляет и меня перейти грань. Член взрывается, и мой едва слышный стон раздаётся сквозь парализующее удовольствие, от ощущения как она пульсирует вокруг меня, когда я нахожу освобождение продолжая хаотично двигаться в ней. Моя кульминация накрывает меня с головой, заставляя упасть на предплечья, накрывая её тело своим, пока я пытаюсь прийти в норму. Кажется, на это уходит целая вечность, бессвязные стоны Ками заглушаются в моём сознании благодаря приливам крови к голове. Моё тело чувствует облегчение, насыщение, но мой разум и сердце находится в куда большем дисбалансе, чем когда-либо прежде. Я чувствую спокойствие, но в то же время встревоженность. Затем Камилла вздыхает, протяжно и удовлетворённо, и плохие предчувствия начинают омрачать всё — весь мой мир, едва зародившееся ощущение спокойствия и правильность этого момента.

Чёрт возьми, я чувствую себя так, словно на меня напал враг, мой разум перебирает варианты и анализирует самый безопасный из них в надежде как можно быстрее покинуть опасную зону. Но на этот раз, кажется, выхода нет.

Это самая странная смесь чувств: спокойствие и ужас. Камилла молодая, яркая женщина с блестящим будущим. А я? Я неуравновешенный, извращённый козёл с чёрной душой и ожесточённым сердцем. Я не должен рисковать, заражая её своими демонами. Но в то же время я полон надежды, что она может стать именно тем лекарством, которое я уже и не надеялся найти. Раньше всегда был только я, мои воспоминания и моя горечь. Меня это вполне устраивало. Но с тех пор, как я встретил Камиллу, всё моё бремя было разбавлено желанием настолько сильным, что мне было трудно сосредоточиться на чём-то ещё. Ирония сложившейся ситуации чертовски жестока. Мой долг — защитить её от потенциальной угрозы. Неизвестной опасности.

Но я и есть самая большая, самая реальная угроза для этой женщины. Она нуждается в защите от меня.

Я уверен, что причину ей боль. Я представляю для неё опасность. Её отцу это не понравится, а Люсинда может свернуть мне шею. Никакой эмоциональной связи с объектом. Это правило номер один. Это искажает первоочерёдную цель и мешает исполнению обязанностей. Это также приведёт к тому, что вас быстро вышвырнут из агентства. Но, чёрт возьми, сейчас во мне бушует огромное количество эмоций, и я бессилён остановить их.

Чувство бессилия — это не то, с чем я умею справляться. Мне нужна цель. Моя цель — это моя работа. То, что я только что сделал, может лишит меня этого. Я снова окажусь в пустой чёрной яме. Никакой цели. Одни кошмары.

Я закрываю глаза и приподнимаю бёдра, отодвигаюсь от тепла Камиллы, при этом игнорируя чувство потери, которое наполняет меня с каждым дюймом, стоит мне отстраниться от неё всё дальше. Её сонное бормотание протеста стало бы сладкой музыкой для моих ушей... если бы я не ощущал сейчас столь сильные душевные терзания.

Какого хрена я натворил?

Я перекатываюсь на спину и смотрю в потолок, положив ладонь на грудь. Желание схватить пистолет и всадить себе пулю в череп звучит очень заманчиво. Как и моё желание одеться, взять сумку и уйти.

Но тогда Камилла останется без защиты.

Кто, чёрт возьми, защитит её от меня? Кто её предупредит, скажет, что я ей не подхожу? Я точно знаю, кто... я... я должен сделать это.

Укладываю голову на бок, когда она ёрзает рядом со мной, и вижу её лежащей на спине, её светлые волосы веером развеваются по подушке, а руки безвольно лежат над головой. Она задремала, уткнувшись лицом в мой сгиб предплечья. Она выглядит как чёртов ангел. Милая, невинная и ранимая.

Моя.

— Ублюдох, — выдыхаю я, торопливо поднимаясь, прежде чем поддаться инстинкту и притянуть её к себе. Я сажусь на край кровати, упираюсь локтями в колени и закрываю лицо ладонями.

— Джейк, — её сладкий, сонный и в тоже время неуверенный голос, словно бархат касается моей обнажённой кожи, заставляя дрожать. Я оглядываюсь через плечо и вижу, что эти великолепные глаза, полуоткрыты, и наблюдают за мной.

— Засыпай, Ками, — мой ответ, срывается с моих губ автоматически, как и моя потребность прикоснуться к ней. Я слегка поворачиваюсь и тянусь к её лицу, убирая несколько золотистых прядей волос с её кремовых щёк. Она мурлычет и утыкается носом в моё руку, её глаза закрываются.

И моё грёбаное сердце разбивается вдребезги. Морщась от боли и отчаяния, я отрываю руку от её лица и поднимаюсь на ноги, борясь с безудержным желанием забраться в постель и обнимать её всю ночь.

Расстояние.

Мне нужна дистанция. И как можно больше, словно я слежу за кем-то. Я сажусь на небольшое кресло у окна пытаюсь примостить своё громоздкое тело. Это маленькое кресло, предназначено больше для декоративных целей, чем для столь большого парня вроде меня, что мешает мне устроиться на нём поудобнее. Что чертовски маловероятно. Я поворачиваюсь в одну сторону, потом в другую, пока не принимаю наиболее удобную позу: моя задница оказывается на краю кресла, чтобы я мог откинуться как можно сильнее, мои ноги вытянуты и скрещены в лодыжках. Сойдёт. Мне приходилось терпеть и похуже.

Поставив локоть на подлокотник кресла, я сжимаю кулак и прижимаю его к челюсти.

И я наблюдаю за ней.

Всю ночь напролёт.

И с каждой минутой моё сожаление усиливается.

* * *

Мне всегда было достаточно небольшого количества сна. Я просто так устроен. Истощение — это не тот термин, с которым я знаком, поэтому то, что я чувствую сейчас, мне чуждо. Я чувствую себя чертовски уставшем. Полностью уничтоженным. А ещё у меня чертовски болит голова. В общем, я чувствую себя дерьмово. Даже мой хороший друг Джек Дэниелс не способен заставить меня чувствовать себя столь же уставшим.

Я сижу здесь уже шесть часов и смотрю, как Камилла спит. Это было самое приятное и запутанное время в моей жизни. Я выругался себе под нос за эту ночь больше раз, чем хотел бы признать. Чёрт, нет, я признаю это. Ситуация не может стать хуже, чем она уже есть.

А дела плохи. Чертовски плохи, на самом деле. Моя совесть велит мне уйти до того, как Ками проснётся, и надеяться, что она решит, что всё произошедшее было сном, а глубоко укоренившееся чувство собственника, о существовании которого я и не подозревал, велит мне плотно завернуть её в одеяло и держать её так вечно.

Внутренний конфликт разрывает мне голову, делая невозможным попытки привести в порядок мысли и разум. Я вспомнил всех знакомых телохранителей, всех, кому доверяю, чтобы они могли взять на себя это задание и охранять её, как я. Есть несколько вариантов — все опытные и известные телохранители. Но никто не так хорош, как я, хотя боюсь, что моё собственное суждение о себе несколько предвзято. Я вспоминаю последние несколько дней, в частности кровавую бойню, которую я устроил вчера вечером в дамском туалете.

И я ни о чём не жалею. Нет, это неправда. Я сожалею только об одном.

Лицо Камиллы, когда я очнулся от слепой ярости. Она видела во мне тьму. Тьму, которую мне нужно спрятать, особенно от неё. Её глаза были полны вопросов. Инстинкт и желание ответить на них, тем самым разделить своё бремя с кем-то определённо присутствовал. Эта женщина делает со мной такие вещи, которые я ненавижу и люблю в равной мере. Я читал о ней. Я попал в лагерь идиотов, которые думают, что эту молодую женщину просто загнали в угол. С такими родителями, как у неё, и способностью средств массовой информации исказить невинные сценарии, чтобы создать сплетни, плюс влияние токсичного бойфренда, все в Лондоне думают, что они поняли Камиллу Логан. Я пробыл в её обществе несколько минут и пришёл к выводу, что большая часть прочитанного о ней было ложью. Те, кто хорошо её знает, тоже поймут, что это чушь собачья, но этот мир полон циников. Этот мир полон людей, которые процветают на чужом несчастье.

Тихий голос и шевеление заставляют моё сердце кричать в надежде заявить о своём существовании в моей груди, и мои позвонки встают на место от изменения моего положения тела к более привычному. Я отпускаю все свои противоречивые мысли и молча наблюдаю, как обнажённое тело Ками лениво потягивается на простынях просыпаясь.

Мой член тоже просыпается.

Я со стоном опускаю руку и кладу ладонь себе на пах, заставляя его оставаться прижатым к бедру. Мои попытки тщетны. Розовые вершины идеальных грудей Камиллы вызывают ко мне, заставляя мои босые ноги подрагивать на ковре. Я застываю в кресле, отчаянно пытаюсь собраться с силами. Это самая сложная задача, которую я когда-либо выполнял. Всё внутри меня желает её, говорит мне, что моё место рядом с ней в этой постели, что именно я должен обнимать её, защищать. Я не собираюсь противостоять своим инстинктам и внушать себе, что это во мне говорит лишь профессиональный телохранитель. Дело не только в этом. Я зарылся в её тело и трахнул её с такой нежностью, на которую даже и не знал, что способен.

Моя потребность защитить эту женщину — не долг. Это инстинкт.

Её глаза распахиваются, и я изучаю её, пока она собирается с мыслями. Я вижу, как Ками лихорадочно вспоминает, о событиях прошлой ночи. Я знаю, что она вспоминает ужин со своей властной матерью. Я улыбаюсь, вспоминая её смех. Я отмечаю, когда она вспоминает сцену в туалете бара, её глаза округляются, а рука поднимается к отметине на кремовой щеке. И я вижу, как она мыслями возвращается ко мне, её тело замирает, словно пытаюсь понять, сон это или нет. Я обнаруживаю, что моё тело тоже замерло, сердце замедляется до глухого удара в груди. Её едва слышное прерывистое дыхание, приходит следом, замедляя моё собственное, и Камилла резко выпрямляется в постели и лихорадочно осматривает комнату.

Я здесь, ангел.

Я просто блокирую мысленную команду говорить, но это не имеет значения. Ей не нужно, чтобы я её звал.

Она находит меня в мгновение ока, взгляд сверкающих голубых глаз резко обрушивается на меня, прежде чем она опускает его, сканируя меня с ног до головы. Она качает головой, словно пытаюсь урезонить себя, а затем медленно поднимает на меня взгляд. Огонь внутри меня продолжает бушевать.

— Возвращайся в постель, — шепчет она, словно сомневаясь, что это хорошая идея. Я знаю, что должен отказать ей — я тысячу раз говорил это многим женщинам.

Но необходимые слова не приходят на ум.

Я не могу их найти.

Я очень усердно их ищу.

Я изучаю Камиллу, сидящую на кровати, её волосы в восхитительном беспорядке обрамляют её прекрасное лицо, её длинные, тонкие конечности — подрагивают от неуверенности. Я перестаю искать слова для отказа в её просьбе. Я не хочу их искать.

Я освобождаю член от своей ладони, позволяя ему делать то, что ему чертовски хочется. И он призывно твёрд, и как будто указывает путь. Это не ускользает от внимания Камиллы, её взгляд — смешение надежды и неуверенности — опускается на мои колени, её губы приоткрываются, демонстрируя блестящий язык. Медленно вставая с кресла, я использую каждую секунду, прежде чем подняться во весь рост и принять свою судьбу.

Я никуда не уйду. Она — моя судьба.

Это не то, с чем я готов бороться. Все мои сомнения и ненависть к себе притупились при виде её больших округлённых глаз, смотрящих на меня. Потому что, судя по тому, как она дрожит, кажется испуганной, неуверенной и... полной надежды, она хочет меня так же сильно, как я хочу её.

Может быть, я этого и не понимаю, но и игнорировать не собираюсь. Моё прошлое — не единственный вызов, с которым я столкнусь, чтобы быть с Камиллой. Есть ещё её отец, агентство, её бывший. На моём пути стоит куча проблем, и все они требуют решения. Я не собираюсь притворяться, что это будет легко. Но для неё...

Я отвечаю на её молчаливую мольбу и иду к ней уверенными, ровными шагами.

Я позволяю своим глазам ласкать её, запоминая каждый дюйм её тела. Я борюсь с мыслью, что моё подсознание делает это не просто так. А как будто подготавливает меня к неизбежному. Как будто, возможно, я не смогу иметь такую возможность увидеть её воплоти постоянно, как мне бы этого хотелось.

Когда я оказываюсь около её кровати, Камилла поднимает подбородок, чтобы посмотреть на меня. Наши глаза встречаются, и я молюсь, чтобы она не заметила, как моё

тело начало трясти. Я паникую из-за того, что могу причинить ей вред, из-за ненависти, которой могу отравить её. Темноты, которой я могу поглотить её свет.

— Я тебе не подхожу, Камилла, — предупреждаю я. Детали не имеют значения. Я не буду обременять её ими больше, чем уже сделал. Я делаю это из чувства долга — предупреждаю её, потому что чувствую, что должен. Это правильно, может быть, но я не знаю, что буду делать, если она меня послушает.

Когда я ожидаю, что Ками отшатнётся после моих слов словно от удара, вместо этого она придвигается ближе, подвигаясь к краю кровати. Она берёт меня за руку и тянет, заставляя опуститься перед ней на колени. Я охотно делаю это. Её ноги обвиваются вокруг моей талии, сила её бёдер сжимается вокруг меня, бросая вызов разуму. Затем, скользнув ладонями по моему животу к плечам, она притягивает меня к себе и прижимает наши тела друг к другу, её лицо прячется в изгибе моей шеи. Чувство единения затмевает эту панику, и я мгновенно успокаиваюсь, следуя её примеру. Я обвиваю руками её спину и снова поражаюсь её силе и решимости. Камилла такая чертовски сильная. Я встаю, её тело прижимается к моему, ощущать её в своих объятиях кажется таким правильным, и иду в ванную, включаю душ. Я крепко прижимаю её к груди, закрывая своим телом, позволяя покою окутать меня. Мои попытки отпугнуть её тщетны. Потому что я не хочу, чтобы она уходила.

Я погружаюсь в её объятия, пока вода не станет необходимой температуры, и пытаюсь очистить свой разум от всего, кроме удовлетворения, которое чувствую в этот нежный момент. Нежный. Опять что-то новое и чуждое мне. Прошлой ночью, после того как я разорвал этого подонка в клочья, моим приоритетом было заставить Ками чувствовать себя в безопасности. Я не скрываю того факта, что мой член пульсировал от желания, но я знаю, что наиболее сильным желанием было то, чтобы она чувствовала мою преданность ей. Я не хотел просто трахнуть её. Я остановил этот маниакальный поцелуй прежде, чем мог сделать то, что для меня уже стало сродни инстинкту — переспать с ней только с целью разрядки. Я хотел насладиться и увидеть, как она распадается на части от моих прикосновений. И я сделал это, наслаждался каждой секундой дольше, чем мог себе позволить.

Как только нас окружает пар, я заносу нас в душ и опускаю её на ноги. Камилла падает на колени, удивляя меня, и смотрит на меня ожидающим и ищущим взглядом. Я понимаю её намерение и откидываю голову назад, собираясь с силами.

Она касается моих бёдер и толкает их вперёд, мой член находит её рот моментально, как будто к нему прикреплён радар.

— Срань господня! — мои ладони обхватывают её затылок, мышцы бёдер подрагивают.

Тепло её рта вокруг моего пульсирующего члена несравнимо ни с чем, что я испытал раньше. Моя голова опускается вниз, нащупывая её волосы, каскад белокурых локонов, я заключаю их в плен. Я хочу её видеть. Я хочу видеть, как её рот погружает меня в туман экстаза. Я протягиваю руку и убираю прядь волос с её лица.

Это зрелище никогда не покинет меня. Изысканно. Рот Камиллы скользит, размеренно, вверх-вниз, медленно и осторожно, глаза закрыты в блаженстве. Высвобождая напряжённые мышцы, я расслабляюсь и принимаю удовольствие, которое она мне доставляет. Мой план покинуть её провалился, и я даже не мог понять, искушала она меня или нет. Она — одно огромное искушение.

Моя рука скользит по её щеке, и Ками стонет с моим членом во рту, дразня меня зубами. Мои яйца напрягаются, колени слабеют, ладонь скользит от её щеки к затылку,

бёдра начинают изгибаться в такт движениям её рта.

— О, Господи, — выдыхаю я.

Камилла снова застонала, на этот раз вбирая меня более глубоко, вибрации прокатываются по кончику моего члена, когда он встречается с задней стенкой её горла. Затем она отступает и скользит рукой вокруг основания, уверенно взяв член в руку, она облизывает и обсасывает мой влажный кончик, проводя губами и рукой по всей длине моего стержня, провоцируя выделение спермы. Я опускаю голову и наблюдаю, как она ласкает его, как будто это самая сладкая вещь, которую она когда-либо пробовала, постанывая от удовольствия.

И хотя я наслаждаюсь каждым её движением, каждой эмоцией которую Ками мне доставляет, наслаждаюсь невероятными ощущениями, которые она вызывает, у меня есть желание ощутить её полностью. Я сжимаю в кулаке её волосы и нежно отодвигаю девушку от своего паха, слегка улыбаясь, когда она непонимающе смотрит на меня. Я не даю ей возможности спросить, что случилось. Во всяком случае, я никогда не смогу объяснить. Я подтягиваю её к себе, с силой дёргая за руку, и заставляю её отступить, пока она не оказывается прижатой спиной к скользкой плитке. Она задыхается, глядя на меня в шоке.

— Спасибо, — говорю я, искренне благодарный ей за такое внимание. Но теперь наступает моя очередь уделять ей то время и внимание, которого она заслуживает. Я дотягиваюсь до задней части её бедра и подтягиваю его к своей талии. — Ты потрясающая, Камилла, но ничто не сравнится с ощущением твоей тугой, тёплой киски, обёрнутой вокруг моего члена.

Удовлетворение отражается в её топазовых глазах, довольная улыбка растягивается по её лицу. Затем она поднимает другую ногу и захватывает меня в свои объятия, крепко сжимая, прежде чем отпустить, чтобы позволить мне войти в неё. Я чувствую свой запах на её теле, пьянящая смесь моего пота и её женственного цветочного аромата — пьянящая комбинация.

Я слегка надавливаю, нарушая первоначальную тесноту. У меня перехватывает дыхание. Её губы, влажные и манящие, притягивают меня, и я целую её, пока двигаюсь, полностью заполняя её. Горячая мягкость её лона сравнима только с флисовым одеялом, окутывающим всё моё тело и согревающим меня до кончиков пальцев. Правильность. Удовлетворение. Утешение. Спокойствие. Это лишь быстрая проверка реальности момента. Это признак того, что я просто потратил слишком много часов, изматывая себя из-за чего-то, такого что сейчас кажется таким невероятно естественным, и это не может быть чем-то неправильным. Я больше не буду тратить время на попытки разобраться в этом или попытаться отгородиться.

Моя. И даже я не отниму её у себя.

Глава 16

Ками

Он так же осторожен и деликатен со мной, как и прошлой ночью, несмотря на то что прижал меня к стене. Моё облегчение только удваивает удовольствие. Джейк может обмануть себя, но не меня. Каждое слово, сказанное им мне прошлой ночью, запечатлелось в моём мозгу. Он не может объединить в себе притворную твёрдость характера и жалкую попытку остаться профессионалом. Он не может огордить меня от себя. Я не дура, и он это знает. Он знает *меня*. Не ту женщину, которая мелькает в СМИ, и не ту, которую пытаются сделать из меня моя семья.

Он видит *меня*.

Я не позволю ему забыть об этом.

Его спина скользкая от воды, но так приятно чувствовать её под своими ладонями, мои губы двигаются в идеальной синхронности с его, наши языки касаются друг друга, стоны смешиваются. Он двигается во мне с ювелирной точностью, заставляя вжиматься в стену с каждым толчком всё сильнее. Я позволила своим ладоням пройтись по его влажной коже и коснуться его влажных волос, с силой их сжимать, тем самым прижиматься к Джейку всё ближе, чтобы сильнее прильнуть к его губам своими.

Его член напоминает мягчайший бархат, при каждом его толчке внутри меня, каждое движение подталкивает меня всё ближе к краю; стоит ему немного отодвинуться от меня, как стон полный разочарования срывается с моих губ. Для такого огромного, иногда угрожающе большого мужчины его манеры в обращении со мной, его нежность и забота заставляют меня желать его ещё больше.

Я полностью захвачена им.

Джейк нежно прикусывает мою губу и отстраняется, затем смотрит на меня, его глаза полны удивления.

— Как прекрасно чувствовать тебя, — произносит он, кладя руки мне на бедра и приподнимая меня вверх, углубляя нашу связь.

Я вскрикиваю, ощущая его до самого основания.

Он просто улыбается, явно наслаждаясь произведённым эффектом.

— Ты почувствовала? — в его голосе появляется резкость.

Я киваю и дышу сквозь пьянящую смесь удовольствия и дискомфорта.

— Хорошо, — он впивается пальцами в моё бедро и резко входит в моё тело быстрым и сильным толчком.

На этот раз я кричу.

— Ты моя, Камилла Логан! — он отпускает руки и кладёт их на стену по обе стороны от моей головы. *Удар!* — Ты поняла?

Я снова кричу, запрокидывая голову. Он действительно хочет, чтобы я ответила? Думать прямо сейчас, когда он доставляет мне такое декадентское удовольствие, — это несправедливо!

— Джейк! — кричу я, мотая головой из стороны в сторону, пока он продолжает наказывать меня своими сильными движениями.

Он уже не такой нежный. Он ведёт себя жестоко, но как только я заставляю себя немного опустить голову и моё зрение проясняется, я всё ещё вижу нежность в его тёмных глазах. Его инстинктивное желание вонзится в меня — не более чем отчаянная надежда. Он увлекается, и я понимаю, что ответить на его вопрос на самом деле очень легко.

— Да, — я тяжело дышу, обхватывая его щёки и наслаждаясь мгновенным облегчением, которое окутывает его заросшее щетиной лицо.

Темп Джейка замедляется на мгновение, говоря мне, что его жёсткость в движениях была вызвана страхом, который он не мог контролировать. Страхом, что я могла сказать «нет». Я завладела частью его сложного разума. И я ставлю себе миссию завладеть всем остальным. Я хочу узнать его изнутри. Как будто чувствуя, что *он* знает *меня*. Теперь он знает всё, включая насилие, которому я подвергалась со стороны Себастьяна. Есть очень простая причина, почему я держала это в секрете. Некоторые люди считают женщин, терпящих подобное, слабыми. Некоторые люди проявляют сочувствие. Меня не устраивает ни то, ни другое. Джейк знает это. Он знает меня.

Мы вернулись к стабильному ритму, и теперь, когда всё выяснили, мы оба приближались к освобождению, которое, как я знаю, оставит нас без сил.

Джейк опускает лицо в основание шеи, касаясь моей кожи зубами, а я откидываю голову назад позволяя оргазму накрыть себя с головой. Его член ощущается во мне всё мощнее, с каждым движением его бёдер и каждым новым толчком.

— О Боже! — это происходит быстро и бурно, погружая мой мир в дымку блаженства. — О! Ох! О Боже! — я впиваюсь ногтями в спину Джейка, и он рычит мне в шею, брыкаясь и подрагивая.

Я знаю, что в ту же секунду он приходит к своему собственному освобождению, и не только потому, что его горячее семя наполняет меня. Его колени подкашиваются, и мы опускаемся на пол душевой, Джейк перекачивается на спину, увлекая меня за собой. Его дыхание напряжённое и громкое.

— Чёрт возьми, — он отпускает меня и закидывает руки за голову, пока я лежу на его вздымающемся теле.

Я склонна с ним согласиться.

Мой мир сошёл со своей привычной оси и нёсся в неизвестность.

* * *

Я прихожу в себя в умиротворённой и погружённой во мрак спальне в своей постели, Джейк окутывает меня полностью, его руки обнимают меня, а я лежу на его груди. Сейчас, должно быть, середина дня, но мои задёрнутые шторы не пропускают света. Я чувствую себя такой пресыщенной. Такой спокойной. Как будто с моих плеч свалился невидимый груз. Глядя на его безмятежное лицо, я улыбаюсь. Затем я медленно начинаю отодвигаться от него, при этом улыбаясь ещё больше, когда он открывает один глаз и хмуро смотрит на меня.

— Мне нужно позвонить, — заявляю я. — У моего агента есть кое-какие подробности о новых кампаниях, которые я возглавляю, и о съёмках, которые у меня завтра.

— Только быстро, — бормочет он, отпуская меня и перекачиваясь на живот.

Я планирую сделать звонок как можно быстрее. Натягивая футболку, я нахожу свой телефон, замечая несколько пропущенных звонков от Хизер и звоню своему агенту, слушая, как она перечисляет мелкие детали, прежде чем перечислить некоторые предложенные изменения в моём портфолио. Я слышу всё это, но разумом я по-прежнему в спальне с Джейком, прокручиваю каждую секунду прошлой ночи и утра. Мне не терпится вернуться к нему.

Когда я вешаю трубку, то иду в спальню, но мой телефон в руке вибрирует, и на мгновение я беспокоюсь, что мой отец узнал обо мне и Джейке. Тогда я смеюсь, потому что откуда он мог знать?

Я вижу имя Хизер и беру трубку.

— Привет.

— О Боже, Камилла!

Я возвращаюсь на кухню и усаживаюсь на стул.

— Что? — беспечно спрашиваю я.

Называйте меня ужасным другом, но я не могу рассказать ей, что случилось. Я не хочу, чтобы кто-нибудь знал. Конечно, я ей доверяю, но это... сложно.

— Ты серьёзно? Я видела твоё лицо прошлой ночью, когда он выносил тебя. И я видела его!

— Он делал свою работу, Хизер.

— Прекрати, Камилла! — в голосе подруги слышится искреннее раздражение. Я не могу винить её за это, но даже чувство вины не заставляет меня подтвердить то, что она думает, и что знает. — А где Джейк?

— За ноутбуком, — вру я, опуская тот факт, что он всё ещё в постели. Моей постели. Где и я планирую оказаться, стоит Хизер перестать меня допрашивать и положит трубку.

— Хорошо, — она вздыхает. — Вероятно, сейчас я ничего от тебя не добьюсь.

— Со мной всё хорошо.

— Себас...

— Пожалуйста, не надо, — выпаливаю я, обрывая её. — Я больше никогда не хочу говорить о нём.

Хизер молчит несколько секунд, прежде чем устало выдохнуть. Она не может с этим спорить.

— Для протокола, Ками, я рад, что Джейк оказался там.

— Я тоже, — тихо отвечаю я.

— Что ты задумала?

— Просматриваю своё портфолио.

— Хочешь помочь?

Моя вина усиливается, когда я смотрю на дверь своей спальни.

— Я в порядке, спасибо. Я позвоню тебе завтра, хорошо?

— Хорошо, — Хизер смягчается после громкого вздоха, прежде чем повесить трубку. Не теряя времени, я терзаю себя за ложь. Я бегу обратно в свою комнату и забираюсь в постель, улыбаясь, когда Джейк хватает меня и притягивает к себе, нежно обнимая.

— Мы останемся здесь до завтра, — шепчет он мне на ухо, уверенно и сонно.

В ответ я вздыхаю и ещё сильнее прижимаюсь к его тёплой груди.

* * *

Завтра наступает слишком быстро. Режиссёр съёмки не в восторге, когда я появляюсь в студии с синяком на щеке. Глаза Джейка каждый раз, когда он смотрел на меня, вспыхивали яростью, делая инстинктивным моё желание скрыть напоминание об ужасной ночи. Но каждый раз, когда я прикладывала ладонь к щеке, он отводил её и наклоняется, чтобы коснуться синяка, своими губами.

Вчера вечером Хизер снова позвонила мне, чтобы проверить, как я. Джейк по-прежнему лежал в моей постели. Она втиснула в разговор информацию о том, что Себ отказался от поездки в больницу, и я знаю почему. Любой след от пагубной привычки Себа будет обнаружен его родителями или профессионалами, и его отвезут обратно в реабилитационный центр быстрее, чем Джейк успеет вытащить свой пистолет. А это чертовски быстро. Я видела его только один раз и больше не хочу этого видеть. Он выглядит и *без того* достаточно грозно, не учитывая заряженного оружия в руках.

Я улыбаюсь, думая о том, как Джейк не мог оторваться от меня до самого вчерашнего дня. Его слова точно не расходились с делом. Весь день мы не выбирались из моей постели. Но в тот момент, когда мы покинули мою квартиру сегодня утром, он превратился в бесчувственного профессионала. Он превратился в холодную скалу. Его нервозность ощущалась физически, мы сидели рядом друг с другом до самого конца пути. Он внимательно следил за дорогой, его внимание было сосредоточено на каждом кусочке нашего окружения. Я не сомневаюсь, что это потому, что сегодня третий день, после поступления угрозы. Он выглядит гипер-тревожным.

Я бросаю сумку на пол и замираю, пока Лоуренс, режиссёр съёмок, суетится над моей ушибленной щекой, морщась и бормоча что-то себе под нос. Он не спрашивает меня, о причинах его появления, и не спрашивает, всё ли со мной в порядке. Его единственная забота — как организовать освещение и выяснить, как я могу держать эту сторону моего лица подальше от камеры. Я подозреваю, что макияж займёт значительно больше времени, чём ожидалось.

— В худшем случае мы используем аэрограф⁷, — объявляет он, щёлкая пальцами. Молодая брюнетка спешит к нему с тубиком тонального крема и кистью. — Честное слово, Камилла, — презрительно произносит он, позволяя визажисту взглянуть на меня. — Эта съёмка была запланирована на несколько недель. Только представь, что ты с собой сделала.

Я закатываю глаза, заметив Джейка в дверях, хмуро смотрящего на Лоуренса. Он не выглядит счастливым, и когда он подходит, я готовлюсь к худшему. Лоуренс окидывает Джейка настороженным взглядом, в то время как Джейк кивнув, оказывается рядом с нами. Я смотрю на него, пока визажист проводит по моей щеке кисточкой с тональным кремом.

— Всё хорошо? — спрашиваю я, чувствуя нарастающее напряжение.

Джейк хмыкает в ответ, глядя на Лоуренса сверху вниз, пока режиссёр не отходит и не разворачивается к нам спиной, выкрикивая какие-то приказы своим подчинённым.

— Придурок, — выплёвывает Джейк, поворачиваясь ко мне. Его взгляд смягчается, и он несколько мгновений наблюдает, как в меня тычут щёткой.

— Не так уж и плохо, — говорит визажистка, отодвигаясь от меня и рассматривая свою работу. — Давай сделаем тебе макияж, чтобы я могла творить свою магию.

— Спасибо, — я улыбаюсь. — Буду через минуту.

Она уходит, и я ловлю себя на том, что снова тянусь к своей щеке, на что глаза Джейка темнеют. Он делает шаг вперёд, чтобы сделать то, что делал каждый раз, когда я пыталась скрыть синяк. Он берёт меня за руку, но не отодвигает её как делал это раньше, а останавливается на полпути. Он оглядывается, вспоминая, что мы не одни, прежде чем отойти. — А что за съёмки? — спрашивает он.

— Реклама духов, — говорю я ему, указывая на угол, где установлены белые экраны. — Чистый и минималистичный аромат от нового дизайнера, который дополняет его же модную линию одежду. Минимализм и простой фасон. Серебро на белом, — я вижу, как на лице Джейка появляется интерес, когда он понимает, что я сказала.

— Минимализм? — спрашивает он, сосредоточившись на этой маленькой детали. — Что это значит?

Я смеюсь и беру свою сумку.

— Это значит, минимум одежды.

Он напрягается с головы до ног.

— Минимум это сколько?

— Пара трусиков.

Его тёмные глаза становятся круглыми и обеспокоенными, он поднимает руку и обводит ею в области моей груди.

— А здесь?

— Ничего, — я получаю слишком большое удовольствие от его явной тревоги. Не имеет значения, что ракурсы камеры будут менять, чтобы лишь дать намёк на полную наготу, фактически не показывая ни одной интимной части тела. Джейк этого не знает, и мне нравится играть с ним.

— Ничего? — спрашивает он, быстро оглядываясь, чтобы убедиться, что поблизости никого нет. Он в безопасности. Все слишком заняты подготовкой. — Ками, — он делает шаг вперёд, слегка наклоняя голову, чтобы прошептать: — Ты никогда не позировала обнажённой, и я не уверен, что благодаря этому шагу, твоя карьера пойдёт вверх. Дизайн одежды. Это то, чем ты занимаешься. Не сдавайся.

Я сдерживаю свой смех. Это сложно. Он пытается быть дипломатичным, хотя на самом деле имеет в виду, но не хочет говорить, о том, что ему не нравится, что я буду показывать миру свою грудь. Его чувство собственника приносит глубокое удовлетворение.

— Я сосредоточусь на дизайне, — заверяю я его. — Но это огромная кампания с огромной поддержкой со стороны инвесторов. Поверь мне, моя карьера будет благодарна мне за это.

Джейк хмурится. Это самое милое выражение. Затем он разгибается и встаёт в полный рост, явно напряжённо раздумывая о том, что сказать.

— Я не могу сидеть здесь и смотреть на тебя практически голою. Это сведёт меня с ума, — он проходит мимо меня, и я расплываюсь в улыбке, наблюдая, как он пытается незаметно обуздать напряжение в области паха, бормоча себе под нос, что-то на ходу.

— Камилла!

Знакомый, взволнованный голос отвлекает моё внимание от задумчивого телохранителя и от входа в гримёрную через студию.

— Шон! — я подбегаю, чтобы обнять парня. Мы с ним работаем в этой отрасли уже несколько лет, и за нами охотилось одно и то же агентство примерно в одно и то же время. Он — статный и высокий, смуглый и красивый, с дерзкой ямочкой на щеке, которая является его фирменным знаком. Женщины падают к его ногам, но он счастливо помолвлен с Синтией, телеведущей утреннего шоу. Он буквально не замечает того внимания, которое получает изо дня в день. Он скромный и сдержанный. Я любила его.

— Как ты? — я обнимаю его, не обращая внимания на то, что он щеголяет по съёмочной площадке лишь в паре серебристых плавок.

Он смеётся и сжимает меня в объятиях. Отпустив меня, он держит меня на расстоянии вытянутой руки, его счастливое лицо превращается в хмурое, как только его взгляд проходится по моей щеке.

— Что произошло?

— О, ничего страшного, — я отмахиваюсь от его вопроса, игнорируя вопрос, читаемый на его лице. — Славные плавки! — я смотрю вниз на тусклый серебристый клочок материи, прикрывающий его мужское достоинство.

Он смеётся.

— Не будь слишком самоуверенной. Твои будет и того меньше.

Я хихикаю и толкаю его в плечо, заметив, что он смотрит куда-то мимо меня с интересом.

— Я слышал, у тебя появился телохранитель, — тихо говорит он. — Вероятно на это есть причины.

Я бросаю на него усталый взгляд и, оглянувшись через плечо, обнаруживаю, что Джейк ещё не покинул студию. Теперь он наблюдает за мной с другого конца комнаты, как ястреб, стоя с видом ответственного профессионала своего дела.

— Они определённо есть.

— Я может быть в чём-то и похож на него, Камилла, но даже я бы так поступил.

— Шон! — ахаю я, толкая его в плечо ещё раз. — Прекрати и расскажи мне, как там Синтия.

— Великолепно, как всегда, — быстро отвечает он, заставляя меня улыбнуться. — Она расстроилась из-за навалившееся работы, и что она из-за этого не может подойти и поздороваться.

— Нам скоро придётся наверстать упущенное, — говорю я, видя, как визажистка высовывает голову из-за двери, ища меня. — Эй, меня уже разыскивают, — я поднимаю руку и целую его в щеку. — Увидимся на съёмочной площадке.

— Да, до встречи.

Я оставляю Шона и иду в свою гримёрную, но не успеваю сделать и трёх шагов, как мне преграждают путь. Джейк озадаченно смотрит на меня.

— Всё в порядке? — спрашиваю я, мне не нравится его настроение. Он явно нервничает.

— Кто это был?

Я хмурюсь.

— Шон?

— Так его зовут? Гомик в блестящих панталонах?

— Ты хочешь сказать серебряные плавки?

Он равнодушно машет рукой в воздухе.

— Как скажешь. Кто он?

— Он модель. Мы снимаемся вместе, — я вижу, как в поле моего зрения появляется моя визажист, при этом постукивая по циферблату часов. — Мне нужно подготовиться, — я иду мимо него, но он мне мешает.

— Камилла. — Джейк подходит ближе, снова стараясь быть незаметным. Задумчивый телохранитель с ростом шесть фунтов четыре дюйма⁸. Он не может быть незаметным. — Ты только что сказала мне, что на этой съёмке будешь почти без одежды, а теперь говоришь, что Мистер Блестящие Панталоны будет тереться о тебя?

Я сжимаю губы и думаю, как унять его беспокойство. Что-то подсказывает мне, что ничего из этого не получится, а если и получится, то Джейк не сможет долго держаться за то минимальное утешение, что я ему попытаюсь внушить, особенно когда мы начнём съёмку и Лоуренс начнёт ставить меня и Шона в кадр, и как я догадываюсь нам будет необходимо сделать несколько фото в весьма интимных позах.

— Это работа, — тихо настаиваю я.

— Это будет грёбаная пытка, вот что это будет, — он втягивает воздух, уже готовясь к ней.

Я изучаю Джейка несколько мгновений, прекрасно понимая, что присутствие Шона на съёмочной площадке-не единственное, что заставляет его нервничать. Он весь день нервничает.

— Ты сегодня раздражительный.

Его глаза смотрят на меня.

— Стоит ли удивляться? — спрашивает он, мотнув головой в сторону гримёрки Шона. Он пытается избежать реальной проблемы, которая требует гораздо большего внимания, чем мой полуобнажённый партнёр-модель.

— Сегодня третий день, — я нервно закусываю губу, но Джейк пропускает моё замечание мимо ушей, а я вздыхаю. — Ты должен подождать меня снаружи.

— Я лучше подожду здесь, — бормочет он, отступая в сторону, чтобы пропустить меня. — Развлекайся, — в его лёгком приказе нет искренности, он бросает свой хмурый взгляд на гримёрную Шона. Я прохожу мимо него с осторожностью и некоторым беспокойством.

Это будет ужасно.

Глава 17

Джейк

Официально. Я схожу с ума, черт возьми. Вероятно, так и есть. Иначе зачем бы я стал проходить через это? Я плюхаюсь на чёрный кожаный диван в другом конце студии и не двинусь с места. Ни за что и ни для кого. Даже по нужде. Я обмочу штаны, если придётся. Кстати, о штанах, я никогда в жизни не видел ничего более чертовски нелепого. Серебряные трусишки? Он мог бы дать мне возможность поработать с ним, но он потерял все надежды на победу в ту секунду, когда скользнул в эти блестящие трусики. Что за придурок! Я пытаюсь расслабиться на диване, пытаюсь стряхнуть напряжение. Я нервничаю не только из-за мистера Блестящие Трусики, хотя он, безусловно, повышает уровень моего плохого настроения. Сегодня третий день. Пресловутая бомба замедленного действия может взорваться в любой момент, и эта неизвестность заставляет меня дёргаться. Я напряжён, раздражителен и подозрителен ко всем и ко всему. Я должен был держать её в постели весь день.

Камилла появляется из своей гримёрки, тонкий белый халат свободно повязан вокруг её талии, за ней следует девушка, распыляя на её волосы что-то из банки. Я сажусь прямо, и мой член оживает.

Святой...чёрт...

Её волосы мокрые и убраны с лица, демонстрируя каждый кусочек её идеальной кожи. Мокрые светлые локоны струятся по её плечам, и макияж едва заметен, хотя, судя по тому, как долго она находилась в гримёрной и тому факту, что от её синяка на щеке не осталась и следа, я подозреваю, что на лице Ками приличный слой штукатурки. Её скулы выглядят острее, глаза голубее, а губы полнее. Она выглядит чертовски божественно.

Я предусмотрительно скрещиваю ноги, ловя её быстрый взгляд на себе. Её глаза расширяются, бездонный цвет топаза — единственное яркое пятно на её лице. Остаться здесь огромная ошибка, и мой вывод подтверждается, когда кто-то стягивает халат с её спины, и Ками выскользывает из него, позволяя ассистентам рассыпать содержимое какой-то другой банки по всем её телу. Я кашляю и отвожу взгляд, начиная потеть. Боже правый, как же здесь жарко. Обнажённая. Она практически голая, и, хотя я знал, что всё так и будет, и думал, что готов к этому, реальность оказалась совсем иной. Сейчас я был подготовлен к ней не больше, чем в тот день, когда вошёл в офис Тревога Логана.

Камилла всегда сбивает меня с ног.

Я успел лишь мельком взглянуть на её обнажённое, гибкое тело, прежде чем заставил себя отвести взгляд, но этот проблеск запечатлется в моём сознании, то и дело мелькая в мыслях словно дразня. Её кожа выглядела гладкой и мерцающей, и это крошечное бикини с серебряными верёвочками только прикрывающие самое интимное, место, в котором я мог бы потеряться навсегда. Моё особенное место. Я стону себе под нос, отчаянно ища, чем бы себя отвлечь. Здесь нет ни одного из этих надоедливых девчачьих журналов, даже грёбаной газеты. Я должен уйти, чтобы не опозорится, но как раз в тот момент, когда я принял это разумное решение и начал вставать с дивана, на съёмочной площадке появляется тот парень

в своих серебряных трусишках. Я застываю в полуприседе.

Черт!

Я никуда не уйду. Я расслабляю напряжённые мышцы, позволяю своей заднице упасть обратно на диван и смотрю, как они все собираются в круг. Невежественный идиот, который приветствовал Камиллу, когда мы приехали, выглядит так, будто играет в балете, он излишне драматично размахивает руками в воздухе, но все кивают в знак понимания. Затем кто-то накидывает халат на плечи Камиллы, пока они разговаривают, и я немного расслабляюсь, испытывая облегчение. Она могла замёрзнуть.

Моя девочка внимательно слушает, когда директор отводит её в сторону, кивает и улыбается, и как только всем становится всё ясно, они расходятся, рассеиваясь по комнате. Я наблюдаю за происходящим, встревоженный столпотворением. Это похоже на организованный грёбанный хаос. Затем Камилла ступает на белый плед, покрывающее пол и две стены, и мощные фонари направляют на неё освещая её со всех сторон, заставляя её светиться. Она стоит мертвенно неподвижно, в то время как люди тыкают и дёргают её из стороны в сторону, при этом слушая, как персонал продолжает выкрикивать свои указания. Я подготавливаюсь, зная, что скоро мне снова придётся увидеть её обнажённой. Принудительно? Это совсем не так. Я мог бы встать и уйти, если бы пещерный человек внутри меня не размахивал своей дубинкой и не рычал на идиота в блестящих трусиках.

Я сглатываю, когда с Камиллы снова снимают халат, кладу локоть на подлокотник дивана и подпираю подбородок рукой. Наслаждайся этим, говорю я себе. Наслаждайся, наблюдая, как она делает то, что ей нравится, на страсть в её глазах. Об этом взгляде я знаю не понаслышке. Этот блеск и мерцание в её голубых глазах я уже наблюдал, когда входил в неё. Это огонь и страсть. Это всепоглощающе.

Я теряюсь в своих воспоминаниях, застыв от изумления и благоговения.

Затем появляется он, лучезарный, как грёбанный бог, вырывая меня из моего личного рая. Желание подойти и физически убрать его из поля зрения почти берёт надо мной верх. Я глубоко вдыхаю и рассуждаю сам с собой. Она работает. Это просто работа. Я сильнее этого. Более сдержанный и спокойный.

Прищурившись, я наблюдаю, как парень в блестящих трусиках обходит Камиллу и заходит ей за спину. Чёрт. Слишком близко, чёрт возьми. Он смеётся, она смеётся. Вся грёбаная студия смеётся.

Кроме меня. В этом нет ничего смешного. Мне снова становится жарко.

Его руки; они появляются из-за спины Камиллы, и я, затаив дыхание, смотрю, куда он их денет.

Пожалуйста, нет, не смей, блядь, прикасаться к ней!

Его руки аккуратно опускаются на её грудь.

О, черт!

Я вскакиваю с дивана и цепляюсь своей ногой за ножку кофейного столика, спотыкаясь и почти падая, выхожу из комнаты.

— Твою мать! — кричу я, успеваю поймать равновесие в самый последний момент, прежде чем упасть лицом вниз. Я поворачиваюсь и обнаруживаю, что моё выступление не прошло без внимания. Все смотрят на меня — Камилла с потрясёнными глазами и мистер Блестящие Трусики, всё ещё держащий свои ручонки на *моей* груди.

Я отвожу взгляд, прежде чем вознамериваюсь подойти к нему и выдернуть их.

— Извините, — бормочу я, отступая назад и размахивая телефоном в воздухе. —

Позвонили, — я поворачиваюсь... и снова сталкиваюсь с кофейным столиком, моя голень ударяется об его край. Я шиплю и матерюсь сквозь боль, а затем быстро ухожу, в надежде поскорее выбраться отсюда, и бросаюсь к двери.

Его руки на её грёбанных сиськах! Я захлопываю за собой дверь и нахожу ближайшую плоскую поверхность, и просто опускаю голову соприкасаясь со стеной лбом. Это было совершенно неуместно, и я не имею в виду моё странное поведение. Какого хрена? Я вжимаюсь в стену, борясь с воспоминаниями о другом мужчине, держащем свои руки на Ками, пытаюсь урезонить себя. Вот и всё, что нужно для поддержания профессионализма.

— Ты классно справился, Джейк, — бормочу я. Мой телефон начинает звонить, и я смеюсь себе под нос. — На минуту опоздала, Люсинда, — говорю я, отвечая на её звонок. — Что у тебя есть?

— Ничего, — отвечает она, как всегда, по существу. — Честно говоря, я в растерянности. Я только что разговаривала с Логаном. Он, вероятно, собирается разорвать контракт с тобой.

— Что? Это трёхдневное предупреждение — всё, что я увидел. Сегодня третий день. И он увольняет меня на третий день? Он не в своём уме! Он что-то скрывает, Люси, — проскрежетал я.

— Мы не знаем этого наверняка. Если он уволит тебя, мы ничего не сможем сделать, — вздыхает она, и я недоверчиво смотрю на свой телефон. — В любом случае, у меня уже есть для тебя другая работа. Не такая прекрасная в плане гонорара, но и не придётся ничего вынюхивать о клиенте.

Я смотрю на пустую стену передо мной, чувствуя, как желудок уходит в пятки. Отстранить меня от работы? Мы ничего не можем сделать? Ещё одна работа?

— Кто?

— Греческий дипломат. Попал в неприятное положение, связанное с отмыванием денег.

Греческий. Греция. Как ещё одна грёбаная страна? Моё сердце, как и желудок также уходит в пятки. Никакой Камиллы.

— Учитывая состояние греческой экономики, угрозы убийством кажутся вполне реальными, — продолжает Люсинда, в то время как я продолжаю тупо смотреть в стену. — Думаю, год на солнце пойдёт тебе на пользу.

Год? Я упираюсь, чувствуя онемение, голова кружится, когда я поворачиваюсь к двери, из которой только что вышел. Мои лёгкие сжимаются, заставляя дышать коротко и быстро от подступившей паники.

— Джейк? — спрашивает Люсинда. — Ты слышишь?

Сладкий звук смеха Камиллы проникает в мои уши, усиливая мою панику. О том, чтобы оставить её, не может быть и речи. Я отказываюсь.

— Я отказываюсь, — выдыхаю я, понимая, что вот-вот выслушаю череду ругательств. Но нет.

— Могу я спросить, почему? — спрашивает Люсинда.

— Нет, — оборвал я её и кладу трубку, не готовый и не желающий объясняться. Но новости, которые я только что получил, заставили меня серьёзно задуматься о том, что будет дальше.

Защита Камиллы очень важна. Её бывший парень — действительно реальная угроза, и я до сих пор не знаю, что, черт возьми, происходит с её отцом. Я не могу оставить её

беззащитной. Я не могу позволить злему бывшему бойфренду снова вонзить в неё свои мерзкие когти. От этой мысли меня бросает в пот. Уход от Камиллы заставляет меня вспотеть. Эта работа не была связана с моей потребностью похоронить себя в работе, чтобы не быть похороненным моим же отвращением к себе. Эта работа не связана с долгом или поддержанием моей репутации лучшего в своём деле.

Эта работа была другой с самого первого дня, и причина в том, что в настоящее время она стоит голая по другую сторону этой двери, а ладони другого мужчины обхватывают её грудь. А что касается моей репутации? Ну, теперь она кажется жалким пламенем, когда я, пошатываясь, вышел из студии, как новорождённый оленёнок. Но всё это не имеет значения. Только Камилла имеет значение. Она и то, что она заставляет меня чувствовать.

Впервые за четыре года у меня появилась личная цель. Я хочу быть здесь, хотя бы для того, чтобы иметь возможность смотреть на неё каждый день.

Я опускаюсь на ближайший стул и гляжу на дверь. Дело не только в том, что я ей нужен. Сейчас больше похоже на то, что это я нуждаюсь в ней. Молодой, сильной духом, решительной и храброй.

Я без ума от неё. Мне нужно удержать её. Мне нужно защитить её.

* * *

Это самые долгие несколько часов в моей грёбаной жизни. Но, как ни странно, моя попытка не имеет ничего общего с тем, что изначально заставило меня оказаться по эту сторону двери. Это связано с тем, что мой разум всё это время лихорадочно соображал, как лучше всего выкрутится из моей неутешительной ситуации.

Появляется Камилла, её волосы всё ещё мокрые, но теперь собраны в беспорядочный пучок на макушке, макияж по-прежнему на месте, но, слава Богу, она снова в своих мешковатых брюках и огромной толстовке. Тот факт, что она настаивает на том, чтобы носить одежду, которая в десять раз больше её самой, заставляет меня восхищаться ею ещё больше. У неё тело, за которое можно умереть, но она не выставляет его напоказ. Я встаю, когда она закрывает за собой дверь, с задумчивым видом. Моему разуму требуется несколько мгновений, чтобы понять почему. В последний раз, когда она видела меня, я то и дело спотыкался обо всё что мог.

— Всё прошло хорошо? — спрашиваю я, забирая её сумку.

Она осуждающе прищуривается.

— Что это было?

— Что?

— Твоя забавная маленькая выходка там, — она указывает рукой себе через плечо.

— Как я уже сказал, звонок, — я избегаю её взгляда, уверенный, что она не поверит в моё враньё, ведь всё было сшито белыми нитками.

— Твой телефон не звонил, — указывает она, лишая меня хладнокровия.

— Он был на беззвучном, — я мысленно хвалю себя за свою сообразительность.

— И кто это был? — настаивает она, явно всё ещё не веря моим словам.

Это легко, потому что звонок действительно был. Правда не тогда, когда она думает.

— Коллега.

Сейчас самое подходящее время предупредить Камиллу о возможной опасности. Больше никаких предупреждений. Но я этого не делаю, и понятия не имею, почему. Может, потому что не хочу верить в это сам? Потому что не хочу её расстраивать? Она ведь расстроится?

— Просто сообщила мне кое-какие подробности.

— И есть что-нибудь? — спрашивает Ками, идя дальше, когда я жестом показываю ей дорогу. Она спрашивает небрежно, но я слышу её неуверенность. Она тоже думала о об этом?

— Ничего, — отвечаю я, упуская ещё одну возможность поделиться новостями.

— Это забавно, потому что папа только что позвонил и упомянул, что он добрался до сути угроз. Сказал, что они, вероятно, всё уладят к концу дня, — она говорит всё это очень тихо, украдкой поглядывая на меня.

Я всеми силами заставляю свои глаза не расширяться от удивлений. Он это сделал, правда?

— Ничего определённого, — отвечаю я механически, прежде чем быстро сменяю тему. — Ты голодна? — Вероятно. Я не видел, чтобы она завтракала сегодня утром, а время обеда уже давно прошло. Мне не слишком нравились её пищевые привычки и раньше, но традиция Камиллы морить себя голодом в течение двадцати четырёх часов перед съёмкой — это огромная ошибка. Это вредно для здоровья.

— Нет, я в порядке, — задумчиво отвечает она, протискиваясь через двери в приёмную. — Папа также напомнил мне, что сегодня вечером у Хлои день рождения в саду, — похоже, она не в восторге. — Мне нужно быть у неё к семи.

— Вечеринка в саду? — размышляю я. Звучит чертовски ужасно. — Звучит захватывающе.

Камилла бросает на меня усталый взгляд.

— Не будь таким саркастичным. Ты тоже должен быть там, помнишь?

Я напеваю себе под нос. Хотел бы я, чтобы кто-нибудь попытался остановить меня.

Кто-то, как её отец. Довольно предсказуемо, что Логан, вероятно, собирается уволить меня после того, как я небрежно указал, ему на то, что в тот день, когда как он утверждает, была получена угроза, курьера не было.

— Пойдём выпьем чаю со льдом, — предлагает Камилла, продолжая свой путь.

Я ненадолго закрываю глаза и следую за ней. Я стараюсь не показывать своего раздражения. Я хочу отвезти её домой и запереть, а не идти за грёбаным чаем со льдом.

* * *

— Садись, — говорю я, отодвигая для Камиллы стул и инстинктивно осматривая окрестности. Впервые с тех пор, как начал следить за ней, я сажусь за тот же стол, что и Камилла, и мне не стоит задумывать над лучшим расположением для лучшего обзора. Затем я беру меню и подзываю официанта. — Чай с лимоном со льдом, чёрный кофе и салат с тунцом, — официант кивает и уходит, а я устраиваюсь в кресле, поднимаю взгляд и вижу Камиллу с поднятыми бровями. — Что?

— Я думала, ты мой телохранитель, а не личный опекун.

Мои локти упираются в стол, и я наклоняюсь.

— Всё изменилось в тот момент, когда ты впустила меня в себя, — я получаю огромное удовольствие от одного вида, как её кремовые щеки горят под моим огненным взглядом. — Есть что ещё сказать?

Она качает головой и опускает взгляд в стакан с водой, который только что наполнил официант.

— Почему ты не ешь?

Я избегаю говорить ей, о том, что мой аппетит пропал из-за звонка Люсинды. Не то чтобы у меня вообще был большой аппетит.

— Я не голоден, — я получаю свой кофе и кладу в него сахар.

— Я тут подумала, — Камилла берёт соломинку из своего стакана и тербит кончик.

Замедляя помешивание кофе, я смотрю на неё.

— О чём? — интересуюсь я, чувствуя себя неловко из-за её нерешительности.

— О том, как мало я знаю о тебе. — Она смотрит на меня, оценивая мою реакцию. Я не разочаровываю её и застываю на стуле, напоминая себе о том, насколько много Камилла обо мне не знает и это гложет меня.

— Рассказывать особо нечего, — отвечаю я тихо и инстинктивно. В моей жизни было мало приятного, и мне не очень хочется делиться этим с ней.

На её лице появляется боль, и я ненавижу себя за это, но прежде, чем я успеваю попытаться исправить это, она продолжает допрос как ни в чём не бывало:

— Твоё пулевое ранение.

Я чувствую, как скрипят зубы.

— А насчёт этого? — я веду себя как придурок, но у меня совершенно нет настроения учитывать, что сегодня третий день и звонок Люсинды. Воспоминания из прошлого, которые я пытаюсь забыть, не улучшает его. Мои приступы минимизировались в последние несколько дней, и я злюсь, что Камилла расшатывает моё состояние.

— Мне просто интересно...

— Нет, Камилла, — я резко обрываю её, и она закрывает рот.

Наступает тишина, и я помешиваю кофе, пока сахар не растворится, моя рука работает на автопилоте. Это неловко, но не так неловко, как будет, если мне придётся говорить. Голоса в моей голове кричат мне, вопят, чтобы я не был таким бесхребетным трусом, но пока я не буду уверен, что перестану быть противен себе, мой рот будет на замке на всё, что касается меня и моего прошлого. Я должен перестать ненавидеть себя и своё прошлое, прежде чем смогу двигаться вперёд.

Я смеюсь про себя. Этот день может никогда не наступить. Сегодня я ненавижу себя так же сильно, как и тогда, но у меня были годы, чтобы попытаться осознать то, что произошло. От Камиллы невозможно ожидать понимания. Я ублюдок. Просто и понятно. Она возненавидит меня, и это такая же болезненная мысль, как и любая другая.

— Салат с тунцом?

Я поднимаю взгляд и вижу, что официант топчется на месте с тарелкой в руке. Камилла погружена в свои мысли, глядя вдаль. Я показываю ему, чтобы он поставил блюдо перед ней, и протягиваю руку, кладя свою на её руку. Девушка выходит из своих мыслей и натянуто улыбается, пытаюсь убедить меня, что моя резкость её не расстроила. Она понимает. Мне бы так повезло. Я убираю свою руку, чтобы она могла поесть, пытаюсь тем самым снять повисшее напряжение.

Камилла начинает ковыряться вилкой в салате, всё ещё погруженная в свои размышления.

— У тебя есть семья? — тихо спрашивает она, бросая мне очередной вызов. Я думал, мы закончили с вопросами.

Я изо всех сил стараюсь не съёжиться в кресле.

— Нет, — я не хочу, чтобы это прозвучало так резко и безапелляционно. Не то чтобы она обращала внимание на мою очевидную попытку закончить этот разговор.

— А как насчёт твоих родителей? — она нервно закусывает губу.

Я вздыхаю и на секунду закрываю глаза. Но я прикусываю губу, заставляя её удивиться.

Расскажи ей что-нибудь. Не всё, но просто что-нибудь, чтобы успокоить.

— Они умерли, когда мне было семь. Меня воспитывала бабушка. Она умерла, когда мне было шестнадцать. Как только я стал достаточно взрослым, чтобы записаться в армию, я это сделал, — я извергаю этот словесный поток и молюсь, чтобы Ками не давила на меня дальше.

Но мои молитвы не были услышаны.

— Как умерли твои родители? — её тихий вопрос пропитан сочувствием, которое я не выношу.

— Катастрофа над Локерби⁹, — я сглатываю и отвожу взгляд, слыша её тихое прерывистое дыхание. Она даже не родилась в 1988 году, но, очевидно, знает об ужасном теракте. А кто нет?

— Мне так жаль.

— Мне тоже, — я снова смотрю на неё в надежде понять её мысли, и вижу, что Камилла пришла к правильному выводу. Я присоединился к армии из-за моей потери. Чтобы внести свою лепту. Это была моя личная миротворческая миссия. А потом я всё испортил из-за женщины.

— А что насчёт той женщины? — осторожно спрашивает она, словно услышав мои мысли. Мой дискомфорт нарастает.

— Она не имеет значения.

— Настолько, что ты таскаешь с собой её фотографию?

Я чувствую, как мои губы напрягаются, дремлющее во мне негодование зарождает во мне опасные признаки того, что скоро я сорвусь с катушек. Я никогда не смогу объяснить ей, почему сохранил эту фотографию. Это чертовски давнее, самое болезненное воспоминание, личная пытка.

— Ешь свой салат, — произношу я, указывая взглядом на её вилку, мысленно говоря Камилле, что это одна из тех вещей, о которой я действительно не готов говорить.

Но рано или поздно мне придётся это сделать. Однажды я вынужден буду столкнуться с этой частью моего прошлого лицом к лицу. Неубедительные оправдания, которые Эбби не захочет слышать от меня, те, которые я постоянно прокручиваю у себя в голове слабеют с каждым днём. Каждый раз, когда я беру телефон, я ловлю себя на том, что нахожу там её имя и смотрю на него, задаваясь вопросом, будет ли сегодня тот день, когда я наконец найду в себе силы сделать то, что должен был сделать много лет назад. Я трус. Ублюдок. Но мне, определённно, для того, чтобы рискнуть и встать на путь искупления необходимо быть в более подходящем расположении духа, а я не был в таком настроении с тех пор, как уехал.

Я делаю глубокий вдох.

— Нам нужно отвезти тебя домой, чтобы ты могла подготовиться к вечеринке.

— Не могу дождаться, — вздыхает Камилла, набивая рот тунцом и жуя, задумчиво глядя куда-то мимо меня. Я сам вздыхаю, чувствуя безнадёжность, наблюдая, как она медленно жуёт.

Но затем её глаза внезапно расширяются.

— Эй, что такое? — интересуюсь я, когда замечаю, что она начинает дрожать, её испуганный взгляд устремлён куда-то сквозь меня. Я поворачиваюсь, чтобы выяснить, причину её испуга и моё сердце подпрыгивает, а рука готова взяться за пистолет.

Я вскакиваю со стула.

— Джейк! — крик Камиллы доносится как бы издалека, за мгновение до того, как меня

накрывает ярость.

Ублюдок!

Себ стоит в нескольких метрах от нас, его лицо черно-синее, небольшая кучка мускулистых парней окружает его. А, вот и встреча. Сколько он им заплатил? Там пятеро накачанных стероидами придурков, пытающихся выглядеть угрожающе. Чёртовы идиоты. Ярость, которая расползается по моему позвоночнику, прежде могла застать меня врасплох... если бы сейчас я не чувствовал себя в абсолютном покое. Я в норме. Совершенно в здравом уме.

— Значит, всё ещё ходишь? — спрашиваю я, отодвигая стул в сторону. — Позволь мне исправить это, — я шагаю вперёд, планируя свои действия на ходу, мой мозг подсказывает мне, кого из этих горилл убить первым и как.

— Джейк, прекрати!

Сквозь сдерживаемую ярость я слышу, крик Камиллы — приказ о том, чтобы я остановился, но в моём мозгу всплывает только один приказ.

Уничтожить врага. Убей ублюдка, который посмел поднять на неё руку.

Первый парень падает, как мешок с дерьмом, с одного удара в лицо, второй так же. Я немного пригибаюсь, отмечая положение трёх оставшихся приспешников Себастьяна, и когда я разворачиваюсь и выбрасываю локоть вперёд, ударяя одного в челюсть. Секунду спустя он уже лежит на заднице и со стоном катается по полу.

— Чёрт! — случайное проклятие — это сигнал о том, что кто-то покинул тонущий корабль и удрал, а рёв сзади подсказывает мне, что последний из них за моей спиной. Грёбаные любители.

Я смотрю на витрину магазина, расположенную передо мной, видя, как последний хрен мчится на меня, как грёбанный носорог. У меня достаточно времени, чтобы решить, как действовать. Примерно три секунды. Этого времени даже хватает, для того чтобы отдышаться.

Я вижу, как он широко выкидывает руку, и я в последнюю секунду уворачиваюсь, тем самым он промахивается и попадает прямо в витрину магазина. Меня удивляет, что она не разбивается. Он быстро приходит в себя, стряхивая с себя минутное помутнение, а затем снова набрасывается на меня.

Я остаюсь стоять на месте, в ожидании его дальнейших действий, которые, как я знаю, вот-вот будут. Он не разочаровывает меня. После своего неточного удара, он применяет старый добрый приём, пытается ухватить меня за талию и оторвать меня от пола. Я позволил ему это, при этом с силой ударившись спиной о бетон. Я ворчу и обхватываю ногами его талию, затем поваливаю его на спину, оседлав его. Ему требуется несколько мгновений, чтобы прояснить взгляд, прежде чем он понимает, что произошло. Я злобно ухмыляюсь, а затем избавляю его от страданий, ударяя кулаком ему в лицо, кровь из его сломанного носа разбрызгивается на метр во все стороны.

Миссия. Выполнено.

— Ты чёртов псих, чувак!

Я делаю паузу, сжимая кулак. Не всё выполнено.

Я поднимаю взгляд и вижу, что бывший Камилла отступает, его глаза лихорадочно пробегаются по кровавой бойне, которую я устроил голыми руками. Я чувствую, как мои губы искривляются в улыбке, когда я поднимаюсь на ноги. Этот маленький придурок думал, что сможет победить меня численностью с несколькими огромными толстыми идиотами? Я

хочу убить его ещё больше. Болезненно. Медленно. Пока он не станет умолять меня о том, чтобы я прикончил его. Я делаю несколько больших шагов в его сторону, он отступает, подняв руки вверх.

— Я ухожу.

— Только туда, куда я планирую тебя отправить.

Его спина ударяется о машину, прежде чем он разворачивается ко мне спиной и запрыгивает внутрь, заводя двигатель чёрного «Порше». Он шустро отъезжает, колеса быстро прокручиваются, его машину мотыляет по всей дороге, она, словно как и водитель находится в панике.

Позволив цели рассеяться где-то в тумане, я оцениваю нанесённый ущерб, видя, как четверо из пяти мужчин катаются по полу и стонут от боли. Пятого мясистого ублюдка — самого разумного — нигде не видно. Если бы я мог сострадать, мне было бы даже немного жаль их. Они должны были явно лучше подготовиться и узнать больше информации об объекте, который им предстояло убрать.

Я поправляю пиджак и разворачиваюсь, намереваясь усадить Камиллу в машину и уехать отсюда до того, как появится полиция.

Я вижу столик, за которым оставил её.

И мои колени подкашиваются.

Её не было.

* * *

Я никогда не испытывал такой паники. Я был камнем в течении стольких лет; шквала эмоций, безжалостно обрушивающегося на меня сейчас, достаточно, чтобы заставить меня продолжать убивать, пока она снова не окажется в безопасности под моей опекой.

Что я наделал?

Я верчусь на месте из стороны в сторону, лихорадочно осматривая окрестности.

— Камилла! — рычу я.

Это моя вина. Я подвёл её.

— Камилла! — я подбегаю к столику, за которым мы сидели, и нахожу её телефон, лежащий на столе, а её сумку там же, где я и оставил её на сиденье рядом с нами. — Чёрт! — схватив сумку и телефон, я бросаюсь к своей машине, кидаю всё на пассажирское сиденье и мчусь по дороге, как сумасшедший.

Я еду взад и вперёд по улице — сканирую каждого человека, заглядываю в каждый переулок, вглядываюсь в каждую машину.

Ничего.

Я хватаю телефон и звоню Люсинде, даже не дав ей времени поздороваться, рычу указания по телефону.

— Камилла ушла. Позвони Логану, позвони в полицию. Её телефон и сумка у меня. В здании напротив кафе на Стретто-стрит установлена камера видеонаблюдения. Достань мне записи за последний час.

— Поняла, — отвечает Люсинда, холодно и собранно. — Где ты?

— Ищу её, — я вешаю трубку и ударяю кулаком по рулю, резко поворачиваю машину направо и мчусь к главной дороге. Я не знаю, куда направляюсь, просто еду наугад, вверх и вниз по дороге, в поисках её. Я убью себя. Клянусь, если с ней что-нибудь случится, я порежу себя на куски. Это будет ошибка, которую я никогда себе не прощу. Это будет гвоздь в крышку собственного гроба и моей чёрной души.

Маленький огонёк, который я отыскал в своей тьме, угасает с каждой секундой.

* * *

Это может быть один час, может быть два, три или целый грёбаный день. Я не знаю. Я потерял всякое представление о времени в тот момент, когда заметил, что Камилла ушла. Я въезжаю на подземную парковку её многоквартирного дома и с визгом останавливаюсь возле её машины. Что-то сразу бросается мне в глаза. Конверт на ветровом стекле «Мерса» Камиллы. В мгновение ока я оказываюсь у подножия блестящего красного кабриолета, и через секунду я смотрю на другие фотографии Камиллы. На одной из них напечатаны два слова.

Время вышло.

— Чёрт, нет! — мой страх и беспокойство умножаются в разы, как и мой гнев. Фотографии в моих руках сминаются под силой моего же сжатого кулака, мои зубы готовы треснуть от силы их сжатия, когда я иду через вестибюль и захожу в лифт, то набираю номер Люсинды. — Я нашёл записку на машине Камиллы. Там написано, что время вышло.

— Чёрт, — выругалась она. — Камера напротив кафе уже больше месяца не работает.

— Чёрт! — когда двери открываются, я выхожу и шагаю, едва различая знакомый интерьер по коридору. — Логан? Полиция?

— По дороге в её квартиру.

— Хорошо, — я захожу за угол, в поле зрения появляется дверь Камиллы, и я резко останавливаюсь.

Потому что, прислонившись к двери, сидит мой ангел.

Я хватаюсь за ближайшую стену, чтобы не упасть, от облегчения у меня кружится голова.

Камилла поднимает взгляд, полный слёз, её лицо красное и покрыто пятнами. Но она по-прежнему самое красивое существо, которое я когда-либо видел.

— Я не смогла войти, — задыхается она, истерически всхлипывая. — Ключи у меня в сумке. И мой мобильный, — она шмыгает носом. — Я собиралась позвонить от своего соседа, — она указывает на другой конец коридора. — Но его нет дома. И я не знаю твоего номера.

Полный вздох облегчения срывается с моих губ, и я прижимаюсь спиной к стене напротив неё, мои ноги, наконец, слабеют. Моя задница с глухим стуком падает на ковёр, когда я смутно слышу, как Люсинда зовёт меня по имени. Я подношу телефон к уху. — Я нашёл её. Отзови полицию. И Логана.

— Что?

— Просто сделай это, Люси. Она в безопасности. Я тебе скоро позвоню, — я кладу трубку и бросаю телефон на пол рядом с собой, вместе с сумкой Камиллы и конвертом. Я не могу скрыть свои эмоции и не хочу этого делать. Я позволяю слезе облегчения скатиться по щеке и упасть на пиджак. Это уже слишком. Все эти чувства, потребность в ней и грёбаный страх.

— Я думал, тебя похитили, — сглатываю комок в горле. — Я думал, что потерял тебя, Камилла.

— Я не могу видеть... — она шмыгает носом и прокашливается. — Мне не нравится видеть тебя в таком состоянии. Ты меня пугаешь.

Я качаю головой, чувствуя сильное раскаяние, но только за то, что подверг её риску, за то, что заставил её чувствовать себя так. Я был так поглощён своей миссией уничтожить

бывшего парня и его сподручных, что потерял из виду свою истинную цель. Я с трудом поднимаюсь на ноги и подхожу к ней, опускаясь на колени перед её обессиленным телом. Я беру Ками за руки и взглядом нахожу её глаза, надеясь, что она видит в моих сожаление и вину, которые я испытываю.

— Мне так жаль. Я был в гневе, Ками. То, что он сделал с тобой, я не могу... — я зажмуриваюсь, изо всех сил пытаюсь закончить. — Я этого не вынесу.

Она использует мои руки как поддержку, отталкивается от них, и прижимает меня к себе. Я обнимаю её и прижимаю её тёплое тело к своей груди, желая слиться с ней в единое целое, шепчу ей на ухо свои извинения и клянусь никогда больше не выпускать её из виду.

Глава 18

Ками

Я не хотела, чтобы он вновь погрузился в свой личный ад. Я не хотела пугать его до чёртиков. Мне просто, хотелось убежать и не видеть той бойни, и в своём отчаянии я не подумала о рисках. Я не учла беспокойство Джейка.

Шатаюсь, я добралась до обочины и села в такси, бормоча свой адрес. Я не думала о том, что у меня нет денег, пока мы не подъехали к моему дому. Но водитель сжалился надо мной. Я была благодарна ему за сочувствие, даже настаивала на том, чтобы он дал мне свой номер телефона, и я могла переслать ему плату за проезд на карту. Но он отказался, протянул мне салфетку, прежде чем мягко попросить меня выйти из машины.

Чувство ярости в Джейке очень велико. И он не может его контролировать. И всё же похоже, будто он уже спланировал каждый свой шаг в этой драке, не тратив и секунды на раздумья. Он словно машина.

Я убежала не потому, что там был Себ, и не потому, что не могла видеть, как Джейк мог пострадать. В конце концов, их было пятеро, не считая Себастьяна, все огромные и грозные, и я знала, что произойдёт. Я знала, что Джейк пронзит их, как горячий нож масло. Я убежала, потому что не могла смотреть на это. Он бывший спецназовец. Обученный солдат. Обученный убийца. Почему он присоединился к вооружённым силам, понятно, учитывая, что случилось с его родителями. Но он прирождённый воин, даже если его борьба исключительно личная.

Но вот чего я не понимаю, так это почему он больше не служит. Ему всего тридцать пять, так что он определённо ещё недостаточно стар, чтобы выйти на пенсию. Его огнестрельное ранение не помешало бы ему воевать, поэтому вряд ли ему бы не дали продолжить службу. Да, вероятно на это есть причины, но я говорю о том, что вижу. Я знаю, что у него нет семьи. Но друзья? Я даже не знаю, где он живёт.

Мне нужно выяснить, истинную причину ярости Джейка Шарпа. Женщина на этой фотографии. Приступ тревоги. Глубоко укоренившаяся боль, которую он не может скрыть. Тайна растёт с каждым днём. Я отстраняюсь, и он обхватывает мои щеки ладонями, выглядя таким спокойным.

— Пойдём, — произносит он, вставая и поднимая меня на ноги.

— Что это? — спрашиваю я, наблюдая, как он поднимает с пола смятый конверт вместе с моей сумкой и телефоном.

— Ничего. Просто кое-какие документы из агентства, — он подхватывает меня на руки и заходит в квартиру. Отнеся меня в ванную, он сажает меня на её край, берет полотенце и смачивает его горячей водой. Он опускается передо мной на колени и начинает нежно вытирать моё заплаканное лицо, заставляя меня наблюдать за каждым его лёгким

движением.

— Как давно ты работаешь телохранителем? — тихо спрашиваю я, начиная с простого вопроса, который, как надеюсь, немного пошатнёт его защиту, прежде чем я попытаюсь копнуть поглубже. Теперь, когда он позволил узнать о себе несколько больше, я хочу большего. Я хочу знать всё о том, что его тяготит.

Он отвечает быстро и спокойно, всё ещё вытирая невысохшие слёзы с моего лица.

— Четыре года.

Полученный ответ благодаря быстрому мысленному расчёту вызывает у меня ещё большее любопытство, потому что я точно знаю, что никто не увольняется из армии в тридцать один год. Может быть, они и получают повышение или их переводят в другие отделения, но не уходят в отставку. Должна быть какая-то причина, и пулевое ранение, от которого он, кажется, полностью оправился, не могло быть единственной причиной ухода.

— Зачем ты это делаешь?

На этот раз Джейк не так быстро отвечает, его рука определённо дрогнула, когда он проводит полотенцем по моей щеке. Кажется, он напряжённо думает о том, что ему ответить.

— Чтобы вновь почувствовать себя полезным, — он хмурится, выглядя немного озадаченным.

— Ты чувствовал себя так, когда служил своей стране? — спрашиваю я.

Он слегка улыбается, его глаза всматриваются в мои.

— Думаю, да.

Я поджимаю губы, изучая его, пытаюсь скрыть подозрение на своём лице. Он соглашается со мной, и мои ощущения подсказывают мне, что он делает это, только потому что так проще, чем если он не согласиться, рискуя нарваться на мои очередные расспросы.

Однажды Джейк сказал мне, что ему нужна цель. Раньше его целью была служба, борьба со злом. Но что-то помешало ему сделать это, что-то серьёзное, и теперь он находит свою цель в своей работе. Всё это заставляет меня думать о том, что он по-прежнему служил бы, если бы мог. Так почему же он не может?

Какие бы демоны не скрывались в Джейке, он не в силах освободиться от них, если сам этого не захочет. Они будут держать его в плену вечно, и рано или поздно он проиграет в схватке с ними. Я всегда считала, что я безнадежна. Я думала, что выхода нет. Это было трудно, но я нашла выход. Как и Джейк.

— Скажи мне, почему ты перестал служить?

Его движения ненадолго прерываются, прежде чем он быстро берёт себя в руки и продолжает обтирать меня. Это была всего лишь доля секунды, но я заметила это, а также увидела вспышку боли в его глазах.

— Я послужил своей стране. Пора двигаться дальше.

Я ему не верю, и он дурак, если думает, что я поверю его словам. Эта боль всё ещё виднеется в его темных глазах, независимо от того, как сильно он пытается скрыть её за своим жёстким фасадом. Его уклончивость злит меня, и я отталкиваю его руку от своей щеки, игнорируя обеспокоенный взгляд.

— Мне нужно подготовиться, — заявляю я, вставая и оставляя Джейк сидеть на корточках передо мной, и смотреть на меня. Я прохожу мимо него и направляюсь в свою комнату, надеясь, что он проявит инициативу и освободит мою ванную, чтобы я могла принять душ.

— Камилла? — зовёт он, его шаги разносятся по ковру, стоит ему последовать за мной. — Почему ты уходишь от меня?

— Ты совершенно ясно дал понять, что этот разговор ни к чему не приведёт. Я не дура, Джейк. Есть вещи, о которых ты мне не скажешь. Мне нужно переодеться для вечеринки.

Я стягиваю платье-футболку в цветочек и кладу её на кровать, прежде чем пойти в душ, оставляя Джейка просто стоять, посреди моей спальни. Закрыв за собой дверь, я включаю душ, раздеваюсь и вхожу внутрь. Горячая вода приносит блаженство, и когда я рассеянно намыливаюсь, глядя на плитки, мой разум начинает думать о том, что произошло.

Он такой сложный и в то же время такой простой. Я озадачена им, но ещё больше меня озадачивает моя потребность проникнуть под его холодную и жёсткую стену, которую Джейк воздвиг внутри себя. Он же показал мне свою мягкую сторону. Продемонстрировал, что он не бессердечный и не бесчувственный, и я видела, как он впадал в панику. Он поделился со мной обрывками своей истории. Крошечными кусочками. Но всё это кажется таким бесполезным учитывая его недоверие. Напоминает игру в одни ворота, ведь только он решает, что я должна и чего не должна знать о нём.

А потом я спрашиваю себя кое о чём. О чём-то важном.

Зачем мне это знать?

Мои руки замирают на животе, а глаза опускаются на пол в душе, и я ненавижу себя за вывод, к которому прихожу. Это не имеет ничего общего с любопытством. У меня нет жгучей потребности разгадывать тайны Джейка Шарпа. Я хочу знать это, только чтобы помочь ему.

Потому что я люблю его.

Одинокая слеза скатывается по щеке и смешивается со струями воды, брызгающими мне в лицо. Я не могу помочь ему, если он сам не хочет, чтобы ему помогли. Я не могу вывести к свету, когда он доволен, пребывая во тьме. И я не могу позволить ему затащить меня в эту темноту.

Я не могу исправить его, если он сам этого не хочет.

Я чувствую, как ломаюсь под давлением, которое на себя оказываю. Я не знаю, когда оно стало скорее эмоциональным, чем физическим, но знаю, что мне нужно абстрагироваться от всего этого, прежде чем я слишком глубоко погружусь в его темноту. Я уже была там и не планирую туда возвращаться. У каждого разные обстоятельства, да, но результат будет один и тот же.

Я боюсь, что меня это ранит. Хотя и боюсь, что боль, которую Джейк способен причинить мне, будет мучительной, и я знаю, что никогда не оправлюсь от неё.

* * *

Дорога к огромному загородному особняку моего отца кажется долгой и мучительной, а мы с Джейком были тихими и задумчивыми.

Ворота папиного поместья медленно со скрипом открываются, и нас встречает море роскошных автомобилей, припаркованных на подъездной дорожке. Джейк неторопливо едет к дому, и звуки болтовни и смеха становятся громче, когда мы приближаемся. Сейчас солнечно и тепло, и я с ужасом жду предстоящего вечера. Там будут десятки безумно богатых людей, которые будут общаться с моим отцом, как и по вопросам бизнеса, так и просто так — все такие же материалисты и безжалостные люди, как он. И их жены — столь же поверхностные, сколь и гламурные, большинство из которых просто ждут, когда очередная молодая модель вмешается в их привилегированную жизнь и вырвет почву у них

из-под ног.

Если папа хотя бы попытается навязать мне какого-нибудь потенциального парня, я закричу. И в лучшие времена мне было довольно трудно удержать улыбку на лице. Теперь же, когда я чувствую себя столь безнадежной и опустошённой как сейчас, моё терпение может дать трещину, что может быть проблемой для моего отца и я не уверена, что смогу избежать этого.

Я выпрыгиваю из «Рендж Ровера» Джейка и иду по дорожке, ведущей к обширной территории позади дома моего отца, направляюсь через бесконечные ниши из цветов. Когда я прохожу через последнюю арку в сад, то сталкиваюсь с сотнями людей, все потягивают Pimm's¹⁰ или шампанское, и я всматриваюсь в лица, замечая Ти Джея у бассейна. Я иду к нему, улыбаясь, когда он видит меня.

— Маленькая звёздочка! — восклицает он, беря бокал у проходящего мимо официанта и протягивая мне его, прежде чем поцеловать в щеку. — Приехала последней, и держу пари, ты уйдёшь первой.

Я не поправляю его. Он слишком хорошо меня знает.

— Спасибо, — я поднимаю свой бокал и чокаюсь с ним, прежде чем сделать глоток. — Хизер уже здесь?

— Да, она вон там, — он указывает на противоположную сторону бассейна, где я замечаю свою лучшую подругу и её родителей. Ти Джей снова переводит моё внимание на себя. — За тобой всё ещё следят? — спрашивает он, очевидно, заметив Джейка где-то позади меня.

Я не поворачиваюсь, чтобы увидеть, как мой телохранитель занял свою позицию.

— Папа сказал, что они, возможно, докопались до сути угроз. Ты что-нибудь об этом знаешь? — спрашиваю я, придвигаясь ближе к Ти Джею. Он буквально ходит за отцом по пятам. Если ему что-то известно, то знает и брат.

Ти Джей опускает голову, бросая на меня предупреждающий взгляд.

— Ты же знаешь, я не обсуждаю то, что происходит в стенах его кабинета.

— Даже когда речь идёт обо мне?

— *Особенно* когда речь идёт о тебе, — посмеивается он, наклоняясь ближе ко мне и целуя в щеку. — Очень скоро ты снова будешь свободна, как птица, детка, — произносит он, подкрепляя слова отца.

Ти Джей уходит, пожимая руки и целуя знакомых на ходу. Я поворачиваюсь и вижу Джейка в нескольких метрах от меня, его глаза пристально смотрят на меня. Я тут же ругаю себя за то, что ищу его глазами. Мне удалось избежать прямого контакта, когда, мы обменялись несколькими словами в поездке, при этом понимая, что это ни к чему не приведёт. Он одет в темно-серый костюм, выглядит идеально, грозно и непристойно красивым. Оглядываясь по сторонам, я отмечаю, какой интерес он вызывает у женщин, стоявших поблизости. Мой взгляд падает на мой бокал, и я стараюсь унять свои мысли и подавляю желание сказать каждой из них, чтобы они держали свои заинтересованные взгляды при себе.

— Ками!

Я поднимаю взгляд и вижу, что Хизер машет мне рукой, и, стремясь найти хоть какой-то способ отвлечься, обхожу бассейн и подхожу к ней и её родителям, к которым обращаются разные люди.

— Привет, — я подхожу к ним и приветствую каждого поцелуем.

— Как поживаешь, Камилла? — спрашивает отец Хизер, указывая через моё плечо. — Вижу, у тебя компания.

Мне следовало извиниться и держаться от них подальше. Я была уверена, что вся компания должна знать о моём телохранителе, а если и нет, то я уж точно не могла скрыть его ото всех здесь. О нём будут говорить на вечеринке по многим причинам, помимо его официального статуса. Я замечаю, как мать Хизер незаметно смотрит на Джейка с одобрительной улыбкой на лице. Затем она смотрит на Хизера и кивает. Что это было? Я смотрю на свою лучшую подругу, которая небрежно отмахивается от реакции своей матери.

— Я в порядке, Генри, спасибо, — отвечаю я отцу Хизера. — Как поживаете?

— Было бы лучше, если бы твой отец перестал играть в жёсткие игры и принял моё предложение на своей верфи в Белфасте.

— Вы же знаете, он любит играть в эти игры, — смеюсь я, легко беря Хизера за локоть. — Извините, мы на секунду, — я отвожу её от родителей и веду подругу к паре пустых шезлонгов.

— Что случилось? — спрашивает она, следуя моему примеру и садится, надевая тёмные очки.

— Этот взгляд, который бросила на тебя твоя мать. Что это было? — я не хожу вокруг да около. Что она ей наговорила?

Хизер притворяется невинной овечкой, и я уже привыкла к этому.

— Какой взгляд?

— В самом деле?

— Я могла бы рассказать ей, о том, что выкинул Джейк на вечеринке у Шафран.

— Ты имеешь в виду, когда он чуть содрал шкуру с моего бывшего подонка после того, как этот ублюдок ударил меня?

Её губы искривляются в призрании, подражая моему собственному выражению лица.

— Нет, ты же знаешь, что я никому об этом не скажу. Я рассказала ей о том, как Джейк вынес тебя из бара, словно рыцаря в сверкающих доспехах.

— Он делал свою работу, — она же в ответ смеётся.

Смех Хизера звучит несколько снисходительно.

— Камилла, не разговаривай со мной как с душой. Ты влюбилась в него.

Её слова ударили меня, словно кулаком по лицу. Неужели это так очевидно?

— Я не влюбилась в него, — слабо возражаю я, бросая взгляд на Джейка.

Он похож на непреклонную мраморную статую, стоящую от него всего в нескольких шагах. Я не беспокоюсь, что он нас услышит; окружающий шум слишком громкий. Он цепким взглядом всматривается в меня. Как и всегда, но сегодня мне это действительно не нравится. Я чувствую, что он читает мои мысли, читает меня как открытую книгу. Его щетинистая челюсть остра и напряжена, скулы сжаты, а на красивом лице запечатлено раздражение.

Просто смешно, что он здесь. Я окружена семьёй и друзьями, и, по-видимому, всё прояснится очень скоро. В любом случае, здесь ничего не могло случиться.

— Я не влюбилась в него, — снова тихо бормочу я, отрывая взгляд от Джейка.

Ладонь Хизера касается моего бедра.

— Почему ты не хочешь признать это? — интересуется она.

Я делаю глубокий вдох и решаю закончить этот разговор.

— Тут не в чем признаваться, — решительно заявляю я, не обращая внимания на своё

бешено стучащие сердце и недоверчивое лицо лучшей подруги.

Она вздыхает и откидывается на спинку шезлонга, положив ноги на сидение.

— Ты помнишь, как мы лежали здесь каждый день во время летних каникул, планируя нашу сказочную жизнь и потягивая фруктовый пунш, и говорили твоему брату и его друзьям, чтобы они перестали брызгать на нас?

Я улыбаюсь, вспоминая те дни, когда всё было действительно так просто. Лишь мы, строящие только наш идеальный мир без бремени реальной жизни. Не было изнуряющего чувства безнадёжности или страха. Не было таких проблем, как искушение и неправильные решения. Не было никакого отца, пытающегося сделать выбор за меня и говорящего мне, кем должен быть мой принц. Никаких угроз не было. Джейка Шарпа не было.

— Если бы всё было так просто.

— Может быть, — Хизер снимает очки и смотрит на меня, в её глазах отображается тысяча ободряющих слов. — Большую часть времени мы сами всё усложняем, — она спускает ноги с шезлонга и встаёт. — Я не знаю, что тебя останавливает, кроме твоего отца, и я знаю, что тебе всё равно, что он подумает об этом. Ты, очевидно, значишь для Джейка больше, чем какой-то контракт, — она наклоняется и целует меня в щеку. — Тебе следует навестить своего отца и свою замечательную мачеху. Она хочет получить поцелуй на день рождения от своей любимой маленькой девочки. Скоро увидимся.

Я смотрю, как Хизер уходит, на ходу качая головой Джейку. Он не реагирует на это, не хмурится и даже вопросительно не поднимает брови, но он смотрит на меня. Я отвожу взгляд и встаю, намереваясь найти своего отца, хотя всё чего хочу, так это пойти домой и спрятаться под одеялом.

Пока я иду по саду, то собираюсь с силами, необходимыми мне, чтобы встретиться лицом к лицу с моим отцом и моей невыносимой мачехой. Десять шагов — и никакой уверенности. На самом деле, с каждой секундой я становлюсь всё более подавленной. Я знаю, что найду своего отца в его изысканном баре в оранжерее, и я просто знаю, что рядом с ним окажется очередной скучный коллега, готовый угодить моему отцу и рассердить меня.

— Ой! — я вскрикиваю от резкого рывка за руку, кто-то затягивал меня в ближайшую нишу у входа в оранжерею. Чья-то ладонь прикрывает мне рот, и чьё-то твёрдое тело прижимает меня к стене. Я быстро моргаю, пытаюсь сфокусироваться на тёмных глазах Джейка, его губы почти касаются тыльной стороны ладони, лежащей на моем рту, заставляя меня замолчать.

— Однажды, когда я был на службе, я позволил своим личным эмоциям скомпрометировать моё мнение, — тихо шепчет он, заглядывая мне в глаза. — Двое моих друзей погибли. В меня стреляли. А потом меня сочли слишком вспыльчивым и нестабильным, чтобы продолжать выполнять свои обязанности.

Я всё ещё не могу поверить ему, но моё сердце бьётся быстрее. Тёмные глаза Джейка закрываются, лишая меня возможности проявить утешения, которое отражается в моих глазах, пока он рассказывает свою историю, сбивчиво, но ясно. Его ноздри раздуваются. Видно, что это отнимает у него все оставшееся силы.

— Единственное, что имело для меня значение, я потерял после одного неудачного решения, потому что позволил своей личной жизни повлиять на выполнение своего долга. Я поклялся, что никогда не позволю этому случиться снова, Камилла. Я всегда выполнял это обещание, — я слышу боль в его словах, и Джейк глубоко вдыхает. — До тебя, — тихо заканчивает он, глядя мне в глаза.

Я задыхаюсь от рыданий, заставляя его немного приподнять ладонь, его лицо расплывается от слёз. Его лицо спокойно, но в глазах плещутся эмоции.

Затем он сглатывает, прежде чем продолжить:

— Я не могу снова сделать неверный шаг.

Я мгновенно пугаюсь того, к чему он ведёт. Его лицо по-прежнему ничего не выражает. Почему именно сейчас? В разгар вечеринки в саду моего отца, почему он говорит мне это сейчас? Эта женщина. Эта женщина на фотографии — это личная эмоция, о которой он рассказывает, эмоция, заставившая его усомниться в своих решениях. Неужели я заставляю его сомневаться в своих решениях?

Джейк снова собирается заговорить, но на мгновение колеблется, собираясь с силами. Затем он крепко зажмуривается, и моё сердце замирает в груди. Он выглядит разбитым, готовым сдать. Предательская слеза скатывается по моей щеке и падает на его руку, и он открывает глаза. Борьба в них поражает меня.

— Моя потребность защитить тебя гораздо глубже, чем хорошо оплачиваемая работа, Камилла, — он произносит эти слова так тихо, бросая вызов громаде человека, которым он является.

Я глубоко вздыхаю от облегчения, пытаюсь разглядеть его сквозь слёзы, наворачивающиеся на глаза, но Джейк убирает руку с моего рта и отступает назад, выходя из ниши к гостям. Он пожимает плечами, как будто извиняется, и моё сердце, наконец, снова начинает биться, при этом не размеренно, а буквально несясь в грохочущем порыве. Всё произошедшее — это отдалённый удар, а люди — их размытые движения вдалеке кажутся скорее летаргическими. Всё, как и прежде, но и нет. Мир движется вокруг нас, не обращая внимания на нас с Джейком, запертых в нашем пузыре, и в этот момент, глядя ему в глаза, я понимаю, что он не затянет меня в свою темноту. Он хочет, чтобы я помогла ему найти выход. Он чувствует себя в ловушке. Я чувствовала себя так же. Я знаю, каково это — не видеть пути к свету. У меня была Хизер, чтобы помочь мне. У Джейка никого нет. Кроме меня. Я не могу уйти от него. Я должна ему помочь.

Я не знаю, что делать. Мой инстинкт подсказывает мне подойти к нему, но мой едва функционирующий мозг напоминает мне, что отец рядом. Он этого не одобрит. На самом деле, он сделает всё, чтобы остановить это. Я знаю и боюсь того, что он может предпринять.

Я выхожу из ниши и наблюдаю, как Джейк наблюдает за мной, когда я возвращаюсь в оранжерею, между нами проходит молчаливое понимание. На ходу я готовлю папе оправдания.

Потребность Джейка защитить меня глубже, чем хорошо оплачиваемая работа?

Насколько глубже?

Глава 19

Джейк

Я следую за Камиллой, пробирающеюся сквозь толпу, она игнорирует всех, кто пытается остановить её, чтобы поболтать. Её настойчивость успокаивает. Мне совсем не нравится, что она здесь, независимо от того, является ли это местом домом её отца или нет. Сегодня всё ещё третий день. Я по-прежнему нервничаю. И намерение Логана уволить меня не ослабевает это напряжение.

У меня не было намерений взять её в охапку и рассказать ей подробности своего тёмного прошлого, но по мере того, как проходил вечер, я видел, что она всё больше отдаляется от меня, и я не мог вынести даже мысли о том, чтобы отпустить её. Я готов

сделать всё, чтобы она осталась в моей жизни. Даже если для этого придётся открыться перед ней. Даже если это подразумевает лишение рассудка. Уже слишком поздно. Я уже чувствую себя совершенно сумасшедшим.

Мне нечего терять. Я просто-напросто набросился на неё, несмотря на самые лучшие побуждения. Меня и раньше разрывали на куски руки женщины. Но я никогда не ожидал, что снова окажусь в таком положении. Я чувствую себя уязвимым и напуганным. И всё же сейчас во мне было больше надежды, чем прежде.

Камилла Логан может навредить мне гораздо больше, чем все мои прошлые женщины вместе взятые. Она вросла в меня слишком глубоко. Она может уничтожить меня. Но она и моя единственная надежда на счастье и свободу от тисков прошлого.

Рассказать свою историю — это всё, что я готов дать ей прямо сейчас. Это всё, на что я способен, тем самым признаваясь самому себе, что у неё достаточно проблем и без моего дерьма. И так и вышло. Часть меня гнетётся чувством вины за то, что я позволил ей войти в мою темноту, не узнав перед этим всю правду обо мне, которая была необходима ей, чтобы она могла принять верное решение. Но другая часть меня которая слишком отчаянно цепляется за неё — не готова рисковать тем, что у нас есть, и тем, что может быть. Я не увидел отвращения в её глазах, когда рассказал ей часть своей истории. Я видел только печаль. Но вот в чём проблема. Это была только часть моего прошлого, и мне нужно откуда-то найти силы, чтобы поделиться с ней всем остальным. Встретиться самому лицом к лицу с этой частью моей прежней жизни. Поступить правильно и положить этому конец, чтобы, наконец, двигаться дальше.

Камилла, не теряя времени, врывается в группу людей, с которыми разговаривает её отец, при этом улыбаясь и извиняясь за прерванный разговор. Тревор Логан бросает на меня взгляд через всю комнату, проверяя моё присутствие, и на мгновение прищуривается, прежде чем уделить дочери то внимание, которого она ищет. Его взгляд говорит мне всё, что мне нужно знать. Я не тот человек, которого он хочет для своей дочери. Я даже не тот мужчина, которого он хочет для своей дочери. Я в курсе его силы и влияния. Он мог уничтожить меня. Пусть меня вышвырнут из агентства. Мне нужно придумать, как лучше всего подойти к этому.

Приспешники Логана слоняются по дороге, наблюдая за мной, пока он потакает своей дочери. Его нынешняя жена, Хлоя, также находится где-то поблизости, но её внимание сосредоточено на другом, в то время как её муж отвлекается на Камиллу. Я внимательно наблюдаю, как Хлоя разговаривает с мужчиной. Она ведёт себя скромно, но постоянно бросает взгляды на Логана и Камиллу, настороженные и неуверенные. Затем рука мужчины поднимается и слегка касается её руки, и она нервно вздрагивает, отстраняясь и бросая на него предупреждающий взгляд. Это побуждает его оглядеться вокруг и проверить, никто ли не смотрит в их сторону, но он, кажется, расслабляется, когда видит, что Логан и все остальные сосредоточены на Камилле. Жаль, что он не замечает меня. Я достаю из кармана телефон и набираю сообщение, делаю незаметный снимок и прикрепляю его к электронному письму.

«Я думаю, что у жены Логана роман. Фотография прилагается. Кто он такой?»

Я нажимаю «Отправить» и получаю немедленный ответ.

«Узнаю. Только что узнала, что Тревор Логан финансировал реабилитацию Себастьяна Питерса. Я также проверила банковские выписки парня. Сто тысяч поступили на его счет в тот день, когда он лёг на реабилитацию. Удобное оправдание.»

Я сохраняю самообладание. Не то слово.

Логан вёл дела с этим маленьким ублюдком? Да, вероятно это явно сработало. Этот ублюдок не добился ничего, кроме того, что год или два подпитывал пристрастие этого подонка к наркотикам. Логан должен был просто сделать то, что планирую сделать я: убить его. Он даже не знает, что этот придурок ударил его дочь. Логан сделает всё, чтобы держать Себастьяна Питерса подальше от своей дочери, и в этом случае я отдам ему должное, даже если его план был дерьмовым. Это также подтверждает, что рано или поздно он узнает всё обо мне.

Я убираю телефон обратно в карман, видя, как Хлоя возвращается к своему мужу. Её улыбка фальшива, когда она подходит и скользит рукой по плечам Камиллы, обнимая её, и я вижу, что Камилла напрягается в ответ. Затем к ним подходит другой мужчина, и первобытный человек во мне кричит, как демон, о том, чтобы его выпустили, когда он наклоняется и целует Ками в щеку. Логан нежно улыбается, и Камилла морщится, отшатываясь. Поклонник? Сын друга, за которого Логан планирует выдать Камиллу замуж? Где-то внутри моего горла зарождается рык. От него у неё мурашки бегут по коже. У меня от него мурашки по коже. Камилла отступает от собравшихся, и лицо её отца полно разочарования, но она не даёт ему возможности удержать её там.

Она быстро проходит мимо меня, выглядя так же нетерпеливо, как и я, стремясь вырваться за пределы огромного особняка. Я слеую за ней и ускорю шаг, чтобы пройти и открыть ей дверь. Я пользуюсь возможностью оглянуться, придерживая дверь, и вижу, как Логан смотрит нам вслед, его лицо задумчиво, когда его взгляд падает на меня. Я смотрю ему в глаза дольше, чем следовало бы, не в силах удержаться, чтобы не сузить их. Это глупый шаг; я не должен вызывать никаких подозрений, но вид того, как он пытается спихнуть свою дочь в объятия этого придурка, пугает меня.

— Мне нужно попроситься с Хизер, — говорит Камилла, направляясь к бассейну. У меня нет другого выбора, кроме как последовать за ней, когда всё, чего я хочу — это забрать её, отвезти домой и уберечь от столь мерзкого мира её отца.

Она быстро находит Хизер, что-то шепчет ей на ухо, и глаза лучшей подруги Камиллы искрятся радостью, но она ничего не говорит, она кивает в знак согласия со словами Камиллы. Я знаю, что нахожусь под пристальным наблюдением со стороны, и я смотрю в сторону, видя, что пожилая женщина задумчиво взирает на меня. Мать Хизер. Я не даю ей никаких подсказок, которые могли бы подтвердить или опровергнуть её мысли, уверенный, в своём профессионализме.

— Готов? — спрашивает Камилла, подходя ко мне.

— Просто продолжай идти, — говорю я себе под нос, замечая, как личная охрана Логана выходит из оранжереи и осматривает бассейн.

Ками проходит мимо меня, как было приказано, и я осторожно сканирую толпу, идя за ней, рассматривая все лица, вглядываясь в каждого. Потянувшись за спину, я нащупываю пистолет, напоминая себе, что он там и ждёт своего часа, чтобы вышибить мозги любому, кто попытается помешать нам уйти. Тот взгляд, который я бросил на Логана — я не должен был делать ничего подобного.

Как только мы выходим из сада и огибаем дом, я подхожу к Камилле и кладу ладонь ей на поясницу, подталкивая её вперёд.

— Ты нервничаешь, — она смотрит на меня, пока я прикидываю оставшееся расстояние до своего «Рендж Ровера». — Почему?

— Я просто хочу отвезти тебя домой, — я открываю дверь и самостоятельно усаживаю её на сиденье, прежде чем быстро обогнуть автомобиль спереди и запрыгнуть внутрь. Заводя двигатель, я вижу, как обезьяны Логана выскакивают из-за угла.

— Эй, что нужно Питу и Гранту? — спрашивает Камилла, бросая на меня вопросительный взгляд. Я выруливаю на подъездную дорожку, резче, чем планировал, от чего у меня немного кружится голова. — Джейк!

— Я не знаю, Ками, — процедил я, набирая скорость.

— У них могут быть какие-нибудь новости, — невинно говорит она. — Может быть, папа узнал, кто посылал угрозы.

— Я не думаю, что они хотят говорить об угрозах, — это лишь наполовину ложь, но что я мог ей сказать? Что я думаю, что её отец что-то скрывает? Я не чувствую ни малейшей вины за то, что скрыл от неё самые последние фотографии — те, что нашёл на лобовом стекле её машины. У Ками и так достаточно забот.

— Тогда что? — спрашивает она.

— Как ты думаешь, что бы сделал твой отец, если бы узнал о нас? — я бросаю взгляд в её сторону и вижу ужас на её лице.

— Для него нет мужчины, который был бы, по его мнению, достаточно хорош для меня. Разве что сын-идиот какого-нибудь делового партнёра.

— Я знаю это, ангел. Но ты не ответила на мой вопрос.

— Он сделает всё, чтобы ты держался от меня подальше, — она выглядит огорчённой, когда открыто признается в том, что мы оба знаем. — Но ты достаточно хорош для меня, — тихо уверяет она.

— Не думаю, что твой отец согласен с твоим мнением, ангел, — я протягиваю руку и беру её за руку, надеясь придать ей немного уверенности, решив умолчать о крошечной детали о том, что он, заплатил Себу сто тысяч. Это не имеет значения, так как это не сработало, и это только расстроит Камиллу, лишь потому что, её отец снова хочет контролировать её жизнь. В мотивах Логана нет ничего неразумного. Яростное желание Камиллы быть независимой не всегда хорошо, особенно когда речь идёт о жестоких бывших парнях. Упрямая маленькая штучка.

— Мне всё равно, что он думает, Джейк, — коротко выпаливает Ками. — Он одержим идеей контролировать всех и всё, что его окружает. Он не будет контролировать меня. Я не собираюсь выходить замуж за мужчину только для того, чтобы папа мог заработать ещё несколько миллионов!

— Он заботится о тебе. Он хочет позаботиться о тебе, — тихо настаиваю я, даже не знаю почему.

Она смотрит на меня с яростной страстью в глазах.

— Но теперь у меня есть ты, чтобы заботиться обо мне.

У меня перехватывает дыхание. Никогда ещё ничто в этом мире не звучало для меня так прекрасно. Так правильно.

— Теперь у тебя есть я, — подтверждаю я приглушённым шёпотом, возвращая своё внимание к дороге.

* * *

Я не отвожу Ками обратно в её квартиру. Я везу её к себе. Я не хочу, чтобы Тревор Логан знал, о нашем местонахождении, и единственным способом для того, чтобы его головорезы нашли меня было взломать базу данных агентства. А этого не случится.

Я въезжаю в заводской блок рядом с доками, мысленно улыбаясь, наблюдая за озадаченным выражением лица Ками.

— Где мы? — спрашивает она, оглядываясь с испуганным выражением лица.

— У меня дома, — я выхожу из машины, обхожу её чтобы помочь Ками выйти, при этом стараясь не смеяться над её очевидно шокированным выражением лица. Она просто в ужасе. Она берёт меня за руку и позволяет помочь ей выйти.

— Ты здесь живёшь?

— Совершенно верно, ангел.

Я иду вперёд, ожидая услышать стук каблучков по бетону, но, когда добираюсь до старого промышленного лифта и останавливаюсь, звука не слышно. Я набираю код и поворачиваюсь, чтобы увидеть, как Камилла оглядывает огромное открытое пространство, вплоть до стальных стропил и крыши из гофрированного железа. Низкое вечернее солнце бьёт ей в лицо, просачиваясь сквозь одну из разбитых панелей. Я улыбаюсь, ожидая подобной реакции. Не потому, что Ками стоит на этом полуразрушенном пустыре, а потому, что здесь действительно так ужасно.

— Ты идёшь, или мне принести твой кофе сюда?

Она отрывается от созерцания стропил и бросает на меня презрительный взгляд.

— Это не то, чего я ожидала, вот и всё.

— Похоже, что ты не ожидала увидеть подобное? — я выгибаю бровь, наслаждаясь видом того, как она пытается не сморщить свой нос-пуговку.

— Именно так, — признаётся она, направляясь ко мне. — Зачем ты привёз меня сюда?

— Потому что я думаю, что твой папа может попытаться проследить за нами.

— Пит и Грант?

— Да, — я провожаю её в лифт и с шумом дёргаю ржавые железные прутья, ставя их на место. — Они не совсем незаметные, не так ли?

— Ты тоже, — смеётся она, проводя пальцем вверх и вниз по моему телу.

Я дерзко подмигиваю ей и обнимаю за плечи, когда мы поднимаемся на нужный этаж, то обнимаю её, наслаждаясь ощущением от её близости.

— Смысл моей работы в том, чтобы присутствовать, Камилла. Как видимое предупреждение.

— Я не ощущала подобного предупреждения.

Её телефон звонит, и она смотрит на него, как и я. Её отец. Она отклоняет звонок и выключает мобильный, делая то, что сделал бы я, если бы она не опередила меня. Затем она счастливо прижимается ко мне и удовлетворённо, что-то напевает себе под нос, кабина резко останавливается, говоря нам о прибытии в мою квартиру. Она ворчит, когда я отпускаю её, чтобы открыть двери, но ворчание вскоре сменяется на восхищённый вздох, стоит ей увидеть мою квартиру.

— Ты ждала чего-то подобного? — спрашиваю я, отстраняясь, когда она делает неуверенные шаги вперёд, оглядываясь вокруг.

— Ух ты. — Ками поворачивается ко мне лицом, её глаза наполнены удивлением. — Просто... вау.

Я улыбаюсь и обнимаю её за плечи и прохожу вместе с ней практически через всю квартиру, пока мы не оказываемся в моей спальне. Желание бросить её на кровать и сорвать с неё одежду слишком сильно, и я едва могу сопротивляться ему, но у меня есть ещё несколько дел, которые необходимо сделать. Поэтому я заставляю себя немного отойти от

Ками улыбаясь ей с высоты своего роста, замечая, как в её великолепных глазах нарастает страсть.

В поле нашего зрения оказывается панорама города, и я знаю, что она также отметила этот прекрасный вид, но она не отводит от меня взгляд. Это огромный комплимент. Ведь этот вид поистине великолепен.

— Прими душ, — настаиваю я, дотягиваясь до её затылка и разрушая её причёску, заставляя её локоны рассыпаться по плечам. Одно желание берёт надо мной верх. Моё лицо опускается к её шее, и я вдыхаю запах её волос, тем самым давая себе намёк на то, чем я смогу заняться, как только закончу свои дела.

— Одна? — спрашивает Камилла, кладя руки мне на плечи и впиваясь в них ногтями. Я стону, кровь приливает к моему члену.

— Жди меня в постели через десять минут, — требую я, отрываясь. — Полотенца на полке, — я отступаю, и она надувает губки, её большие глаза полны разочарования. — Десять минут, — повторяю я, поворачиваясь и уходя от неё. Это определённо пытка, но я не могу расслабиться и не могу насладиться ею, пока не проясню несколько вещей.

Шагая по квартире, я сдёргиваю галстук с шеи и снимаю пиджак, бросая всё на диван, когда прохожу мимо него. Я падаю в кресло, достаю из кармана телефон и набираю номер Люсинды, расстёгивая верхнюю пуговицу.

— Я как раз собиралась тебе позвонить, — приветствует она меня.

— Зачем?

— Мы взломали электронную почту Логана.

— Мы и так могли прочесть его электронные письма, — напоминаю ей я, нахмурившись. — Он дал нам доступ.

— Только не для этой. Он решил не давать нам доступ к этому адресу. Есть какие-нибудь догадки, почему?

— Я, блядь, так и знал, — ухмыляюсь я. — Он что-то скрывает.

— Да. Два дня назад он получил электронное письмо. Неизвестный IP-адрес и учётная запись не отслеживаются. Электронное письмо было удалено с сервера, но я могу сказать тебе, что в нём было вложение.

Я немного приподнимаюсь на кресле.

— Что было прикреплено?

— Я не знаю, но не отслеживаемый IP-адрес вызывает тревогу, а также столь быстрое удаление письма с сервера. Логан позвонил и подтвердил, что ваш контракт расторгнут. Я напомнила ему о фотографиях, которые пришли по Королевской почте, и тех, что ты нашёл в машине Камиллы ранее. Он сказал, что его личная служба безопасности уже вплотную приблизилась к источнику угроз.

— Я тоже, — я делаю глубокий вдох и откидываюсь на спинку кресла, проводя пальцем по щетине на подбородке. — Угроза не исчезла, но он хочет, чтобы я ушёл? — я размышляю, слыша, как Люсинда, что-то напевает.

— Похоже на то. С чего бы это, Джейк?

— Понятия не имею, — я обрываю наметившуюся линию разговора на полуслове. — Есть что-нибудь о нынешней жене?

— Почему ты просишь меня заняться его женой?

— Она, что-то скрывает. Она мне не нравится.

— Ты думаешь так о всех! — Люсинда смеётся. — Но почему ты думаешь, что его жена

угрожала причинить вред своей падчерице, выше моего понимания.

— Просто расскажи мне, что у тебя есть на неё, — вздыхаю я, моё разочарование нарастает. Мы вечно попадаем в тупик. А где-то должно быть что-то, что подскажет мне верное решение!

— Я нашла имя парня, фото которого ты мне прислал. Саймон Сандерс. Он адвокат Логана. Его адвокат по разводам.

— У жены Логана роман с его адвокатом по разводам? — ошеломлённо спрашиваю я. Он не мог написать это дерьмо.

— Ага. И, судя по всему, это продолжается уже несколько месяцев. Они обмениваются электронными письмами с огромной скоростью. Я не заставлю тебя краснеть и не буду читать их тебе.

Я смеюсь, забавляясь.

— Продолжай искать. Я позвоню тебе утром.

Я кладу трубку и набираю другой номер. Логан быстро отвечает несмотря на то, что он всё ещё, несомненно, развлекает гостей на вечеринке в саду по случаю дня рождения изменяющей ему жены. Должно быть, он ждал моего звонка.

— Ваши ребята из службы безопасности очень хотели догнать меня, когда мы решили уйти с вечеринки несколько раньше, — я сразу перешёл к делу.

— Да, я хотел поговорить с вами наедине, но вы, кажется, немного торопились, — в его тоне слышится скрытое недоверие, говорящее мне, что мы явно понимали друг друга.

— Вы платите мне, чтобы я защищал вашу дочь. Мне не понравилось выражение их лиц.

— Они хотели попросить вас вернуться на несколько минут, чтобы мы могли поговорить наедине. Камилле ничего не угрожает со стороны моей службы безопасности.

Его охрана — грёбаные клоуны. Это вероятно целая армия жирных ублюдков. Один человек с половиной мозга мог их перехитрить.

— Каждый представляет опасность, — рычу я. — О чём вы хотели поговорить?

— Ваши услуги больше не требуются.

Он говорит мне то, о чём я уже знал, но вместо того, чтобы нанести ему удар тем, что я знаю, а именно учётной записью электронной почты, которой он решил не делиться с нами, я занимаю другую позицию. Есть причина, по которой он держит его при себе, и я планирую докопаться до сути.

— Я услышал. Могу я спросить, почему?

— Мы разберёмся с этим, — заявляет он как ни в чём не бывало, заставляя мою кожу покалывать от гнева. Лживый ублюдок. — Как я и предполагал, просто конкуренты. Пустословы.

— Имена?

— Наверное, лучше мне с этим разобраться самому.

— Вы готовы рискнуть безопасностью Ками, основываясь на «предположениях»? — я молюсь, чтобы он сказал «нет», или, да поможет мне Бог, я вернусь в его шикарный особняк и застрелю его.

— Ками? — он пропускает весь мой вопрос мимо ушей и концентрируется на моей единственной ошибке.

Чёрт!

— С каких это пор ты заслужил привилегию называть мою дочь таким именем?

Его тон говорит сам за себя. Его впечатление обо мне — неодобрение. Давай же, Логан.

Понимаю, что разговариваю с её отцом, но всё, что я знаю, не заставляет меня испытывать к нему уважение.

— С тех пор, как *она* попросила меня об этом... — я выдавливаю слова. — До тех пор, пока просьбы моих охраняемых не подвергают их жизнь опасности, я всецело «за» то, чтобы выполнять их, мистер Логан. — Я ничего не даю ему, кроме разве что позволяю читать между строк. — Я не думаю, что простое желание, чтобы я называл её сокращённым именем, является риском для её жизни, не так ли? — я хочу добавить, что её имя звучит ещё лучше, когда оно срывается с моих губ со стоном удовольствия. Когда я глубоко вгоняю в неё свой твёрдый член. Я хочу. Но я этого не делаю. Потому что это была бы лишь месть и ничего больше, разве что это стало подтверждением, его собственных домыслов.

Я понимаю, как важно сбить его со следа. Это тяжело, когда я закипаю внутри, зная, что он не был честен в отношении защиты своей дочери. Мне нужно взять себя в руки. Он готов подвергнуть Ками риску, пытаясь удержать меня подальше от неё? Боюсь, в этом-то всё и дело. Понимает ли он, с кем имеет дело? Я не жалкий мальчишка балующейся наркотиками. И нет таких денег, на которые я бы согласился. Впервые в его жизни я заставлю Тревора Логана почувствовать себя слабым и беспомощным. И я буду чертовски наслаждаться этим.

— Всё, что захочет моя дочь, — тихо бормочет он, заставляя мои губы скривиться.

— Всё, что захочет Камилла, — отвечаю я. — Я уйду только тогда, когда у меня будут конкретные доказательства того, что Ками больше ничего не угрожает. У меня есть карт-бланш, мистер Логан. Именно поэтому вы наняли меня, помните? — я вешаю трубку, сопротивляясь с желанием добавить в конце, что собираюсь пойти и дать его дочери то, что она действительно *хочет*.

Меня.

Я также сопротивлялся тому, чтобы сообщить напыщенному придурку, что его жена получает то, что она хочет, от его адвоката по разводам. Информация льётся потоком, но мне требуется наносекунда, чтобы решить, что будет безопаснее не рассказывать Ками о том, что я узнал, и, хотя это идёт вразрез с моим инстинктом, я не собираюсь мучить себя чувством вины. Взятка Логана бывшему Ками, измена его жены, секретная учётная запись электронной почты — это всё боеприпасы, которые я могу использовать в войне, которую не планирую проиграть.

Бросив телефон на стол, я поднимаю ноги и кладу голову на спинку стула. Впервые за сегодняшний день я чувствую себя расслабленным, несмотря на все откровения. Потому что она здесь. Со мной. Это был долгий, изнурительный день. Я могу придумать замечательный способ завершить его на замечательной ноте.

Я встаю и иду к своему бару с напитками, по пути уловив давно забытый запах «Джека Дениелса». Я не пил уже несколько недель и, как правило, никогда не пил на работе. Но моя работа обычно не находится в безопасных пределах моей квартиры. Я беру стакан, наливаю себе приличную дозу напитка и подношу к губам, вдыхая. О, как вкусно пахнет. Я опрокидываю содержимое и с грохотом ставлю стакан, позволяя обжигающему виски прогреть свои внутренности.

Затем начинаю расстёгивать рубашку, пробираясь в ванную, слыша звуки воды, льющейся на обнажённое тело Камиллы. Я сбрасываю рубашку и позволяю ей выпасть из моих рук, прежде чем начать расстёгивать брюки, останавливаясь у двери в спальню, чтобы сбросить их с ног и снять туфли. Как только я раздеваюсь, то иду босиком в ванную, шум воды становится громче, пока я не оказываюсь на краю пропаренной комнаты. Я тихо

захожу в душ, вглядываясь в облака пара, пока не оказываюсь в футе от стеклянной двери.

Камилла стоит ко мне спиной, её гибкое тело было мокрым и таким манящим. Я уверен, что мог бы просто стоять здесь всю ночь и спокойно наблюдать, как она проводит руками по своей коже, запрокинув голову, принимая капли воды, бьющие ей в лицо. Её светлые волосы намокли и прилипли к спине, едва доходя до её великолепной, дерзкой задницы, и её руки были слегка приподняты, упираясь в плитки перед ней. Моя эрекция давала о себе знать, отчаянно желая, чтобы я взял Ками.

Я открываю дверь и наблюдаю, как её плечи слегка вздрагивают. Она знает, что это я. Мои губы приоткрываются, и я настраиваю себя на удовольствие, которое собираюсь получить сполна. Я оглядываю её спину, когда она убирает руки со стены, Камила слегка опускает свой мягкий подбородок мне на плечо, открывая мне вид на свой идеальный профиль. Но она не смотрит на меня. Ей это и не нужно. Её тело и без того манит меня, призывая взять её как можно быстрее, и это желание полностью совпадает с желанием моего члена.

Её хрупкое тело должно окаменеть от моих прикосновений. Но я не мог сломить её. Она слишком сильна, и когда мы вместе, я чувствую, что эта сила в ней только увеличивается и я не знаю почему. Она питается мной так же, как и я ею. Она хочет меня. Может быть, немного наивно, но я запрещаю себе подвергать сомнению свои мотивы для сокрытия информации, которые могут изменить её мнение обо мне. Здесь и сейчас существует очень реальная опасность в виде её продажного отца, и защита Ками от него — мой приоритет. Это не только моя работа, за которую мне платят — защищать эту женщину. Это миссия моей жизни.

Я протягиваю руку и беру её за волосы, осторожно собираю их в кулак и немного тяну их в сторону, чтобы увидеть её идеально прямую спину. Камила удерживает свой профиль в поле моего зрения, её рот приоткрыт, когда она немного наклоняет голову прижимаясь ко мне. Мои пальцы скользят по воздуху и останавливаются у основания её шеи, лёгкое давление заставляет её выдвинуть грудь вперёд, выгибая спину.

Животное во мне кричит, чтобы я прижал её к стене и взял всё то, что она готова дать мне, но проявляющееся мягкость в моём сердце запрещает сделать это. Каждая женщина, с которой я был в этой квартире, была трахнута. Жёстко, быстро и без оглядки на их удовольствие. Ками не станет одной из тех безликих женщин.

Легко и медленно, зная, что это делает с ней, я провожу идеальную прямую линию вниз по её спине, облизывая губы, слыша её учащённое дыхание. Это как наркотик. Наркотик, вызывающий привыкание. Кончик пальца достигает крошечного углубления в верхней части её задницы и кружит около него, прежде чем я протягиваю ладонь и по-собственнически обхватываю её ягодицы. Она дёргается и ударяет руками о стену, тихий крик пронизывает пространство душевой.

Я двигаюсь, не в силах больше держать дистанцию, моя мокрая грудь сливается с её спиной. Её мягкая кожа, раздражая, скользит по моей, когда моя твёрдость упирается в её поясницу, заставляя нас сблизиться ещё сильнее, при этом мне приходится отпустить задницу Ками. Это не порождает неприятные ощущения, ведь мы соприкасаемся друг с другом всем телом. Кожа её шеи блестит от капель воды, и я опускаюсь вниз, касаясь её языком, мои ладони находят её груди и накрывают их.

— Что бы ты хотела, чтобы я сделал с тобой, Камила? — бормочу я ей в шею, прижимая её к стене, пока она не оказывается в ловушке.

Она вытягивает шею, утыкаясь носом в моё лицо, пока не находит мои губы. Сила её поцелуя сводит с ума.

— Делай, что хочешь. Бери, что хочешь, — её слова идеальны и отзываются теплотой в моей груди. Я чувствую, как они обжигают моё сердце и возвращают к жизни ещё одну маленькую частичку меня.

Моё хищное рычание вырывается из глубины моего живота и раздаётся эхом в пределах душевой. Я поворачиваю её лицом к себе и касаюсь её бёдер, дёргая её вверх по моему телу и прижимая спиной к стене. Камилла задыхается и извивается, двигается прижимаясь к стене, пока не хватает меня за плечи. Скользящие движения только усиливают мой голод по ней, и я думаю, что она знает это. Если бы я был в более игривом настроении, я бы продлил эту прелюдию, заставил бы её умолять, просто чтобы получить ещё большее удовольствие от осознания того, как сильно она хочет меня. Но моё собственное отчаянное желание обладать ею, и желание стереть многие моменты сегодняшнего дня, слишком сильно, чтобы я мог сдержаться. Я вновь приподнимаю её, и резко отпускаю, позволяя ей насадиться на мой член.

Ощущение её влажной киски, вокруг меня, делает именно то, что я и ожидал. Мой разум очищается от всего, кроме Ками. Она — всё, что я вижу, всё, что я чувствую. Она принадлежит мне, каждая частичка её души, её тела и её сердца. Я буду лелеять всё это из последних сил. Да будет так, Бог свидетель, я разорву на части любого, кто попытается отнять её у меня, будь то её бывший парень, её отец или другая неизвестная угроза. Будет пролита кровь, и я не буду раскаиваться от того сколько крови я пролью на этом пути.

Аминь.

Я отстраняюсь, наслаждаясь каждой секундой, а затем медленно и точно вхожу в неё, подталкивая Ками вверх по стене с бессвязным криком. У меня есть намерения заниматься с ней сексом до глубокой ночи, пока она физически не истощится, и я смогу отнести её в свою кровать и уложить её спать. Зная, что она тоже этого хочет, я испытываю лёгкость от всего происходящего. Я нахожу её распухшие губы и нежно целую, медленно вращая языком, намеренно исследуя её рот. Её стоны с силой отдаются в кончик члена, её руки скользят по моим плечам, прокладывая себе путь к моей шее и держаться за неё, когда она отвечает на мой поцелуй с такой же страстью и желанием. Двигаю бёдрами, в надежде найти самую сокровенную часть её тела, и с каждым погружением становится всё труднее сопротивляться подступающему освобождению. С каждым движением мой член пульсирует всё сильнее. Держать себя в руках становится легче, когда я вижу, что Камилла так же находится на грани, как и я.

Я ещё не готов к тому, чтобы это закончилось.

Я сам удивляюсь, когда в очередной раз выйдя из её лона мои бёдра начинают дрожать, от желания вновь и вновь ощутить её тепло. И всё же я этого не делаю. Вместо этого я опускаю Ками на ноги и позволяю ей встать, поддерживая её, прежде чем опуститься вниз я смотрю на неё, целуя внутреннюю сторону её бедра.

— О Боже! — Камилла хватает меня за волосы и тянет, борясь со мной, пока я двигаю своим языком по её лону. Её вход широко раскрыт и распух от желания.

— Хм-м-м, — уверенным движением языка я касаюсь её центра, покусывая её подёргивающийся от желания клитор. Чёрт, у неё божественный вкус.

— Джейк! — она начинает дрожать и вибрировать стоя передо мной.

Я мог бы заставить её кончить через секунду, если мог прекратить всё это, но, то

количество удовольствия, которое я получу, сделав это, кажется для меня недостаточным. Поэтому я продолжаю яростно двигать языком, приподнимаясь по её животу, торсу и груди, сладкие вершинки её грудей, похожи на тёмные камешки, каждый из которых соперничает за моё внимание. Я уделяю внимания каждому, вода стучит по моей спине, когда Ками продолжает в нетерпении сжимать мои волосы.

— Ты хочешь, чтобы я вернулся туда, ангел? — спрашиваю я, слегка прикусывая один торчащий бугорок, слегка оттягивая его зубами, пока он не выскользывает из моего рта. — Скажи мне, Ками. Скажи мне, чего ты хочешь.

Она опускает голову, задыхаясь, отчаяние отражается на её великолепном, юном лице.

— Я хочу этого, — она наклоняется и хватается мой член. Я задыхаюсь. — Я хочу, чтобы ты был внутри меня.

Я понятия не имею, как, чёрт возьми, ей это удаётся, но она заставляет меня сесть. Затем она оказывается у меня на коленях, через секунду прижимает свои ладони к моим плечам, заставляя меня лечь на спину. Я следую её приказу мысленно улыбаясь как сумасшедший, и ложусь на пол в душе, даже не замечая твёрдости кафеля под собой. Камилла приподнимается на коленях и глядя на меня, она протягивает руку между ног и берёт мой член.

Твою мать, она собирается оседлать меня, и, хотя это частично лишает меня контроля, я более чем доволен своим новым положением. Мои руки поднимаются над головой, когда она направляет мой член к своему входу, её рот расслаблен, глаза прикрыты. Эта картина только что заняла первое место в моих самых любимых мгновениях жизни. Я вижу всё: её грудь, лицо, и если я посмотрю вниз, то увижу, как мой член, входит в неё. Срань господня, я на небесах.

Она опускается, заставляя меня резко задыхаться и сопротивляться желанию приподнять свои бёдра и врезаться в неё ещё яростнее. Пусть будет по её правилам. Пусть она овладеет моим телом, так же как она овладевает моим разумом.

— О чёрт! — я смотрю вниз и вижу себя наполовину погруженным в неё, я находился на грани полного проникновения в глубины её тела. Она и сама едва может сдерживаться. Её ноги дрожат, Ками пытается удержаться надо мной, продлевая моё мучительное наслаждение. — До конца, ангел. Возьми меня полностью.

Она задыхается, что говорит мне, что положение её тела мешает ей принять меня без остатка.

— Секунду, — выдыхает она, зажмурив глаза, как раз в тот момент, когда она полностью расслабляет мышцы и опускается на меня до предела.

Я срываюсь на рёв, и Ками кричит, шум заглушает стук воды. Мои руки взлетают вверх, и я хватают её за бёдра, заставляя её прекратить движения. Она ещё не готова, и это уже слишком хорошо, чтобы я мог справиться с подступившим оргазмом. Один толчок, и я могу взорваться. А я ещё не готов завершить это удовольствие!

— Полегче, ангел, — говорю я, но от одних только чудесных ощущений я уже готов перейти эту грань. — Не торопись.

Камилла стонет, проводя руками по моему прессу, её голова опускается.

— Я сделаю это, — заявляет она, двигая своими маленькими бёдрами и втягивая воздух. Я заставляю себя оставаться неподвижным. Это отнимает у меня все чёртовы силы и даже больше. Затем она снова начинает двигаться, и я задыхаюсь, впиваясь пальцами в её бёдра. — О Боже, да! — кричит она, начиная крутить бёдрами всё сильнее.

Мой мир погружается в декадентское блаженство, с которым никогда ничего не сравнится. Она откуда-то черпает силы и продолжает двигаться, запрокинув голову и не переставая кричать. Никогда раньше я не испытывал ничего подобного, и, скорее всего, никогда больше не испытаю, если только это не связано с этим посланным небесами ангелом, связанным со мной, и выглядящим так, как будто она находится на грани взрыва.

Как только её руки напрягаются, заставляя её ладони вжаться в мою грудь, кровь, бурлящая в моём члене, устремляется к самому кончику, заставляя мои бёдра дёргаться, позволяя мне достигнуть своего собственного освобождения.

— Ками, — я пытаюсь предупредить её, пытаюсь сказать ей, что я почти готов, но затем с её губ срывается стон, и я вижу её широко раскрытые глаза безумные от желания. Она тоже почти на грани. — О, да, — задыхаюсь я, начиная управлять её движениями, толкая её бёдра вперёд и назад, тем самым подталкивая нас обоих к наивысшей точке удовольствия.

— Джейк!

Я вижу, как она открывает рот и лишь по губам понимаю, что она выкрикивает моё имя, но всё, что я слышу — это то, как моя кровь бежит по венам, мой член набухает, дёргается и взрывается от желания где-то глубоко в ней, волны освобождения накрывают и захлестывают, пока интенсивность моего собственного оргазма не заставляет меня начать восхищаться мгновением, когда я вижу, как Камилла достигает своего собственного пика. Я закрываю глаза, чувствуя, как она в изнеможении падает мне на грудь. Я нахожу в себе оставшееся крупицы сил, чтобы обнять её, моё сердце так бешено бьётся напротив её груди.

Я скоро возьму её на руки и отнесу в свою постель. Но сейчас она так прекрасно чувствуетея в моих объятиях. Именно в них я планирую её и оставить.

Глава 20

Ками

Последние, что я помню из вчерашнего дня — ощущение груди Джейка под своей щекой и капли воды, стекающие по моей спине. Где-то между всем этим он перенёс меня в свою кровать. Я совершенно не помнила этого. Должно быть, отключилась, от усталости и от переизбытка удовольствия. Секс с Джейком каждый раз был ошеломляющим, но прошлая ночь в душе была необыкновенной. Меня никогда раньше не возносили на такие высоты удовольствия. Я никогда прежде не чувствовала себя такой необходимой и желанной. Это было, что-то всепоглощающие.

Я смотрю куда-то поверх груди Джейка, прижатая к его боку, наши ноги сплетены воедино, наполовину прикрыты простынёй. Рукой он прижимает меня к себе, его голова слегка наклонена набок. Ровный стук его сердца раздаётся прямо под моим ухом. Он спит. Не дремлет, как обычно; прибывая на границе сна и бодрствования. Его сон глубок. Я впервые вижу его таким естественным.

Провожу пальцами по его груди, не в силах удержаться от прикосновений к его коже. На его лице проступает его обычная щетина, губы расслаблены и приоткрыты, когда я едва провожу по ним пальцами. Он не вздрагивает, глаза всё ещё закрыты. Я просто наблюдаю за ним, гадая, что может принести нам сегодняшний день.

Должна ли я отважиться на встречу с отцом и рассказать ему о нас с Джейком? Или мне стоит просто позвонить ему? Или, может быть, ничего ему не говорить и нам стоит сбежать куда-нибудь? Когда я решила, пусть и извинившись, уйти с вечеринки отца, я знала, что если я это сделаю, то это навсегда изменит мою жизнь.

Джейк, наверное, единственный мужчина на земле, которого не пугает мой отец. Это

одновременно утешает и беспокоит. Папа видит во всём происходящем лишь бизнес. И Джейк осмелился встать у него на пути. Каковы бы ни были последствия, они будут огромными.

Но ощущение комфорта, которое я чувствую рядом с ним, дарит мне некоторое чувство безопасности.

Я вздыхаю, снова прижимаясь к его груди.

— Ты устала... — его сонный голос врывается в мои мысли, и веки распахиваются, демонстрируя мне свой тёмный, но встревоженный взгляд.

— Меня кое-что беспокоит...

Он медленно перемещается по кровати и ложится на бок, так что теперь наши лица оказываются на одном уровне и очень близко. Положив руку мне на бедро, Джейк наклоняется вперёд и целует в кончик носа.

— Ты выглядишь невероятно великолепно этим утром, — произносит он, и я улыбаюсь. — Что именно?

— Мой отец. Ты действительно думаешь, что он приказал Питу и Гранту следить за нами?

Он наблюдает за мной несколько мгновений с нежной улыбкой на губах.

— Да, я уверен.

Мои губы сжимаются. Поскольку мой отец сказал, что он докопался до сути угроз, у него может быть только одна причина, для слежки за нами.

— Потому что он думает, что мы... — я опускаю голову, позволяя своему взгляду сфокусироваться на подбородке Джейка. Я не знаю, как это выразить словами. Я не могу сказать ему, что влюбилась в него. В основном потому, что я всё ещё не поняла, какими Джейк видит *наши* отношения. Как он себя чувствует в них. Помимо потребности защитить меня, всё другое выходит за рамки его профессиональных обязанностей, что ещё он чувствует? Насколько серьёзно он воспринимает нас?

Схватив меня за руку, Джейк приподнимает меня, манипулируя моим телом по своему желанию, тем самым заставляя сесть к нему на живот. Я не возражаю, в голове полный кавардак. Он подносит мои руки ко рту и целует костяшки пальцев. Это жест любви, и мои мысли начинают путаться ещё больше. В последний раз, когда он позволил своим личным эмоциям взять вверх над разумом, по его собственному признанию — это привело к серьёзным последствиям. Но я слишком боюсь спрашивать, что случилось. Или спрашивать, как всё это связано с женщиной на фотографии. Это, очевидно, болезненная история, но я поняла одну вещь. Должно быть, он любил её. Я чувствую себя ужасно из-за ненависти, которую чувствую, когда думаю об этом.

— Хочется тебе этого или нет, ангел, но твой отец не будет счастлив от этой новости. Я готов к этому, и ты тоже должна быть готова.

— Да, — бормочу я, немного успокоенная тем, что мы с Джейком, кажется, думаем в одном направлении. — Хотя, когда ты говоришь, что *готов*, что ты имеешь в виду? — это тоже вызывает беспокойство. Я не могу позволить или смириться с тем, что Джейк может стать убийцей моего отца. Я вздрагиваю, в моей голове всплывают воспоминания из вчерашнего дна, когда он в одиночку уложил толпу взрослых мужчин.

— Он попытается помешать мне увидеться с тобой. Я не позволю этому случиться.

— Как? — он говорит слишком неопределённо. Мне нужны подробности, чтобы быть готовой ко всему.

Уголки его губ слегка приподнимаются в понимающей улыбке, словно он понял ход моих мыслей.

— Я не причину вреда твоему отцу.

— Обещай мне.

— Я обещаю.

— Спасибо. — С огромным облегчением я опускаю свою грудь на его и прижимаюсь к нему, чувствуя, как он щетиной трётся о мой висок.

Джейк вздыхает, долго и ровно, он рукой обхватывает мой затылок и прижимает к себе.

Мы расслабляемся в приятных объятиях друг друга, и всё вокруг кажется таким умиротворяющим, пока лёгкий стук в дверь не заставляет расслабленное тело Джейка напрячься. Он замирает и, кажется, перестаёт дышать, я начинаю вырываться из его объятий, но мои попытки тщетны он так и продолжает удерживать меня в плену своих рук. Его внезапная насторожённость и нотки напряжения, начинающие витать по комнате, заставляют его перейти в боевую готовность.

— Джейк, в чём дело?

Стуки становятся громче, и их становится больше, и ещё громче. Я отдаляюсь от Джейка в мгновение ока.

— Оставайся здесь, — резко приказывает он, вскакивая с кровати.

Я откидываюсь на спинку кровати, прикрывая одеялом тело, как будто жалкие тонкие простыни могут защитить меня от незваного гостя. Всё его тело дрожит от напряжения, а челюсти сжаты. Я видела, его таким раньше. В момент опасности. Он лезет под матрас, не сводя глаз с двери в свою спальню, и достаёт пистолет.

— Срань господня! — я отползаю ещё немного назад, мои глаза прикованы к оружию, которое всегда идеально входит в его ладонь. Словно это продолжение его руки. — Джейк...

— Тихо, Ками! — шипит он, медленно снимая оружие с предохранителя. Он щёлкает, когда Джейк делает шаг к двери спальни.

Даже полностью обнажённый, он выглядит смертельно опасным, каждый мускул на его спине и ногах готов к тому, чтобы нанести удар. Он крепко прижимает пистолет к бедру, его палец на спусковом крючке. Он быстро выглядывает из-за двери, затем исчезает из поля зрения, а я остаюсь в кровати, дрожа и пытаюсь отдышаться.

Часть меня требует, чтобы я пошла за ним. Часть меня говорит, что мне нужно оставаться на месте. Часть меня приказывает бежать. Я чувствую себя маленькой и беспомощной, съёжившись на кровати, тишина убивает меня, пока я жду... Я не знаю. Чего я жду? Криков? Выстрелов?

— Чёрт возьми! — кричит Джейк. Моё сердце уходит в пятки и разрывается, страх душит меня. Но я не могу пошевелиться. Страх приковал меня к месту. Слышу отборный мат и несколько глухих ударов... А потом тишина.

— Джейк! — я кричу, моё тело оживает и за секунду я встаю с кровати, отбросив простыни в спешке. Ответа нет, и я зависаю на грани полного ужаса, не зная, что делать дальше. — Джейк!

Дверь распаивается, и я отскакиваю назад. Мне требуется несколько секунд, чтобы прийти в себя, и ещё несколько, чтобы разглядеть, что силуэт, появившейся в дверном проёме, не принадлежит Джейку.

Это женщина.

— О, это просто чертовски идеально! — кричит она, раздражённо размахивая руками в

разные стороны перед моим лицом.

Я медленно отхожу в сторону, собираю простыни, чтобы прикрыть свою наготу, и смотрю на неё оценивающим взглядом. Она невысокая, но выглядит внушительно, у неё чёрные короткие волосы, уложенные в лаконичную причёску в стиле пикси. На ней серый костюм-юбка, под блейзером белая рубашка. Кто это?

Джейк появляется за её спиной, возвышаясь, его плечи и голова возносятся над её крошечной фигуркой. Он выглядит задумчивым. Мне это не нравится.

— Я чуть не снёс твою грёбаную башку, Люсинда, — ворчит он, бросая на меня обеспокоенный взгляд.

Люсинда? Кто, чёрт возьми, такая эта Люсинда?

— Я бы хотела, чтобы ты это сделал! — огрызается она, резко поворачиваясь и оказываясь лицом на одном уровне с сосками Джейка. Она фыркает, отступает назад и поднимает взгляд, в то время как Джейк смотрит на неё немного устало. — Потому что *это*, — она указывает рукой назад в направлении кровати или в направлении меня, — заставляет *меня* хотеть вышибить себе мозги!

Я обиженно таращусь, а Джейк закатывает глаза.

— Не заставляй меня затыкать тебе рот, — бормочет он, разворачиваясь и направляясь к стулу. Он всё ещё полностью обнажён и кажется совершенно не обеспокоен этим. И Люсину, кем бы она ни была, тоже не смущает масса обнажённых мышц. Он натягивает боксеры и выходит из комнаты.

Она начинает идти за ним, её гнев кажется осязаемым.

— Полетят головы, Джейк! Пострадает всё грёбаное агентство!

О-о-о...

Я начинаю понимать, в чём её проблема. Она коллега, и она беспокоится о последствиях нашего с Джейком романа. Гнев моего отца — это то, что, как я хорошо знаю, может вызвать проблемы у Джейка и агентства, в котором он работает.

— И это только потому, что ты не смог удержать свой грёбаный член у себя в штанах! — продолжает она разглагольствовать. — Не можешь удержать его при виде очередной дырки! Если у неё есть пульс и она готова трахнуть, то всё, дан зелёный свет, верно?

Я с отвращением отшатываюсь, оставаясь на кровати и слушая тираду Люсинды о глупости Джейка, но они не спорит, не произносит ни слова. Затем всё стихает, и я задаюсь вопросом, вероятно, вполне резонным в данной ситуации, не мог ли он придушить её. Я встаю с кровати, завернувшись в простыни, и крадусь к двери, внимательно прислушиваясь к любым признакам удушения. Но когда я переступаю порог огромной гостиной дома Джейка, то вижу, как они оба сгорбились над столом, который стоит перед окном от пола до потолка, глядя на экран компьютера. Люсинда очень даже жива.

Я слегка покашливаю, указывая на своё присутствие, и они оба оборачиваются. Джейк слегка улыбается мне, в то время как Люсинда в отчаянии качает головой.

— Ты встречалась с Люсиндой, Ками? — сухо спрашивает Джейк, указывая на женщину, стоящую рядом с ним. — Она просто чертовски дружелюбна.

Я балансирую между улыбкой и ухмылкой, будучи неуверенной в том, должна ли я подначивать её, также, лихо как делает это Джейк.

— Привет, — я неловко поднимаю руку, и она вздыхает, подходя ближе.

— Приятно, — отвечает она, беря меня за руку и слегка пожимая, прежде чем

остановиться и посмотреть на наши соединённые ладони. Она хмурится и отстраняется, глядя на свою руку, прежде чем вытереть её о свою юбку.

Джейк громко смеётся, в то время как я немного расстроена. Наглая корова!

Люсинда игнорирует весёлый настрой Джейка и держит журнал перед моим лицом, слишком близко, чтобы я могла сосредоточиться.

— Если твой отец что-то заподозрит, то, я думаю, он скоро тебе об этом скажет.

Я отступаю назад и отхожу в левый угол комнаты. На его страницах напечатана фотография, на которой Джейк нёс меня на руках. Когда он, как герой, вынес меня из бара, а я утыкалась носом в его большую грудь. Я бросаю взгляд в его направлении, и застаю сгорбившимся за столом, погруженным в свои мысли.

— Позвольте мне зачитать новость, хорошо? — интересуется Люсинда, глядя на снимок. — Лондонская светская львица Камилла Логан, дочь бизнес-магната Тренора Логана, всегда на шаг впереди. Длинноногая блондинка, которая работает моделью с домами мод таких модных дизайнеров как *Карл Лагерфельд* и *Кристиан Диор*¹¹, возможно, только что подняла свой личный рейтинг на новый уровень, когда её заметили в компании высокого, темноволосого, красивого телохранителя, — она смотрит на Джейка. — Кстати, это ты, — она прокашливается и продолжает: — Эту пару заметили...

— Прекрати! — рявкаю я, волнуясь за Джейка. — Я поняла.

Люсинда роняет журнал и смотрит на меня так, же, как и мой отец. Я могла бы отвесить ей пощёчину за это.

— Ты действительно так думаешь?

Я хмуро смотрю на неё. Я знаю, о чём она думает. Она думает о том же, о чём думают все, когда читают то дерьмо, которое печатают обо мне. У них есть предубеждение о том, каким человеком я должна быть, которое основывается лишь на той чуши, которую они читают. Эта женщина думает, что я просто глупая маленькая девочка, которая влюбилась в своего телохранителя. Но только одна часть этого утверждения верна, но у меня нет желания тратить своё время на то, чтобы рассказать ей и о другой стороне ситуации. Поэтому она, как и весь остальной мир, думающий, что знает меня могли идти к чёрту. Я устала оправдываться.

— Извините, мне нужно пойти и подпилить ногти, — я разворачиваюсь и ухожу, просто кипя изнутри.

Бросив простыни на кровать, направляюсь в душ, сопротивляясь желанию ударить кулаком об дверной косяк проходя мимо него. Я готова была взорваться от ярости.

Как, чёрт возьми, она смеет?

Включив душ, я захожу в ванную и злобно тру кожу, пытаясь одновременно смыть гнев и обиду. Он лишь засовывает свой член в дырку. Никаких дырок. Она думает, что я для него просто очередная дырка. Я стискиваю зубы.

К тому времени, как заканчиваю, я, должно быть, была чище, чем, когда-либо, но я чувствую себя не лучше. Схватив полотенце, я ещё немного растираю тело, пока не высохну кажется до самых костей, а кожу не начинает покалывать. Затем смотрю в окно на доки, мой желудок уходит в пятки всё сильнее с каждой секундой. Будь проклят мой отец. Будь всё проклято.

— Ангел? — тихий голос Джейка проникает в комнату и застревает у меня в голове. Но я не смотрю на него, решив вместо этого подтянуть полотенце и подоткнуть его под подмышки, продолжая заниматься уходом за собой.

— Круэлла ушла? — отрывисто спрашиваю я.

— Да, — он задумчив. — Почему ты так злишься?

Я отрываюсь от созерцания пейзажа Лондона и смотрю ему в лицо, но я не в состоянии оценить свой внешний вид.

— Я не хочу стать для тебя просто очередным бессмысленным трахом, — я только подумала о своих словах, но они сорвались с моего языка быстрее, чем я успела прикусить себе язык. Его сексуальное прошлое меня не касается, и даже если бы это было не так, я бы предпочла не знать о нём.

На его лице появляется понимание, и я закрываю глаза, наполненные сожалением.

— Вот оно что, — бормочет Джейк, и звук его босых ног раздаётся всё ближе и ближе.

Я ненавижу себя, зато, что сказала и сделала. Главным образом потому, что сейчас кажусь себе жалкой и неуверенной в себе, и это последнее, что я хочу чувствовать. Даже находясь с Джейком. Даже если я действительно чувствую в нём необходимость.

Кончик его пальца касается моего подбородка, и он слегка надавливает на него, заставляя меня поднять голову.

— Посмотри на меня.

Я неохотно открываю глаза, находя тёмный взгляд Джейка, который несмотря на это был мягким и успокаивающим. И это только ухудшает моё состояние, потому что он так хорошо меня понимает.

Он улыбается.

— Я не собираюсь говорить тебе, что это неправда. Я этим не горжусь. Я трахал женщин. Ни больше, ни меньше.

— Остановись, — я отвожу взгляд, ненавидя самую мысль о том, что он дарил такое же удовольствие другим женщинам, то удовольствие, что получаю и я.

— Нет, выслушай меня, — Джейк сильнее хватает меня за подбородок, молчаливый, но такой уверенный знак того, что он действительно не остановится. Это убивает меня, но я подчиняюсь, глядя ему в глаза. — Когда я не мог отвлечься от своих мыслей благодаря работе, секс это всё, что у меня было. Они были безликими женщинами, ангел, — наклонившись, он прижимается своей щетиной к моей щеке и шепчет мне на ухо: — Я вижу только тебя.

Его искренность нельзя спутать ни с чем. Я слышу это, и чувствую. Но как насчёт женщины на фотографии? Она явно много значила для него. И она не безлика. У неё есть лицо, и оно на той фотографии. И всё же я хочу, чтобы она оставалась для меня безликой. Как будто её никогда и не существовало.

Устало и со вздохом я киваю и обещаю себе никогда больше не позволять себе даже думать об этом. Я обнимаю Джейка за талию и прижимаюсь к нему.

— Так-то лучше, — он поднимает меня отрывая от земли — полотенце соскальзывает на пол — и несёт в спальню. Он опускает меня на кровать и покрывает всё моё тело поцелуями, пока не находит губы. Мне потекают и поклоняются, его рот поглощает мой, когда его пальцы оказываются к непосредственной близости от моих бёдер, всё внутри начинает трепетать от предвкушения.

— Я думаю, нам следует оставаться в постели в постели весь день, — бормочет он около губ, целуя меня за ухо, касаясь мочки языком.

Приглушённые стоны, его горячее дыхание, доносящееся до меня, — прекрасное средство, которое избавляет меня от последних остатков раздражения и беспокойства. Его

предложение меня вполне устраивает. Чем больше у меня будет времени для подготовки к разговору с отцом, тем лучше. А до тех пор я с радостью позволю Джейку развлекать меня весь день, всю ночь... вечно.

— Хм-м... — я позволяю своему разуму отключиться, а своему телу ожить благодаря столь трепетному отношению. Это блаженство, его губы на моих, его тело, скользящее, по моему. Я чувствую, его готовый член у своего бедра.

— Господи, ангел, я просто не могу насытиться тобой.

Бах!

— Джейк! — голос Люсинды, сопровождаемый громким стуком, вырывает нас обоих из нашей эйфории, словно нас окатили холодной водой. Джейк рычит и через секунду вскакивает с кровати, оставляя меня лежать в одиночестве.

— Я думала, что она ушла, — раздражённо бормочу я.

— Так и есть.

— Джейк! — раздражённый крик Люсинды раздаётся ещё раз.

— Ради всего святого, что случилось? — кричит Джейк, удаляясь.

Я перекатываюсь на бок, испытывая к ней ещё большую неприязнь. Если она принесла ещё один журнал, набитый нашими снимками, то я с большим удовольствием засуну его ей в задницу. Разве что Джейк не сделает это первым.

Вздыхая от разочарования, я упиваюсь видом обнажённой спины Джейка, когда он подходит к двери спальни. Но моё восхищение немедленно сменяется ощущением беспокойства, когда я вижу, как он замирает в дверном проёме, а каждый мускул на его спине напрягается.

Я вскакиваю с кровати, как подстреленная, мои ноги работают быстрее, чем мой мозг, подбегаю, чтобы присоединиться к нему и выяснить, что так привлекло его внимание. Стоит мне только подойти к нему, как он без предупреждения отступает назад, и я оказываюсь прижатой к его спине. Приподнимая руку, он прижимает меня к себе и заводит к себе за спину.

— В чём дело? — спрашиваю я, пытаюсь разглядеть хоть, что-нибудь за его огромным телом, даже не задумываясь о своей наготы. — Джейк! — не без усилий, но я всё же протискиваюсь мимо него и пролезаю под его рукой, достаточно, для того чтобы видеть происходящее, но и в тоже время всё ещё оставаясь надёжно прикрытой его телом.

— О Боже мой! — я задыхаюсь, когда осмысливаю увиденное, переводя взгляд в разные стороны, пытаюсь найти в открывшейся мне картине хоть какой-то смысл.

И не могу.

Джейк притягивает меня к себе. Его кожа кажется наэлектризованной, что шокирует меня.

— Что, черт возьми, это такое? — спрашивает он, а его уверенный взгляд фокусируется лишь на одном из присутствующих.

На моём отце.

Он стоит у дивана Джейка, выглядит встревоженным, но решительным. Он окидывает меня взглядом, его глаза отказываются опускаться ниже моей шеи. Моё сердце замирает, когда я цепляюсь за Джейка, как будто я полностью ожидаю, что мой отец физически оттащит меня. Ему придётся это сделать. Я не двигаюсь с места.

— Ты аморальный засранец, — рычит он, бросая на Джейка презрительный взгляд. — Я доверил тебе охранять её, а ты воспользовался ею?

Я крепко зажмуриваюсь, все внутри меня разрывается.

— Он не воспользовался мной, — проскрежетала я, чувствуя, как возвращается гнев, который только что прогнал Джейк. Я взрослая женщина. У меня есть свой собственный разум и это моя жизнь.

— Тише, Ками, — шепчет Джейк, заставляя меня открыть глаза и поднять их на него. Он всё ещё смотрит на папу сверху вниз, такой же непоколебимый в своём смертоносном взгляде. Джейк, похоже, готов броситься в атаку, и часть меня хочет, чтобы он это сделал.

Окинув взглядом комнату, я осматриваю остальных названных гостей. Люсинда выглядит обеспокоенной больше всех, по сторонам от неё стоят Грант и Пит.

— Как ты узнал, где я живу? — спрашивает Джейк, бросая свирепый взгляд на Люсинду.

Она качает головой.

— Сегодня утром ты уже направлял на меня свой пистолет, — возмущённо бормочет она Джейку. — Мне не нравится быть зажатой между этими двумя болванами, — она бросает на Пита и Гранта непристойный взгляд. — Они, должно быть, следили за мной.

— Не думай, что сможешь перехитрить меня, — огрызается мой отец. — Ками, одевайся. Ты едешь со мной.

— Нет, — отвечаю я быстро и автоматически. — Никогда.

— Не давите на меня, юная леди!

Юная леди? Я что ребёнок, которому можно указывать, что делать? Я стою на своём, что у меня никогда не было проблем с моим отцом, за исключением того, что сейчас он выглядит самым ужасным человеком, которого я когда-либо встречала. Это просто заставляет меня ещё больше упираться. Я двигаюсь позади Джейка, не выпуская его из объятий.

— Тебе придётся оторвать меня.

— Пит! — приказывает отец жестом руки, и его придурок-телохранитель начинает шагать ко мне. Он это серьёзно?

Джейк отступает назад, увлекая меня к себе за спину.

— Только прикоснись к ней, и я убью тебя, — выдыхает он, как можно спокойнее, но я чувствую, как ярость тычет по его венам, как опасный яд.

Пит останавливается, его нерешительность очевидна. Он мудр. Я видела, на что способны руки Джейка. Я наблюдала, как он превращается в сумасшедшего разрушителя, обезумившего от группы из пяти человек, все они были сопоставимы по габаритам с отцовскими охранниками. Пит не собирается создавать ему особых проблем.

— Джейк, — вмешивается Люсинда, бросая на него осторожный взгляд.

— Послушай её, Шарп, — говорит папа, делая шаг вперёд. — Неужели бессмысленное валяние в простынях с женщиной стоит того, чтобы из-за неё потерять работу? Свою репутацию? Уходи, пока не поздно. Моя Камилла слишком хороша для тебя, и ты это знаешь.

Я в шоке от только что услышанных слов, безжалостно слетающих с уст моего отца. Злобный, эгоистичный ублюдок!

— А как насчёт безопасности вашей дочери? — спрашивает Джейк. — Стоит ли идти на компромисс лишь из-за вашей жалкой необходимости всегда контролировать её?

— Я знаю, что лучше для моей дочери. С этого момента Камилла больше не твоя забота. Отойди от неё, и я не уничтожу тебя, — папа наклоняет голову и поднимает брови,

пристально наблюдая за Джейком.

— Зачем ты это делаешь? — спрашиваю я, чувствуя, как мой контроль испаряется, в тот момент, когда мой отец всё больше упорствует в своих безжалостных угрозах.

Он смотрит на меня, и тень сочувствия омрачает его круглое, раздражённое лицо.

— Потому что я люблю тебя, Камилла. Всё, что я делаю, это только потому, что я люблю тебя и хочу для тебя самого лучшего.

— Откуда, чёрт возьми, тебе знать, что лучше для меня?! — кричу я, меня всю трясёт от разочарования и отчаяния. — У тебя третья жена! Всё, что тебе нужно, получить очередной трофей. Хорошая пара сисек, пока всё не пойдёт наперекосяк, и ты не найдёшь им замену! Кого-то, кто не будет задавать тебе лишних вопросов и радоваться лишь деньгам, которыми ты их осыпаешь! Ты не хочешь для меня лучшего! Ты хочешь лучшего для своего грёбаного бизнеса!

— Ты думаешь, что ты не просто трофей для него! — рычит папа, протягивая руку Джейку. — Просто очередная «победа» для человека, который благодаря этому только тешит своё эго после того, как его вышвырнули из спецназа!

Я отступаю, поражённая столь мерзким поведением отца. Он наводил справки о Джейке?

— Ты ничего о нём не знаешь!

— Я знаю достаточно!

— Как ты смеешь! — кричу я. — Ты не имеешь права манипулировать мной. Решать, что делать!

Джейк разворачивается и толкает меня обратно в свою комнату, его руки находят моё лицо и крепко сжимают.

— Ш-ш-ш, — шепчет он мне, его губы прижимаются поцелуем к моему лбу.

Нежное сострадание заставляет меня полностью сломаться, и я безудержно плачу, цепляясь за его предплечья.

— Успокойся, — шепчет он.

Я поражена его самообладанием. Я знаю, как он мучается, от отвращения к себе и сожаления. Его родители погибли от рук террористов. Невинные люди оказались втянутыми в войну. Ему нужно было сыграть свою роль в том, чтобы остановить их. Никто не может отрицать усилий Джейка или опасности, которой он подвергал себя, защищая свою страну, как бы плохо это для него ни обернулось.

— Он не знает, о чём говорит, — всхлипываю я, когда оказываюсь в его объятиях. — Не слушай его. Он ужасный ублюдок.

— Я хочу, чтобы ты оделась, — просит он, соприкасаясь со мной носами, прижимаясь ко мне и осыпая поцелуями моё лицо. — Одевайся, а я пойду поговорю с ним.

— Нет, — я категорически против. — Он никого не слушает. Просто вышвырни его вон, — я всхлипываю от произнесённых слов, у меня постоянно перехватывает дыхание.

Джейк обхватывает моё лицо и приподнимает его, глядя на меня сверху вниз с безграничным обожанием.

— Ты доверяешь мне, ангел? — спрашивает он, обнимая меня.

Но мой ответ предельно прост.

— Больше всего на свете.

Он кивает, сглатывая, и отпускает меня. Подойдя к стулу в углу своей комнаты, он снимает джинсы со спинки и натягивает их, затем одевает футболку через голову, прежде

чем засунуть ноги в кожаные ботинки. Он больше ничего мне не говорит и выходит из своей комнаты, закрыв за собой дверь. Я стою там, отчаянно пытаюсь побороть охвативший меня ужас, не в силах удержаться от страха, что Джейк может не вернуться.

Глава 21

Джейк

Я отмечаю выражение глаз Логана, стоит ему склонить голову, глядя на меня. Этот взгляд сказал мне, что он знает. Моя военная история, отчёты психиатра, заявления — всё это конфиденциально и хранится в защищённой системе где-то в одном Богу неизвестном здании. Но если он смог получить доступ к этому, то тогда неизвестно, что ещё он выяснил. Я не позволю ему использовать это как оружие против меня лишь для того, чтобы внести раздор между Ками и мной. Она уже кое-что знает, но не всё. Ещё не время. Мне необходимо покаяться. Мне нужно исправить слишком многое и принять себя, прежде чем я смогу ожидать, что Камилла примет меня. Всего меня, каждую тёмную, грязную, грешную частичку меня.

Я оставляю её в своей спальне, вне пределов досягаемости, и тихо запираю за собой дверь, только по той причине, что, если всё пойдёт плохо, я не хочу, чтобы она была на линии огня. Я вхожу в комнату, осматривая каждый дюйм — и запоминая что где расположено, и кто где стоит, мысленно планируя все свои дальнейшие действия.

Я смотрю на Люсинду, вижу, что она сохраняет железное самообладание, но я знаю эту женщину много лет и знаю, когда она встревожена. Сейчас она встревожена. Не потому, что она чувствует угрозу, а потому, что она так же хорошо, как и я, знает, что у этого подонка достаточно власти и влияния, чтобы посеять хаос в агентстве.

— Она может уйти, — я киваю в её сторону, стараясь, чтобы это не прозвучало как просьба. На лице Люсинды читается нерешительность, но на лице Логана её нет. Он кивает, и она качает головой, направляясь к выходу, не говоря ни слова.

Как только за ней закрывается дверь, я заговариваю.

— Мои чувства к вашей дочери отнюдь не мимолётны, — начинаю я, тем самым приводя план «А» в исполнение. Я причиню ему боль только в том случае, если в этом будет крайняя необходимость. Надеюсь, мне не придётся этого делать. У Логана есть многое, но он не глуп. Брать меня на работу было бы глупым решением. Он ещё может удивить меня. Придавать огласке всё то, что он смог узнать обо мне, было бы глупо, и я уверен, что если он так сделает, то это сведёт меня с ума. Это будет позором. До сих пор мне удавалось сдерживать жестокого зверя, который так отчаянно пытается вырваться на свободу. — Чем скорее вы поймёте, что ваша дочь находится в реальной опасности, тем быстрее мы сможем всё прояснить.

Как по команде, Ками начинает барабанить в дверь.

— Эй! Почему дверь заперта?

Нет, это точно не обычная проблема.

Логан не сводит с меня прищуренного взгляда и просчитывает, давая мне понять, насколько легко и безобидно всё происходящее. Совсем непросто и безобидно.

— Уходи, и я не буду разрушать её веру в то, что ты герой. Я также придам огласке факт, связанный с тем, что главный телохранитель агентства переспал с молодым субъектом, общественности.

Я смотрю на него, склонив голову набок.

— Ты думаешь, что сможешь удержать меня вдали от неё с помощью угроз? Мне

плевать на агентство. Теперь моя цель выходит за рамки работы.

— Сколько? — спрашивает Логан, в то время как Ками начинает безжалостно колотить в дверь.

— Ты, блядь, издеваешься надо мной? Ты думаешь, что сможешь откупиться от меня, как от того подлого наркомана? — спрашиваю я с отвращением.

Логан определённо вздрагивает. Он не предполагал, что я знал о деньгах. Может, у него и есть дерьмовый компромат на меня, но у меня тоже есть компромат ничуть не хуже на него самого.

Я иду вперёд, не обращая внимания на двух тучных придурков, приближающихся ко мне с обеих сторон. Я уложу их на пол в мгновение ока.

— Убирайся к чёрту из моей квартиры.

— Только с дочерью, — Логан отступает и оглядывается через моё плечо на дверь.

Я останавливаюсь, потому что уверен, что он не оценивает то расстояние, которое ему необходимо пробежать, чтобы уйти. Кроме того, из шахты лифта только что донёсся шум.

— А, полиция, — небрежно произносит он. — То, что ты сделал с бедным Себастьяном Питерсом, было действительно довольно ужасным.

Я задумчиво хмурюсь, но кусочки картины постепенно начинают вставать на свои места.

Он ухмыляется мне.

— Ты не сможешь её увидеть, если сядешь.

Ублюдок!

Пит и Грант быстро приближаются, и по одному хватают меня с каждой стороны. Я не трачу силы на борьбу с ними. Я позволяю им схватить меня, позволяю им думать, что они победили.

— Сколько ты заплатил Себастьяну Питерсу, чтобы он выдвинул против меня обвинения, ты, безнравственный ублюдок? — спрашиваю я, ухмыльнувшись. — Он причинил ей физическую боль! — мой гнев берёт надо мной верх, быстро нарастает. — Он ударил её! — рычу я.

Логан хмурится, и я вспоминаю... Он не знает об этом. Для него Себастьян Питерс — просто наркоман, который повёл его дочь по временному нехорошему пути. Он не знал, что бывший парень его дочери несколько раз ударил её, против её воли. Лицо Логана выпрямляется, быстро давая мне понять, что эта новость ничего не изменит.

— Прощай, Шарп, — его тон пропитан победой.

Пит и Грант крепче сковывают меня, как будто думают, что я могу начать сопротивляться.

Нет необходимости бороться.

Дверь моей спальни начинает соскакивать с петель от силы ударов Ками.

— Выпусти меня!

Я сохраняю спокойствие и неподвижность в течение нескольких секунд, как раз достаточно времени, чтобы «охрана» Логана немного расслабилась. Затем я откидываю голову назад, ударяя Пита прямо по носу. Его крик раздаётся после того, как он отпускает меня, боль в его сломанном носу занимает несколько испуганных секунд, чтобы запечатлеть это в его сбитом с толку сознании.

Я слышу, как он отшатывается, и, прежде чем Грант успевает среагировать, я хватаю его за запястье, выворачиваю его, наклоняюсь и бросаюсь вперёд, перекидывая громилу через

спину и подбрасывая его в воздух. Я продолжаю держать его за запястье, наблюдая, как его тело неловко изгибается, когда он падает на землю, громкий хруст его плеча повисает в воздухе.

— Ух чёрт! — Логан отшатывается, поднимая руки в знак защиты.

Но когда я собираюсь получить свою последнюю добычу и разорвать его на куски, звук лифта напоминает мне о более неминуемой угрозе. Полиция.

Чёрт!

Я смотрю на Логана, мои губы искривляются.

— Если хоть один волосок упадёт с её головы до того, как я вернусь к ней, я убью тебя голыми руками.

— Она моя маленькая девочка. Ты думаешь, я позволю кому-нибудь причинить ей боль?

Его слова звучат дерьмово, но у меня нет времени на эту ерунду.

— Ваша дочь всё ещё в опасности, и вы это знаете. Ты не все мне рассказал, и я собираюсь выяснить, почему.

Двери лифта дребезжат.

— Ты пожалеешь, что встретил меня, Логан, — я срываюсь на бег и направляюсь к единственному окну, которое открывается во всей квартире.

* * *

Так что теперь я в розыске, скрываюсь от грёбаной полиции.

Хуже того, я понятия не имею, где Камилла. Её долбаный телефон выключен, или его у неё отняли. Если её отец думает, что я просто уйду, то он сильно ошибается. Я не успокоюсь, пока не выясню, что, чёрт возьми, происходит.

Я направляюсь в единственное место, куда мог, и ей лучше не возникать по этому поводу. Люсинда распахивает дверь, её миниатюрная фигурка облачена в слишком большой халат, а на её маленьком личике написано презрение. Я протискиваюсь мимо неё, игнорируя это.

— Проходи, — произносит она, чертовски снисходительным тоном.

Я направляюсь к её бару с напитками и наливаю себе здоровую порцию «Джека».

— Ты привела их ко мне. И не смей нудить по этому поводу, — я опрокидываю содержимое бокала, молясь о некотором спокойствии в моём разрушающемся мире.

— Ты позволил ему забрать её? — захлопнув дверь, она присоединяется ко мне у бара, ставя передо мной стакан в знак того, чтобы я также налил и ей.

— Я не позволял ему забирать её, — рычу я. — Этот чёртов придурок заплатил бывшему подонку Ками, чтобы тот выдвинул против меня обвинения, — я опустошаю и её стакан и наливаю себе ещё один. Только ещё один. — Приехала полиция. Я сбежал. — я отхожу от бара, на этот раз выпивая напиток мелкими глотками, а не выпиваю содержимое стакана залпом, и останавливаюсь перед её окном.

— Мне очень жаль, — озадаченно отвечает Люсинда. — Но я ничего не могу сделать. Он заплатил её бывшему, чтобы тот выдвинул обвинения? За что?

— Фотография в журнале, — выдыхаю я. — Я спас её от её бывшего. И наградил его парой синяков. И, вероятно, сломал ему нос. И возможно лишил его способностей для дальнейшего размножения, — я оказал миру грёбаную услугу. Я должен получить за это поощрение, а не приговор.

— *Что* ты сделал? — кричит она, демонстрируя редкое потрясение.

— Даже не начинай, — я поворачиваюсь и поднимаю палец, тем самым предупреждая,

чтобы она не даже не думала читать мне нотации. — Он загнал её в угол в женском туалете и ударил, прежде чем швырнуть на землю, как кусок мусора.

Люсинда благоразумно отступает, тянется за алкоголем и наливает себе порцию.

— Знаешь, ничего бы этого не случилось, если бы ты не был столь эмоционально вовлечён. Это правило номер один. И ты — это ты, чёрт возьми! Женщины любят тебя ровно столько времени, сколько им требуется, для того чтобы заставить тебя кончить. А потом ты их бесишь, и они тебя начинают ненавидеть! Что, чёрт возьми, изменилось?

— Камилла Логан, — выдыхаю я, откидывая голову назад, мои глаза ищут небеса или Бога, в которого я не верю. Кто-то должен мне помочь. Люсинда права. Я не давал волю эмоциям уже очень давно. Я не могу винить её за подобное удивление. Я, Джейк Шарп, чёрт возьми! Редкостный мудака! Я не люблю, я трахаюсь.

Мои мысли с визгом останавливаются, и я отлетаю от окна словно от удара. Люсинда хмурится, наблюдая за моим резким передвижением, следя, как я перевариваю мимолётную мысль, возникшую у меня в голове. И когда я нахожу ответ, я сгибаюсь пополам и меня чуть не тошнит. Люблю? У Камиллы Логан есть ужасная привычка превращать меня в размазну, и она сделала это снова.

Любовь.

Грёбаная любовь? Откуда, чёрт возьми, это взялось? Я начинаю смеяться, всё ещё находясь в согнутом положении, отчаянно пытаюсь найти логическую причину, побудившую мой разум охарактеризовать всё произошедшее именно этим словом. Мне нравятся её волосы. Мне нравятся её глаза. Мне нравится, как она выглядит, когда погружена в свои мысли. Мне нравится, какая она сильная, решительная и страстная. Я люблю...

Моё веселье омрачается ещё большей тяжестью.

Я чертовски люблю её.

— Джейк? — рука Люсинды оказывается на моём плече, посылая высоковольтные электрические разряды заставляя кровь бежать по телу с удвоенной силой. Я выпрямляюсь и отхожу назад, подальше от неё. На её лице тревога, и её рука висит в воздухе там, где мгновение назад было моё плечо. — Ты в порядке?

— Чёрт, — слетает с моих губ, и я ударяю ладонью по стенке бара, опускаю голову и борюсь со своим хаотичным разумом, пытаюсь заставить его прийти в норму.

Ты любишь её.

Я чувствую себя так чертовски глупо. И как будто я схожу с ума. Я люблю её — так чертовски сильно — это единственная причина, по которой можно объяснить, почему моё сердце сейчас разрывается просто на кусочки. Я в панике, боюсь, что потеряю её.

— Джейк, ради всего святого! — нетерпеливый голос Люсинды наполовину выводит меня из душевного раздвоя.

Я ищу её взгляд, просто чтобы она могла увидеть искренность в моих глазах. Ей необходимо это увидеть.

— Я люблю её, Люси.

Она таращится на меня несколько мгновений, прежде чем обретает дар речи.

— О, чёрт возьми, — шепчет она, выпивая содержимое стакана. — О, Джейк.

Её слова говорят сами за себя. Она одна из немногих людей на планете, кто знает мою личную историю, а также мою профессиональную. Она знает масштабы ситуации, в которой я оказался. Она знает, что должна значить для меня Камилла, раз я оказался в такой ситуации.

— Да, — соглашаюсь я. — Чёрт возьми.

— Она знает? — я не признавался ей в том, что я люблю её, хотя и думаю, что Камилла поймёт, что я чувствую, как только я найду её. Люсинда спрашивает о том, что может помешать Камилле ответить мне взаимностью. Сама эта мысль убивает меня.

— Она знает, что я служил в спецназе; она знает, что была другая женщина, и что именно личные эмоции заставили меня уйти со службы, — я нахожу стул и плюхаюсь в него.

— Но она не знает о... — она останавливается на полуслове, зная, что я не мог вынести этих слов.

Я качаю головой. Как я мог ожидать, что кто-то другой поймёт меня, если я не могу принять это даже сейчас, четыре года спустя?

— Отец Камиллы тоже навёл обо мне справки, — говорю я ей.

— Это не секретная информация, Джейк. Если он захочет, что-то выяснить о тебе, он это сделает. Если он уже этого не сделал.

— Камилла всё ещё в опасности, Люси. Три дня истекли. Они сказали, что время вышло! Я не знаю, что, чёрт возьми, происходит, но мне нужно это выяснить, — спокойно. Мне нужно сохранять спокойствие.

Она кивает, делая глубокий вдох.

— Тогда мы это сделаем, — заявляет она, направляясь в свой кабинет. — Тащи свою задницу сюда, ты, влюблённый пони.

Я улыбаюсь про себя и встаю на ноги, следуя за ней.

— Ты узнала что-нибудь ещё?

— Да, и кое-что интересное, — произносит Люсинда, и я оглядываюсь, чтобы увидеть, как она садится в кресло, чтобы лучше видеть экран своего ноутбука.

— Что? — я подхожу к ней, прежде чем она успевает начать рассказывать.

— Жена Логана беременна.

— Что?

— Ага. В записях её лечащего врача указано, что она посещала его четыре недели назад. И я держу пари, что папочка не Логан.

— О, чёрт.

— Действительно. Она также заскочила в Селфриджес¹² по дороге домой от врача и купила пару Лабутенов¹³.

Я смотрю на неё в полном изумлении.

— Как, чёрт возьми, ты вычисляешь это дерьмо?

Она пожимает плечами.

— Кто, ещё чёрт возьми, ещё будет носить Лабутены, во время беременности?

Я в отчаянии качаю головой, обнаруживая, что мне трудно сосредоточиться на чём-либо, кроме того, куда Логан увёз Ками и что он ей рассказал. Мне страшно даже подумать. Он — манипулирующий ублюдок, и, хотя я знаю, что у моего ангела есть свой разум, замешательство, которое она почувствует, будет выступать на его стороне.

— Хоть что-нибудь из этого, блядь, имеет отношение к делу?

— Я не знаю! Я изучаю всё!

— Мои отношения с Ками — не единственная причина, по которой он уволил меня. Что он скрывает? Что, чёрт возьми, было прикреплено к удалённому электронному письму? — я достаю телефон из кармана и снова набираю номер Ками.

И сразу же меня переводят на голосовую почту, и я проклиная себя на чём свет стоит.

— Что, чёрт возьми, происходит? — кричу я, с каждой секундой всё больше и больше расстраиваясь, направляясь к двери, думая, что всё это дерьмо на самом деле не имеет для меня значения. Важно лишь то, что я верну Ками и защищу её от её отца. Он может сам разобраться со всем остальным дерьмом, пока рядом со мной будет Камилла и она будет в безопасности. И думать, что он видит во мне угрозу для своей дочери? Его смерть с каждой секундой в моих мыслях становится всё более жестокой. — Следи за этой учётной записью электронной почты.

— Джейк, куда ты идёшь? — Люсинда гонится за мной, но я не оглядываюсь. К чёрту агентство. К чёрту мою работу. И к чёрту грёбаную полицию. — Не делай глупостей, Джейк!

Я смеюсь про себя. Глупостей? Я, блядь, влюбился. Я уже не мог быть ещё большим глупцом, чем являюсь сейчас.

Глава 22

Ками

Я цепенею, медленно умираю изнутри, слушая, как мой отец рассказывает о том, что произошло. Джейка больше нет. В этом нет никакого смысла. Я была заперта в этой комнате на полчаса, стуча, пытаюсь выйти, и когда папа наконец выпускает меня, Пит и Грант казались мне ещё ненавистнее, а Джейка нигде не было видно. Что, чёрт возьми, произошло?

— Позволь мне отвезти тебя домой, моя маленькая звездочка, — папина рука обнимает меня, и, хотя желание есть, я не отмахиваюсь от его прикосновений. Честно говоря, я не уверена, что мне следует делать дальше. — Со мной ты будешь в безопасности, — он начинает выводить меня из квартиры Джейка, махая Питу и Гранту впереди нас, когда мы идём.

Я смотрю на своего отца, мой разум в замешательстве, и вижу искреннюю озабоченность на его лице. Беспокоится обо мне? Он мой отец. В мире нет никого, с кем я могла бы чувствовать себя в большей безопасности. И всё же страх во мне не проявляет никаких признаков ослабления.

— От кого ты меня защищаешь, папа? Людей, которых ты разозлил? Себастьяна? Джейка?

— Всех них, милая, — он прижимает меня к себе и целует в макушку. — Я защищаю тебя от каждого из них. Он тебе не подходил, милая. Слишком стар, лодырь и неудачник. Теперь он это понимает, — мы входим в лифт, и Грант здоровой рукой отодвигает решётку, прежде чем повернуться и передать что-то моему отцу. Телефон. Мой телефон.

— Никто не будет достаточно хорош для меня, — бормочу я себе под нос, глядя на две огромные спины мужчин, стоящих передо мной. Джейк уже положил бы их на пол, если бы был здесь. Он не позволил бы им забрать меня.

Так, где же он?

— Дай мне мой телефон, — говорю я папе, когда он засовывает его в карман куртки. Он полностью игнорирует мою просьбу, даже не удостоив меня мимолётным взглядом. Я хмуро смотрю на него, когда лифт дёргается, и пронзительный визг раздвижных металлических дверей эхом разносится по заброшенному заводскому цеху. Я пользуюсь моментом раскординации отца из-за его нетренированного тела в своих интересах, просовываю руку в карман его куртки и забираю телефон, пока он пытается ухватиться за меня.

В одну секунду меня проводят к машине моего отца, а в следующие мгновения я уже отбегаю от него с бешеной скоростью, в сторону света на другую сторону фабрики, сжимая

телефон в кулаке.

— Камилла! — ревет папа.

Я игнорирую его. Мои инстинкты подсказывают мне держаться подальше от моего отца — человека, с которым я, естественно, должна чувствовать себя в безопасности.

Я вырываюсь на дневной свет и быстро оцениваю окружение, не видя ничего, кроме старых фабрик, пустошей и воды. На бегу я смотрю через Темзу, отмечая, что город слишком далеко. Он всего лишь на другом берегу, но, тем не менее, он слишком далеко.

— Чёрт возьми! — я чертыхаюсь, оглядываясь через плечо, когда слышу громовые удары шагов Пита и Гранта, следующих за мной. Ни один из них далеко не спринтер, даже несмотря на отсутствие повреждений. Но это мимолётное утешение не замедляет моих движений. Я продолжаю бежать, чувствуя, что от этого зависит моя жизнь.

* * *

Мои лёгкие горят к тому моменту, как я добираюсь до речной переправы на пирсе. Путешествие по Темзе, кажется, длится целый год, но эта поездка даёт мне время, чтобы попытаться прочистить голову. Ну или в крайнем случае попытаться не запутаться в ворохе моих мыслей ещё сильнее. Я снова включаю телефон и просматриваю свои контакты, но не нахожу того, что ищу, единственного, кто мне нужен. Номер Джейка исчез из моего телефона. Удалён. Я ругаюсь и пытаюсь вобрать в себя хоть немного спокойствия, при этом ещё и успеваю несколько раз прервать попытки моего отца позвонить. Отклонить вызов ещё никогда не было так просто.

Я поднимаю взгляд, когда лодка, пыхтя, причаливает к причалу, решая, что есть только одно место, куда я могу пойти. Впервые за всё время, сколько я себя помню, мне нужна моя мама.

Я набираю её номер и задерживаю дыхание, когда схожу с речного трамвайчика, моя сумка болтается у меня в руке.

— Камилла?

— Мам, — выдыхаю я, чувствуя беспокойство в её голосе.

— Что происходит? С чего вдруг твоему отцу взбрело в голову звонить мне?

Я съёживаюсь на месте. Я могу только представить, как отчаянно он хочет найти меня, если решил позвонить матери.

— Мам, ты можешь приехать и забрать меня? — я воздерживаюсь от ответа на её вопрос. Сейчас не время и не место, и я беспокоюсь, что Пит и Грант могут появиться в любой момент и затащить меня в папину машину.

— Где ты находишься?

— Пирс Кэнэри-Уорф.

— Ради всего святого, что ты там делаешь?

— Это долгая история, мам. Я всё расскажу тебе, но, пожалуйста, просто приедь и заberi меня

— Я пришлю за тобой своего водителя сию минуту, — отвечает она, заставляя меня вздохнуть с облегчением. Я никогда не видела, чтобы она отступала от своего с такой легкостью. — Подожди его у отеля «Хилтон», сладкая моя.

— Спасибо, — я кладу трубку, не в силах удержаться от того, чтобы постоянно не оглядываться вокруг, проверяя, всё ли чисто. Я, должно быть, похожа на нервную, шизофреничку-беспризорницу, стоя здесь вся растрёпанная, с бегающими от страха глазами. Папарацци устроили бы настоящую охоту за подобными фото.

Чувствуя себя немного спокойнее, от понимания, что мамин водитель уже в пути, я иду в ближайшее кафе, чтобы выпить кофе. Кофеин — самое прекрасное средство для моего уставшего мозга, когда я бреду по пирсу в сторону «Хилтона», при этом всё ещё оставаясь на чеку.

В моей голове прокручиваются всевозможные сценарии — что я буду делать, если увижу папу или любого из его двух приспешников; что они сделают; что сделает любой из прохожих, если я закричу, и постараюсь им сопротивляться, если один из них попытается заставить меня сесть в папину машину. Я не планировала это изначально. Он всегда пытался контролировать меня, и мне удавалось сдерживать его диктаторские замашки, но на этот раз всё по-другому. Он никогда не заходил так далеко. Преследовать меня? Копаться в прошлом того, кого я люблю? Одно ощущение от подобного вероломного вторжения в мою жизнь приводит в бешенство, но это ничто по сравнению с опустошением, которое наступает внутри от мысли, что ему, возможно, удалось прогнать Джейку. Я знаю, как ему непросто. Его прошлое, его приступы тревоги. Мой отец, использует информацию о его проблемах в качестве бомбы, которая может уничтожить Джейку. Это заставит его в очередной раз усомниться в себе. Усомниться в нас.

Через полчаса, стараясь держаться как можно незаметнее, в ожидании водителя, подъезжает «Бентли», и мамин постоянный водитель выходит и открывает для меня заднюю дверь.

— Мисс, — говорит он, кивая, когда я подбегаю к машине и почти влетаю на заднее сиденье.

Я не удивлена, что моя мать не приехала за мной лично. Ей нужна добрая пара часов, чтобы прихорошиться и подготовиться, прежде чем она даже подумает о том, чтобы показаться на публике. Моя просьба была слишком срочной, и она это почувствовала, но её расстроенной дочери на том конце провода все ещё недостаточно, чтобы она отважилась выйти во внешний мир без макияжа и причёски. И вот она я во вчерашней одежде, без макияжа, и мои волосы беспорядочно заплетены в свободную косу. Она будет в ужасе.

Я благодарно улыбаюсь водителю моей мамы, когда он закрывает дверь, и снова возвращаюсь к своему телефону, уставившись на экран. Почему Джейк мне не позвонил? Я чувствую, что хватаюсь за соломинку, цепляюсь за что-то, что быстро исчезает.

Не так много людей в мире решились бы перечить воле моего отца, но я думаю, что Джейк был одним из них. Невозмутимый, непреклонный тот, кого не волнует статус моего отца. Я прижимаюсь головой к стеклу окна, и я наблюдаю за суетой Лондона, проходящей мимо меня, задаваясь вопросом, во что, чёрт возьми, я ввязалась.

* * *

Мать не встречает меня у двери, чтобы утешить. Вздыхая, говоря себе, что я не должна была ожидать чего-то подобного, я бреду по вестибюлю её непристойно шикарной квартиры в Кенсингтоне, единственной вещи, которая у неё осталась от моего отца. Он украшен искусно выполненными позолоченными рамами, на которых изображены яркие картины маслом с различными английскими сельскими пейзажами. Их чересчур много. Но такова моя мать. Я вхожу в ещё более изысканную гостиную и вздыхаю. Гигантский ковёр занимает весь центр комнаты с двумя раскладными диванами, расположенными точно напротив друг друга, оба с золотыми, замысловатыми ножками и двумя бархатными подушками с бахромой, аккуратно расправленной на каждом конце. Яркие цвета комнаты — королевский синий, зеленый и красный — всегда вызывали у меня головную боль. Как и сегодня.

— Она думает, что она чёртова королева, — бормочу я, слыша звон фарфора, доносящийся с кухни. Даже не заставляйте меня описывать кухню. Это оживлённый беспорядок из дизайнерской посуды, гаджетов и глубокой резьбы по дереву. Она даже не готовит.

— Сюда, Мария, — зовёт мама, входя в комнату в сопровождении своей экономки, которая несёт поднос с чаем. — Камилла!

— Мам, — говорю я, и меня охватывает странное чувство. Внезапно я чувствую, как на глаза наворачиваются слёзы, но я списываю это на то, что её лицо мне знакомо. Она, как всегда, выглядит безупречно в бледно-голубой юбке и кремовой блузке.

— Ну, посмотри, на кого ты похожа! — кричит она, оглядывая меня с ног до головы, на её лице отражается тревога. — Ты выглядишь как беспризорница! — она приказывает Марии, чтобы та поставила поднос на позолоченный кофейный столик, а затем прогоняет её.

Я разрыдалась, серьёзность моего положения внезапно ударила меня, словно гиря по голове. Он ушёл. Просто ушёл, и у меня нет объяснений, которые помогли бы мне попытаться смириться с этим. Моя задница ударяется о твёрдое сиденье маминого дивана, моё лицо опускается в ладони.

— Камилла! — кричит мама, её туфли-лодочки шлёпают по ковру в мою сторону. Она опускается рядом со мной и обнимает рукой моё дергающееся от рыданий тело, похлопывая по плечу. — Сейчас, сейчас, сладкая моя. Это имеет какое-то отношение к тому рослому мужчине, которого сфотографировали, когда он выносил тебя из клуба?

Я сжимаюсь в её полу объятиях и соглашаясь с ней, постоянно шмыгая носом.

— Папа нанял его, — я всхлипываю через слово. Теперь уже не зачем хранить эту тайну. Мама может терзать моего отца своими допросами сколько угодно, и я надеюсь, что она сделает всё возможное. Я ненавижу его.

— Нанял его?

— В качестве телохранителя. Папа начал получать угрозы.

Она усмехается, и на то есть веская причина.

— Твой отец получает их еженедельно, дорогая.

— На этот раз они были направлены на меня. Он сказал, что Джейк был мерой предосторожности, но я не хотела, чтобы мужчина следовал за мной повсюду. Себастьян вернулся в город. Я думала, что папа действует исподтишка. Поэтому я несколько раз пытался ускользнуть от Джейка.

Мама понимающе улыбается.

— Моя маленькая дерзкая Ками.

Я улыбаюсь ей в ответ.

— Затем в мою квартиру доставили несколько фотографий — моих фотографий.

Она хмурится, поэтому я продолжаю:

— Как доказательство того, что за мной следят. Угроза показалась реальной, — яжимаю плечами, наблюдая, как она борется с проклятиями, которые ей так и хочется выпалить, и которые мой отец, без сомнения, услышал бы с другого конца города. — Мы с Джейком... сблизилась, — тихо добавляю я.

Мамино лицо мгновенно смягчается, её рука опускается на моё колено, и она слегка его сжимает.

— Он очень привлекательный, сильный мужчина, Камилла, — говорит она. Я знаю это

выражение лица, понимая, что это она ещё не закончила. — И он немного старше тебя.

— Ему тридцать пять. Он всего на десять лет старше меня. Папа на двадцать лет старше тебя.

Мама игнорирует моё уточнение.

— Итак, дорогой папочка, я полагаю, изложил тебе свои требования, — она не может не упомянуть моего отца без ведра яда, сочащегося в каждом её слове.

— Он настаивает, что Джейк мне не подходит. Он думает, что, поскольку его уволили со службы в спецназе, то он неудачник.

Мама лишь прошипела в ответ.

— О, ну у твоего же отца иммунитет к неудачам. — Каждое её слово пронизано сарказмом. — Где сейчас Джейк?

Я не хочу признаваться, ей что не знаю где он, поэтому вместо этого я объясняю всё, что произошло в квартире Джейка. Сочувствие на её лице, когда я заканчиваю, кажется невыносимым. Слезы застилают мне глаза.

— Почему он так поступает? — безнадежно шепчу я.

Она вздыхает и наклоняется вперёд, наливая каждой из нас по чашке чая из своего шикарного фарфора сервиза.

— Потому что он самовлюблённый мерзавец, помешанный на контроле. Вот почему, сладкая моя.

— Почему ты вышла за него замуж, мам? — я впервые задаю этот вопрос так открыто. Это отчаянный поиск чего-то такого, что в последствии могло бы искупить его вину. Найти в отце что-то, что сделает его менее ненавистным для меня человеком в этот самый момент. Но я знаю, что это напрасно.

— Я была молода, — мама говорит это с тоской, но впервые я вижу истинное сожаление, скрывающееся за маской, которую она носит. Не сожаление о том, что она вышла замуж за такого придурка, а сожаление о прожитых годах, которые прошли словно мимо неё, и, кроме меня, единственное, чем она может гордиться, — это шикарная квартира в Кенсингтоне. Она не нашла новой любви. Она такая же озлобленная и израненная, как и остальные разведённые, с которыми она общается. — Плюс Ти Джейк был всего лишь мальчиком, его мать умерла после того, как твой отец заставил бедную девочку вернуться в Россию. Кому-то нужно было привить ему хоть немного человечности, прежде чем он полностью превратится в подобие своего отца.

Я улыбаюсь редкому проявлению материнской заботы со стороны мамы.

— И посмотри, какую благодарность я получила. — Она смеётся. — Он избавился от своей малолетней жены! А стоит мне снова выйди замуж, как твой отец тут же прекратит все выплаты. Я едва выживаю на тех подачках, которые он присылает мне сейчас.

Я могла бы рассмеяться. Но этими подачками как назвала их мама, вероятно, можно было бы всю жизнь обеспечивать жизнь маленькой деревне.

— Тебе не обязательно снова выходить замуж, — предлагаю я. — Просто мимолётные встречи.

— На земле нет мужчины, который смог бы пережить меня, — она берёт меня за подбородок и встаёт, поправляя юбку. — А теперь давай приведём тебя в порядок. Из-за тебя всё это место выглядит неопрятным.

Я слегка посмеюсь в ответ на её колкость, нет не саркастически, а просто от осознания, того, что это моя мама, и несмотря на то, что она властная и полнейшая снобка, я её очень

люблю.

— Что мне теперь делать? — спрашиваю я, поднимаясь на ноги и ставя фарфоровую чашку на стол.

— Ну, прежде чем ты что-нибудь сделаешь, ты должна привести себя в порядок, — она смотрит на меня, скрывая своё недоумение. — Ни одна женщина не сможет завоевать мир, если она не выглядит сногшибательно, — наклонившись вперёд, она убирает выбившуюся прядь моих волос. — Я попрошу своего водителя заехать к тебе домой и забрать оттуда кое-какие вещи для тебя.

— Нет! — выпаливаю я, заставляя её немного отшатнуться. — Папа может быть там. Он узнает, что я здесь, если увидит, что твой водитель заезжал ко мне.

— Тогда что же мне с тобой делать? — она сканирует своим взглядом мой потрёпанный внешний вид. — Я не могу позволить тебе оставаться в подобном виде.

— Я не знаю, — признаюсь я, ничуть не задетая её колкостью, хотя вероятно должна бы.

Она фыркает и выходит в коридор.

— Я позвоню Харви Нику и попрошу их выбрать для тебя кое-что. Мой водитель может забрать выбранные вещи. Можешь расположиться в розовой комнате для гостей, сладкая моя. На обратной стороне двери висит халат.

Мама исчезает, и я позволяю своему телу немного расслабиться, я измучена особенно столь длительным общением с матерью. Боже, я чувствую себя ещё более опустошенной.

Как только я улучаю момент, чтобы собраться с силами, я направляюсь в розовую гостевую комнату, морщась от безвкусного декора, когда прохожу в ванную. А потом я прикрываю глаза, заходя в комнату. Вся обстановка словно вопит о том, что царя Мидаса выпустили на свободу. Куда бы я ни повернулась, на меня смотрело золото — ванна, краны, душевая кабина, сиденье унитаза. Это свободная ванная комната. Здесь до смешного показушно, и интерьер полностью отражает мою мать.

Приняв душ и завернув волосы и тело в полотенце, я бреду в розовую комнату и вижу пакеты от Харви Никса, ожидающие меня на кровати. С легким трепетом я подхожу к ним и осторожно заглядываю внутрь. Моя мать заказала эту одежду. Это может быть катастрофой. Первое, что я замечаю, это кружевные трусики и бюстгальтер в тон, и, приятно удивлённая, я вытаскиваю их и улыбаюсь, когда вижу знакомый бренд. Я работала с этим брендом. Мама это знает.

— Идеально, — заявляю я, теперь не боясь копнуть глубже в паке. Я испытываю прилив нежности к матери, отмечая, что мама следит за моей карьерой, затем достаю бесформенное чёрное платье-футболку, как раз то, что я люблю, а затем пару милых балеток. Собирая всё это, я поворачиваюсь...

Столкнувшись с кем-нибудь лицом к лицу. Всё, что я держала в руках, падает к моим ногам, и мои лёгкие распирает от резкого вдоха, который готов перейти в крик.

Глава 23

Джейк

Я только успеваю зажать ей рот рукой, как Ками издаёт то, что, как я знал, будет криком, который, вероятно, протянется отсюда до Манчестера. Её глаза широко раскрыты и испуганы, когда я хватаю её и несу в ванную, шурясь входя, чтобы не ослепнуть от огромного количества золота.

Я закрываю дверь ногой и ставлю её на ноги, будучи уверенным, что моё лицо окажется

в поле её зрения, прежде чем я отпущу её рот. Ками требуется несколько секунд, чтобы сосредоточиться, и я вижу момент, когда она понимает, что это я. Все её тело расслабляется в моих объятиях, её пустые глаза оживают. О Боже, я вновь могу чувствовать её, видеть её. Последние несколько часов были сущим адом.

Я осторожно убираю ладонь от её рта.

— Я всегда найду тебя, ангел.

— О Боже! — она бросается на меня, обнимает за плечи и утыкается лицом мне в шею. — Я думала, ты бросил меня! — говорит Ками взволнованно... и совершенно потрясённо.

— Глупость, — я подхожу к ней ещё ближе и крепко обнимаю её, и, вероятно, мог бы сломать ей кости. — Твой отец знает, что ты здесь? — спрашиваю я.

— Нет. Я убежала. Я не знала, что мне делать.

Я улыбаюсь, отмечая её превосходное чутьё.

— У меня не было выбора, кроме как уйти, Ками, — даже одна мысль о том, что она могла подумать, что я просто мог оставить её, причиняет боль.

— Почему? — она начинает целовать мою шею — её такие быстрые, непрекращающиеся поцелуи вновь на моей коже.

— Твой отец заплатил твоему бывшему, чтобы тот выдвинул против меня обвинения. Приехала полиция.

Её губы перестают скользить по моей коже, и через долю секунды она совсем прекращает свои поцелуи.

— Что?

Она прекрасно меня расслышала. Её просьба о повторении вопроса скорее от недоумения. Чёрт возьми, она же ещё ничего не знает.

— Ты, должно быть, видела полицию у моей квартиры.

— Нет! Я была заперта в твоей комнате... целую вечность!

Я недоверчиво качаю головой, хотя запредельная степень безжалостности Логана не должна быть для меня неожиданностью. Кучка копов ни за что не проигнорировала бы крики женщины, доносящиеся из моей спальни, что говорит мне о том, что у Логана в кармане не один продажный полицейский. Ублюдок!

Я охватываю ладонями её щеки, приближая своё лицо к её.

— Он и в правду, действительно не хочет, чтобы ты была со мной, ангел, — я произношу это с лёгким оттенком юмора, но её челюсти всё ещё плотно сжаты.

— Как ты меня нашёл?

— Твой телефон, — отвечаю я ей, видя, как Ками хмурится. — Ты включила его час назад. Я отследил его по GPS, — я не могу не улыбнуться, видя её удивление. Это простая технология отслеживания, хотя я серьёзно подумываю о том, чтобы сделать для неё микрочип, чтобы мне не пришлось отправляться в ад и возвращаться обратно, если её телефон когда-нибудь выключится, и тогда она окажется вне моего поля зрения.

Камилла отстраняется и с неожиданной силой толкает меня в плечо, её лицо за наносекунду из изумлённого превращается в раздражённое.

— Тогда почему ты не позвонил мне и не сказал, где ты находился? Я просто с ума сходила!

— Я не знал, с кем ты была, — ворчу я, необоснованно думая, что она понятия не имеет, каково это — сходить с ума. Чёрт возьми, каждая артерия, которая у меня есть, была

закупорена стрессом. Я чувствовал, что в любой момент у меня может случиться сердечный приступ. — Твой отец мог забрать твой телефон. Откуда, чёрт возьми, мне было знать?

— Он действительно забрал мой телефон, но я вернула его. И он удалил твой номер, чтобы я не могла связаться с тобой. Но даже если ты не хотел рисковать, позвонив мне, ты должен был как-то связаться со мной! — спорит она.

— Как? — я действительно находился в замешательстве.

— Я не знаю! Это ты — ниндзя-невидимка в наших отношениях! — её великолепное лицо искажается от разочарования, и в тоже время облегчения.

— Точно, — я смеюсь. — В следующий раз, когда я потеряю тебя, отправлю спутниковый сигнал на твой блеск для губ.

Она задыхается от возмущения, её рука снова взлетает, но на этот раз я с лёгкостью блокирую её замах, заставляя Ками немного пошатнуться вперёд на очередном недовольном вздохе. Она быстро обретает самообладание, ноздри её милого носика-пуговки раздуваются. Я держу губы плотно сжатыми, но ничего не могу сделать, чтобы остановить свой выпирающий от возбуждения член. Как легко было бы наклонить её над этой позолоченной ванной и врезаться в неё сзади. Видит Бог, мне нужно выпустить пар.

Я вижу, как каждый её мускул расслабляется, несмотря на её бешеные глаза. Она ведёт себя спокойно. Её гибкое тело, плотно завернутое в это маленькое полотенце, — одно из самых наикрасивейших вещей, которое я когда-либо видел.

Но затем мимолётное движение её правой руки привлекает моё внимание и говорит о её намерении. Моя рука поднимается между нашими телами, и её запястье оказывается в моей ладони. Она раздражённо ворчит, быстро поднимая другую. Я также ловлю и её, не в силах сдерживать свою победоносную ухмылку. Камилла дёргается, разъярённая, и борется с моей хваткой. И я позволяю ей, не двигаясь, определить расстояние до этой золотой ванны.

— Джейк! — она разворачивается, и полотенце падает на пол. Ками замирает. Я улыбаюсь.

Затем я заключаю её в объятия и толкаю к ванне, кладя её руки на край.

— Держись, ангел.

— Джейк... — её голос теперь полон чистой похоти, когда я наклоняю её перед собой, мой рот расслаблен, пока я впитываю через пальцы бархатистость кожи на её спине проводя ладонью по всей её длине. Боже милостивый, мне нужно быть внутри неё. Я расстёгиваю ширинку и немного приспускаю джинсы, позволяя своему члену оказаться на свободе.

Немного расставив ноги, чтобы почувствовать большую опору, я беру Ками за бёдра и двигаюсь вперёд, мне не нужно удерживать себя, чтобы направить свой член к её киске. Он знает, где хочет быть в данный момент. Легким толчком я побудил её раскрыться, слегка поддразнивая, желая, чтобы она умоляла.

— Пожалуйста, Джейк, — она говорит это тихо, отчаянно. — Пожалуйста.

Я улыбаюсь и погружаюсь в неё, задыхаясь и замирая, стоит ей напрячь все свои мышцы, тем самым помогая мне оказаться в ней как можно глубже.

— О-о-о, чёрт, — выдыхаю я, зажмурился глазами. — Ками, сегодня мне нужно взять тебя жёстко.

— Мне всё равно! — она снова наваливается на меня, её задница ударяется о мой низ живота, заставляя глаза распахнуться.

— Блядь! — я почти впиваюсь пальцами в её плоть и расслабляю их, с восхищением наблюдая, как мой член, скользкий от её возбуждения, выскальзывает из её киски. — Ангел,

я не могу передать тебе, как чертовски потрясающе ты выглядишь, — Ками выгибает спину, склонив голову, её задница была упругой и круглой, и всё это я мог лицезреть. — Чертовски удивительна.

Она стонет, её мокрые золотистые волосы каскадом падают на край золотой ванны, её руки упираются в неё. Желание, которое я должен вколотить в неё, уже не могло больше ждать. Моё облегчение от того, что она вернулась, слишком велико. Я позволяю себе, резко и быстро прижимать Ками обратно к себе, нуждаясь в том, чтобы обладать ею, нуждаясь в том, чтобы подчиниться требованию моего тела и продемонстрировать мою потребность в ней, показать ей наилучшим из возможных способов, что я здесь и никуда не уйду.

Я откидываю голову назад в подавленном рёве, чувствуя, как кровь в члене начинает закипать от напряжения. Я бессмысленно, что-то бормочу. Меня начинает трясти, колени слабеют. Я больше не могу сдерживаться.

— Ками, — я выдавливаю её имя сквозь умопомрачительное удовольствие, пытаюсь сказать ей, что я перехожу грань.

— Кончи! — кричит она, врезаясь мне в пах с такой силой, что я чуть не падаю на задницу.

— Блядь! — я даже не могу найти в себе и капли порядочности, чтобы убедиться, что она тоже близка к оргазму. И я перехожу грань, крохотные электрические заряды проникают сквозь кожу и проходят сквозь меня, потрясая меня до глубины души.

— Я уже! — визжит она.

Я делаю ещё несколько толчков, стиснув зубы, чувствительность почти невыносима. Я запоминаю момент, как она кончает. Она стучит кулаком по краю ванны, и я тяну её назад, крепко прижимая к себе, я достигаю своего пика удовольствия и моё тело начинает неконтролируемо дрожать.

— О-о... — Ками дышит, обмякнув на мне, её руки упираются в ванну. — О, чёрт возьми, это мощно.

Я нахожу какую-то энергию из ниоткуда и прижимаю её обнажённую спину к себе, сам же пытаюсь хоть как-то пробиться сквозь плотную пелену желания. Моё дыхание повсюду, моё сердце бьётся впервые с тех пор, как я сбежал из своей квартиры. Я снова жив.

Она что-то бормочет, измученная. Я не могу разобрать ни слова.

— Что, ангел?

Она втягивает воздух, и мне приходится почти вплотную к её лицу опустить голову, чтобы расслышать, что она пытается сказать.

— Ма-а-а... — выдыхает она.

Я хмурюсь, выskalзывая из неё, перед этим убеждаясь, что крепко держу Ками в своих руках. Ей кажется, что она вот-вот рухнет на пол.

— Ками, я тебя не слышу.

— Мама.

— Сладкая булочка!

Я бросаю взгляд в сторону двери, слыша шарканье чьих-то туфель по ковру.

— Камилла, милая, я вхожу.

— О, чёрт! — одной рукой я натягиваю брюки, а другой держу Ками, желая, чтобы она как можно быстрее пришла в себя. — Ками, ради всего святого! — я наклоняюсь и хватаю полотенце, кое как пытаюсь прикрыть её наготу. Она же мне в этом совсем не помогает. Она чертовски обессилена.

Дверь распахивается, и я сталкиваюсь с её властной, матерью всегда с идеальной укладкой и макияжем матерью. Она замирает, наблюдая за происходящим, её ухоженная рука застывает на золотой дверной ручке.

— Здравствуйте, — я прокашливаюсь, поправляя полотенце Ками вокруг её обессилившего тела. Я бы хотел, чтобы она, блядь, пришла в себя!

— Ну, здравствуй, — она смотрит на Ками, приподняв брови, потом на меня. Я просто чертовски рад, что слишком отчаянно желал оказаться внутри Ками как можно быстрее, и не мог думать о том, чтобы снять с себя одежду.

Ками, кажется, приходит в себя, забрав полотенце из моих рук, и сама закутывается в него.

— Мам, это Джейк, — выпаливает она без предупреждения, напугав меня.

Я чувствую себя преступником. Трахать мою девочку в ванной её матери? И быть при этом застуканным? Я чувствую себя чертовски униженным.

Невозможно не увидеть чувство осуждения на лице матери Камиллы, и впервые в моей жизни это беспокоит меня. Впервые в моей жизни мне не всё равно, что кто-то подумает обо мне. Я действительно слабак. Я по-рыцарски делаю шаг вперёд и протягиваю руку.

— Рад познакомиться с вами, мисс Логан.

Она смотрит на меня с опаской.

— Я мисс *Белл*. — Она возмущённо задирает нос, и я умираю на месте от стыда. Я знаю это, как и то, что она вернула свою девичью фамилию после того, как Логан бросил её ради более молодой модели. Что на меня нашло? Я весь на нервах.

— Конечно, — я мысленно вышибаю себе мозги и искренне улыбаюсь. Камилла Логан извлекает из меня все виды рыцарского поведения. — Приятно познакомится.

Она наконец пожимает мою протянутую руку тем самым выводя меня из ступора.

— Так это ты тот человек, из-за которого все эти неприятности? — спрашивает она, её пытливый взгляд скользит вверх и вниз по моему помятому внешнему виду.

Я снова усмехаюсь, но только про себя. Да, в их окружении действительно есть человек, который создаёт проблемы, но это уж точно не я. Я беру себя в руки и отпускаю её ладонь, стараясь держаться уверенно, при этом чувствуя себя настоящим коротышкой стоя перед этой женщиной, которая на целый фут ¹⁴ниже меня.

— Я стараюсь чтобы их было как можно меньше, — я окончательно выбываю из игры, не зная, какую сторону выбрать. Она явно принадлежала к хорошим ребятам. Обычно я никому не кланяюсь, но у меня непреодолимая потребность поклониться этой женщине. Она воплощение всего, что я ненавижу в женщинах, но она мама Ками. — Я понимаю, что отец Ками не так уж и хочет...

Она фыркает, прерывая меня.

— Ты мог быть самым принцем Гарри, и он всё равно не одобрил бы всё это если бы не мог контролировать каждое ваше действие или не мог бы получать от подобного союза хоть какую-нибудь финансовую выгоду, — она смотрит на свою дочь, в её глазах мелькает огонёк. — Почему бы тебе не одеться, сладкая моя? Я отведу Джейка в гостиную. Мы будем пить чай.

Я смотрю вниз на Ками и вижу, как она хмурится, подтягивая полотенце выше, словно до этого она не осознавала, что стояла полуголой, пока её мать не указала ей на это.

— Я думала, ты собиралась куда-то поехать.

Мисс Белл поджимает губы и бросает на меня твёрдый взгляд.

— Это может подождать, — она разворачивается на своих начищенных туфлях и выходит, и в тот момент, когда её спина исчезает, я, пошатываясь, подхожу к стене, чувствуя столь сильное волнение как никогда прежде. Ирония происходящего не ускользает от меня. Одобрение — это не то, что меня волнует. Но мать Ками могла бы это изменить.

— Ты в порядке? — спрашивает Ками, наморщив лоб.

Мне нужно взять себя в руки.

— Да, я в порядке, — отодвинувшись от стены, я подхожу к Ками и обнимаю её за шею, притягивая к себе. Затем я сражён наповал. Она должна знать, что я чувствую. Все её страхи, мысли о том, что я бросил её, причиняли адскую боль. Я просто должен это сказать. Произнести их вслух. Честно.

Но когда я открываю рот, ничего не происходит. Слова вертятся на языке. Они везде.

— Я... — моё горло сжимается, и я начинаю дрожать под тяжестью моего предполагаемого признания.

— Джейк?

— Я...

— В чём дело?

— Чёрт, Камилла, — я обхватываю её щёки своими большими ладонями, глядя ей в глаза. Её широко раскрытые глаза заставляют меня прикоснуться к ней. Она волнуется. — Я люблю тебя, — говорю я, заглядывая в её голубые глаза. — Я так чертовски сильно люблю тебя, и мне нужно, чтобы ты это знала.

Она резко отшатывается, заставляя мои руки безвольно упасть вдоль тела. Она потрясена, её взгляд затуманен. Не знаю, каких действий или слов я ожидал от неё услышать, но я не был готов к такой реакции. Она выглядит готовой сбежать.

После того, что кажется целой жизнью — мучительной, болезненной жизнью — Камилла, наконец, говорит, её прекрасные губы дрожат при этом, складываясь в слова.

— Я тоже тебя люблю, — всхлипывает она, закрывая лицо руками.

Её ответ запечатлевается в моём сердце и возвращает к жизни ещё одну маленькую частичку меня. Я выдыхаю, не осознавая, что до этого момента не сделал и вдоха, и подхожу, чтобы вновь почувствовать её дрожащее тело, поднимаю её на ноги и сжимаю в своих объятиях. Она тоже любит меня, и я могу только молиться, чтобы этого было достаточно, чтобы мы смогли построить светлое совместное будущее даже несмотря на грядущие тёмные времена.

Я провожу недостаточно времени, удерживая её в своих объятиях, подкрепляя своё признание силой своих объятий, прежде чем отстранить её от себя. Свет, который я улавливаю в её глазах, поражает меня. Такой яркий и полный надежды. Я — причина этого, и это одновременно приятно и в тоже время вызывает чувство вины. Она даже толком меня не знает. Но она узнает. Как только всё это дерьмо закончится, я сделаю то, чего так долго избегал. Одна мысль об этом, заставляет моё сердце биться медленнее.

Поцеловав её в макушку, я провожу её обратно в душ и включаю его.

— Прими душ, — тихо прошу я. Затем почти вылетаю из ванной, чтобы присоединиться к её матери.

После того, как я нашёл телефон Камиллы и выключил его, я брожу по роскошной квартире, осматривая всё вокруг, стараясь не обращать внимания на кричащий декор, мысленно подсчитывая расстояние, которое оказывается между мной и Ками. Я заглядываю в несколько комнат, мимо которых прохожу, чтобы проверить окна и возможные пути входа,

и как только убеждаюсь, что нет никаких шансов, что кто-нибудь войдёт или пройдёт мимо меня незамеченным, то прохожу в гостиную.

Мисс Белл примостилась на одном из диванов, которые определённо стояли здесь для показухи, а не для комфорта. Она смотрит на меня снизу-вверх, когда я опускаюсь на кресло напротив неё. Я не пытаюсь устроиться поудобнее. Это было бы невозможно. Она протягивает мне крошечную фарфоровую чашечку, и я несколько раз перекладываю её из одной руки в другую, чувствуя, что в моих больших ладонях она скорее напоминает напёрсток. Я бросаю попытки как можно бережнее держать чайную пару и ставлю её на сияющий золотой стол перед собой.

— Спасибо, — благодарю я, чувствуя, как она изучает меня.

Моей главной целью в эти последние несколько невыносимых часов было найти Ками. Я не очень задумывался о том, что буду делать дальше. Сейчас самое время разобраться во всём этом.

— Как ты попал в мой дом? — спрашивает мисс Белл, её глаза подозрительно бегают вверх и вниз по моему телу.

Она должна быть подозрительной. Я думаю, что лучше избегать подробностей о том, как я взломал замки, прокрался в её дом и нашёл её дочь, словно ищейка, охотящаяся на лису.

— Ками впустила меня, — вместо этого спокойно отвечаю я. Я не могу точно сказать, верит ли она мне, поэтому решаю, что лучше как можно быстрее сменить тему. — Вы знали, что ваш бывший муж заплатил бывшему парню Ками и финансировал его реабилитацию?

Она тихонько смеётся, помешивая чай.

— Это меня не удивляет. Камилла знает?

— Я ей ещё не сказал. Мне ещё многое нужно выяснить.

— Например, что?

— Кто является истинной угрозой для вашей дочери. Что-то было не так с того самого дня, как Логан нанял меня. Он скрывал от меня информацию, и когда я начал копать глубже, он уволил меня. Я не думаю, что его неодобрение моих отношений с Ками — единственная причина, по которой он хочет, чтобы я исчез. Он что-то скрывает, и я намерен выяснить, что именно.

Её брови удивлённо взлетают вверх, но потом она смеётся.

— Должно быть, ты ему действительно не нравишься, Джейк.

Мои щеки слегка надуваются от раздражения. Это подтверждено. Он заплатил бывшему подонку Ками, чтобы тот выдвинул против меня обвинения. Тот, кто несколько раз ударил её по лицу. Всё, что угодно, лишь бы убрать меня со сцены, поскольку я не буду брать с него плату.

В этом есть нечто большее, чем простое неодобрение. Он беспокоится, что я могу узнать что-то, чего он не хочет, чтобы было предано огласке.

— Это чувство взаимно, — говорю я. — Я выясню, что происходит. До тех пор она будет в безопасности со мной.

Женщина улыбается, рассказывая мне всё, что мне нужно знать. Она одобряет. Это заставляет почувствовать облегчение, даже если мне наплевать, но я вижу, что она сама наслаждается осознанием того, что её бывший муж-манипулятор наконец встретил достойного противника, или же она просто искренне рада, что я так сильно привязан к её дочери. Что-то подсказывает мне, что это и то, и другое.

— Я не сомневаюсь, — тихо произносит она.

Глядя чуть поверх неё, я вижу, как в комнату входит Ками.

— Привет, — она подходит, выглядя сияющей в своём великолепии в простом чёрном платье. Её волосы ниспадают каскадом на одно плечо, когда она расчёсывает их пальцами, на её лице нет никакого макияжа.

— Сладкий пирожок, — щебечет её мама, присоединяясь ко мне, когда я встаю. Её ласкательное прозвище для моего ангела, кажется, звучит слишком громко и раздражающе, и я могу сказать, что Ками чувствует то же самое по этому поводу. — Не хочешь ли чаю?

Ками качает головой и подходит ко мне, прижимаясь ко мне сбоку.

— Спасибо за одежду, — она указывает на своё платье, побуждая меня бросить ещё один оценивающий взгляд.

— Всегда пожалуйста. А теперь мне пора, — объявляет мисс Белл. — Я уже опаздываю, — она подходит, одаривая Ками нежной улыбкой, прежде чем взять подойти и обнять. — Мы более чем рады, если ты останешься здесь, сладкая моя.

— Не нужно, — выпаливаю я, не задумываясь и не принимая во внимание чувства её матери. Она здесь не останется.

Ками вопросительно смотрит на меня, когда её мать выпускает её из объятий.

— Действительно? — спрашивает она, её беспокойство очевидно.

— Конечно, — подтверждаю я, точно зная, куда её отвезу, пока не разберусь с происходящим беспределом. Я игнорирую явное любопытство Ками и поворачиваюсь к её матери. — Мне было приятно познакомиться с вами.

Она смеётся и удивляет меня тем, что протягивает руку и заключает меня в свои объятия. Мои руки остаются безвольно висеть по бокам, тело напряжено.

— Не стоит недооценивать моего бывшего мужа, — шепчет она мне на ухо. — И не смей разбить сердце моей малышке.

Я держу рот на замке. И это факт. Я осознаю то, что могу причинить Камилле наибольшую боль, чем кто-либо другой. Куда большую, чем её бывший. Большую, чем её отец. То, как она видит меня, самолично воздвигнув на пьедестал, которого я не заслуживаю. Я не заслуживаю её. Если бы я был её отцом, я бы тоже постарался держать свою дочь подальше от такого типа.

Но сейчас я зашёл слишком далеко. Я слишком глубоко увяз в этой восхитительно великолепной женщине. Моё отчаяние за последние несколько часов, когда её забрали у меня, стало достаточной проверкой реальности всего происходящего, хотя не то, чтобы я в ней нуждался. Я слишком сильно люблю её, чтобы сдаваться. Так чертовски сильно, что это причиняет боль. Я просто надеюсь, что она любит меня достаточно сильно, чтобы пережить шок, когда узнает, что я не тот человек, за которого она меня принимает.

Глава 24

Ками

Джейк взволнован и напряжён, пока ведёт меня к своему «Рендж Роверу», который спрятан в соседнем переулке. Он даже не успокаивается, как только мы оказываемся в безопасности в его машине. Он настороже, осматривается повсюду, пробираясь по закоулкам к окраинам города.

Его подозрительность передаётся и мне, и я начинаю тоже судорожно оглядываться по сторонам, высматривая полицейские машины. Мой отец просто пробил моральное дно. От осознания его действий, того факта, что он заплатил Себастьяну, чтобы тот выдвинул

обвинения против Джейка, у меня сводит живот. Это также заставляет меня задаться вопросом, на что ещё он пойдёт, чтобы держать Джейка подальше от меня. Я пытаюсь понять его рассуждения, пытаюсь найти крупицу сострадания к отцу, которая разбавит ненависть, испытываемую к нему сейчас, но ничего не приходит на ум. Ему никогда не удастся разлучить нас. Клянусь, если он продолжит это безумие, я больше никогда с ним не заговорю. Он будет мёртв для меня.

Я немного разворачиваюсь на сиденье, чтобы посмотреть Джейку в лицо.

— Что мы будем делать с моим отцом?

— Позволь мне беспокоиться об этом, — отвечает он холодно, и уверенно. Он очень спокоен. Почему мне кажется, что его беспокоит куда меньше, чем меня?

— Джейк, он попытается засадить тебя в тюрьму, чтобы держать подальше от меня!

— Этого не будет.

Я открываю рот в недоумении. Неужели он забыл, на что способен мой отец?

— Как ты можешь быть в этом так уверен?

— Доверься мне, — настаивает он, протягивая руку и нежно касаясь моего колена. — У него ничего не выйдет, Ками.

Я смотрю вниз на большую руку Джейка, держащую меня за колени, его прикосновение тёплое и успокаивающее, но оно не может разом унять все мои беспокойства.

— Ты бывший солдат, — бормочу я. — Ты хотел спасти мир, а всё, чего он хочет — это управлять им, — я протягиваю руку и провожу ладонью по щетине на его подбородке, и Джейк на мгновение закрывает глаза, убирает руку с моего колена и кладёт её поверх моей руки на свою щеку. В это мгновение он кажется подавленным, погружённым в свои мысли.

— Я люблю тебя, ангел, — тихо произносит он, притягивая мою руку к своим губам и нежно целуя её. — Больше всего на свете.

Я улыбаюсь, жалея, что не могу показать истинную величину того, насколько много он для меня значит. Для этого ещё не придумали таких слов.

— Я тоже, — я отвечаю на его жест и подношу его руку к своим губам, целуя костяшки пальцев. — Куда мы едим?

— У меня есть небольшое поместье за городом. Никто о нём не знает.

— Так ты собираешься держать меня взаперти и до каких пор?

— Пока твой отец не образумится.

Я могла бы рассмеяться будь мы в других обстоятельствах.

— Тогда я останусь там навсегда, — бормочу я, расслабляясь на своём сиденье.

Он поворачивается ко мне с полуулыбкой.

— Тогда я буду держать тебя там вечно.

Я невозмутимо пожимаю плечами.

— Меня это устраивает.

* * *

После двух часов пути мы сворачиваем на крошечную просёлочную дорогу, плотно окаймлённую живой изгородью. Двадцать минут спустя мы едем по той же полосе, дорога, кажется, тянется вечно, ей не видно конца, повороты и повороты всё чаще и чаще. Дороги достаточно лишь только для одной машины, и по пути не было других водителей. Это отличное место. Никто не смог бы проехать мимо нас, даже на велосипеде.

Всё, что я вижу — это поля, насколько хватает глаз. Пустые поля — ни коров, ни овец, никакой жизни. Я молчу, пока Джейк с лёгкостью ведёт свой «Рендж Ровер» по узкой

дорожке, кажется, точно зная, где находится каждая выбоина, кочка и ухаб. Мы начинаем взбираться на крутой холм, и облака над нами, кажется, становятся всё ближе и ближе, пока мы не достигаем вершины и не начинаем неуклонно спускаться вниз. Я краем глаза поглядываю на Джейка, отмечая, что сейчас он более расслаблен, все признаки напряжения исчезли. Затем он улыбается про себя. Я смотрю вперёд, чтобы увидеть, что вызвало у него улыбку. И раскрываю рот.

Маленькое местечко за городом? Дом гордо возвышается вдалеке, окружённый рядом других, домиками чуть поменьше — гаражом, пристройкой, несколькими сараями и конюшнями. Это большой дом кремового цвета с окнами в тёмных деревянных рамах и массивной деревянной входной дверью.

— Небольшое поместье? — спрашиваю я, подумав о том, чего я не ожидала увидеть больше всего. Может быть, коттеджа?

— Здесь всего четыре спальни. На самом деле внешне он выглядит больше, чем есть на самом деле, — Джейк делает резкий поворот на дороге, заставляя меня вытягивать шею, чтобы не спустить глаз с дома. — Мой ближайший сосед в пятнадцати милях отсюда.

— Ты очень общительный, — бормочу я, когда он делает ещё один поворот. Мы находимся буквально у чёрта на куличках. — Ты не похож на фермера.

— Я и не фермер.

— Тогда зачем тебе конюшни, поля и свинарники?

— Это самое уединённое изолированное место, которое я только смог найти.

— Зачем тебе понадобилось такое уединённое и изолированное место? — спрашиваю я небрежным тоном, хотя внутри у меня всё зудит от любопытства.

Он останавливает автомобиль и заглушает двигатель, затем разворачивается на своём сиденье лицом ко мне. По понимающей улыбке на его лице я могу сказать, что он почувствовал, что я вот-вот взорвусь от любопытства.

— Потому что однажды я знал, что встречу прекрасную принцессу, которую нужно будет защищать от её злого отца.

Мои глаза сужаются.

— Это не смешно.

— Ты не одобряешь мои попытки сгладить нашу ситуацию?

В нашей ситуации? Я ненавижу, что мы оказались в такой ситуации. Я ненавижу своего отца.

— Я ненавижу то, что нам пришлось сбежать.

Джейк выскакивает, обходит машину и открывает мою дверь. Взяв меня за руку, он помогает мне выйти из салона.

— Твой отец послал за мной полицию, Ками. Я не собираюсь слоняться по Лондону, ожидая, пока они меня догонят. Мы останемся здесь, пока я не разберусь со всем этим.

— И как ты планируешь разобраться со всем этим? — спрашиваю я, неохотно позволяя ему подтолкнуть меня к входной двери.

— Я работаю над этим, — Джейк отпирает дверь, толкает её, и мы входим в массивный квадратный коридор с дверями, ведущими в разные комнаты, и лестницей на второй этаж.

Осознание моей нынешней ситуации доходит до меня. Может быть, меня не так беспокоит сам факт нашего побега. Я и Джейк. Одни. В Богом забытом месте. Может быть, ему и не стоит разбираться со всем происходящим, потому что сама перспектива быть запертыми здесь в обозримом будущем внезапно становится очень привлекательной.

— Здесь есть, чем заняться? — спрашиваю я, заходя внутрь и оглядываясь по сторонам.

— Я могу придумать для нас много дел, — Джейк оказывается у меня за спиной и стоит нашим телам соприкоснутся как внутри меня начинает расплзаться ощущение радости. — Здесь только я и ты. Больше никого, — он целует меня в шею, посылая волну жара между моих бёдер. С моих губ слетает вздох удовольствия. — Но сначала я приглашаю тебя на ужин.

Я хмуро смотрю перед собой. Я не заметила никаких признаков жизни на многие мили вокруг.

— Где?

— Позволь мне побеспокоиться об этом, — он разворачивает меня в своих объятиях и смотрит на меня сверху вниз, его тёмные глаза блуждают по моему лицу, не пропуская ни миллиметра моей кожи. Я позволяю ему это, счастливая от возможности разглядеть и его лицо в мельчайших подробностях. Он выглядит таким довольным и непринуждённым, таким я очень редко вижу Джейку. — На сегодняшний вечер мы забудем обо всём и просто побудем вместе, — он наклоняется и нежно целует, заставляя мои губы раскрыться на встречу его лёгким, нежным поцелуям. Я отвечаю и расслабляюсь в этом поцелуе, и чувствую себя более, чем счастливой. Но что будет после сегодняшнего вечера? Что произойдёт тогда?

* * *

Джейк показывает мне спальню, огромное пространство с высокими потолками и детализированными карнизами. Стеклянная люстра низко висит над огромной, аккуратно застеленной кроватью, а стены обклеены обоями в тёплых тонах с небольшим тиснением. Там также есть открытый камин, наполненный дровами. Он роскошный, но не вычурный, такой уютный и гостеприимный. Это очень далеко от того минимализма, царившего в городской квартире Джейка.

После того, как он оставляет меня, чтобы подготовиться к ужину, я направляюсь в смежную ванную, нахожу знакомую сумку. Я вытаскиваю кое-что из содержимого, обнаруживая свою одежду и косметику из ванной. Я улыбаюсь. Как?..

Глядя в зеркало, несколько мгновений изучаю себя, погружаясь в раздумья. Только я, Джейк и этот большой загородный дом на краях обширной земли. Я снова улыбаюсь, но улыбка быстро исчезает, когда я понимаю, что не дала Хизер знать, где я. Она будет волноваться. Мой телефон выключен, и я просто знаю, что она пыталась мне дозвониться.

— Чёрт! — я снова бросаюсь в спальню, нахожу свой телефон на кровати, и как только включаю, то вижу бесконечные пропущенные звонки от Хизер. Игнорирую смс от отца и звоню своей лучшей подруге.

Она отвечает после первого гудка.

— Ками, в журналах есть фотография тебя и Джейка! — настойчиво произносит она.

Для меня это уже неактуальная новость. Я удивлена. Хизер обычно более осведомлена о событиях, происходящих в Лондоне.

— Я знаю.

— Ты знаешь?

— Да, мой отец тоже знает.

— О, чёрт.

— Да, и он не в восторге, — сначала я информирую её о том, что она вероятно уже знает, но затем решаю дополнить наш разговор той информацией, о которой она точно не

догадывается. — Он заплатил Себастьяну, чтобы тот выдвинул обвинения против Джейка.

— Что? — громкость её голоса заставляет меня вздрогнуть. — Зачем ему это?

— Потому что он хочет, чтобы Джейк ушёл, — выдыхаю я. — А я не хочу.

— Значит, ты не влюбилась в своего телохранителя?

— Пипец забавно.

— Это точно, — она вздыхает. — Где ты?

Я оглядываюсь по сторонам и взглядом нахожу окно, затем подхожу, чтобы посмотреть на бесконечные поля.

— Я не знаю, — признаюсь я.

— Что ты имеешь в виду?

— Я с Джейком. Полиция разыскивает его, поэтому мы уехали из Лондона, пока он не разберётся с этой ситуацией.

— Ты в бегах?

Я смеюсь себе под нос.

— Я думаю, да. Но я не совсем уверена, от кого именно я больше я в бегах.

— О, чёрт, Ками, — выдыхает она. — Почему твой отец такой придурок?

— Я не знаю, — вздыхаю я, поднимаю руку и касаясь кончиками пальцев своего лба. —

Слушай, если кто-нибудь спросит, ты со мной не разговаривала, хорошо? Особенно мой отец.

— Конечно! — она кажется оскорблённой услышав данную просьбу.

— Спасибо. Я позвоню тебе завтра.

— Не забудь.

Я кладу трубку, выключаю телефон и бросаю его на кровать. Затем бросаюсь в ванную, стремясь собраться, как было велено, и найти Джейка. Последние несколько часов мы практически не отходили друг от друга. И теперь если между нами оказывалось какое-либо расстояние больше метра, оно казалось неправильным.

* * *

Я понятия не имею, что надеть. Он приглашает меня на свидание. Куда? Был ли какой-то затаённый ресторан, который я пропустила по пути? Я спускаюсь по деревянным ступенькам, мои чёрные ремешки на танкетке болтаются на кончиках пальцев, я же пытаюсь расслышать поблизости Джейка. На мне серое платье в стиле худи, с тонкими бретельками и украшением по подолу. Я подумала, что могу одеть его повыше или пониже, в зависимости от того, куда он планирует меня отвезти.

— Джейк, — зову я, преодолевая нижнюю ступеньку лестницы и направляясь на кухню, выполненную в простом стиле. Я вхожу и не нахожу Джейка. Нахмурившись, я возвращаюсь и направляюсь в гостиную, обнаруживая, что уютное пространство тоже пусто. — Где ты? — кричу я, от напряжения воздух накаляется, и я пчусь в коридор. Я стою несколько мгновений, раздумывая, где мне искать его дальше, и, решив, что он может быть снаружи, ожидая в своей машине, я поворачиваюсь к входной двери.

К ней приклеен листок бумаги, и, охваченная любопытством, я подхожу и читаю первую строчку.

«Возьми листок и следуйте инструкциям».

Я улыбаюсь, снимая его с двери, прежде чем продолжить чтение.

«Иди по подъездной дорожке. Между двумя дубами есть просвет. Иди по тропе, пока не дойдёшь до огромного ствола упавшего дерева. Твоя следующая инструкция там.»

Целую Джейк».

Какой-то детский, возбуждающий трепет пробегает по мне при мысли о том, что мне придётся отправиться на поиски сокровищ. Потому что Джейк — это сокровище.

Я сбрасываю туфли на пол и просовываю ноги в балетки, стоявшие у двери. Не теряя времени, выхожу из его дома. Вижу два дуба в дальнем конце подъездной дорожки, как он и сказал.

Я бегу с неконтролируемой улыбкой на лице, и как только прохожу через середину деревьев, то оказываюсь в заросшем лесу, но там есть следы. Я спешу вниз по тропинке, стараясь избегать больших ветвей, которые разбросаны тут и там.

Я чувствую себя так, словно попала в сказку. Навес деревьев надо мной пропускает лишь слабые лучи вечернего солнца, когда же я, спеша вперёд, в конце концов, оказываюсь на огромной круглой поляне с массивным стволом дерева, стоящим поперёк дороги, и кажется, что его кора вот-вот отвалится. Похоже, он простоял здесь сто лет. Сверху приколот листок бумаги.

Моё возбуждение зашкаливает, потому что с каждым шагом оказываюсь всё ближе к Джейку, поэтому бросаюсь вперёд и хватаю его.

«Однажды я трахну тебя около ствола этого дерева.

Посмотри направо от себя. Там стоит берёза. Пройди её и следуй по новой тропинке, пока не дойдёшь до куста красной розы. Там ты найдёшь следующие инструкции. Аккуратнее с шипами.

Целую Джейк».

Я подношу бумагу ко рту и кусаю уголок, сопротивляясь желанию остаться стоять около берёзы, которую я уже заприметила. Может быть, если я останусь здесь, ему надоест ждать, где бы он ни был, и он найдёт меня. Тогда он сможет выполнить своё желание сегодня и трахнуть меня около этого ствола дерева.

Медленно кружась, я оглядываюсь вокруг, поражённая тем, как всё здесь красиво. Затерянный лес, заросший огромными деревьями, некоторым из которых сотни и сотни лет. Здесь тихо и спокойно. Единственные звуки — это звуки природы — чистой, нетронутой природы. Ни машин, ни зданий, ни загрязнения окружающей среды. Я могла бы остаться здесь навсегда. Почему мы не можем просто остаться здесь навсегда? Пожениться, завести детей и воспитывать их в этом тихом убежище, вдали от большого города и внешнего мира? Я прикусываю губу, думая, что забегая далеко вперёд. Или нет?

Я бросаюсь к серебристой берёзе и прохожу мимо неё, оказавшись на другой не истоптанной тропинке. Хруст и треск веток под моими ногами едва слышны. Я отчаянно хочу увидеть его, отчаянно хочу броситься в его объятия и исчезнуть в забвении Джейка. Никого вокруг, кроме Джейка. Его сила, его страсть — весь он.

Я вижу розовый куст впереди, вспышка ярко-красного притягивает меня, как магнит. Это небольшой островок английской красоты среди зарослей леса. Замедляя шаг, я вижу накрахмаленный белый лист бумаги, примостившийся среди шипов и цветов, ожидающий меня. Я останавливаюсь на минуту, чтобы подумать, что может быть написано в этой записке. Распустившееся алые цветы благоухают, их аромат вызывает слишком сильное желание коснуться одной из роз и поднести её к носу. Я вдыхаю и выдыхаю её запах, закрывая глаза. На душе становится тепло, спокойно и безмятежно. Отпустив розу, я тянусь за бумагой, не забывая следить за шипами. Записка цепляется за несколько, когда я осторожно вытаскиваю её из листвы, пока не смогу прочесть содержимое.

«Это место — моё безопасное убежище. Теперь оно и твоё тоже. Всё, что у меня есть, теперь принадлежит тебе.

Я люблю тебя. Сильнее, чем мог себе представить, я не думал, что смогу кого-то полюбить так сильно.

Возьми розу и воткни её себе в волосы. Затем следуй по тропе, пока не найдёшь красивое красное дерево.

Целую Джейк».

Я подношу бумагу к носу и глубоко вдыхаю, как будто могу вдохнуть в себя написанные им слова. Он любит меня. Всё, что у него есть, принадлежит мне, но единственное, что мне действительно нужно и чего я хочу — это его сердце. Его покой.

Я осторожно протягиваю руку и аккуратно срываю самую большую розу, которую могу найти. Она легко отрывается от стебля, как будто сама желает оказаться у меня в руках. Заправляя несколько выбившихся светлых прядей в косу, я заправляю бутон из рубиновых лепестков за ухо.

Затем делаю круг, чтобы найти след, и начинаю идти по нему, улыбаясь всю дорогу. Пробираюсь сквозь деревья, иногда даже возвращаясь на ранее пройденные места, но придерживаюсь приказа Джейка и держусь тропинки. От огромного красного дерева, к которому она меня привела, у меня перехватывает дыхание, листья такие же красные, как роза, заправленная за ухо. К стволу приколоты ещё одна записка, и я впервые задаюсь вопросом, сколько ещё таких записок. Я начинаю терять терпение. Я спешу и отрываю бумагу.

«Что бы ты ни решила надеть, сними это. Сними всё».

Тихий прерывистый вздох вырывается наружу, моё тело наполняется живительной силой.

«За этим деревом есть проход, который приведёт тебя ко мне. Торопись.

Целую Джейк».

Я сглатываю и роняю сумку, и записку. Затем оглядываюсь вокруг, сбрасываю туфли и тянусь к подолу платья. Это безумный поступок. Здесь никого нет. Никто не может меня увидеть. Однако от этого требование Джейка не кажется менее дерзким. Здесь тепло, вечернее солнце всё ещё низко и ярко светит из-за верхушек деревьев, а ночной холод ещё не пронзил воздух.

Но мои соски твердеют, когда я стягиваю платье через голову. Позволяя ему упасть на землю, я прикусываю губу и начинаю стягивать трусики с бёдер, инстинктивно оглядываясь по сторонам, как будто кто-то может наблюдать за мной. Я хихикаю про себя. Держу пари, белки и птицы гадают, что, чёрт возьми, происходит. Кто этот человек, раздевающийся в нашем лесу?

Вылезая из трусиков, я оставляю их у своих ног и смотрю за дерево в поисках прохода сквозь массу кустов и деревьев. Я вижу его и улыбаюсь. Закрепив розу за ухом, направляюсь к поляне, моё дыхание учащается с каждым шагом.

Я уверена, что буду в безопасности, когда пройду сквозь завесу, но зелёная листва вокруг меня кажется густой и может поцарапать мою обнажённую кожу, когда я буду проходить сквозь неё. Я продвигаюсь и пробираюсь мимо кустов и ветвей, пока не вижу солнечный свет, не просто рассеянный как позади меня, а более свободно разливающийся впереди. Мой темп ускоряется, и я задерживаю дыхание, пока не вырываюсь из леса, который слишком долго держал меня в своих заколдованных тисках.

— Боже мой, — шепчу я, выходя на поляну. Я все ещё в лесу, только здесь больше воздуха и свободы. Стволы деревьев более тонкие, гладкие и расставлены аккуратными рядами. Я смотрю вниз и улыбаюсь, совершенно загнипнотизированная открывшимся зрелищем. Земля передо мной — это синее море. Английские колокольчики. Я замечаю каждую мелочь. Или я пытаюсь это сделать. Как же всё здесь прекрасно в этом тайном убежище.

Позади меня раздаётся шелест листвы, и я разворачиваюсь, на мгновение забывая, зачем я здесь. Моя рука поднимается к груди с тихим всхлипом, когда вижу Джейку.

Он стоит позади меня, его стройное тело тоже обнажено, а на красивом лице улыбка.

Глава 25

Джейк

Она похожа на мираж. Как на нечто такое, о чём я мог бы мечтать разве что в самых смелых желаниях. Мне кажется, что я ждал здесь целую вечность, моё искушение пойти и выследить её почти взяло верх. Я представлял это весь день, с того самого момента, как привёз её по длинной дороге в своё убежище. Это место было похоже на место из книжки с картинками. Оно идеально подходило для моего ангела и, кажется, ожило, как будто всё это время всё здесь только и ждало её прихода.

Легкий ветерок шевелит листья, солнечный свет более ярок в этой части густого леса, примыкающего к моему дому. Ковер из колокольчиков, окружающих меня, яркий и завораживающий. Совсем как Камилла. Её голубые глаза ярко сверкают от удивления и благоговения, её стройное тело неподвижно, но живо.

Делая шаг вперёд, я немного наклоняю голову, пытаюсь заставить своё тело расслабиться, мои твёрдые мышцы начинают болеть от напряжения. Я не знаю, почему я так напряжён. Здесь она в безопасности. Она может свободно разгуливать по моей земле и бродить вокруг дома, а я всё это время буду рядом отставая от неё всего на десять шагов. И всё же понимание всего этого не облегчало мне ожидание, пока она не находит меня. Я почувствовал беспокойство, и причина этого глубже, чем страх за её безопасность.

Всякий раз, когда она может не находится в поле моего зрения, глубокая боль внутри меня никогда не исчезнет. Мне нужно, чтобы она была рядом по моим собственным эгоистичным причинам. Потому что я чувствую себя неполноценным, когда мы порознь.

Её безупречная кожа сияет, холмики её маленьких грудей дерзко вздымаются и зывают прикоснуться к ним. У неё за ухом одна красная роза, как я и просил. Она — воплощение чистой, изысканной красоты.

Я подхожу к ней, наслаждаясь видом её груди, вздымающейся всё заметнее, стоит мне подойти ближе, её глаза ни на миг не отрываются от моих. Я никогда не чувствовал себя таким живым. Моё сердце никогда не билось так сильно. Мой член никогда так отчаянно не жаждал освобождения. Она моя на всю ночь, все мои страхи забыты на данный момент. До завтра. Завтра я всё решу. Не только с её отцом, но и с самим собой тоже. И я молюсь, чтобы, если Камилла Логан ещё не догадывается о силе моих чувств к ней, она узнает об этом после сегодняшнего вечера. И она простит меня за то, что я так много скрывал от неё.

Она смотрит на меня снизу-вверх, сохраняя тишину, пока я запоминаю её лицо, впитывая каждую его частичку.

— Ты нашла меня, — произношу я, мой голос хриплый от желания. Я провожу ладонью по её бедру и направляюсь к её заднице.

— Я всегда найду тебя, — голос Ками такой же напряжённый, когда она произносит

мои же слова, она поднимает ладонь, чтобы коснуться моего сердца. Оно, чёрт, просто поёт от счастья. — Это прекрасное место.

— Оно и твоё тоже. Всё здесь принадлежит тебе, — я наклоняю голову и завладеваю её губами, притягивая её ближе к себе. Я не закрываю глаза, не желая жертвовать возможностью увидеть, как она вся светится изнутри. Я нежен, покусываю и прикусываю её губы, а затем глубоко погружаю язык, ловя её стоны. Мой член дёргается, крича мне, чтобы я дал ему то, чего он хочет. Но с этим придётся подождать. У меня другие планы, и я пока не планирую оказаться в ней.

Замедляя наш поцелуй, я осторожно отстраняюсь, вынужденный быть более решительным, когда рука Ками ложится мне на затылок и она пытается прижать меня к себе как можно ближе.

— Терпение, ангел, — бормочу я, улыбаясь, пока она ворчит себе под нос.

— Ты ждёшь меня здесь голый и просишь меня быть терпеливой? — её голос выдаёт раздражение, и мне это нравится.

Я смотрю на неё сверху вниз, рукой гладя её по щеке.

— Я хочу, чтобы это не заканчивалось, — я пытаюсь остановить её, пока мы полностью не поддадимся страсти, и указываю через её плечо туда, где я расстелил одеяло на небольшой круглой поляне.

Искоса, с любопытством улыбнувшись мне, Ками медленно поворачивается, чтобы понять на что я указываю. Я слышу её лёгкое прерывистое дыхание.

— Пикник? — выдыхает она, поворачиваясь ко мне лицом, распущенные пряди волос развиваются по её лицу.

По неизвестным мне причинам я чувствую, как пылают мои щеки. Я краснею?

— Да, пикник, — я подхожу и беру её на руки, мой слух наполняет её удивленный визг. — Я собираюсь накормить тебя, ласкать тебя, облизать каждый дюйм твоего тела, а потом я собираюсь заняться с тобой безумно романтичным сексом.

Её руки обнимают меня за плечи, на её лице написано восхищение.

— Ты краснеешь, Джейк Шарп?

— Я не краснею. — Давайте проясним это, прежде чем она ухватится за это. — Скоро ты будешь краснеть.

Я опускаюсь на колени, всё ещё держа Ками на руках, и нахожу свободное место рядом с корзиной, наполненной шампанским, клубникой и холодным мясом. Пикник. В моём лесу с колокольчиками? Чёрт возьми, кто бы мог подумать?

Но мне нужно было увезти ее в далекую страну, где никто и ничто не могло бы нам помешать. И мне нужно показать ей, как много она для меня значит.

Осторожно укладывая её на одеяло, я поднимаю её руки над головой, мои глаза путешествуют по её длинному телу, лежащим передо мной. Это может оказаться сложнее, чем я думал. Каждая её частичка манит меня, и моё тело реагирует, изнывает от желания и заставляет мою и без того распатанную силу воли просто трещать по швам. Нет она не пытается усложнить мне жизнь. Ками просто лежит, глядя на меня снизу-вверх, пока я борюсь с желанием взять её грудь вместо шампанского. Я присаживаюсь на корточки и снимаю фольгу с крышки, время от времени поглядывая на неё сверху-вниз, чтобы увидеть, на чём она сосредоточена. Как и предполагалось, каждый раз она скользит жадным взглядом по моему торсу, покусывая губу.

— Я не вижу здесь бокалов, — замечает она, когда я открываю пробку, на секунду

просовывая большой палец в горлышко бутылки, чтобы оно не расплескать его.

— Нам они не понадобятся, — я наклоняю бутылку и позволяю шипучей жидкости упасть ей на животик. Она задыхается, её тело резко изгибается от неожиданности. От этого движения её соски встают и становятся напряжёнными. Я всеми силами пытаюсь сохранить свой контроль и ложусь так, чтобы оказаться рядом с ней, на боку. Бросив на неё последний взгляд, я опускаю голову и ловлю струйку шампанского, стекающую по её боку, слизываю её, пока не оказываюсь у неё на животе.

— О, чёрт! — Ками хлопает ладонями по одеялу по бокам от себя, ещё больше выгибая тело.

— Тебе хорошо, ангел? — спрашиваю я, обводя её пупок своим напряжённым, влажным языком.

— Да!

Это *так* приятно, тепло её кожи и прохлада шампанского создают восхитительную смесь горячего и холодного у меня во рту. Снова наклоняю бутылку, на этот раз более осторожно, я начинаю лить алкоголь на её грудь, прокладывая путь вниз по её телу, пока не оказываюсь на её бедре. Ками начинает дрожать, бормоча бессвязные слова верхушкам деревьев.

Она ещё ничего не почувствовала. Я делаю глоток и не сплываю, затем отставляю бутылку в сторону, приподнимаюсь и седлаю её, опираясь на руки. Я жду, когда она откроет глаза, моя твёрдость, задевает её рёбра. Я не могу приказать ей открыть глаза, поэтому немного опускаюсь, и мой член касается её плоского животика. Это срабатывает в одно мгновение. Она резко открывает глаза и наши взгляды встречаются. Я выпускаю немного жидкости изо рта, позволяя ей стекать по её губам. Её глаза расширяются от восторга, её рука поднимается с земли. Я качаю головой, и она надувает губы. Это восхитительно, и это почти заставляет меня выплюнуть остатки шампанского и изнасиловать её.

Чёрт возьми, сохраняй самообладание, Джейк!

Она облизывает губы. Она, блядь, облизывает губы, медленно, целенаправленно и со стопроцентным намерением. Маленькая чертова шалунья. Я позволяю ещё нескольким каплям вырваться из моего рта и снова упасть на её губы, только на этот раз она открывает рот, ловя их. И как только она медленно проглатывает эти несколько капель, она выполняет ту же самую рассчитанную до миллиметра последовательность движений, облизывая губы. Эта картина завораживает. Моё сердце бешено колотится в груди, а эрекция молит об облегчении. Я чёртов дурак. Я не знаю, почему решил, что справлюсь с этим, дразня её, соблазняя, заставив ждать меня. Всё полностью обернулось против меня. Я проглатываю оставшееся шампанское и качаю головой про себя, молча поражаясь способности этой женщины послать мою самодисциплину ко всем чертям.

— Вкусно? — шепчет она, приподнимая бёдра и толкаясь мне в пах.

Я опускаю голову, моё тело изгибается в нелепой попытке убежать от собственных желаний.

— Прекрати это, ангел, — предупреждаю я, зажмурил глаза.

— Останови меня, — возражает она, подстрекая меня, её голос шёлковый и соблазнительный.

— Чёрт, — я поддаюсь магнетизму, который притягивает моё тело к её. Наша кожа соприкасается, мои руки поднимаются, чтобы лечь на её руки, которые она держит над головой, и я поворачиваю бёдра, нахожу её влажную киску и всего на несколько

миллиметров вхожу в неё. Даже от столь небольшого проникновения у меня перехватывает дыхание.

Ками стонет, восхитительно выгибаясь лёжа подо мной.

— Джейк.

Я вхожу совсем чуть-чуть, но её внутренние мышцы напрягаются, пытаюсь втянуть меня ещё глубже. Я хватаю ртом воздух, жадно вдыхая его, когда меня бросает в пот.

— Войди в меня полностью, — умоляет она, борясь с моими руками, удерживающими её. — Джейк, пожалуйста!

Звук её умоляющего голоса окончательно разрушает мой контроль, и я подчиняюсь потребностям своего тела, и вхожу в неё сильнее, пока не оказываюсь в ней до самого основания.

— О Господи, — выдыхаю я, мой лоб встречается с её. — Камилла... — всё моё грёбаное тело гудит от такой сильной потребности, и я блять, не знаю, что с этим делать.

— Ты весь дрожишь, — выдыхает она, пристально глядя мне в глаза. Так глубоко, что я уверен, она нашла в моём взгляде ту самую тёмную сторону моей души.

Я проглатываю внезапный комок в горле и начинаю мягко входить в неё, скользя плавно и медленно, наслаждаясь постоянными стонами и криками, которые она издаёт. Её звуки удовольствия — самый мощный афродизиак, который лишь подстёгивает мою жажду. Но я стараюсь сохранять свой ритм спокойным и последовательным.

— Я просто... — слова испаряются. Я чувствую себя чертовски подавленным, сильнее, чем когда-либо прежде. Может быть, это потому, что я здесь, в своём тайном месте. Или, может быть, это потому, что я наконец понял то, что мне нужно делать. То, что я так долго хотел сделать, но сомневался, что у меня хватит сил на это. Сомневался в себе. Ками дала мне эту силу. Дала *мне ясность*. Мне так много нужно исправить.

— Ты просто что? — спрашивает она, хриплым шёпотом, её бедра покачиваются в моём ритме, идеально прижимаясь ко мне.

— Я просто чертовски сильно люблю тебя, — я не могу даже толком осознать происходящее. Я не могу осознать всю силу своих чувств к ней. Мои нарастающие эмоции берут надо мной верх, с безжалостной силой вонзаются в моё сердце, причиняя ему физическую боль. Отпуская её руки, и обхватывая её лицо, чувствуя, как она ногами обхватывает мою талию и прижимается ко мне всем телом.

— Я тоже, — она запускает пальцы в мои волосы и слегка сжимает их, усиливая желание до предела. Она демонстрирует все признаки неминуемого оргазма, её глаза блестят и почти безумны от страсти. Она начинает кивать, как будто прочитала мои мысли, говоря мне, что она уже близко.

Чёрт, один только вид того, как она достигает оргазма, превосходит всё, что я когда-либо испытывал. И осознание того, что я являюсь причиной её состояния, делает это мгновение ещё более приятным. Я тоже киваю, мои глаза прикованы к её, мне нужно увидеть момент, когда она кончит. Мои движения становятся быстрее, мои инстинкты требуют разрядки, в которой мы оба нуждаемся.

Я почти готов, каждый мускул напрягается, моя челюсть сжимается. Кровь стремительно приливает к члену делая его каменным, заводя меня ещё сильнее.

В её огромных глазах паника, её ноги страстно сжимаются вокруг меня.

— Опустит ноги, — приказываю я, зная, что это принесёт удовольствие нам обоим.

Она кричит, спускает ноги вниз по моему телу, её зубы скрипят. Дыхание спирает, наше

новое положение лишает меня возможности нормально дышать.

— О, Боже, — я чувствую, как меня начинает захлестывать волна удовольствия. Веки Ками закрываются, лишая меня возможности видеть её глаза. — Открой глаза, — резко приказываю я.

Она рычит, но подчиняется.

— Мне необходимо тебя видеть.

Она хнычет и стонет, её руки в безумном порыве касаются моей головы, прежде чем молниеносно переместиться на спину.

— Я вижу тебя, — шепчет она, а затем сильно бьётся в конвульсиях, теряя контроль над собой.

Эти слова, её реакция. Они увлекают меня за собой. Я шиплю от напряжения, мой член вибрирует где-то внутри тела Ками, выплёскивая в неё всё, что я могу ей дать. Моё тело подчиняется силе моего удовольствия, погружаясь в женственные изгибы, и подчиняется ей. Ощущения, овладевающие моим телом, затуманивают мой разум и сжимают лёгкие. Я чувствую себя одновременно беспомощным, и в тоже время сильным. Я чувствую себя охваченным силой, слишком могущественным, чтобы сдерживаться.

Я чувствую, как Ками расслабляется, и мне удаётся немного приподнять лицо, чтобы она оказалась в поле моего зрения, я вижу, что её глаза закрыты, голова в изнеможении наклонена набок. Её пальцы больше не цепляются за меня, её длинные, тонкие руки раскинуты по бокам. Единственные признаки жизни — это её сердцебиение, которое я чувствую так как её сердце бьётся прямо напротив моей груди, и сжатие её внутренних мышц, выдавливающие меня до капли. Я изучаю её несколько мгновений, чувствуя себя таким чертовски возбуждённым. Она превратила меня в эмоциональную киску. Я ненавижу её за это. Но больше всего я люблю её за это.

Камилла заставила меня снова чувствовать, и это пугает меня до смерти, потому что снова чувствовать означает, что я могу снова причинить боль.

С довольным и восторженным вздохом я опускаю лицо к её взмокшей шее и устраиваюсь над ней, удерживая её в клетке. Она никуда не денется. Не сейчас. Но как насчёт завтрашнего дня? Что будет, когда я покажу своих призраков?

Глава 26

Ками

Движения — нет. Мы молчим. Всё, что остаётся, это чувствовать, и где-то среди кромешной усталости я могу искать силы, для того чтобы наслаждаться происходящим. Я была потеряна в полубессознательном состоянии около... Я не знаю, как долго. Это не имеет значения, потому что я всё ещё чувствую, как он растекается по мне, дышит мне в шею.

Я не совсем понимаю, что только что произошло. Все обычные сокрушительные чувства и удовольствие всё это было, но на этот раз было что-то ещё. Но я не могу понять что. Джейк казался таким абсолютно собранным, хладнокровным и контролируемым, уверенным. Потом вдруг в нём что-то изменилось. Его отчаяние нарастало, увлекая меня за собой. Он занимался со мной любовью так, как будто думал, что это в последний раз.

— Это удивительно для тебя так же, как и для меня? — тихо спрашивает он, неподвижно нависая надо мной. — Неужели это поглощает тебя так сильно, что ты думаешь, что никогда не сможешь уйти от меня? — он приподнимается на локтях, не торопясь, пока не смотрит на меня сверху вниз, выглядя почти растерянным. Его красивое лицо ясное, его

великолепные глаза мерцают. — Скажи мне, что ты чувствуешь то же самое. Скажи мне, что я не одинок в этом чувстве.

Если ему нужны слова, то я буду говорить. Если это то, что потребуется делать каждый день, то я буду повторять их до тех пор, пока он, наконец, не поймёт, что наши чувства взаимны. Я сгибаю руки и кладу их под голову, используя их как подушку, чтобы немного приподнять голову.

— Ты не одинок, — отвечаю я, наблюдая за его реакцией. С его лица не исчезает намёк на недоумение, но он слегка улыбается. — Мы можем остаться здесь? — спрашиваю я.

— В лесу колокольчиков?

— У тебя дома, — поправляю я его. Я бы с радостью осталась лежать на этом самом месте навсегда, но это была глупая мечта. Эта просьба ничуть не кажется мне глупой. Нет причин, по которым мы не можем просто прятаться здесь вечно; только я и он.

Он смотрит вдаль, как будто обдумывая мою просьбу.

— У нас есть дела, — отвечает, но больше вероятно себе, чем мне.

Тем не менее, я всё равно отвечаю.

— Нам не нужно иметь с ними дело, — я уверена в своих словах, но мимолётный сочувствующий взгляд Джейка говорит мне, что я не должна была это произносить. Он смотрит на меня сверху-вниз, и вид у него растерянный. — Никто не знает, что мы здесь. Им и не нужно, — тихо продолжаю я.

— Ты хочешь остаться здесь несмотря на всё происходящее и угрозы?

— Конечно, — отвечаю я чуть более резко, чем хотела. Если я никогда больше не увижу своего отца, это будет слишком малая плата за все его злодеяния. Мама сможет навещать меня здесь. Или я буду звонить ей по скайпу. И я не могу не представить, как мы с Хизер корпим над нашими проектами за огромным кухонным столом Джейка или, может быть, даже превращаем одну из хозяйственных построек в студию. Это было бы идеально. Да идеально. Лондон находится всего в паре часов езды. Это вполне себе можно устроить.

Джейк тяжело и уныло вздыхает.

— Полиция ищет меня, Ками. Я не хочу, чтобы мы прятались. Я хочу прояснить ситуацию, ангел. Я хочу, чтобы ты продолжила свою карьеру. Я хочу, чтобы мы были вместе. Я хочу, чтобы мы были счастливы. Не прячься.

— А что, если мы не сможем всё прояснить? Мой отец — безжалостный ублюдок. Я его знаю. Он не привык проигрывать.

— Но так и случится, — его голос звучит непреклонно, но он ничуть не уменьшает моего беспокойства. Возможно, я и предлагаю самый трусливый из всех возможных вариантов, но также и самый простой. — Всё будет хорошо.

На этот раз голос Джейка звучит не так решительно. Он отводит взгляд, что только подчёркивает его неуверенность.

Я чувствую себя здесь невероятно защищённой, но, замечая в нём эти случайные признаки неуверенности, видя, как он борется внутри себя, я начинаю сомневаться и в своей непоколебимости. Это заставляет меня чувствовать себя очень *незащищённой*. Я погружаюсь в раздумья. Я понимаю, что ситуация с моим отцом была неприятной, но почему мне кажется, что есть что-то ещё? Нечто большее.

Мой разум быстро заполняют воспоминания об том фото в серебряной рамке и счастливом лице Джейка.

— Кто она такая?

Он не спрашивает меня, о чём, чёрт возьми, я говорю несмотря на то, что мой вопрос был достаточно расплывчатым. Я начинаю нервно покусывать губу.

Он застывает надо мной, его лицо остаётся невозмутимым, но его глаза темнеют. Он качает головой.

— Джейк, кто она? — я повторяю, игнорируя все знаки, которые вопили о том, что мне стоит бросить это дело.

Он приподнимается и слезает с меня в мгновение ока, оставляя меня лежать голой и мёрзнуть на лесной земле.

— Всё не всегда так, чем кажется на первый взгляд, Ками, — говорит он сквозь сжатые зубы. — Не верь всему, что видишь, — он подходит к своей куче одежды, резко берёт джинсы, и начинает агрессивно натягивать их.

Садясь, я обхватываю ноги руками, чувствуя себя маленькой и глупой. Я настороженно наблюдаю, как он дёргает пуговицы на ширинке, пытаюсь застегнуть их. У него дрожат руки.

— Тогда скажи мне, во что верить, — неуверенно умоляю я.

Он глубоко вдыхает и поворачивается ко мне.

— Я не готов поделиться этой частью себя с тобой.

Меня пронзает боль, и я опускаю взгляд в землю, не желая, чтобы он это видел. Значит, ему есть что рассказать, но он не хочет мне говорить? Он знает обо мне всё, что только можно. Это кажется несправедливым. Он знает, что Себастьян сделал со мной. Я доверилась ему, хотя никогда и словом не обмолвилась о вспышках ярости Себастьяна никому, кроме Хизер. Никто не мог знать, что я была слабачкой. Никогда.

Я могла бы встать и уйти от Джейка. Я могла бы потребовать его рассказать и не отступать от своего, пока он мне не расскажет обо всём.

Я могла бы.

Но я этого не сделаю.

Возможно, где-то моё подсознание говорит мне, что я элементарно просто не хочу знать о прошлом Джейка. Ему больно, значит, произошедшее что-то для него значит. Любой, кто обидел, предал его, причинил боль и мне. Не потому, что Джейк так думает, а потому что пусть сейчас это и прозвучит эгоистично, кто-то другой имел над ним такую власть. Кто-то другой оказал на него такое влияние и всё ещё продолжает оказывать.

— Ангел?

Я поднимаю к нему своё лицо. По нему не катятся слёзы, нет ни боли, ни пренебрежения. Это всего лишь я.

— Я понимаю, — отвечаю я ему, хотя это не так.

Но мои причины нежелания знать о его прошлом уходят гораздо глубже, чем Джейк мог себе подумать. Я не хочу верить, что он когда-либо жил другой жизнью до того момента, как я встретила его — что он был солдатом или, что наиболее важно, что он принадлежал кому-то другому. Я хочу верить, что он был всего лишь тенью. Или что он всегда был только моим.

Я съёживаюсь сидя на земле, чувствуя себя немного потерянной среди своих мыслей, когда Джейк подходит и берёт меня за руки, поднимая на ноги.

— Мы ещё не ели, — заявляет он, уводя нас в сторону от вопросов, которые гораздо более тривиальны, но в то же время гораздо более привлекательны, несмотря на то что я была ужасно голодной.

Но я ему этого не говорю. Это похоже на то болезненное чувство, которое зарождается у меня где-то в животе и которое я изо всех сил стараюсь игнорировать.

— Тогда давай поедим, — я заставляю себя улыбнуться и дорожу его улыбкой, которую получаю в ответ.

— Садись, — он тянет меня вниз усаживая на одеяло и начинает рыться в корзине, в конце концов вытаскивая блюдо с мясной нарезкой и корзинку с булочками.

— Откуда всё это? — спрашиваю я.

— У меня есть кое-кто, кто забивает мои шкафы и холодильник всем необходимым. Местный фермер, живущий примерно в тридцати милях ¹⁵отсюда, — он кивает куда-то мимо меня, но я не смотрю. Я не увижу ферму в тридцати милях отсюда, даже если бы нас не окружали деревья. — У него маленький фермерский магазинчик.

— И он делает доставку на расстояние тридцати миль?

— Для меня, да, — Джейк улыбается, протягивая мне тарелку и вилку. — Говядина созрела тридцать дней. Она божественна.

Я накладываю себе говядину.

— Он знает тебя?

Джейк бросает на меня короткий взгляд, когда начинает нагружать свою тарелку деликатесами.

— Он знает меня, но он меня не знает, — отвечает он, заставляя меня смеяться внутри себя. Знаем друг друга только мы.

Мы едим в относительной тишине. Меня это не беспокоит, потому что даёт мне возможность незаметно понаблюдать за ним. Это место явно было не тем, с которым я бы отождествляла Джейка. Оно ему не подходило, но, с другой стороны, и подходило, в каком-то странном смысле. Это уединённое место. Как и он сам. Однако, в чём можно было быть уверенной, так это в том, что и он и это место были какими-то умиротворёнными. Мягкими. Спокойными. И чем дольше я наблюдаю за Джейком, тем более расслабленным и безмятежным он кажется. Как и всё вокруг.

Я заставляю себя съесть содержимое тарелки. На ней нет никаких признаков какой-либо зелени или салата, и мне интересно, был ли это сознательный выбор со стороны Джейка. Мне должно быть всё равно. У меня осталась ещё одна съёмка и она только через неделю, начиная с пятницы. Достаточно времени, чтобы побеспокоиться о, потребляемых углеводах позже. Я так долго обходилась без них, что каких-то нескольких кусочков мяса мне оказалось достаточно. Я чувствую, что вот-вот лопну.

Отодвигая тарелку в сторону, я падаю на спину и смотрю в небо.

— Мне здесь нравится, — заявляю я, глядя на облака, слыша лёгкий смех Джейка, когда он убирает мою тарелку.

— Мне тоже, — он оказывается лежащим над моим обнажённым телом. С пистолетом в руке.

Мои глаза прикованы к нему, чёрное оружие легко лежит в его руке, и направлено куда-то в землю.

— Он заряжен? — спрашиваю я, приподнимаясь на локтях.

— Он всегда заряжен, — небольшое перемещение его ладони приводит к тому, что патронник выпадает из рукоятки в его свободную руку. — Хочешь попробовать?

Мои глаза выпучиваются.

— Попробовать выстрелить из пистолета?

— Да, — он злобно ухмыляется. — Это очень опасно.

— Хорошо! — я вскакиваю как молния, странно взволнованная открывшейся

перспективой. — Что мне нужно сделать?

Он восхищён моим энтузиазмом.

— Вот это магазин, — он поднимает чёрную прямоугольную штуковину.

Я хмуро смотрю на него.

— Магазин?

— Магазин, но не тот о котором ты подумала, — он закатывает глаза с лёгким смешком. — В нём находятся пули, — он вставляет его в нижнюю часть ручки и ударяет по ней, фиксируя её на месте с волнующим звуком металла о металл.

Звук — не единственная захватывающая вещь. Джейк выглядит чертовски сексуально, управляя им стоя в одних джинсах. Я сглатываю, пытаюсь смочить внезапно пересохшее горло.

— Вот, — он протягивает мне пистолет рукояткой впереди, и я осторожно тянусь впереди, забирая его из его рук, задерживая дыхание, чувствуя, как в моей руке оказывается нечто столь запретное.

— Он тяжёлый — размышляю я, ослабляя хватку.

— Это один из самых лёгких пистолетов на рынке, — он обходит и заходит мне за спину, прижимаясь к моей спине. — Ты настоящее видение, стоишь здесь нагая и с моим пистолетом в руках.

Он толкает свой пах в мою поясницу, заставляя меня дёрнуться. Пистолет начинает слегка дрожать в моей руке, я немного прогибаюсь в спине и чуть выдвигаю грудь вперёд,

— Прекрати так делать, когда я держу заряженное оружие.

— Договорились, — он смеётся, обнимая меня и придерживая за запястье. — Я хочу, чтобы ты выстрелила вон в то дерево.

— Я не могу стрелять в дерево! — в ужасе возражаю я. — Они живые, дышащие существа!

— В таком случае, они только что получили лучшее представление в своей жизни, — он снова смеётся, это такой приятный звук, что я не успеваю нахмуриться в ответ на его едкую остроту. — Оно уже мертво, ангел, — Джейк отступает от меня и указывает на несколько ветвей наверху. Я слеую за его указывающей рукой и замечаю признаки впадин в стволе. — И уже много лет.

— Ох, — я пожимаю плечами и поднимаю пистолет, направляя его в центр ствола, закрывая один глаз, пытаюсь прицелиться. Я чувствую, как мои губы скривились от сосредоточенности, и желания поразить свою цель. — Мне просто нужно нажать на курок?

— Не так быстро, ангел, — его ладони упираются мне в плечи. — Держи плечи прямыми, руки расслабленными, а большие пальцы подальше от предохранителя. Он может сильно прищепить палец.

Я киваю, несмотря на то что немного ошеломлена потоком инструкций. Я проверяю, большие пальцы, расправляю плечи и заставляю руки смягчиться.

— Правильно.

— Сила может показаться большой. Будь готова к отдаче.

— Хорошо, — отвечаю я, немного расширяя свою стойку.

Джейк подходит ближе ко мне и указывает на заднюю часть пистолета.

— Отодвинь затвор назад, — он указывает на верхнюю часть пистолета, и я делаю, как мне велят, отодвигая его назад, когда делаю вдох. — Красный огонёк здесь говорит, что пистолет заряжен, и ты можешь стрелять.

Я перевожу взгляд туда, куда указывает Джейк, на заднюю часть пистолета, и вижу красный огонёк.

— Значит, я могу? Просто нажать на курок?

— Просто нажми на курок.

Я стискиваю зубы, и закрываю один глаз, и нажимаю на курок.

Бах!

— Срань господня! — я подпрыгиваю на милю в воздух, мурашки пробегают по моим рукам, размахивая пистолетом в воздухе, я разворачиваюсь.

Джейк быстро подходит и уверенно забирает его у меня.

— Ты промазала на милю¹⁶, — заявляет он, забавляясь, указывая на мою цель.

— Это была не миля! — я протестую. — И откуда тебе знать? Эти шутки стреляют пулями со скоростью бешеных миль в час.

— О, мой ангел ты хочешь со мной поспорить?

— Нет, — фыркаю я, игнорируя его ухмылку. — Отдай мне пистолет! — я знаю, что лучше резко не выхватывать его у Джейка из рук, поэтому протягиваю руку и выжидающе смотрю на него.

Ему это нравится. И я не могу этого отрицать, потому что мне тоже. Кладя пистолет мне на ладонь, он делает джентльменский жест в сторону дерева. Вот чёртов дамский угодник.

Я усиливаю хватку, затем снова прицеливаюсь, следуя всем предыдущим инструкциям Джейка. Я не жду его приказа к выстрелу. Я собираюсь попасть в цель этим выстрелом. Просто смотрю на выбранную мишень. На этот раз держа оба глаза открытыми, я делаю выстрел.

Бах!

На этот раз мои руки не дёргаются, и мне удаётся остаться на месте, поэтому я знаю, что пуля пролетела мимо дерева на большом расстоянии. Не на милю, но всё же.

— Как мне его перезарядить? — спрашиваю я, не отрывая взгляда от коры ствола.

— Это полуавтоматический.

Я вздыхаю.

— И что это значит?

— Это значит, что он заряжается каждый раз, когда выпускается пуля. Одно нажатие на курок, один выстрел. Как только ты отпускаешь курок, он снова будет готов к стрельбе.

— Понятно. Значит, я просто продолжаю стрелять?

— Просто продолжай стрелять, — подтверждает он.

Я снова жму, посылая ещё одну пулю, летящую к дереву. И вновь мимо.

— Чёрт возьми! — я отпускаю и вновь нажимаю, но снова промахиваюсь на милю. Я рычу себе под нос и пытаюсь лучше прицелиться.

Бах!

Бах!

Два промаха.

— Чёрт! — я продолжаю стрелять, каждый раз промахиваясь, пока затвор на пистолете щёлкает, останавливая мою стрельбу.

— У тебя закончились патроны, ангел, — его голос звучит самодовольно.

— Мне не нравится эта игра, — бормочу я, опуская пистолет. Это гораздо сложнее, чем кажется.

Джейк подходит и забирает пистолет у меня из рук.

— С практикой повышается навык, — язвит он, снимая магазинную шпуковину.

— А насколько ты идеальный стрелок?

Он засовывает оружие под мышку и лезет в карман, вытаскивает несколько пуль и вставляет их в патронник магазина.

— Хочешь проверить?

— Ты ведь профессионал, не так ли? — он был снайпером. Конечно, да.

Он дерзко приподнимает бровь и вставляет магазин на место.

— Куда стрелять? — спрашивает он серьёзно.

О, я собираюсь подкинуть ему настолько сложную задачу, насколько возможно. Я поворачиваюсь к дереву и ищу очевидную различимую отметину, какую-нибудь маленькую, но чёткую. Я улыбаюсь, когда нахожу такую.

— Примерно в двух метрах от земли, чуть правее. Там чёрная круглая отметина.

Джейк ищет её. Я понимаю, когда он находит именно то, что нужно, потому что он улыбается своей прекрасной улыбкой.

— Там?

— Именно там, — заявляю я, отступая назад.

— Всё, что захочет мой ангел, — он отводит затвор назад, поднимает руку, целится и стреляет, не тратя ни секунды на то, чтобы как-то сконцентрироваться.

Сухая древесина дерева лопается, и во все стороны разлетаются ошметки коры.

— Ни фиги себе! — кричу я, подбегая к дереву. Я дохожу до него и смотрю вверх, на то самое место, которое я указала и нахожу идеальное пулевое отверстие. Оно не смогло бы быть более совершенным, даже если бы стреляли в упор.

— Господи, Джейк! — я оборачиваюсь и нахожу его прямо позади себя, он тоже смотрит на дерево.

— Кажется, я попал в цель, — он беспечно пожимает плечами.

Я ахаю и ударяю его в каменный живот, вызывая у него смешок.

— Это нереально!

С ухмылкой он подносит ствол ко рту и осторожно дует на конец. Столь игривое движение вызывает у меня всевозможные мурашки, дрожь и трепет по всей обнажённой коже. О, чёрт, Джейк выглядит неоправданно великолепно, стоя передо мной с голой грудью и вооружённый пистолетом. Я прикусываю губу и перевожу взгляд с его пухлых, чувственных губ на его сверкающие тёмные глаза. Мне совершенно ясно чего я хочу. Он также это понимает, судя по его мягкой, понимающей усмешке.

— Всё в порядке, ангел? — бормочет он, медленно наклоняясь и кладя пистолет на землю, прежде чем вновь подняться во весь свой рост. Он тянется вперёд кончиком пальца и проводит им от моего плеча вниз к груди. Я содрогаюсь в конвульсиях, пятясь к дереву. Я пытаюсь заговорить, чтобы соответствовать его самообладанию, но всё напрасно. Я так возбуждена. Он улыбается и делает шаг вперёд, не позволяя мне убежать от него. Затем он выполняет то же самое действие, позволяя кончику пальца снова коснуться моего плеча и легко спуститься к моей груди. Его глаза внимательно следят за траекторией руки. На этот раз он обводит пальцем мой сосок, и я ударяюсь головой о дерево, мои глаза закрываются, лёгкий стон вырывается с моих губ. — Непослушная девчонка, — шепчет он, скользя пальцами по моему животу, направляясь к моим бёдрам. Меня переполняет желание, концентрируясь между моих ног. Я такая чертовски мокрая.

— Джейк, — хнычу я, проводя руками по грубой коре мёртвого дерева.

Он почти мурлычет и просовывает руку между моих бёдер, моя влажная киска позволяет его ласкающим пальцам скользить внутри меня с лёгкостью. Я прислоняюсь к дереву, слыша, как Джейк прерывисто выдыхает. Его рука внезапно исчезает, и он прижимается к моей груди. Я открываю глаза и обнаруживаю, что он дышит на меня сверху вниз. Он ухмыляется и нападает на мой рот с грубой силой, наказывая меня поцелуями, сжимая мои волосы. Его пальцы снова скользят у меня между ног потирая, двигаясь и скользя вокруг моего набухшего клитора. Я хватаю его, наслаждаясь его ртом, когда он рычит и яростно толкает меня туда, где мне нужно быть. Меня начинает трясти, я начинаю потеть, а затем оргазм накрывает меня с головой без всякого предупреждения, заставляя колени подгибаться. Я падаю вперёд в объятия Джейка, содрогаясь от своего освобождения, я хватаю ротом воздух, хотя Джейк следит за тем, чтобы наши губы оставались соединёнными, при этом замедляя движения своих пальцев, когда я начинаю что-то мычать ему в рот. Он даёт мне время, необходимое для восстановления, поднимает меня, дышит мне в ухо.

— Кажется пришло время принять ванну, ангел, — шепчет он, переполненный победой и удовлетворением, когда он поднимает моё обмякшее тело на руки и выносит меня из своего зачарованного леса.

Глава 27

Джейк

Я наполнил ванну, проверил температуру, убедился, что она вся покрыта мыльными пузырьками, а затем опустил Ками в воду, внутренне тая от звука её довольного вздоха, стоило ей оказаться надёжно скрытой под пеной. Это первое место в моём списке любимых времяпрепровождений с Ками. Я ничего не рассчитывал, но мне каким-то образом удалось угадать точное количество воды так, что вершины её груди просто едва показывались над поверхностью. Я мог бы остаться там на всю ночь, сжимая губку и проводя ею по её плечам, пока она счастливая, что-то напевала себе под нос, закрыв глаза.

Но вода остывала, и я начал видеть, как на её обнажённой коже появляются мурашки. Вытащив её из тёплой воды и, завернув в полотенце, я уложил её в постель. Находясь здесь, спрятанными в моём убежище, у меня не должно было возникнуть проблем со сном, ведь стоило лишь прижаться к ней и крепко спать всю ночь.

Но я не мог заснуть. Но всё же прижался к Ками сзади, обнимая, её тело идеально изгибалось в моих руках. Мой разум был слишком перегружен, чтобы просто заснуть. Как и всегда.

Как только она заснула, я осторожно высвободился из её тепла и сел на край кровати. Всю чёртову ночь. Мои мысли так громко звучали в моей голове, что я был уверен, что они её разбудят.

Я ненавижу себя с удвоенной силой за свою реакцию на произошедшее сегодня с Ками стоило ей снова спросить меня о фото. Это была прекрасная возможность рассказать ей всё, но ещё слишком рано. Мне нужно кое-что сделать до того, как я расскажу ей правду. Сегодня тот день, когда я всё исправлю. Найду Эбби и положу конец своей тьме. А потом, я всё расскажу Ками. Я дополню её картину всеми недостающими деталями. Сегодня я узнаю, смогу ли я жить с Ками, или я окончательно упаду в тёмную бездну, на краю которой так долго балансировал.

Я встаю с кровати и натягиваю шорты, затем спускаюсь на кухню, оставляя её отдыхать.

Я приготовлю ей завтрак. Что-нибудь традиционное и сытное.

Я наполняю сковороду беконом и взбиваю яичницу-болтуню, прежде чем приготовить тосты. Запах быстро распространяется по кухне, и я едва ли стараюсь не шуметь, в надежде, что он будет распространяться по дому вместе с ароматом и, надеюсь, пробудит Ками ото сна. Переворачивая бекон, я оглядываюсь через плечо, когда мой телефон начинает звонить на стойке позади меня. Отсюда, я вижу кто это. Я планировал позвонить ему, как только позабочусь о его дочери. Но, он опередил меня.

— Логан, — произношу я, упираясь задницей о столешницу, не спуская глаз с двери в поисках любых признаков Ками.

— Нам нужно поговорить.

— Ты не умеешь разговаривать, — сухо замечаю я, не совсем вызывая доверие, на которое рассчитывал. — Добейся снятия обвинений от Себастьяна Питерса, и я поговорю с тобой.

— Как?

Как? Он действительно только что это спросил?

— Так же, как ты делаешь всё остальное, Логан. Безжалостно. Заплати ему. Подкупи полицейских, которые у тебя под каблуком. Мне всё равно, как. Просто сделай это, — я подхожу к сковороде и переворачиваю скворчащий бекон.

— А как насчёт моей девочки?

От того, что этот подонок называет моего ангела своей девочкой, у меня не только мурашки начинают бегать по коже, но и кровь закипает.

— Ками сейчас не очень-то тебя уважает.

— Это потому, что ты промыл ей мозги! Ты заманил её в постель и воспользовался ею. Я позабочусь о том, чтобы ты больше никогда нигде не работал!

— Мне было бы наплевать, если бы я больше никогда не работал. Не думай, что мне нужны деньги, Логан. Нет. Мне нужно сосредоточиться, вот и всё. Твоя дочь радует меня этим в эти дни, — я не планировал опускаться до подобной низости. Честное слово.

— Ты больной ублюдок!

— Не называй меня больным, когда ты сам играешь в русскую рулетку, где на кону безопасность твоей дочери, — я сжимаю металлическую лопатку в своей руке, с такой силой что она сгибается. Клянусь, если бы Логан сейчас стоял передо мной, вместо лопатки была бы его шея.

— Моя дочь в полной безопасности.

— Она в безопасности, пока она со мной. Но я сам немного раскопал, Логан. Ты, наверное, уже догадался. Я знаю, что есть файл электронной почты, который ты скрывал от меня, и я предполагаю, что это одна из причин, по которой ты хочешь, чтобы я ушёл.

Его молчание говорит о многом.

— Добейся снятия обвинений, — я кладу трубку и бросаю свой телефон и лопатку на стойку, упираясь руками в бока и дыша сквозь зубы.

Я нахожусь в контрактах с отцом женщины, которую люблю. И что ещё хуже, я готов убрать его, если он встанет у меня на пути. Я почти смеюсь над иронией всей ситуации. Логан взял меня на работу, чтобы защитить Ками от опасности. Держу пари, он никогда не думал, что ситуация обернётся против него. Держу пари, он и не особо напрягался, нанимая меня. Я закрываю глаза и позволяю своим напряжённым мышцам расслабиться.

Я больше не могу терять время. Схватив свой телефон, я делаю то, что должен был

сделать давным-давно. Я звоню по номеру, который преследует меня уже много лет. Пришло время попрощаться с некоторыми призраками. Пришло время всё исправить.

Каждый гудок заставляет моё сердце биться всё быстрее и быстрее, пока оно не начинает трепетать в груди, делая моё дыхание прерывистым и резким.

— Алло? — голос Эбби заставляет моё сердце резко опуститься в пятки. Я открываю рот, чтобы заговорить, но ничего не выходит. — Алло? — повторяет она.

В груди полно воздуха, ожидающего, чтобы его выпустили с помощью произнесения каких-либо слов, но ничего не выходит. Я не могу произнести и звука. Тишина затягивается, пока я ищу возможность заговорить, сказать что-нибудь, сказать ей, что это я. Моя решимость была поколеблена лишь звуком её голоса. Воспоминания с грохотом несутся вперёд, стуча в моей голове. Её лицо. Это прекрасное, ангельское личико.

Я не могу этого сделать.

Я собираюсь сбросить вызов.

— Джейк? Джейк, это ты?

Я замираю, моё тело сковывается шоком. Как она узнала?

— Это я, — я почти выплёвываю слова, прежде чем успеваю убедить себя не отвечать, и жду её реакции.

Она наступает мгновенно.

— О Боже мой... — выдыхает она, слова бессвязны и произносятся вперемешку со слезами. — Джейк, скажи что-нибудь.

Я в панике думаю, чтобы сказать, но ничего не приходит на ум.

— Джейк, пожалуйста, — теперь она начинает плакать, её отчаяние в голосе пронзает меня, как кислота. Я смотрю в потолок, чувствуя себя безнадежно и чертовски виноватым.

— Я здесь, — говорю я, набирая сил и яростно игнорируя желание одним нажатием руки прервать звонок.

— Где ты? — спрашивает она, охваченная паникой.

Я с трудом сглатываю.

— Мне нужно тебя увидеть.

Короткое молчание наполнено невысказанными словами. Это *необходимо*. Мне нужно её увидеть. *Не хочу и не могу. Я должен.*

— Хорошо, — соглашается она. — Когда?

— Не знаю. Может быть, завтра.

— Я буду, — отвечаю я без колебаний.

— Хорошо.

— Как у тебя дела? — она пытается всеми силами удержать меня на связи, пытаюсь оценить, с чем она может столкнуться.

Я не могу согласиться на продолжение разговора. Не сейчас.

— Я позвоню тебе завтра, — я кладу трубку и бросаю свой телефон на столешницу, дрожа, как грёбаная киска.

Как может взрослый мужчина так бояться женщины? Как она может довести меня до подобного состояния? Это именно та причина, по которой я держался подальше от неё. Это причина, по которой я мёртв для неё. Я пытаюсь выровнять своё хаотичное дыхание, почти падая на ближайший стул. Теперь всё кончено. Пути назад нет. У меня не может быть будущего, если я не смогу разобраться со своим прошлым. Я никогда не хотел будущего до Камиллы. Я был счастлив, живя в своём чёртовом подвешенном состоянии, убивая себя день

за днём.

— Эй, ты в порядке?

Я бросаю взгляд через кухню, и вижу Ками стоящую в дверном проёме, её тело скрыто белой футболкой, в которую я просто влюблён. МЕНЯ НЕЛЬЗЯ ИГНОРИРОВАТЬ.

Я никогда не думал, насколько уместным окажется это утверждение. Её растрёпанные волосы спутались на макушке, глаза сонные, но всё ещё горящие. И её ноги — самые совершенные ноги, которые я когда-либо видел. Её лицо, её присутствие, её голос. Всё в ней заставляет мой взгляд блуждать от одного участка тела к другому Встав из-за стола, я подхожу и агрессивно хватаю её, слыша испуганный визг, который она издаёт. Я могу так делать. Для Ками я могу сделать всё, что угодно.

— Просто чертовски идеально, — произношу я, рыча, терзая её шею.

Она хихикает, держась за меня, когда я легонько откидываю её назад в своих объятиях, и представляю, как еду в город, получая от неё всё, что хочу. Мне она нужна.

— Джейк!

— Как ты спала? — я ставлю её на ноги, и суетясь пытаюсь поставить её на пол. Мне это необходимо. Она безупречна.

Ками хмуро смотрит на меня, немного озадаченная.

— Отлично. А ты?

— Отлично, — вру я, беря её за руку и ведя к столу. Я усаживаю её на стул, прежде чем подвинуть его к столу и бросаюсь к сковороде, чтобы снять её с огня. — Я приготовил тебе завтрак.

— Ты приготовил завтрак?

— Да. Яйца с беконом, — я перекидываю яйца в чистую сковороду и беру несколько тарелок.

— Но я...

Я поворачиваюсь и машу ей деревянной лопаткой, заставляя её замолчать, прежде чем она продолжит говорить мне, что она не хочет ничего на завтрак, кроме шпината.

— Ты не встанешь из-за стола, пока всё не съешь.

Ками откидывается на спинку стула, она удивлённо наклоняет голову.

— Я что ребёнок?

— Нет, — быстро возражаю я, помешивая яйца. — Ты женщина со здоровыми привычками в еде. Вот так.

— Хорошо, — произносит она из-за моей спины. Я могу представить её лицо. Это для неё звучит оскорбительно. Она может спорить сколько угодно. Но она съест этот завтрак.

Я помешиваю яйца и достаю тосты из тостера.

— И знаешь что?

— Что?

Я поворачиваюсь и бросаю тост на разделочную доску, хватая нож. Она с интересом наблюдает за мной.

— Ты попробуешь настоящее масло, — я поднимаю кусок чистого жира и ухмыляюсь, как идиот.

— Я предпочитаю тосты без всего, — она встаёт и подходит к шкафу, вслепую вытаскивает кружку, не сводя с меня презрительного взгляда.

— Нет, не ты. Твой *агент* предпочитает тосты без всего, — я зачерпываю огромную порцию растопленного масла и поднимаю ложку, чтобы она увидела. Её глаза сужаются, и я

ухмыляюсь ещё шире. — Вкуснятина, — я облизываю губы, а затем провожу ей по тосту, щедро намазывая его маслом.

— Это моя работа, Джейк, — вздыхает она, поворачиваясь к чайнику. — Ты даже не замечаешь, как я вынимаю пули из твоего пистолета.

Я обдумываю её слова... на секунду.

— Это моя работа — следить за тем, чтобы ты хорошо питалась.

— Это неприлично много. Это просто сердечный приступ на тарелке.

— Я думаю, что всё обойдётся, — я подаю всё это и ставлю на стол, затем сажусь и жду, пока она закончит заваривать чай.

Я голоден. Я мог бы начать поедание своего завтрака, но наблюдать, как Ками бегают по моей кухне, гораздо приятнее. Я откидываюсь на спинку стула и устраиваюсь поудобнее, изучая каждое её движение. Она встаёт на цыпочки, чтобы достать чайник с верхней полки, при этом её футболка задирается почти до самой задницы. Я улыбаюсь, и она начинает, что-то напевать, покачивая плечами, пока ходит по моей кухне, не обращая внимания на то, что за ней наблюдают. Она открывает дверцу холодильника и наклоняется, чтобы взять молоко, а затем тянется через стойку, чтобы открыть ящик и взять ложку.

Её ноги — это ходячий секс, и она даже не догадывается об этом. Мои руки сами собой складываются на груди, моя задница немного сползает вниз по сиденью, когда я расслабляюсь. Улыбка на моём лице, кажется, не сходит с моего лица. Так будет всегда, если я буду наблюдать такую картину каждый день. Повинуясь желанию прикоснуться к ней, я встаю со стула и молча подхожу к Ками, пока она ожидает закипания чайника. Её руки лежат на стойке, пальцы барабанят, когда она продолжает напевать. Я оставлю её у себя навсегда. Решимость пронзает меня, как грозовая молния. Всё становится на свои места.

Я оказываюсь так близко к ней, как только могу, не прикасаюсь к ней, но практически дыша ей в шею.

— Ангел.

Её пение прерывается, и она замирает передо мной.

— Повернись.

Несколько секунд она не двигается, а перед её глазами начинает закипать чайник.

И в тот момент, когда он выключается, Ками медленно поворачивается ко мне, её профиль идеален, она смотрит неуверенно в поиске меня. Она держится за стойку так долго, как позволяет её тело, и наконец отпускает её, развернувшись ко мне лицом.

Она смотрит на меня сверху вниз.

На меня сверху вниз?

Мой грёбанный рост шесть футов четыре дюйма¹⁷. Как *она* может смотреть на *меня* сверху вниз?

Потом я понимаю.

Я стою на коленях.

Её грудь резко вздымается, она подносит руку ко рту.

— Выходи за меня замуж, — я понятия не имею, откуда это вырвалось, и, судя по выражению лица Ками, она тоже этого не знает.

— Джейк? — она произносит моё имя как вопрос, как будто я мог быть кем-то другим.

— Выходи за меня замуж, — моя просьба вырывается снова, моя рука поднимается и берёт её. В глубине души я знаю, что мне не следовало этого делать. Я не должен просить её выйти замуж за мужчину, который в значительной степени обманывает её. Держа её в

неведении. Но сейчас я не могу взять свои слова обратно, и более того, я не хочу этого делать. Я, отчаявшийся человек, готовый на всё, чтобы подчеркнуть, как много она для меня значит. Поэтому, когда я поделюсь с ней ужасами своего прошлого, у меня больше всего шансов удержать её рядом. Это тактика, я понимаю это, но моя преданность ей — это всё, что у меня есть. Это единственное оружие, которым я обладаю, которое может помочь мне выиграть эту битву.

Её огромные глаза выглядят так, словно вот-вот взорвутся слезами. А потом так и происходит, почти не замечая и без намёка на это, слезы счастья или грусти проливаются по её лицу.

— О чём ты говоришь?

— Я и ты, — начинаю я, немного напуганный её реакцией. Я тяну её вниз, пока она не опускается рядом со мной на колени, уверенность пробегает по моему телу, как ртуть. — Я хочу, чтобы ты была моей, Камилла. Полностью. Я не знаю, как ещё это выразить.

Она немного опускает глаза, но не настолько, чтобы я не мог не увидеть, как в них мелькает неуверенность. Клянусь, если бы мне сейчас воткнули нож в сердце, я бы ничего не почувствовал. Разве она не хочет меня? Была ли это какая-то захватывающая игра, какой-то способ бросить вызов отцу? Всевозможные глупые мысли терзают мой разум, пока я жду, когда она что-нибудь скажет, мои чувства подвергаются сомнению. Я не одинок в этом. Я не мог быть одинок.

— Да.

Я едва слышу это слово, мои мысли проносятся у меня в голове слишком громко.

— Что ты сказала?

Ками смотрит на меня. Выражение её лица теперь ясное и уверенное.

— Я сказала «да».

— Да? — мне необходима точность. Мне нужно знать, что я всё правильно расслышал.

— Да, — подтверждает она, кивая при этом. — Да, — слёзы начинают капать из её глаз, образуя бесконечную реку, стекающую по щекам. — Да. Я не знаю, что ещё нужно сказать, — Ками опускается на корточки, как будто обессиленная всем этим эмоциональным эпизодом. Она пожимает плечами, мило и с полуулыбкой на губах. — Да, я выйду за тебя замуж. Прямо сейчас, если бы могла. Я даже представить себе не могу свою жизнь без тебя, — она морщится, как и я. — Мне больше никто не нужен, — она продолжает: — Только ты. Так что да, я выйду за тебя замуж.

Все мои внутренние органы превращаются в кашу, и когда я пытаюсь выразить свою благодарность, у меня получается только жалкое хныканье. Я тоже опускаюсь на ноги, и я несколько раз сглатываю, прогоняя комок в горле. Я немного взволнован. Как, чёрт возьми, она может такое со мной вытворять?

— Ты взяла всё мужское во мне и превратила это в пыль, — это самая глупая вещь, которую можно сказать, но из-за отсутствия других мыслей, у себя в голове, я просто бормочу, как идиот. — Я категорически отказался от этой работы, когда Люсинда впервые прислала мне подробности по электронной почте. Я посмотрел на твою фотографию и засмеялся, глядя в свой ноутбук, — я неуклюже продолжаю, и она понимающе улыбается. — Я гордился тем, что я непроницаем. Я сам себе не нравлюсь, Ками, но эта часть в себе мне всегда нравилась. Никто и никогда не подбирался ко мне так близко. Я бы им этого не позволил. Но ты... — я замолкаю, опускаю взгляд на её колени и прерывисто выдыхаю. — Ты всё это изменила, — я снова встречаюсь с ней взглядом. Я всё ещё не понимаю, как,

когда, почему и где всё изменилось настолько. — Ты успокаиваешь меня, несмотря на тот факт, что ты на самом деле сделала мою жизнь самой, что не наесть, непредсказуемой. Ты нашла меня, несмотря на то, что я никогда не хотел, чтобы меня нашли, — я хватаю её за руки и сжимаю, отчаянно желая, чтобы она поняла всю глубину воздействия, которое она оказала на меня. Она выглядит ошеломлённой, но спокойной. — Ты — недостающая часть меня, которую я не искал, ангел. И теперь я боюсь снова оказаться неполноценным. Я так боюсь потерять тебя.

Она опускается передо мной, её губы дрожат.

— Я сказала «да», — она мягко смеётся над своими словами, её горло пульсирует от судорожных вздохов. — И я вроде как всё это знала, — её голос срывается, дыхание прерывается, глаза опускаются, как будто ей стыдно вновь заплакать.

Она не должна чувствовать себя подобным образом. Я нахожусь в недоумении.

Я хватаю её за плечи и притягиваю к себе, цепляясь за неё так, словно от этого зависит моя жизнь. Пугающая мысль, но теперь я понимаю, что это так. Только Ками и я

Я просто обнимаю её, наши тела — беспорядочно переплетённые конечности на кухонном полу, мои руки постоянно гладят её по голове, пока она рыдает у меня на груди.

— Вас нельзя игнорировать, мисс Логан, — произношу я ей в волосы, целуя в затылок.

— Мой папа, — прохрипела она, не предпринимая никаких попыток вырваться из моих объятий.

— Всё будет хорошо, — произношу я уверенно, и она не должна сомневаться в этом, потому что теперь она под моей защитой. Её вера в меня непоколебима. Я не могу подвести её, но в то же время я понимаю, что есть, что-то гораздо большее, чем её отец, и именно этого она должна бояться. — У меня нет кольца, — я произношу эти слова с весельем, которое, наверное, сейчас кажется немного неуместно.

— Мне всё равно, — заявляет она, отвечая на мою фразу. — Нарисуй его.

Даже сейчас она умудряется подкинуть мне идеи. Посмотрев на стойку, я замечаю шариковую ручку. Я могу просто дотянуться до неё, не вставая на ноги. Поднося ручку ко рту, я снимаю колпачок и хватаю её левую руку.

Ками даже не вздрагивает. Я ставлю ручку на верхнюю часть её безымянного пальца и начинаю рисовать аккуратную линию по окружности, слегка проводя чернилами по её коже. Я уверен, что буду настолько аккуратен, насколько могу, но чертовски легче сказать, чем сделать, когда ты весь дрожишь от счастья. Она сидит неподвижно, как статуя, наблюдая, как я надеваю обручальное кольцо ей на палец. Я добавляю ещё одну полосу, а затем заполняю пробел, прежде чем начертить сверху круг, представляющий то, самое место на котором в ближайшее время будет красоваться грёбанный бриллиант.

— Вот, — заявляю я, отстраняясь и осматривая свой шедевр. — Я гарантирую, что ты никогда не видела ничего подобного.

Она отодвигает руку и разглаживает ладонь, выпрямляя пальцы, её голова наклоняется из стороны в сторону, когда она изучает его.

— Оно прекрасно, — она ухмыляется и сжимает кулак, поднося костяшки пальцев ко рту и высморкавшись. — Я никогда его не сниму.

Я смеюсь, такой чертовски счастливый, когда отбрасываю ручку в сторону.

— Просто иди сюда, женщина.

Она бросается в мои объятия и сжимает меня, впиваясь зубами в мою шею, такая сумасшедшая, но такая желанная.

— Я люблю тебя, Джейк Шарп.

— Я тоже тебя люблю, — шепчу я, улыбаясь находясь в её объятиях.

Это пресловутое «*пошёл ты*» для её отца. Он мог бы расценить это как тактический ход. Может быть, немного. Но то, что она превыше всего, является высшим признаком моей преданности. Это было импульсивно, но, кроме того, это было по-настоящему. Я люблю её с безжалостной силой, которая укореняется в самой глубокой части меня — части, о существовании которой я никогда не подозревал. Я никогда не знал, что способен на такое собственничество. Она никогда не узнает, как сильно она мне помогла. Она прояснила мою грёбаную голову. Я сделаю всё возможное, чтобы удержать её. И если это означает встретиться лицом к лицу со своим прошлым, то я сделаю это. Если это означает устранение её отца, тогда я сделаю это. Цель, горящая в моей крови, очень сильна.

— Это твой телефон? — Ками ёрзает в моих объятиях, пробуждая меня от моих мыслей. Я слышу лёгкое жужжание своего мобильного и встаю на ноги, подтягивая Ками за собой.

— Допивай свой чай, — тихо приказываю я, прижимаясь губами к её виску, когда бросаю взгляд через кухню на столешницу туда, где лежит мой телефон.

— Хорошо, — легко соглашается она и позволяет мне отпустить её, возвращаясь к чайнику и снова включая его.

Я подхожу к своему телефону и хватаю его, с удивлением замечая, что вижу на дисплее имя Люсинды. Я ожидал увидеть имя Логана. В любом случае, это не тот разговор, который я хочу, чтобы Кэми слышала. Я отвечаю и выхожу из кухни.

— Что у тебя есть?

— Жена Логана подала на развод.

Я запинаюсь, прежде чем я добираюсь до кухни. Бросив быстрый взгляд через плечо, я нахожу Ками занятой тем, что она наливает кипятка в чайник. Я продолжаю расхаживать по комнате, не боясь быть услышанным.

— Он уже знает? — я направляюсь в свой кабинет и закрываю за собой дверь.

— Нет. Документы были поданы вчера. Я думаю, он получит их в скором времени.

— Я бы хотел это увидеть, — размышляю я. — Что-то подсказывает мне, что ему нужно будет нанять другого адвоката по разводам.

Люсинда громко смеётся.

— О, он так и сделает. Ты же знаешь, что Логан официально уволил тебя?

— Жаль, что я никуда не уйду, — бормочу я. — Но он не рассказал агентству обо мне и Камилле?

— Ещё нет.

— Он не расскажет, — заявляю я, уверенно.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что он знает, что я знаю, что он что-то скрывает, и это нечто более разрушительное для него, чем мои отношения с его дочерью, — я падаю в своё офисное кресло, пытаюсь разобраться во всём, что происходит в моей голове. — Я планирую увидеться с ним завтра и *не планирую* покидать его офис, пока он не расскажет мне, что происходит, — я приставлю пистолет к его голове, если придётся.

— А как насчёт полиции и того факта, что им нужна твоя задница?

— Он исправит эту маленькую проблему.

— А другая маленькая проблема? Или *серьёзная* проблема для Логана? Например, тот факт, что ты влюблён в его драгоценную дочь.

Я тихонько смеюсь.

— И тот факт, что я попросил её выйти за меня замуж.

— Что ты сделал?

— Ты слышала.

— А как насчёт... — её фраза прерывается на полуслове, хотя я всё ещё слышу её продолжение, громко и ясно.

— Я работаю над этим. Я позвонил Эбби.

— Ебать, Джейк.

— Спасибо, но ты никогда не была в моём вкусе.

— Пошёл ты.

Я улыбаюсь.

— Оригинально.

— Мне нравится, когда всё происходит просто и по существу, — она шмыгает носом.

— Мне нужно, чтобы ты кое-что сделала для меня.

— И что же это?

— Мне нужно, чтобы ты присмотрела за Ками для меня, когда мы вернёмся в город. Мне нужно кое-что сделать.

— Я не нянька, Джейк. Это *твоя* работа, помнишь?

— Ты единственный человек, которому я доверяю, Люси. Не будь сукой.

— Прекрасно! — фыркает она, со злобой.

— Спасибо. Я позвоню тебе позже, — я кладу трубку и провожу телефоном по щеке, задумчиво покусывая край щеки.

Он вибрирует и звенит у моей губы, уведомляя меня о поступлении электронного письма, и я открываю, чтобы найти запись голоса Логана. Заинтересованный, я включаю его, слыша разговор между Логаном и другим молодым человеком, в котором я узнаю Себастьяна. Разговор короткий и приятный. Логан предлагает ему деньги. Себастьян соглашается, соглашаясь немедленно снять с меня обвинения. Этот ребёнок, должно быть, обошёлся Логану в сотни тысяч.

Сойдёт. Он работает быстро, надо отдать ему должное. Любой мог бы решить, что он в отчаянье.

Пора пойти и разобраться со всем этим бардаком.

Глава 28

Ками

Страх, который охватывает меня, когда мы едем по Эджвер-роуд в город на следующее утро, граничит с парализующим. Я постоянно поглядываю на своё выцветшее импровизированное кольцо, чтобы напомнить себе, что всё будет хорошо. Джейк так сказал, и я цепляюсь за его слова изо всех сил.

Я просто хочу, чтобы это ужасное, плохое предчувствие поскорее закончилось. Я хочу, чтобы все друг с другом ладили и были счастливы. Моя самая главная мечта.

Большую часть поездки Джейк был погружён в свои мысли. По тому, как он улыбается мне каждый раз, когда улавливает мой заинтересованный взгляд, направленный на него, я могу сказать, что он всеми силами пытается заразить меня некой непринуждённостью. Но у меня не хватает духу сказать ему, что его попытки выглядят неудачно.

— Куда мы едим? — спрашиваю я, стараясь казаться как можно более непринуждённой, хотя мысленно я умоляю его отвезти меня обратно в наш лес.

— К тебе домой, — он говорит это с лёгкостью, которая, вероятно, должна прогнать и мои опасения тоже. Но не выходит.

— Ко мне домой?

— Да, если только ты не хочешь поехать ко мне домой? — он смотрит мне в глаза, ожидая моего ответа.

Я не знаю. Куда я хочу поехать?

— Поехали ко мне домой, — отвечаю я, не слишком задумываясь.

— Тогда я отвезу тебя к тебе домой, — Джейк протягивает руку и берёт меня за руку, переплетая свои пальцы с моими. — Позвони Хизер. Она может составить тебе компанию.

Я не могу скрыть нарастающую панику.

— Почему, а ты?

— Мне нужно кое в чём разобраться.

Я съёживаюсь на своем сиденье.

— Папа.

Джейк наблюдает за мной краем глаза, его кадык напрягается стоит ему сглотнуть. Он вдруг начинает нервничать, и это заставляет и меня нервничать вдвойне сильнее.

— Твой отец, — подтверждает он, ёрзая на сидении.

— А как насчёт обвинений?

— Твой отец поступил разумно.

Я откидываюсь на спинку сиденья, таращась на него. Мой отец поступил разумно? Это самое нелепое утверждение, которое я когда-либо слышала.

— С тебя сняли обвинения?

— Именно.

— Он сам сказал тебе это?

— Да.

— И ты ему веришь?

— Я же говорил тебе, что всё это уладится, ангел. Я это и имел в виду, — он снова смотрит на меня через весь салон, его глаза полны уверенности, которую я не в состоянии понять. — Доверься мне, — у него гораздо больше веры в моего отца, чем у меня.

Что ещё я могу сделать? Я должна доверять ему. Я действительно доверяю ему. А моему отцу? Стоит даже мизерной капельке чувства вины накрыть меня как я тут же отгоняю её прочь, потому что даже несмотря на это я не доверяю ему. Моему собственному отцу.

* * *

После того, как Джейк отнёс мою сумку в комнату, он возвращается через гостиную и направляется в свою комнату. Я слегка улыбаюсь про себя, думая, что это забавно, что я автоматически думаю о ней как о его собственной комнате. Я следую за ним и толкнув дверь, обнаруживаю, что он сидит на краю кровати, и вставляет патроны в магазин своего пистолета.

У меня отвисает челюсть, но Джейк даже бровью не повёл, а просто продолжает заряжать своё оружие. Он собирается встретиться с моим отцом и заряжает свой пистолет? Я поднимаю руку, указывая на его занятые пистолетом руки, не в силах подобрать нужных слов.

— Просто мера предосторожности, — уверяет он меня, вставая и вставляя магазин на место, прежде чем засунуть пистолет за пояс джинсов. — Не паникуй. Я всегда ношу его с собой.

— Прости меня, — с губ слетает саркастический смешок. — На мгновение я решила, что ты, возможно, планируешь убить моего отца.

Джейк не смеётся. Он также не обращает внимания на мою короткую остроту. Он проходит мимо меня, даже не взглянув. Я разворачиваюсь и наблюдаю за ним. Никакого ответа.

— Эй! — я иду за ним, затянувшаяся паника начинает нарастать внутри. Схватив его за руку, я дёргаю его, чтобы остановить, но у меня не хватает сил чтобы развернуть его лицом к себе. Поэтому я обхожу его и одариваю самым серьёзным взглядом, на который только способна. — Скажи мне, что ты не собираешься стрелять в моего отца, — требую я, кладя ладонь ему на грудь, тем самым показывая, что я не позволю ему пройти дальше, пока он не ответит мне.

Его лицо немного смягчается, глаза на мгновение закрываются. Он набирается терпения. Или сил?

— Я не собираюсь стрелять в твоего отца, ангел.

Услышав ответ, я опускаю взгляд на его ноги. Я чувствую себя такой потерянной. В настоящем, но потерянной.

— Я просто хочу быть с тобой, — я смотрю на него снизу-вверх, тоже отмечая в его взгляде некую безнадежность. — К чему вся эта ненависть и препятствия?

Он грустно улыбается, обвивая рукой мою шею и встаёт как можно ближе, чтобы обнять. Мне это необходимо.

— Потому что твой отец думает, что я не тот мужчина, который тебе нужен, — Джейк зарывается лицом в мои волосы и вдыхает, долго и глубоко. — Мне нужно убедить его в обратном,

— Приставив пистолет к его голове? — выдыхаю я в его плечо, при этом ловя себя на мысли, что может быть, это единственный способ всё решить.

Джейк прерывает наши объятия и наклоняется, глядя мне прямо в глаза. Он большим пальцем проводит линию по моей брови и вниз по щеке.

— Я не готов потерять тебя, Ками. Твоему отцу нужно привыкнуть к этому факту, — он приподнимает брови, ожидая, что я соглашусь.

Я киваю, неохотно и медленно, потому что, несмотря на то, что всё происходящее выглядит экстремально и драматично, я знаю, что он прав.

— Хорошо.

— Кроме того, — продолжает Джейк, ясно видя, что мне необходимо придать своими словами больше уверенности. — Я носил заряженное оружие каждый раз, когда встречал твоего отца. До сих пор мне удавалось избегать выстрела в него.

— Это не смешно, — я хмурюсь, и он улыбается, целомудренно целуя меня в лоб. — Пожалуйста, не говори ему об этом, — я поднимаю руку и показываю ему своё кольцо, нанесённое ручкой. Господи, всё должно быть постепенно.

Джейк смотрит на мой палец, улыбается, берёт меня за руку и проводит подушечкой большого пальца по его фаланге.

— Это ещё одна причина его возможного неодобрения. Нам нужно это исправить.

Это серьёзно. Мне очень нравится моё самодельное кольцо, даже только по той причине, с какой любовью и тщательностью Джейк выводил его на моей руке. Но мой отец, воспринял бы это как оскорбление. Господи, ему точно не понравится. Всё происходящее. Предложение Джейка или нарисованное на пальце кольцо. И это разбивает мне сердце.

— Мы скажем ему, когда всё немного успокоится.

— Всё, что ты захочешь, ангел, — Джейк целует моё кольцо и выпрямляется, набираясь решимости. — Во сколько Хизер будет здесь?

— О... — как по команде, раздаётся громкий, сильный стук в дверь. — Сейчас, — выдыхаю я, оглядываясь через плечо, чтобы убедиться, что дверь остаётся на месте, — могу я сказать Хизер, что мы помолвлены?

— Она сможет держать рот на замке?

Я обдумываю это секунду, задумываясь. Вероятно, весь Лондон услышит её визг удивления, когда я скажу ей.

— Да, — заключаю я.

Я заткну ей рот кляпом, если понадобится. Мне необходимо кому-нибудь рассказать.

Джейк вновь обнимает меня и убирает волосы с моего лица.

— Расслабься. Поищи кольцо в интернете. Планируй, где ты хочешь выйти за меня замуж, когда и кого ты там хочешь увидеть. Веселись, ангел.

Он с любовью целует меня в нос, прежде чем направиться к двери. Перспектива планирования свадьбы вероятно должна была взволновать, но я чувствую, что не могу перенять его энтузиазм, пока не узнаю, что будет дальше. Прямо сейчас слова Джейка просто похожи на попытку успокоить меня.

Он смотрит в глазок — наверное, инстинктивно, — прежде чем распахнуть дверь, и Хизер буквально вваливается в квартиру, её каштановые волосы развеваются, в руках бутылка просекко. Она бросает на Джейка быстрый взгляд, выпрямляясь, её глаза улыбаются.

— Привет, великан.

— Добрый день, — он проходит мимо моей подруги и исчезает в коридоре. Я вдыхаю, надеясь тем самым набраться сил. Видит Бог, мне это понадобится.

— Мне нравится, как он с лёгкостью изображает задумчивую сексуальную персону, — шутит Хизер, закрывая дверь, прежде чем повернуться и помахать мне бутылкой. — Я подготовилась. Я хочу знать всё, — она указывает на диван, и я подчиняюсь, оставляя её в одиночестве лишь для того, чтобы принести бокалы с кухни.

* * *

Час спустя Хизер в курсе всего того хаоса, который царит в моей жизни. Она пила шампанское в промежутках между странными вздохами полными ошеломлениями, и внимательно слушая. Честно говоря, я не особенно хотела рассказывать ей о каждой мельчайшей детали, но это было отличным убийцей времени. Джейка нет уже час. Я жду звонка в любую минуту, в надежде, что он скажет, что всё улажено, мой папа любезно признал, что был неправ, и принял Джейка с распростёртыми объятиями, и мы все можем жить долго и счастливо. Потом я опускаюсь обратно на землю и вспоминаю, кто мой отец.

— Без неуважения, но твой отец ведёт себя как придурок, — заявляет Хизер, допивая остатки своего просекко. — Я имею в виду, ну чёрт возьми! Он женат третий раз! Ему ли рассуждать, о том, что такое любовь? И, кроме того, если бы он не нажил себе столько врагов, тебе бы не угрожали и ему не пришлось бы нанимать Джейка, для твоей защиты, — она слегка улыбается. — Однако какая прекрасная ирония судьбы.

Я мычу в знак согласия, глядя на часы.

— Эй, что это у тебя на пальце? — она хватается меня за руку, и я импульсивно одёргиваю её, выглядя такой же виноватой, какой себя и чувствую. Есть одна вещь, которую

я ей ещё не сказала, главным образом потому, что то, чем я уже поделилась с ней, было не менее важным.

— Камилла?

Я отворачиваюсь, избегая её вопрошающего взгляда.

— Это обручальное кольцо — татуировка?

— Это была просто шутка, — не знаю, почему я веду себя так, как будто мне стыдно.

Возможно, вся абсурдность происходящего только дошла до моего перегруженного информацией мозга. Я согласилась выйти замуж за человека, которого знаю всего несколько недель. Может быть, и так, но мне кажется, что я знаю его так, как никого другого из тех, кого я когда-либо встречала. Я погружаюсь в свой бокал с шипучкой, чувствуя себя так, словно нахожусь на допросе.

— Ками, он попросил тебя *выйти за него замуж*?

— Да! — кричу я, резко поднимая бокал в воздух, заставляя Хизер настороженно откинуться назад. — Я знаю, это звучит безумно. Поэтому просто молчи.

Она поджимает губы, выглядя как утка, и я жду визга удивления, который предсказывала. Проходит несколько долгих секунд, прежде чем я прихожу к выводу, что этого не произойдёт. Я бросаю на неё выжидающий взгляд, торопя её.

Она пожимает плечами, и я хмурюсь.

— Ты хочешь что-нибудь сказать? — спрашиваю я.

— Кроме того факта, что он должен был купить тебе настоящее кольцо?

Я бросаю на неё недовольный взгляд.

— Да.

Склонив голову набок, она смотрит в свой бокал, обдумывая мой вопрос. Она, должно быть, издевается надо мной. Неужели ничего?

В конце концов она смотрит на меня, и я вижу это. Зарождающийся крик, поднимающийся от её пальцев ног. Я прикусываю губу и отодвигаюсь назад, ожидая, что меня разнесёт от его силы.

— Боже мой! — визжит Хизер, её лицо краснеет от нехватки воздуха в лёгких, — Боже мой, Ками! — она ставит свой бокал и бросается поперёк дивана, крепко обнимая меня. — Скажи мне, что я буду твоей подружкой невесты. Скажи мне, что бюджет свадьбы колоссальный. Скажи мне, что мы можем устроить девичник в Сен-Тропе! — визжит она мне в ухо, отчего у меня звенит в голове.

— Я не думала об этом, — признаюсь я, поднося палец к уху и прочищая его в надежде унять звон в нём, когда Хизер отстраняется от меня. — Мне как-то трудно думать о будущем, при этом боясь, что папа и Джейк вцепятся друг другу в глотки.

Хизер слегка смеётся, поглаживая мою руку в знак поддержки.

— Мне нравится, как Джейк не боится противостоять твоему отцу.

Я киваю, соглашаясь. Однако это не делает нашу ситуацию менее экстремальной. Снова взглянув на часы, я вижу, что прошло ещё пятнадцать минут. В какой момент я должна всё узнать? Проверить, все ли живы? Это ужасно.

— Давай посмотрим платья, — выпаливаю я, предпринимая решительные действия в попытке отвлечься.

— Ура! — Хизер полностью соглашается с этим. — Возьми ноутбук. О Боже, у Веры Ванг в этом сезоне есть несколько потрясающих!

Я хватаю свой ноутбук и загружаю Гугл, пытаюсь соответствовать энтузиазму Хизер. Я

даже не успеваю загрузить первую страницу. Мой телефон звонит, и я вскакиваю на ноги, практически швыряя ноутбук в Хизер в спешке, чтобы ответить.

Когда я вижу папин номер, то замираю, не уверенная, хороший ли это знак. Он всё ещё жив. Это должно быть хорошо. Я отвечаю на вызов.

— Папа?

— Моя маленькая звёздочка! — воскликнул он, и я сразу же чувствую себя в миллион раз лучше. Напряжение покидает моё тело, как будто, что-то внутри лопнуло. — Дорогая, последнее, что я хотел сделать, это причинить тебе боль.

Я могла бы заплакать от облегчения.

— Я люблю его, папа, — я сразу перешла к делу, чувствуя необходимость подкрепить это. — Я знаю, для тебя это шок, но он хороший человек, — я чувствую себя так, словно тяжесть мира в один миг свалилась с моих усталых плеч.

— Камилла, мне нужно, чтобы ты поняла, — его голос теперь менее весёлый, более серьёзный. Это то, что я ожидала услышать от человека, который никогда в жизни не извинялся. Это огромный шаг для него.

— Всё в порядке, папа, — уверяю я его. Я знаю, что он никогда не хотел причинить мне боль до такой степени, как сейчас. Возможно, мне не нравится его поведение, но я понимаю, почему он это сделал. Ему нужно отпустить меня. Принять тот факт, что я взрослая женщина, у которой есть свой разум и я могу принимать свои собственные решения.

— Это не нормально, — он вздыхает. — Это совсем не хорошо. Я подвёл тебя.

— Нет, папа, ты...

— У него есть жена, Камилла.

Комната начинает кружиться, и я хватаюсь за стул, чтобы не упасть.

— Что? — шепчу я, всё во рту, а миг пересыхает.

— Дорогая, он женат, — торжественно повторяет он, вбивая слова в образовавшуюся в моём сердце рану. — Этот ублюдок лгал тебе всё это время.

Перестань так говорить!

Я нащупываю стул и опускаюсь на сиденье, тупо глядя в другой конец комнаты. Женщина на фотографии. Счастливое лицо Джейка. Я ненавижу то, что, говорит мне мой отец, но в миг всё встаёт на свои места. Джейк уклонился от ответа, когда я спросила о фотографии. Конечно, он бы так и сделал. Но жена? Это кажется невозможным.

— Камилла? — обеспокоенный тон папы пробивается сквозь моё оцепенение.

— Откуда ты это знаешь? — спрашиваю я, нуждаясь в деталях, чтобы попытаться справиться с шоком. — Где сейчас Джейк? Он сказал, что придёт к тебе поговорить. Чтобы разобраться во всём.

— Ну, ему не нужно об этом беспокоиться, — усмехается он, голосом полным отвращения. — Я уничтожу его за то, что он причинил тебе боль, Камилла.

Я качаю головой, разочарование и боль охватывают меня.

— Скажи мне, откуда ты это знаешь.

— Я попросил Гранта проследить за ним. Он пошёл в дом к женщине. Дом его жены. Грант только что позвонил и доложил мне об этом.

Я вскакиваю со стула.

— Он сейчас там? — я уже направляюсь к двери, прежде чем получаю ответ. — Где, папа? Где он?

— Дорогая, я не позволю тебе идти туда одной.

Я, запинаясь и останавливаюсь.

— Ты лжёшь, — подначиваю я его, зная, что в этом случае он предоставит более весомые доказательства, если всё это правда.

— Первая улица, 18А, — он моментально называет адрес. Он не блефует. Моё сердце сжимается. — Подожди меня, дорогая. Мне нужно кое-что сделать, и я приеду и заберу тебя.

— Хорошо, — лгу я и вешаю трубку.

Я никого не собираюсь ждать. Я хватаю свою сумку и распахиваю дверь, забывая, что Хизер, вероятно, задаётся вопросом, что, чёрт возьми, происходит.

— Ками! — зовёт она, совершенно сбита с толку.

Я резко останавливаюсь на полпути по коридору, но не потому, что Хизер идёт за мной, а потому, что кто-то преграждает мне путь.

— И куда ты? — Люсинда выглядит как строгая директриса, скрестив руки на груди и постукивая ногой по ковру.

— Он заставил тебя следить за мной? — спрашиваю я, ощущая при этом что-то между веселья и недоверия.

— Мне это не нравится, — фыркает она, глядя мимо меня на Хизера. Мне не нужно оборачиваться и искать свою подругу, чтобы видеть появившееся в этот момент на её лице удивление и что сейчас вероятно она задаётся вопросом, что, чёрт возьми, происходит. Это просто шикарно.

— Должна ли я предположить, что вероятно это ваш долг — не дать мне уйти? — спрашиваю я, а моё разочарование превращается в кипящую ярость.

— Всё, верно, — она подмигивает, и мне хочется врезать ей по лицу.

— Почему? — спрашиваю я. — Угрозы излишни. Мой отец сказал мне, что всё решено.

Она смотрит на меня пустым взглядом. Это говорит мне слишком много и одновременно так мало.

— Джейк просто принимает меры предосторожности.

Я киваю, решив не спорить и тем самым не вызывать у неё подозрений. Предосторожности? Да, например, охранять меня, пока он наносит визит своей жене. Я поворачиваюсь на каблуках, бреду обратно в квартиру, Хизер смотрит на меня, с лицом говорящим, какого чёрта? Но я просто качаю головой, мой способ сказать ей, чтобы она ничего не говорила сейчас. В любом случае, что я могу ей ответить? Она там в поисках свадебных платьев, а я только что узнала, что у моего жениха есть жена.

Когда я возвращаюсь в квартиру, то оглядываюсь через плечо и вижу, что Люсинда не сдвинулась с места и, похоже, не собирается этого делать. Сука.

Закрыв за собой дверь, я утыкаюсь лицом прямо в дверь, заглядывая в глазок. Она выглядит крошечной. Я отстраняюсь, размышляя, пока поворачиваюсь, осматривая свою квартиру в поисках выхода. Я подбегаю к окну и выглядываю наружу. Я слишком пьяна.

— Чёрт, — бормочу я, снова оглядываясь на входную дверь. Пожарная лестница находится на другой стороне коридора. Мимо Люсинды не пройти.

— Что происходит? — спрашивает Хизер подходя ко мне сзади, и я поворачиваюсь к ней лицом, прикусывая губу, борясь с эмоциями, которые угрожают вырваться на свободу и помешать мыслить более ясно. Она делает шаг назад, внимательно изучая меня. — Мне не нравится это лицо, — заявляет она. Ей оно и не должно нравиться. Это моё решительное лицо.

Я бегу на кухню и хватаю единственное, что может мне помочь, прежде чем броситься

обратно в гостиную.

— Какого хрена ты держишь в руках сковородку? — спрашивает Хизер, когда я пробегаю мимо неё. — Ками, ты, блядь, объяснишь мне!

Я быстро снова проверяю глазок и вижу, что Люсинда всё ещё стоит на страже. Я не могу поверить, в то, что собираюсь сделать! Я поворачиваюсь лицом к своей ошеломлённой подруге.

— Мне нужно, чтобы ты кое-что сделала для меня.

Она смотрит на меня так, как будто я сошла с ума. Что вполне вероятно.

— Что?

— Эта женщина работает с Джейком.

— Почему она здесь?

— Чтобы не дать мне уйти. Джейк сказал ей присматривать за мной.

— Зачем ему это делать?

Её вопрос прерывает моё размеренное течение мыслей, и я останавливаюсь, понимая, что мне не сойдёт с рук неопределённый ответ, тем более что я собираюсь попросить её стать моей сообщницей. Я закрываю глаза и набираю побольше воздуха в лёгкие, готовясь услышать это вслух.

— Папа сказал мне, что у Джейка есть жена.

— Что! — уровень децибел её крика буквально отбрасывает меня на несколько шагов назад.

— Тсс-с-с! — шиплю я, подбежав вперёд и закрыв ей рот ладонью.

Её глаза становятся похожими на два блюдца, и она что-то бормочет мне в руку. Я понятия не имею, что, поэтому убираю руку и подношу палец ко рту в знак того, что необходимо говорить, как можно тише.

— Ты ему веришь? — спрашивает она.

Я проглатываю свою гордость и признаюсь, в том, о чём думаю.

— В этом есть смысл. Я увидела его фотографию с женщиной и спросила его о ней. Он ничего не сказал.

— Это может быть просто ещё одной попыткой твоего отца контролировать тебя, Ками.

— Он не дурак. Он бы не стал выдумывать такую ерунду. Нет, если только ему это не подтвердили, и я сомневаюсь, что он пошёл бы на такую крайность, как например заплатил женщине лишь за то, чтобы она выдавала себя за жену Джейка, — внутри себя я подавляю истерический смех от абсурда всего происходящего. Да, потому что это зашло слишком далеко. Всё слишком идеально складывается, и это разрывает мне сердце.

— О, чёрт, Ками, — от сочувствия Хизер мне кажется, что я вот-вот сломаюсь. — Мне жаль.

Я улыбаюсь. Я не знаю, почему, но улыбаюсь. Внутри же я умираю.

— Мне нужно выяснить, что происходит.

— Конечно, — она понимающе кивает, но затем её взгляд опускается на сковородку, о которой я почти успеваю забыть. — Что ты собираешься с этим делать?

— Я собираюсь вырубить сменщицу своего телохранителя, — я не хожу вокруг да около. У меня нет на это времени.

— У меня было предчувствие, что ты это скажешь, — Хизер в отчаянии качает головой. — Я, конечно, не хочу разрушать твой хитроумный план или что-то в этом роде, но я сомневаюсь, что патруль позволит тебе подойти прямо к ней и ударить себя по голове. И

ты вряд ли сможешь засунуть эту штуку себе в трусики, чтобы спрятать её.

— Вот тут-то ты мне и будешь нужна, — я хватаю её за руку и тащу к двери.

Она явно офигевает, но я чувствую, как страх переходит через её конечности в мои.

— У меня было предчувствие, что ты так скажешь, — она вздыхает.

— Как твои актерские способности? — спрашиваю я, снова заглядывая в глазок и замечая, что Люсинда всё ещё удерживает свою позицию.

— В последний раз я выступала в школьной пантомиме.

Я улыбаюсь, что вероятно довольно неуместно, учитывая нашу ситуацию, при этом вспоминая Хизер, играющую Золушку.

— Тебе надо открыть дверь и выскочить в коридор. Выгляды при этом испуганно.

— Я могу это сделать.

— Скажи ей, что я вылезая из окна.

— Это я тоже могу сделать, — она расправляет плечи, готовясь, затем снова опускает глаза на сковородку. — И как только она ворвётся в квартиру, чтобы остановить тебя...

Я улыбаюсь и поднимаю сковородку.

— Я ударю её по голове.

— Потрясающе, — бормочет Хизер, кладя руку на ручку. — А ведь я пришла только выпить шампанского и поболтать, — мрачно напоминает она мне. Потом она открывает дверь и начинает кричать, как ненормальная.

Глава 29

Джейк

Я сижу в своей машине через дорогу уже... Не знаю, как долго. Время замедлилось до предела. Моё сердце тоже замедляется до критических значений. Моя главная цель, вновь ускользнула от меня в тот самый момент, когда я оставил Ками в её квартире. В тот момент, когда я оставил её. Желание отправиться напрямик в Логан-Тауэр, чтобы сначала разобраться в происходящем вокруг беспределе, было непрекращающимся испытанием. Но Камилла в безопасности под присмотром Люсинды, а пока я всё же решаю разобраться с этим. Что бы Логан ни сделал, мне было необходимо сделать первый шаг, чтобы всё исправить. Я не смогу двигаться дальше, если у меня на шее будет завязана петля. Мне необходимо встретиться лицом к лицу со своими демонами и вымолить у них прощение. Тогда, может быть, Ками сможет простить меня за то, что я обманул её. Ками. Я закрываю глаза и начинаю прокручивать в уме бесконечные образы её лица, её улыбки, её глаз. Она — тот свет, в котором я нуждался все эти годы. Она — тот спусковой крючок, который мне нужен, чтобы взять себя в руки и сделать всё то, что я откладывал.

Я тянусь к дверце машины и выхожу, тихо закрывая её за собой. Мои шаги замедляются, когда я пересекаю дорогу, но становятся быстрее, решительнее, чем ближе я подхожу к знакомому дому. Всё в точности так, как я помню. Моё сердце начинает биться быстрее, и меня моментально захлёстывают воспоминания об этом месте.

Я двигаюсь вверх по тропинке, но мои ноги ничего так сильно не хотят, как просто развернуться и убежать.

У меня нет возможности постучать. Дверь распахивается, и я замираю.

Слёзы брызнули из глаз Эбби, как только она увидела меня, и она шагнула вперёд, но я отступаю. Никаких прикосновений. Я не могу допустить, чтобы она прикасалась ко мне.

Я смотрю себе под ноги, в надежде спастись от отчаяния, отражающегося в её, полных слёз, глазах. Я не могу говорить из-за тягостных воспоминаний, атакующих мой разум. Я не

могу смотреть на неё. Я не продумал свою речь. Я совершенно не готов.

— Входи, пожалуйста, — произносит она, и я вижу, всё также потупив свой взгляд в землю как она отходит, тем самым освобождая мне путь.

Войдя в этот дом, я мог бы прикончить себя, но, думая о Ками, я переступаю порог и оказываюсь в самом близком к аду месте, которое только могу себе представить. Стены коридора увешаны фотографиями. Бесконечными грёбаными фотографии с обеих сторон, и я словно оказываюсь в клетке. Я не смотрю ни на одну из них. Я всё также не поднимаю глаз, клаустрофобия переполняет меня, и это ощущение заставляет каждую мышцу буквально звенеть от напряжения.

— Проходи, — говорит Эбби, медленно проходя мимо меня в узком пространстве. Я практически прижимаюсь к стене, чтобы избежать риска, даже случайного соприкосновения, мои глаза не отрываются от моих ног, когда я слеую за ней на кухню в задней части дома.

— Пожалуйста, садись, — предлагает она, указывая на один из стульев за столом. — Чай?

Я сопротивляюсь желанию спросить, есть ли у неё «Джек», но вместо этого киваю, опускаясь на стул. Она занимается приготовлением чая, и между нами повисает чертовски ужасное долгое молчание.

— Как у тебя дела? — она поворачивается ко мне лицом с подносом и подходит, ставя его на стол, прежде чем сесть.

— Живой, — бормочу я, первое что приходит в голову.

— Я вижу, — она одаривает меня лёгкой улыбкой, на которую, как бы я ни старался, я не мог ответить. — Почему ты здесь, Джейк? Почему сейчас, после всех этих лет?

— Я кое-кого встретил, — неожиданное признание срывается с моих губ необдуманно, и в результате, в ответ на него её лицо вытягивается от шока. Всё это выглядит так чертовски бессердечно, но я всё ещё здесь чувствую себя в грёбаном смятении. Я не знаю, что, чёрт возьми, я должен сказать.

— Я думаю, это был только вопрос времени, — бездумно отвечает она, помешивая ложку в пустой кружке. — Но не могу сказать, что виню тебя или осуждаю.

— Я этого не планировал, — начинаю я, удивляясь, какого чёрта я оправдываюсь. Мне не нужно это оправдывать, но я, кажется, не могу остановиться. — Это всё застало меня врасплох, поверь мне. Я не заметил, как всё произошло.

— Так ты пришёл только для того, чтобы сказать мне это? — спрашивает Эбби, глядя на меня. — Всё это время я ждала, когда ты выйдешь на связь, чтобы хотя бы сообщить, что ты жив. Ничего, Джейк. Я не переставала заботиться и думать о тебе.

— Я не могу жить дальше со всей этой болью, висящей у меня на шее, — я выдавливаю слова сквозь стиснутые зубы, нуждаясь в некотором понимании от неё. — Я люблю эту женщину. Мне нужно рассказать ей всё, что ей стоит знать обо мне. Я не могу продолжить жить с ней, не рассказав о себе. Это было бы ложью.

— Ох, — она начинает саркастически смеяться, лишая меня всякой надежды на то, что она сможет понять. — Пока с тобой всё в порядке. До тех пор, пока у тебя есть весь мир ты можешь продолжать жить своей жизнью, Джейк.

— Я не живу своей жизнью уже четыре года, Эбби! — кричу я, в гневе ударяя кулаком по столу. Она вскакивает, ошеломлённая, и мне сразу становится ужасно стыдно за этот срыв. Её нижняя губа начинает дрожать. Мои локти упираются в стол, а ладони закрывают

лицо.

Снова наступает тишина, но мой мозг буквально вопит о желании вытащить пистолет сзади из брюк и вышибить себе мозги. Избавить себя от страданий, а также всех остальных, кого это коснулось.

— Ты не единственный, кто не смог наладить свою жизнь, Джейк, — шепчет Эбби. — Я воспитываю твою дочь одна.

Всё внутри меня словно начинает умирать долгой, мучительной смертью, мои пальцы впиваются в лицо.

— Я собираюсь всё исправить, — клянусь я. Ками так много прояснила для меня. Я просто не знаю, с чего начать и как.

— Папа?

Сладкий голосок заставляет меня подняться со стула и отступить назад, я словно пытался убежать от своей реальности. Я бросаю шокированный взгляд на Эбби.

— Ты сказала, что её здесь не будет.

Она согласилась. Всё должно было происходить постепенно

Я не могу поверить, что она сделала это! Это эмоциональный шантаж в худшем его проявлении. Я бросаю быстрый взгляд на маленькую девочку и тут же жалею об этом. Она вылитая копия своей матери. Её мать. Обманщица, манипулирующая всем и вся сука. Эбби подбегает и опускается на колени перед маленькой девочкой, но не привлекает её внимания на себя. Её любопытные глаза прикованы ко мне, осуждение написано на её маленьком личике. Я отворачиваюсь, не в силах этого вынести.

— Шарлотта, дорогая, я же сказала тебе оставаться в своей комнате и поиграть.

— Он похож на моего папу.

Я отворачиваюсь лицом к стене, моё зрение затуманивается от слёз, которые я больше не могу сдерживать.

— Зачем ты спустилась? Захотела воды?

— Нет. Там дама у двери.

Повинуясь импульсу, я оборачиваюсь. Меня это заставляет сделать не только заявление Шарлотты. Я чувствую, что она рядом.

Ками стоит в дверях, её лицо залито слезами. Рана в моём сердце расплывается, раскалывая его надвое.

— Ками, — я осторожно продвигаюсь вперёд.

Она разворачивается и убегает.

— Ками! — я выскакиваю из кухни и пулей несусь по коридору, видя, как она исчезает за входной дверью. — Ками!

— Держись от меня подальше! — кричит она, убегая по улице и запрыгивая в свою машину.

— Нет! — я продолжаю бежать за ней, мои ноги почти онемели от напряжения. — Ками, пожалуйста!

Её машина с рёвом оживает, и она мчится по дороге, петляя повсюду. Она убьёт себя, чёрт возьми!

— Блядь! — я бросаюсь к своей машине, запускаю двигатель, выезжаю и разворачиваюсь вслед за ней. Она едет чуть впереди благодаря тем нескольким минутам моего замешательства, но её машина в поле моего зрения. Она сворачивает налево в конце улицы, едва приостанавливаясь, чтобы проверить, нет ли встречных машин. — Ради всего

святого, ангел! — я вжимаю педаль в пол, готовый прорваться сквозь любые транспортные средства, которые встанут у меня на пути. Я резко поворачиваю руль, машину заносит, но я выравниваю её, при этом, едва не задев чёрное такси.

Я сбиваюсь со счёта, сколько поворотов я делаю, преследуя её. Она на пять машин впереди, ведёт машину беспорядочно и неуклюже, пытаюсь убежать от меня. Я ей не позволю этого. Она никуда не денется. Я заставлю её понять и выслушать меня.

Мои надежды поймать её крепнут, когда я замечаю впереди Чаринг-Кросс-Роуд. Неважно, в какую сторону она пойдёт, налево или направо, она будет зажата машинами. У неё не будет другого выбора, кроме как остановиться.

Она поворачивает налево. Я вытираю капли пота со лба и хватаюсь за руль, мчась, чтобы проехать мимо светофора до того, как он загорится красным.

— Блядь! — он переключаются на жёлтый, и я вижу миллион пешеходов, стоявших на обочине тротуара, ожидающих, чтобы перейти дорогу, как только загорится зелёный человечек. Я же не собираюсь ждать. Я нажимаю на тормоза, машина с визгом останавливается, прежде чем врезаться в группу туристов, я с силой упираюсь руками в руль и ёрзаю на сиденье. Они все застыли посреди дороги, глядя на меня с камерами в руках.

Я громко выдыхаю, когда вижу, что все целы.

— Чёрт! — я выпрыгиваю из машины и бегу за угол, впервые в жизни молясь о том, чтобы движение было встречным.

Я вижу её. Её красный — «Мерседес» — стоит вдалеке, застряв в пробке. Я срываюсь на бег, бегу по центру дороги, мне кричат и сигналият. Другая полоса свободна, и я вижу, как бампер её машины выступает несколько вперёд. Она собирается повернуть. Я двигаю ногами с ещё большей силой, догоняя её. А потом дверь её машины распахивается, и я наконец могу увидеть её лицо.

— Не уходи от меня, Ками! — кричу я.

— Стой! — кричит она, и как будто внутри меня нажимается кнопка «стоп», и я останавливаюсь. — Не подходи ко мне, Джейк!

Я поднимаю ладони вверх в знак капитуляции, при этом тяжело дыша от усталости.

— Просто позволь мне объяснить, — прошу я, мне не нравится расстояние в пятьдесят метров, между нами. Мне нужно прикоснуться к ней, поддержать её, пока я говорю ей.

— Ты женат! — её голос срывается, её обвинительный тон меняется на полностью опустошённый. — У тебя есть дочь! Ты солгал мне!

— Нет! — я качаю головой, делая шаг вперёд, но останавливаюсь, когда она в ответ на моё движение отступает на шаг. — Я был женат, Ками. Больше нет.

— Ты лжёшь!

— Я, блядь, не вру! — я сжимаю кулаки, зная, что мне необходимо всё-таки сказать эти слова, прежде чем возможно, я потеряю её навсегда. — Она мертва, Камилла. Моя жена, чёрт возьми, мертва.

Она смотрит на меня пустыми глазами, это заставляет меня продолжать.

— Эта женщина — сестра моей жены. Я вернулся с задания и застал свою жену в постели с моим лучшим другом!

— Что?

Воспоминания почти заставляют меня подойти к ближайшей стене и разбить себе об неё голову, чтобы унять их. Но мне нужно быть настойчивым. Мне нужно продолжить.

— У нас был ребёнок, ангел. Пока я был на службе, она родила нашего ребёнка. Я

должен был вернуться домой, чтобы стать отцом и мужем. Я вернулся на неделю раньше. Думал, что обрадую её. Но нашёл её в постели с моим лучшим другом, — я заносу свой кулак вверх и ударяю им себя по лбу. — У них был роман, пока я сражался с грёбаным миром! — я смотрю на её лицо, физически дрожа от вернувшегося гнева и чистого, необузданного страха. — Я сам убедил себя, что ребёнок не мой.

Ками выглядит так, словно она в состоянии шока. Я могу её понять. Мой мир рухнул в тот единственный день. Я умирал четыре долгих года и только сейчас благодаря ей вернулся к жизни.

— Я нашёл их в постели и ушёл, — я заставляю себя продолжать. — Моя жена погналась за мной. Села в свою машину и погналась за мной. Она превысила скорость, — я крепко зажмуриваю глаза и смотрю на небеса. Она где-то там, наверху, наверное, смотрит на меня сверху вниз и думает, что сейчас я получаю то, что заслуживаю. — Автобус протаранил её машину. Её смерть была подтверждена на месте происшествия.

Все ужасные события, которые я наблюдал как в замедленной съёмке в зеркале заднего вида несколько лет назад, словно вновь ожили. Ясные и яркие. Я вновь умирал внутри.

— О Боже мой, — читаю я слова сорвавшееся с её губ, как раз перед тем, как она подносит ладонь ко рту и прикрывает его.

— Я вернулся на войну, — я борюсь со своей агонией, заново переживая каждую секунду своего прошлого. — Я чувствовал, что это всё, что у меня осталось. Я потерял всякое чувство уважения к своей жизни. Ради спасения жизни других. Я больше не хотел здесь находиться. Жить. Они уволили меня после того, как медицинская комиссия сочла меня сумасшедшим. Просто жить стало для меня формой непрерывной пытки, — я пытаюсь проглотить подступивший комок в горле. Не выходит. И я позволяю слезам застлать глаза, и мой голос срывается. — Потом я встретил тебя.

Она хватается за борт своей машины, чтобы не упасть. Теперь гудки режут, постоянно и пронзительно, и я смотрю по сторонам, чтобы увидеть, что движение продолжается, медленно, но оно продвигается, водители объезжают машину Ками, блокирующую дорогу.

— Почему ты мне не сказал? — спрашивает она, не обращая внимания на хаос образовавшейся вокруг неё.

Я признаюсь.

— Я был слишком озлоблен и расстроен, чтобы смотреть правде в глаза. Моя жена предала меня. Я даже не мог найти в себе силы простить её, даже после её смерти. Я ушёл. Ушёл. Забыл. Я превратился в ненавистного, озлобленного ублюдка, Камилла. Моей дочери было лучше без меня. Я не хотел отравлять её своей чернотой.

Она вытирает глаза, оглядываясь вокруг, как будто толпы людей могут дать ей какой-нибудь совет, что делать.

— Ками, я люблю тебя! — я буквально кричу это, просто чтобы быть уверенным, что она это слышит, я поднимаю руки, прежде чем устало опустить их. Она смотрит на меня, слёзы всё ещё текут по её щекам. — Ничто из того, что мы пережили вместе, не было притворством. Ни одной секунды.

— Ты должен был сказать мне.

— Я хотел рассказать тебе. Мне просто нужно было всё прояснить самому, прежде чем я смог бы объяснить всё тебе. Мне нужно было увидеть свою дочь, начать всё исправлять. Я хочу всё исправить. Ты заставила меня увидеть, что я могу это сделать.

Она опускает взгляд, кивает, и моя надежда возрождается, когда она делает шаг. Она

идёт ко мне. Я мысленно прошу о том, чтобы подошла ближе. Мне никогда прежде не нужно было обнимать её так сильно, как сейчас. Она делает шаг, и, не желая откладывать поддержку, в которой мы оба нуждаемся, я тоже иду к ней навстречу.

Я игнорирую продолжающиеся звуки автомобильных гудков, кричащих вокруг нас, моё внимание сосредоточено только на том, чтобы вернуть Ками туда, где ей место. В мои объятия. Она снова вытирает глаза, поднимает голову, и когда же она оказывается совсем близко ко мне, в её глазах светятся облегчение и надежда.

Но затем громкий визг шин добавляет новый звон в ушах, и я замечаю, как всё меняется, потому что мы оба начинаем искать источник этого резкого звука.

Остальное происходит как в замедленной съёмке.

Фургон.

Белый фургон. Тот же самый белый фургон, который умчался от меня, когда я подошёл к нему возле офиса агента Ками. Он мчится в сторону Ками, и её внимание сразу же привлекает то, как близко он оказывается около неё. Я не осознаю, что бегу, пока подошвы моих ног не начинают гореть сквозь ботинки, мои ноги двигаются сами по себе словно я какой-то спринтер. Я вижу, как её улыбка исчезает. Я вижу, как её тело сковывается. Но она, кажется, не приближается ко мне, как бы быстро я ни бежал к ней.

Я смотрю, как фургон с визгом останавливается рядом с ней. Я вижу, как открывается боковая дверь.

— Нет! — я реву, и этот рёв эхом разносится по улицам Лондона. Появляется пара рук, обтянутых чёрным материалом, и хватает её, затаскивая в фургон. В воздухе снова раздаётся визг, и запах горячей резины проникает в мой нос. Фургон направляется прямо на меня, заставляя меня отпрыгнуть. Моё тело с силой врежется в асфальт, и я перекатываюсь, вскакивая на ноги, потая и тяжело дыша, наблюдая, как фургон врежется в «Мерседес» Ками и тот с оглушительным грохотом врежется в ближайшую стену. Я снова бегу, пытаюсь добраться до фургона, когда он разворачивается. — Нет! — я снова кричу. Он ускоряется, быстро сворачивает за угол, дверь на ходу захлопывается. И я теряю его из виду, мои ноги замедляются, пока я постепенно не останавливаюсь.

Окаменевший.

Я оцепенел, застыл... умер.

Мир движется вокруг меня — люди пялятся, обходят стороной, машины движутся. У меня такое чувство, что все смотрят на меня так, словно я сбежал из психушки. Никто не спрашивает, в порядке ли я. Никто не подходит ко мне, чтобы узнать, могут ли они помочь.

Мне уже ничем не поможешь. Я оглядываюсь вокруг, кружась на месте, безумие Лондона — размытое пятно цвета и шума. Она исчезла. Я запрокидываю голову к небу и выкрикиваю её имя.

Глава 30

Ками

Я не знаю, где нахожусь. Меня окутывает темнота с тех пор, как я заглянула в черноту глаз незнакомца, смотрящего на меня из-под балаклавы. Я кричала и боролась с ним до тех пор, пока усталость не обездвижила меня. Мой мозг не работает. Моё тело отключается. Вокруг кромешная темнота, мои глаза закрыты, а способность кричать отнята благодаря кляпу, который у меня во рту. Никаких разговоров не слышно. Я не знаю, сколько их. Мне холодно. Странно, но я больше не плачу. Мне страшно, но я не плачу. Если бы я могла позволить себе спокойно поразмыслить, то вероятно задалась вопросом почему.

Но я этого не делаю.

Поэтому я остаюсь молчаливой и неподвижно сидящей на твёрдом полу, и молюсь.

Глава 31

Джейк

Моё тело болит, мои глаза болят, моё сердце болит.

Она напугана. Она будет звать меня.

Я бегу обратно к своей машине, по дороге звоню Люсинде.

— Алло?

Это не голос Люсинды.

— Хизер?

— Ох...

Я хмуро смотрю вперёд.

— Где Люсинда?

— Эм, она приходит в себя.

Всё очень быстро встаёт на свои места. Люсинда не позволила бы Ками покинуть свою квартиру, если бы могла физически остановить её. А это значит, что она не могла физически остановить её.

— Что вы двое натворили?

— Это что ты натворил, придурок? — язвительно парирует она, заставляя меня набраться терпения, прежде чем я выясню обо всём произошедшем. — Отец Камиллы сказал ей, что ты женат!

— Заткнись, Хизер, — шиплю я, посылая маленькую решительную задницу Ками к чёрту. Она не знала о Шарлотте. Хизер не упоминает о произошедшем монументальном моменте, и я видел шок в глазах Камиллы. Логан копнул достаточно глубоко, чтобы узнать о моей жене Монике, но и не стал углубляться, удовлетворённый той информацией, которую он нашёл, этого в его понимании было достаточно чтобы настроить свою дочь против меня. — Ками похитили.

— Что?

— Её, блядь, похитили! Позови Люсинду! — я запрыгиваю в свою машину и, не теряя времени, проезжаю на красный свет, светофора, чтобы разогнать пешеходов, переходящих дорогу. — Шевелитесь!

— Джейк? — голос Люсинды звучит устало, и на мгновение я снова задаюсь вопросом, что, чёрт возьми, сделала Ками, но сейчас у меня нет времени вдаваться в подробности.

— Ками похитили, — я резко поворачиваю направо, точно зная, куда ехать. Кровь течёт по моим венам, как яд, угрожая довести меня до точки невозврата.

— О, чёрт. Где ты? — спрашивает Люсинда, в её тоне слышится оправданное беспокойство.

— Я вот-вот сойду с ума из-за её отца.

— О, чёрт. Джейк, не делай глупостей.

— Слишком поздно.

* * *

Я бросаю свою машину в месте, где парковка запрещена, возле Башни Логан и мчусь к зданию, с силой протискиваясь через двери. Стёкла бьются о стены, оглушительный грохот разносится по вестибюлю. Все замолкают и обращают внимание на двери и человека-убийцу, проходящего через них.

Я продолжаю смотреть вперёд, видя впереди металлоискатели и старика, который стоит на охране. Его глаза расширяются, стоит мне подойти ближе, его коренастое тело падает со стула, на котором он сидел. Я не даю ему шанса попытаться остановить меня. Я тянусь за спину и вытаскиваю пистолет, направляя его прямо ему в голову, когда протискиваюсь вперёд. Нет необходимости, что-то ему объяснить.

Умный человек.

Он пятится назад, руки подняты, глаза выпучены.

— Эй, приятель! Давай не будем горячиться.

Я рычу, проходя через аппарат и иду дальше, оставляя позади себя дикие сигналы тревоги. Я нажимаю на кнопку вызова лифта дулом пистолета, и двери немедленно открываются. Я вхожу в кабину, выглядя настолько спокойно, насколько это возможно, учитывая весь тот хаос, пронизывающей меня.

Это поездка казалась бесконечной. К тому времени, как лифт достигает самой вершины Башни Логан, я готов буквально вырваться из металлической кабины, попросту удерживающей меня в плену и мешающей мне найти ей.

Я прохожу мимо стойки администратора, где сплетничали группа женщин, и продолжаю двигаться по коридору к кабинету Логана. Пронзительная болтовня женщин вскоре затихает и сменяется тишиной, прежде чем переходят на панический шёпот. Но никто не пытается остановить меня. Вес моего пистолета в руке говорит мне, почему.

Как только я подхожу к двери, поворачиваю ручку, но она не двигается. Я злобно смеюсь и отступаю назад, подтягивая колени к груди и упираясь ногой в дверь. Звук грохота даже не проникает сквозь мой туман ярости.

Логан подсакивает на стуле, прижимая телефон к уху, и один из его приспешников в шоке отходит.

— Всё в порядке, — говорит Логан по телефону, очевидно, успокаивая того, кто позвонил, чтобы сообщить ему о сумасшедшем, расхаживающем по его офису. — Всё в порядке, — он медленно кладёт трубку, его глаза широко раскрыты и настороженны.

Это хорошо? Но далеко не прекрасно. Я поднимаю руку и целюсь Логану в голову.

— У тебя есть десять секунд, чтобы сказать мне, что, чёрт возьми, ты скрывал, прежде чем я вышибу тебе мозги, — и ему лучше не подвергать сомнению мои намерения. Я оттягиваю затвор своего пистолета.

— О чём ты говоришь? — спрашивает он, откидываясь на спинку стула, как самый настоящий слабак.

— Ты теряешь время, Логан, — моя челюсть напряжена, звук пульса отдаётся где-то в голове. — Семь секунд.

— Где Ками? Что ты с ней сделал?

— Её, блядь, похитили! — я бросаюсь вперёд, ударяя Пита локтем в голову, когда он пытается остановить меня. Он со стоном и грохотом падает на пол.

Я обхожу его стол и приставляю дуло пистолета к виску Логана, вдавливая его так сильно, как только могу. Он хнычет, кажется, что его дрожь пробегает по самому металлу моего оружия и касается моей руки. Помоги ему Бог, ведь мой дрожащей от напряжения палец на спусковом крючке.

— О чём был тот грёбаный разговор!?

— Хорошо, хорошо! — он съёживается, его глаза крепко зажмурены. — Они шантажировали меня неделями! Они просили денег. Сказали, что разоблачат меня, если я не

заплачу!

Вот оно. Разоблачение его. Ему есть что скрывать.

— Что они могут разоблачить?

Он переводит свой испуганный взгляд с меня на Пита, который в данный момент отрывается от пола, потирая голову.

— Оставь нас, — произносит Логан тихо и серьёзно.

Пит не задаёт вопросов. Его даже не волнует тот факт, что у меня заряженное оружие, направленное в голову его босса. Он быстро выходит, не оглядываясь.

Дверь закрывается, и я покачиваю пистолетом, давая понять, что ему лучше поторопиться и объясниться, прежде чем я разнесу ему голову.

— У них есть фотографии, — бормочет он, тяжело дыша, чертовски нервничая.

— И... — настаиваю я.

— Я...

Я хватаю его за воротник и начинаю трепать.

— И?

— Женщина, — он сглатывает, от напряжения его кадык выпячивается и касается костяшек моих пальцев. — Или скорее девушка.

Я выдыхаю с отвращением, но и с большим облегчением, от того, что кажется, что я смогу от него добиться хоть чего-то.

— Сколько ей лет?

Он закрывает глаза, и выдыхает, сдаваясь.

— Пятнадцать.

Я отшвыриваю его, как мерзость, которой он, впрочем, и является, и освобождаю его висок от пистолета, отступая назад, на моём лице отражается отвращение.

— Я не знал! — Логан ёрзает в своём огромном офисном кресле, отказываясь смотреть на меня. — Она выглядела по меньшей мере на двадцать. Высокая. Блондинка. Хорошо сложенная.

— Ты ублюдок.

— Это не может выйти наружу! — его взгляд метается по столу, безумный и панический. — Ради всего святого, я посол детской благотворительной организации! Моя репутация... — он смотрит на меня, в его вкрадчивых глазах читается неподдельный ужас. — Моя жена.

Мои губы искривляются в нахальной улыбке, и я получаю величайшее удовольствие от того, что собираюсь сказать.

— Твоя жена уходит от тебя, Логан. Вчера она подала на развод.

— Что? О чём ты говоришь?

— У неё был роман с твоим адвокатом по разводам, — я смеюсь себе под нос, смехом полного сарказма. — Она беременна от него.

— Ты не знаешь, о чём говоришь! Она бы не бросила меня!

— Ты думаешь, мне не похуй? — я тычу пистолетом ему в центр лба, дрожа от гнева. — Ты уволил меня, зная, что Ками не в безопасности! О чём, чёрт возьми, ты думал?

— Ты копал под меня! — он откидывается на спинку кресла, широко раскрыв глаза. — Когда я получил первую угрозу, они потребовали денег и дали реквизиты банковского счёта. Они сказали, что, если я не заплачу, они пошлют фотографии в газеты. Я послал их к чёрту. Я не собирался выполнять их требования. Кроме того, я держу тесный контакт со всеми

редакторами газет. Я прикрываю им спины, они прикрывают мою. Они, конечно, не выиграли бы от скандала и моего разорения, поверь мне.

Я упираюсь взглядом в аморального, эгоистичного придурка, а он избегает моего взгляда.

— Фотографии оказались на столе редактора Мирор, — тихо произносит он. — Он позвонил мне, и я убедился, что мне стоит сделать всё, чтобы фотографии не попали в газеты.

— Сколько?

— Миллион и очень интересная история о члене парламента.

Я рычу. Этот человек ещё более безжалостный, чем я когда-либо думал о нём.

— Сколько они потребовали?

— Два миллиона, — Логан настороженно смотрит на меня, мои ноздри раздуваются, во мне нарастает гнев.

— А угроза Камилле?

— Это произошло, когда они поняли, что фотографии не принесут им денег, которые они хотели. Я думал, что смогу позаботиться об этом. Я не мог позволить тебе увидеть реальные угрозы Камилле, который я получил. В них говорилось о фотографиях! Угроза, которую я тебе показал, была напечатана мной. Мне просто нужно было защитить Камиллу, а ты лучший! Я знал, что с тобой она будет в безопасности! Потом ты начал копать. Это был только вопрос времени, когда ты что-нибудь найдёшь. Ты слишком заботился о ней!

— Потому что я чертовски люблю твою дочь! Мне было наплевать на тебя и твою репутацию. Всё, о чём я заботился — это её безопасность, чего не могу сказать о тебе! Её собственном грёбаном отце!

— Ты не можешь говорить так! — заявляет он в спешке, умоляюще наклоняясь вперёд в своём кресле, всё ещё беспокоясь только о своём грёбаном общественном статусе. — Я беспокоюсь не только о своём бизнесе и репутации. Я не хочу, чтобы моя собственная дочь ненавидела меня!

Я усмехаюсь, искренне забавляясь теми фразами, что несёт этот придурок.

— Уже чертовски поздно, Логан, — я снова приставляю пистолет к его виску и прикладываю к нему ещё немного силы, заставляя его рухнуть обратно в кресло. Его лоб покрыт испариной, руки подняты перед собой, как будто его жалкие толстые конечности могут служить какой-то защитой. Ничто не могло защитить его от меня прямо сейчас.

— У тебя есть жена, — жалобно бормочет он.

— Она, блядь, мертва!

— Ты лгал моей дочери! Ты притворялся тем, кем ты не являешься!

— Не заставляй меня, блядь, убивать тебя, прежде чем я получу всю необходимую информацию, чтобы найти её! — я наклоняюсь, уверенный в своём намерении проткнуть ему голову своим пистолетом, чтобы избавиться себя от необходимости стрелять в него. — Твоё беспокойство обо мне и твоей дочери сейчас не имеет значения.

Он закрывает один глаз, пытаясь откинуться назад и отклониться от моего пистолета. Это бесполезно.

— Пожалуйста, помоги мне найти её, — умоляет он.

Я отвожу от его виска свой «Хеклер» и обхожу его стол, становясь, с другой стороны, от него. Он следит за каждым моим шагом, пока я не останавливаюсь. Я прицеливаюсь, смотрю, как его глаза расширяются, как поднимаются руки, и стреляю.

Звук бьющегося стекла рикошетом разносится по его кабинету, и он сворачивается в клубок на своём кресле, стараясь казаться как можно меньше.

— Я переломаю тебе ноги за то, что ты заставил её пройти через это. Но я клянусь, Логан, — я наполняю свои лёгкие воздухом и выдыхаю, и произношу свою страшную клятву. — Если на ней будет хоть одна царапина, когда я верну её от тех, кто её похитил, в следующий раз я не буду целиться мимо тебя.

Он встаёт со стула, дрожа и обливаясь потом, его испуганные глаза остекленели.

— Кивни! — кричу я. — Сделай это, если ты полностью понял смысл моих слов.

Он начинает бешено кивать, шмыгая носом, как бесхребетный засранец, которым он и является.

Я пытаюсь успокоиться чтобы прийти в норму и начать мыслить здраво, сажусь в кресло напротив него, спокойно кладу пистолет на стол, в то время как Логан нервно ждёт, когда я заговорю.

Он действительно ждёт, когда я успокоюсь. Отчаянный человек. Глупый человек, думающий, что справится с этим в одиночку. Единственная здравая мысль, озарившая его голову — это та, что он нанял меня защитить Камиллу. Потом же правда он и всё испортил, уволив меня.

Я успокаиваю себе мыслью, что похитители редко похищают своих жертв с намерением причинить им боль. Единственная цель — получить от кого-то деньги.

— Кто мог знать, чем ты занимался в свободное время? — спрашиваю я, пристально наблюдая за ним. — Кто мог сделать эти фотографии с тобой и той девушкой?

— Я не знаю! — кричит он, отчаянно размахивая руками вокруг головы. — Я изучил все возможные варианты и ничего не подтвердилось! Я не могу попросить свой ИТ-отдел просмотреть электронную почту! Я никому не могу показать и рассказать об этом!

— Покажи мне, — резко требую я.

— Я удалил их.

Я буквально несусь вперёд, держа руку на пистолете.

— Не зли меня, Логан.

Он продвигается рукой прямо к карману и достаёт ключи, прежде чем указать на противоположную стену напротив своего стола.

— Они в сейфе.

— Возьми их.

Он встаёт с кресла, пошатываясь, как старик, и отходит назад, его взгляд мешкается между моим пистолетом и мной. Его руки дрожат, когда он поворачивает циферблат влево, вправо и снова влево, прежде чем он берёт ключ вставляет его в замок и несколько мгновений борется с ним.

Всё его тело словно двигается само по себе, когда он лезет вглубь сейфа и вытаскивает из него синюю папку. Нервно перебирая её пальцами, он приносит её мне. Я хватаю её и открываю, при этом, не обращаясь с этими омерзительными бумагами с такой же осторожностью, как Логан ранее. Меня поражает яркий образ его голой волосатой задницы и эйфорического лица молодой девушки. Морщась, я перехожу к следующему листу, не желая видеть унижительные доказательства того, что мир, в котором я живу погрузился в анархию. Я заставляю себя глубоко вздохнуть, прежде чем достать пистолет и убрать подергивающий палец со спускового крючка.

Напряжённый и притихший Логан остаётся стоять, рядом со мной, пока я листаю

документы, и нахожу скрин электронного письма, датированного двумя днями назад, со всеми компрометирующими фотографиями и другими фотографиями Ками.

— Я пытался вычислить их по перечисленным банковским реквизитам, — бормочет Логан, и вновь замолкает. Я же отмечаю детали. Это швейцарский банк. Он ничего не добьётся, если будет искать информацию о них в открытых поисковых системах.

Я достаю свой телефон и набираю цифры в сообщении, но, прежде чем успеваю нажать — Отправить — раздаётся звонок входящего вызова. Я быстро отвечаю.

— Люси?

— Зайди в Интернет. На сайт — «Ночной Лондон».

Название мне знакомо.

— Журнал? — я по несколько раз на дню просматривал глянцево-журналы с тех самых пор, как начал охранять Ками.

— Да. Сделай это, — её голос звучит настойчиво, и я не собираюсь с ней спорить.

Я протягиваю руку через стол и подтягиваю к себе компьютер Логана, захожу на «гугл» и прижимаю телефон к уху, пока набираю то, что мне сказала набрать Люсинда.

— Готово, — говорю я ей, не видя ничего, кроме рекламы и нескольких неуместных снимков различных знаменитостей.

— Панель поиска сверху. Введи имя Камиллы.

Я выполняю её просьбу и нажимаю — Поиск — и мне сразу же показываются бесконечные снимки Ками, на последнем из которых был запечатлён я и она за пределами того кафе, в которое мы зашли после её съёмки. На фото я держу её за руку над столом.

— На первом ты и Ками, — произносит Люсинда.

— И что?

— Посмотри на задний план фото. Верхний левый угол.

Мои глаза устремляются вверх и сразу же находят то, о чём говорит Люсинда.

— Чёрт, — выдыхаю я. На снимке позади меня витрина магазина, и в отражении ясно, как божий день, виден белый фургон, припаркованный в переулке напротив. Сквозь ветровое стекло виднеются очертание лица. Размыто, но при должных профессиональных навыках ретуши лицо можно было разглядеть. — Проведи распознавание лица.

— Уже. Я отправила фотографию на твой телефон. Его зовут Майкл Скотт, ему тридцать шесть. Сидел за торговлю наркотиками, вооружённое ограбление и... — она делает паузу, и я клянусь, что слышу, как она сглатывает.

— И что, Люси? — мой телефон оповещает о поступлении нового сообщения, открыв его, я вижу перед собой чёткое изображение человека, которого собираюсь выследить и разрезать на куски. Я делаю вдох и снова подношу телефон к уху.

— Джейк, это... — Люсинда вновь замолкает, и я напрягаюсь с головы до кончиков пальцев ног.

— Что?

— Изнасилование.

Кровь застывает в жилах от услышанного, и я смотрю через стол на Логана, на его лице море вопросов. Вероятность того, что моё сердце выпрыгнет из груди и угадит прямо на стол Логана слишком высока. Оно так сильно бьётся.

— Джейк?

Я не могу говорить. Не могу думать.

— Джейк, фургон был украден на прошлой неделе. Номера были заменены, — она

наговаривает фальшивые номерные знаки. — Я проверила адрес Скотта. Предположительно, он находится в реабилитационном центре в Бетнал-Грин, где проходит курс реабилитации, — Люсинда скидывает мне адрес, и он отпечатывается в моём мозгу вместе с поддельными номерами белого фургона. — Должно быть, кто-то платит ему за то, чтобы он удерживал её, но я не могу отследить ни одного телефона, который зарегистрирован на его имя. Вероятно, он пользовался ими разово. Больше у меня ничего нет. Мне очень жаль.

Я встаю в полный рост и вдыхаю воздух, кладя руку на стол, чтобы удержаться на ногах и не упасть.

— Банковские реквизиты. Швейцария, — я буквально нащупываю папку, которую передал мне Логан, и беспорядочно перебираю бумаги, пока не нахожу то, что мне нужно.

Затем набираю номер банковского счёта и рассказываю ей обо всём, что я только что узнал от Логана — о девушке, фотографиях его волосатой задницы, обо всём; слышу, как Люсинда потрясённо вздыхает, вижу, как Логан дёргается стоя по другую сторону стола.

— Посмотри этот счёт.

— Я этим сейчас занимаюсь, — отвечает она, её голос пропитан состраданием, и это ещё больше выбивает меня из колеи.

Я собираюсь положить трубку, но тут она вновь произносит моё имя, и я снова подношу телефон к уху, будучи потерянным в тумане отчаяния. Я показываю полное безразличие.

— Будь осторожен, — мягко говорит она, проявляя редкую заботу обо мне. — Пожалуйста.

Я кладу трубку и медленно убираю пистолет со стола, засовывая его в задний карман брюк.

— Что случилось? — спрашивает Логан. — Кто это был?

Я смотрю на него снизу-вверх, показывая полное безразличие к тому к ужасу и тревоге, что отражается сейчас на его лице.

— Ты знаешь этого человека? — спрашиваю я, протягивая свой телефон Логану.

Он смотрит, нахмурившись.

— Нет, я никогда не видел его раньше. Кто он такой?

— Это человек, которого кто-то нанял, чтобы похитить твою дочь. Молись, чтобы она не пострадала, Логан. Молись очень усердно.

Я разворачиваюсь и выхожу из его кабинета, весь в поту.

Глава 32

Ками

Я притворяюсь мёртвой. Это легко, когда ты в значительной степени чувствуешь себя похожим образом. Двое мужчин перенесли меня из фургона в другое место. Я знаю, что это двое мужчин. Они были уверены, что я в отключке, но я почувствовала, как две пары рук держат меня. Всё, о чём я могу думать, это о том, что Джейк сделает с ними, если найдёт их. Найдёт ли он их? Возможно ли меня найти?

Я не знаю, куда они меня привезли. Здесь пахнет сыростью и грязью, и здесь холодно. Пол твёрдый и холодный, и меня держат в темноте, повязка на глазах слишком туго натянута. Кляп. У меня пересохло во рту. Я не смогла бы закричать, даже если бы захотела.

Они молча ушли, связав мне руки за спиной и усадив у кирпичной стены. Это забавно. Если бы я когда-нибудь и представляла себя в подобной ситуации, то уверена, что представляла бы себя плачущей и испуганной.

Первые десять минут были именно такими. Следующие... как бы много времени не

прошло... Я обессилена и невосприимчива.

Я не знаю, почему решаю выбрать такую тактику. Для сохранения энергии? Я не знаю. Всё, за что мне необходимо цепляться, — это надежда. Надеюсь, что если я буду думать о Джейке достаточно усердно, то он найдёт меня.

Глава 33

Джейк

Я опытный убийца. Этот навык принёс мне определённую репутацию на войне с террором. Люди боялись меня. Неизвестной, незримой угрозы. Мне неведом страх. Я никогда не позволяю гневу овладеть мной. В течение долгого времени я никогда не позволял своим личным переживаниям хоть как-то отражаться на своём деле. Я скучал по своей жене. Я скучал, по её растущему животу, и по ощущению первых пинков малыша в нём. Я пропустил УЗИ, занятия для молодых родителей. Я пропустил первые несколько месяцев жизни моего ребёнка. Но ни одна из этих личных проблем всё равно не влияла на мою работу. Моя жизненная цель была не рушима.

Ещё четыре года назад. Но всё изменилось. Моя жизнь перевернулась с ног на голову. Моя жена не скучала по мне. Она не переживала моё отсутствие. Она нашла утешение в другом месте. У меня же больше не было цели.

Жизнь — это не просто способность дышать и сердцебиение в груди. Это значит иметь людей, ради которых стоит жить. Я совсем потерял из виду другую цель своей жизни — ту, которая появилась у меня после гибели родителей во время катастрофы в Локерби. Казалось, что она больше не имела значения. Я больше не мог трезво мыслить и работать, при этом руководствуясь чувствами.

Я стал безразличным ко всему. Безрассудным. Я стал опасен для самого себя, и, что хуже всего, я стал опасен для всех, кто меня окружал. Я ничего не мог изменить, и погряз в море «Джека», проведя слишком много месяцев в тумане пьянства и страданий, балансируя на краю чёрной пропасти ада, и я ухватился за то единственное, что ещё могло помочь мне, что могло стать моей мотивацией для того, чтобы жить. Я не мог вернуть свою прежнюю жизнь. Но я мог защищать других.

Все мои клиенты всегда были не более, чем просто работой. Долгом. Способом сохранить мою эгоистичную цель. Мне было необходимо забыть всё о моей прошлой жизни. Мои клиенты давали мне возможность сосредоточиться.

Но Камилла Логан перевернула всё с ног на голову. Она дала мне повод для того, чтобы я мог противостоять своим демонам. Она заставила меня снова чувствовать и любить. У меня в голове всё было продумано, все железобетонные истины были готовы встретиться лицом к лицу с противоборствующей стороной, и они были подкреплены непоколебимой надеждой.

Я поступил неправильно, и теперь я мог потерять её навсегда.

Её лицо. Опустошённое, когда я поднял глаза и увидел её на кухне Эбби. А затем понимание, которое пришло после того, как я излил свою душу ей на улице, спеша объяснить всё, моя надежда крепла с каждой секундой.

Но потом её похитили.

Звук телефона заставляет меня вздрогнуть, начав вибрировать в моей руке, и я спешу ответить, молясь не понятно о чём.

— Люси?

— Где ты?

— Возле многоэтажки дома Скотта, — я смотрю на автостоянку, заваленную брошенными машинами и кучами мусора. Дети, которые должны быть в школе, залезают в разбитые окна машин и вылезают из них, некоторые прыгают с крыши одного брошенного автомобиля на другой. В мрачном многоэтажном многоквартирном доме больше заколоченных окон, чем нет, и грязные тряпки висят ещё на оставшихся целыми окнах. Чудовищное здание тянется ввысь, отбрасывая тень, такую же тусклую, как и кирпичная кладка, на пейзаж вокруг. Это яма.

— Что-нибудь есть? — спрашивает Люсинда.

— Ничего. Никаких признаков белого фургона, и квартира пуста, — я бросаю взгляд на окно квартиры, которое находится на виду, содрогаясь, об одном воспоминании о том убожестве, которое я обнаружил за дверью после того, как вышиб её ногой. И эта вонь. Он всё ещё ощущается носом.

— Возможно, у меня что-то есть.

Я выпрямляюсь и быстро прихожу в себя.

— Что?

— Скотт отбывал свой последний срок в Борстале. Ему был назначен испытательный срок восемь недель назад, и одно из условий его условно-досрочного освобождения — еженедельно отмечаться у сотрудника по условно-досрочному освобождению — у Шордича. Джейк, сегодня день посещения. Если он выполняет условия условно-досрочного освобождения, он должен быть там сейчас. Я высылаю тебе адрес офиса.

Я завожу машину и выезжаю со стоянки, оставляя за собой облако пыли и толпы потрёпанных детишек, радостно кричащих мне вслед.

— Он хорошо справляется, держась подальше от неприятностей, — рычу я, не потрудившись остановиться на перекрёстке, заставляя потрёпанный старый «Форд Эскорт» свернуть с моего пути. — Я думаю, что кто-то нанял Скотта, чтобы похитить Камиллу. Следи за электронной почтой Логана. Я думаю, что он получит известие от похитителя кем бы он ни был, — я бросаю телефон на сиденье рядом и мчусь, как демон, к Шордичу.

* * *

Главная улица оживлена, что снижает мою скорость передвижения, я вглядываюсь в каждое лицо, мимо которого проезжаю. Я проезжаю вверх и вниз по каждой дороге в окрестностях полицейского участка по меньшей мере десять раз, мой пульс притупляется с каждой прошедшей драгоценной минутой. Никакого белого фургона. Она будет напугана. Пройдет ещё неделя, прежде чем Скотт ещё раз придёт к офицеру по условно-досрочному освобождению. Это значит ещё одна неделя ожидания чего-то, что могло бы возможно привести меня к ней.

— Давай же! — говорю я в пустоту, поворачиваю налево, а затем сразу направо, останавливаюсь на перекрёстке — «зебра», дорогу наводняют школьники, марширующие по бетону, как муравьи, все смеются, держась за руки парами. Их маленькие спины покрыты хорошо заметными жилетами, что делает их абсолютно неразличимыми для окружающих. Какого они возраста? Может быть, им четыре? Ровесники Шарлотты.

Она моя. Эта маленькая девочка моя. Уклониться от принятия этого факта было легко. Убежать от моих страданий, как оказалось, тоже. Говорить себе, что она не моя, было легче, чем заботиться о ней. Я даже не знаю её. Она не знает меня. Я не мог стать для неё отцом. Не знал, как им быть. Эбби же наоборот могла позаботиться о ней, воспитать её и превратить в прекрасную молодую леди таким образом, чтобы та ядовитая чернота внутри и

вокруг меня не повлияла бы на её жизнь. Так лучше для неё. Для всех.

Мои глаза всё ещё следят за детьми, переходящими дорогу, пока они не исчезают на дорожке парка, и их учителя равномерно не начинают распределяются по линии, обеспечивая их безопасность. Убедившись, что всё под присмотром.

Бип!

Я подпрыгиваю на своём сиденье, возвращаясь к своему угасающему существованию из-за нетерпеливого гудка машины позади меня.

— Чёрт, — бормочу я, сориентировавшись, прежде чем тронуться с места, что вынуждает меня обогнуть припаркованную машину и оказаться на запрещённой полосе.

И тогда я его замечаю.

Фургон.

Белый фургон.

Я просто успеваю заметить его заднюю часть, когда он исчезает за углом, может быть, в трёхстах ярдах впереди меня. Моё сердце начинает неистово стучать, и моя нога вдавливают педаль в пол. Я несусь по хай-стрит на высокой скорости, одним глазом следя за пешеходами, любой из которых мог выйти на дорогу, а другим — за поворотом, на который только что свернул фургон

— Давай же, — я заставляю свой «Рендж Ровер» ехать быстрее и поворачиваю, морщась от противного лязга шин, трущихся об асфальт.

Не привлекай к себе внимания. Держись на безопасном расстоянии.

Скотт наблюдал за Ками. Он узнает мою машину. Он узнает меня. Я следую за ним сзади на расстоянии нескольких машин, будучи начеку. На горизонте появляется кольцевая развязка, и, хотя дорога разделяется на две полосы, я остаюсь на месте, спрятавшись за линией машин позади него. Когда фургон выезжает на кольцевую развязку, у меня появляется возможность. Я тянусь к бардачку и беру бинокль, разглядывая номера номерного знака. От моего быстрого дыхания кажется, что стёкла бинокля начинают запотевать.

Это он.

Я набираю Люсинду, не отрывая глаз от фургона, наблюдая, как он выезжает на третий съезд на Городскую дорогу.

— Я его нашёл, — говорю я, когда она отвечает. — Пришли какие-нибудь электронные письма? Просьбы о выкупе?

— Ничего. Я слежу, — сообщает она мне. — Джейк, будь осторожен.

Я киваю и кладу трубку, не в силах развеять её опасения. Затем я беру руль обеими руками и сосредотачиваю своё внимание полностью на дороге. Это самая длинная поездка в моей жизни.

По дороге он делает две остановки. Одну на станции техобслуживания, покупая воду и вонючие сэндвичи, а затем в нескольких милях вниз по дороге в индустриальном парке, где он подбирает тощего, неряшливого мужчину с длинными сальными волосами и крючковатым подбородком.

— Приведи меня к моей девушке, — шепчу я, медленно двигаясь и следуя за ними. Бесчисленные повороты, остановки и слишком много ударов моего сердца позади, они проезжают по пустынной дороге к заброшенным развалинам фабрики.

Я съезжаю на обочину разбитой дороги, ставя машину среди каких-то удручающе выглядящих вечнозелёных растений, их ветви мертвы и сухи, но всё ещё достаточно целые.

Остаток пути я пробегаю на полусогнутых, затем пригибаясь, когда вижу, как фургон огибает заднюю часть здания. Я добираюсь до фасада здания с осыпающейся каменной кладкой и за несколько мгновений набираю немного воздуха, стараясь дышать ровно, вытаскиваю телефон и выключаю его, не оставляя ничего на волю случая. Затем кладу его обратно в карман и беру в руки свой «Хеклер», спускаю затвор.

До этого момента мне приходилось сдерживать себя, подавлять себя, когда всё, что я хотел сделать на самом деле, это просто столкнуть Скотта с дороги и попытаться его, чтобы узнать, где она. Уговаривать себя не торопиться с выводами, что её, возможно, здесь вообще нет, всё это происходило в такой борьбе, какой по силе я ещё не испытывал никогда прежде. Я иду спокойными, размеренными шагами, осторожно ступая, прижимаясь плечом к облупившейся кирпичной кладке заброшенного фабричного здания. Мой слух сверхобострён. Я слышу, как закрываются двери фургона, я слышу, как смеётся один из отморожков, и я слышу шарканье их ботинок по земле.

Эхо удара металла о металл наполняет воздух, и я осторожно заворачиваю за угол, замечая огромную железную дверь. Я подношу руку ко лбу и вытираю капли пота, быстро моргаю, чтобы зрение оставалось прямым и сфокусированным.

Оставаться невидимым и инкогнито — этот навык заложен в меня. Я не могу позволить своему личному отчаянию и привязанности повлиять на меня. Только не сейчас. Подкрадываясь к двери, я берусь за ручку и осторожно тяну, вздрагивая, когда слышу, как железо царапает ржавую раму. Вонь от сырости бьёт мне в лицо вместе с прохладным порывом воздуха и эхом их голосов.

Как только я позволяю двери тихо закрыться за мной, то следую за звуками голосов, исходящих из их глоток, которые я планирую перерезать. Я окружён брошенной техникой, всё древнее и скорее напоминает орудия пыток, чем промышленное оборудование. Я всё ещё слышу их на расстоянии, старое полуразрушенное здание отлично разносит звук по затхлому воздуху. Я прохожу комнату за комнатой, мой пистолет постоянно готов к стрельбе, я осматриваю каждый дюйм.

Потом они замолкают, и я замираю. Я пристраиваюсь за огромной машиной и задерживаю дыхание. Звуки движущегося металла со звоном раздаются вокруг меня в сопровождении затруднённого дыхания одного из мужчин.

Одного мужчины.

— Что за хрень!

Я оборачиваюсь и нахожу рычащего, тощего мужчину, которого Скотт подобрал по дороге, поднимающего старый пистолет. Меня это не волнует. Инстинкт заставляет меня прицелиться и выстрелить ещё до того, как его палец нащупает спусковой крючок своего оружия. Шум оглушительный. Резкий звук буквально отскакивает от металлических механизмов вокруг меня, и я наблюдаю, как человек падает, словно камень.

Как только он падает на землю, я бросаюсь бежать, пробегая через фабрику, изо всех сил стараясь, чтобы стук от соприкосновения моих ботинок по бетону был минимальным. Легче сказать, чем сделать, когда мощнейшая мотивация пронизывает тебя, обжигает вены, заставляя кружиться голову. Я снова вытираю пот со лба, прежде чем он упадёт мне на глаза и затуманит зрение, и огибаю угол за углом, внимательно прислушиваясь. Потом я что-то слышу. Замедляю шаг. Отдалённый скрежет металла о металл отпечатывается в моём беспорядочном сознании, и я отступаю назад, прижимаясь спиной к ржавой стене, обшитой металлическими панелями. Я медленно поднимаю пистолет и крадусь за угол.

Я узнаю в ту же секунду, где они её держат. Дверь приоткрыта, и из-за неё доносятся лёгкие звуки потасовки. Я тихо, осторожно подхожу вперёд и толкаю дверь. Совсем немного, но этого достаточно, чтобы заглянуть внутрь.

Сцена, которую я вижу могла бы сломить меня. Я плечом открываю дверь до конца и заполняю собой вход, широко расставив ноги и держа пистолет наготове.

Я узнаю Скотта по его фотографии. И он прижимает к себе Ками спиной к своей груди, лезвие у её горла. Его руки дико трясутся, со лба струится пот. Он паникует, и это делает его ещё более опасным.

Ками молчит, её голова откинута на плечо его грязной рубашки, её красивая шея вытянута во всю длину, её лицо поднято к потолку. Её руки связаны. Её рот заткнут кляпом. Её глаза прикрыты куском рваной материи. Не возможность видеть её глаза — единственное, что позволяет мне держать себя в руках. Ведь увидев в них страх, я бы сошёл с ума. А мне необходимо сохранить самообладание. Сейчас, мне это необходимо как никогда.

— Я перережу ей горло! — Скотт кричит, пятясь, таща Ками за собой. Её ноги неуклюже двигаются и скользят по пыльному полу. — Не думай, что я этого не сделаю!

Я заставляю себя посмотреть ему в глаза и не отвожу взгляда. Ведь вы можете узнать о человеке больше всего по его глазам. В Скотте таится зло, несмотря на его страх. Я не сомневаюсь, в том, что этот человек виновен во всех преступлениях, в которых его обвиняют.

Изнасилование.

Я на мгновение теряю концентрацию, вынужденный моргнуть от ужаса, накрывшего меня от одной только мысли об этом. Если эта мысль хотя бы приходила ему в голову, я просто...

Я заставляю себя сосредоточиться.

— На кого ты работаешь? — спокойно спрашиваю я, держа пистолет низко, но наготове. Он необразованный кусок дерьма. Он бы самостоятельно не додумался, как организовать похищение.

— Я ничего тебе не скажу.

— Как вы общаетесь?

— Пошёл ты, — он отступает ещё немного, его лицо близко к лицу Ками, он дышит на неё. Она вздрагивает, когда брызги от его слюны попадают ей на лицо, и я вновь смещаю свой фокус внимания. Она в двадцати футах от меня, и я не могу до неё добраться. Лезвие, вонзающееся в пульсирующую от каждого её вдоха кожу на её горле, измазано грязью, рукоятка ржавая и погнутая. Он её не порежет. Не выйдет.

Я сглатываю, моя рука крепче сжимает рукоятку пистолета.

— Ты совершил действительно глупую ошибку, когда взялся за эту работу, — говорю я, в моём голосе звучит угроза, которую он не должен недооценивать. Я наклоняю голову, заставляя глаза Ками превратиться для меня в размытое ничто, впадины на моих щеках пульсируют, когда я прикусываю щёку. — Действительно глупую, — бормочу я.

Его понимание серьёзности моих слов, проявляется в виде резкого движения, он вонзает нож в горло Ками, вызывая у неё приглушённый стон и появление капли крови. Она стекает по её шее.

Ярость. Глубокая, горячая, необузданная ярость.

Я делаю шаг вперёд, чувствуя, как чувство гнева поглощает меня, моя кровь закипает.

Сохраняй спокойствие.

Я. Должен. Сохранять. Своё. Спокойствие.

Это трудно, когда я мысленно уже делаю самый важный выстрел в своей жизни.

— Отойди! — в панике кричит Скотт.

— Прощай, — я закрываю один глаз, поднимаю руку и нажимаю на спусковой крючок.

Бах! Я вижу пулю. Я смотрю, как она летит к моей цели, с пугающей точностью, и я наблюдаю, как она вонзается прямо в его лоб. Он с грохотом падает на бетон, а его кровь забрызгивает лицо Ками.

Глава 34

Ками

Мои постоянные молитвы о том, чтобы он нашёл меня подействовали. Не было ни одной секунды наших отношений, которую я бы не вспомнила. Это было идеальное средство, для того чтобы отвлечь себя от холодной жестокой реальности. В ту секунду, когда я услышала этот отдалённый выстрел, то поняла, что он нашёл меня. Трясущиеся руки подняли меня с пола, а потом я услышала голос Джейка.

Ощущать давление потного тела похитителя на моём было невыносимо. Я чувствовала, как его дрожь начинает передаваться и мне, но я боролась с ней из последних сил. Я заставила себя успокоиться. Я использовала оставшиеся остатки своих сил, чтобы заставить себя замереть, едва дыша.

Потому что я знала, что собирался сделать Джейк. Я могла слышать его намерения. Я видела, как разрушалась древесина мёртвого дерева в его лесу колокольчиков. Я просто знала, что мой похититель умрёт буквально через несколько секунд.

Звон в ушах причиняет боль, а тёплая жидкость, покрывшая моё лицо, кажется омерзительно противной, но я не в силах убрать её. Если бы похититель не удерживал бы меня, мои колени уже давно бы подкосились, но я только сейчас падаю на бетонный пол. Весь задержанный в лёгких воздух в один миг словно пытается вырваться на свободу при ударе о твёрдую поверхность, но кляп во рту делает это вроде элементарное действие невозможным.

Я знаю, что сейчас в комнате только мы с Джейком — по крайней мере, живые, — но я всё равно буквально подпрыгиваю, как перепуганное животное, когда чувствую, как его большие руки хватают меня и сажают к себе на колени.

Он действует быстро, развязывает мои запястья, мои кости начинают буквально трещать от наступившего облегчения, а к мышцам потихоньку начинает возвращаться эластичность. Я осторожно сгибаю и разгибаю руки, но боль обжигает их, и тогда Джейк срывает повязку с моих глаз. Я зажмуриваюсь от слишком яркого света после нескольких часов крошечной темноты.

— О, Господи, Ками, — шепчет он, поглаживая моё лицо, его руки двигаются быстро и отчаянно, ощупывая меня. — Открой глаза, ангел, — он вытаскивает кляп, и я вдыхаю воздух, а мои лёгкие начинают гореть от облегчения.

Я позволяю своим векам немного приоткрыться, нуждаясь в том, чтобы увидеть его, но я всё ещё не в силах вынести столь яркий свет. Его сильные ноги, удерживающие нас от падения, единственное, что позволяет не упасть и я продолжаю держаться за них из-за всех сил, а мои руки отказываются подчиняться и от этого я не могу почувствовать Джейка, мои глаза болят, во рту пересохло.

Однако, несмотря на всё это, я чувствую себя очень умиротворённо, больше, чем когда-либо прежде. Я чувствую себя в безопасности и полной всевозможных надежд. Я чувствую в

себе решимость. После того, что мы оба только что пережили, ничто не может помешать нам быть вместе. Не скрытые демоны Джейка, не враги моего отца, и не его собственные ожидания. Ничего.

Я открываю глаза и моргаю, чтобы немного сфокусировать зрение, прищуриваюсь. Но Джейк становится просто размытым тёмным пятном, парящим надо мной, я вижу лишь очертания мужчины, которого я люблю.

Тень.

Я начинаю волноваться, злиться из-за того, что не могу разглядеть его более ясно. Мои руки поднимаются к лицу прерывистыми, резкими движениями, и я нахожу пальцами свои глаза, потираю их в надежде обрести зрение. Затем пытаюсь снова, открываю глаза и ищу его взглядом.

Размытое пятно медленно исчезает, и Джейк медленно формируется. Его лицо, ясное и совершенное. Это самая великолепная вещь, которую я когда-либо видела. Сглотнув, я открываю рот, чтобы заговорить, но мои губы словно слиплись друг с другом, и это расстраивает меня ещё больше. Я так много хочу и должна ему сказать. Он должен знать, что я принимаю его. Его секреты, его ошибки, его сожаления. Он должен знать, что я помогу ему всё исправить. Но слова отказываются приходить, и когда он прикладывает палец к моему рту, успокаивая меня, я оставляю свои попытки, что-то сказать.

— Я знаю, — тихо произносит он, поглаживая рукой мою щеку и обхватывая её ладонью. — Я всё знаю, ангел.

Я могу только кивнуть. Да неуверенно и через силу, но это всё, что я могу сделать, и когда он улыбается — грустной, но облегчённой улыбкой — я знаю, что он понимает.

— Я отвезу тебя домой, — мягко говорит он, двигаясь и забирая меня свои объятия. — Ты можешь встать?

Это отнимает все оставшееся у меня силы, но преодолевая усталость, я обнимаю его за шею, прижавшись к нему, когда он поднимается на ноги.

— Не смотри, — тихо приказывает он, отворачиваясь, но мои глаза мельком замечают тело, распростёртое на полу, руки раскинуты в стороны. Ужасающий вид увеличивающейся лужи крови, вокруг его головы, меня не отпугивает. Я смотрю на его лицо. Его глаза широко открыты, рот расслаблен.

— Я его не знаю, — мои сбивчивые слова приходит словно из ниоткуда, голос наконец-то обретён.

Джейк отпускает одну руку, другой надёжно прижимая меня к своей груди, и прижимает ладонь к моей щеке, словно побуждая меня положить голову ему на грудь.

— Ш-ш-ш, — успокаивает он меня, и моё тело начинает покачивать в такт его широким шагам, когда он уносит меня прочь.

Я смотрю на его щетинистую шею и слушаю, как ровно бьётся его сердце у меня под ухом. Он смотрит прямо вперёд, его лицо не выражает никаких эмоций, но челюсть сжата.

Когда же мы выходим на улицу, я утыкаюсь лицом ему в грудь и прячусь от яркого света, делая длинные вдохи через нос, максимально наполняя лёгкие его запахом и свежим воздухом. Мы долго идём до его машины, но кажется, что Джейк совсем не устал. Его хватка на мне не ослабевает, и его темп не замедляется. Он как машина, запрограммированная на определённую цель.

Он осторожно усаживает меня на пассажирское сиденье, давая мне время привыкнуть к новому положению моего тела. Всё внезапно начинает болеть. Открыв отделение для

перчаток, он берёт салфетку и начинает вытирать моё лицо, с кропотливой осторожностью очищая его от крови и грязи. Его палец касается моего подбородка и немного приподнимает его, затем он исследует мою шею, потом просит поднять руку и уже я касаюсь её и тут же начинаю испытывать боль.

Он останавливает меня.

— Не трогай, — он прижимает мою руку к груди и прикладывает к руке салфетку, а затем пристёгивает меня ремнём безопасности, закрепляя на сиденье. Он не упускает возможности прижаться губами к моему лбу, когда отходит.

Дверь закрывается, и он в мгновение ока оказывается рядом со мной, заводит машину, достаёт телефон из кармана и набирает номер.

— Она со мной, — говорит Джейк, как я полагаю, Люсинде. — На старом заводе в Уорстоне, рядом с шоссе А505, есть два трупа, — он выезжает на ухабистую полосу и двумя быстрыми движениями разворачивается. — Дай Логану знать, что она в безопасности, — он замолкает, внимательно слушая собеседницу, его глаза быстро скользят по мне. — У меня есть один из их телефонов.

Я хмурюсь, пытаюсь не потерять нить их разговора, но то, что я слышу, слишком отрывочно.

— Кто бы это ни был, он скоро позвонит, — говорит Джейк.

Я в замешательстве. Кто бы это ни был? Разве он только что не убил их?

— Увидимся там, — он кладёт трубку и смотрит на меня. — Всё в порядке?

— Какой телефон? Кто будет звонить? — спрашиваю я, облегчение, накрывшее меня минутой, назад тут же исчезает, и сменяется тревогой.

— Я не знаю, — признаётся Джейк. — Твой отец был не совсем честен с нами, — он говорит это неуверенно, как будто нехотя. — Он решил утаить некоторые детали.

— Например?

— Например, информацию об угрозах, которые он получал, информация, которая помогла бы нам найти людей, которые их посылали.

— Зачем ему это делать? — спрашиваю я в недоумении. — Он уволил тебя! Сказал, что разобрался с этим! Зачем ему это делать, если он знал, что я в опасности? — в этом нет никакого смысла. Даже его упрямство, в вопросе того, что Джейк недостаточно хорош для меня, не является достаточной причиной для этого. Это безумие, что он позволяет вести себя так необдуманно.

Выражение лица Джейка приобретает пугающий оттенок гнева, его челюсть начинает подрагивать. Это своего рода намёк на то, что он думает точно так же.

— Он поступил так от безвыходности, — выплёвывает Джейк, и я вздыхаю, не в силах понять, почему папа пошёл на всё, чтобы держать Джейка подальше от меня, вместо того, чтобы принять его и успокоиться от простого понимания того, что с ним я буду в безопасности. Я чувствую себя так, словно он безрассудно рисковал моей жизнью. Как он мог? Мой собственный отец?

— Как ты нашёл меня?

Теперь Джейк улыбается, не отрывая глаз от дороги.

— Я уже говорил тебе раньше, ангел, — его рука берёт мою, лежащую у меня на коленях, и сжимает. — Я всегда найду тебя.

Я улыбаюсь и откидываюсь на спинку сиденья, отвечая на его пожатие. Всю свою жизнь я стремилась к независимости. Я отбивала все попытки отнять это у меня. Теперь же

я полностью принадлежу Джейку. Если бы мне пришлось выбирать, я бы всегда выбирала Джейка. Но я знаю, что мне не придётся делать этот выбор, и это заставляет меня любить его ещё больше. Я нашла того, кто видит меня такой, какая я есть. Того, кто хвалит меня. Того, кого я знаю, и того, кто всегда будет рядом со мной, несмотря ни на что. Никаких других мнений. Никаких условий. Никакой выгоды для него, кроме разве что моей любви. Она будет принадлежать только ему. Безусловная. Точно так же, как я уверена, что его любовь будет принадлежать мне.

— Куда мы едим? — спрашиваю я.

— Домой.

— Где твой дом?

— Где ты хочешь, чтобы он был? — он смотрит на меня, сохраняя невозмутимое выражение лица, ожидая моего ответа.

— Теперь ты мой дом, — отвечаю я. — Где бы ты ни был, там и будет мой дом. — И мне всё равно, где он.

Понимающе кивнув, Джейк возвращает своё внимание на дорогу. Я опускаю голову набок и изучаю его всю дорогу. Он выглядит так, словно побывал в аду и вернулся обратно, его волосы растрёпаны, щетинистое лицо блестит от пота, глаза уставшие.

— Я люблю тебя, — молвлю я, думая, о том, что, ему необходимо это услышать. — Несмотря ни на что, для того чтобы всё исправить, я буду рядом с тобой.

Джейк смотрит на меня, но ничего не говорит. Он просто слегка улыбается.

* * *

Я не понимаю, куда мы приехали, пока Джейк не съезжает на обочину и не глушит двигатель, и я не отрываю взгляда от его профиля.

— Папин офис? — спрашиваю я в замешательстве. — Ты сказал, что отвезёшь меня домой, — знаю, я сказала, что мой дом рядом с Джейком, но не здесь...

— Просто небольшая остановка. Я не слишком рад тому, что привёз тебя сюда, но я не готов выпускать тебя из виду, — он выходит и обходит свою машину, направляясь к пассажирской двери. У меня началась дрожь. Я этого не ожидала. У меня нет сил для встречи лицом к лицу с отцом. Не сейчас.

Джейк открывает дверь и помогает мне спуститься.

— Джейк, почему мы должны делать это сейчас? — спрашиваю я, глядя на здание. — Я не могу...

— Эй... — он прикладывает палец к моим губам и заставляет замолчать. — Не будет никаких споров или попыток вырвать тебя из моих объятий.

Откуда он знает? Мы говорим о моём отце. Неужели он ничему не научился?

— Я не...

Его ладонь накрывает мои губы.

— Доверься мне, ангел.

Я доверяю ему. Я могла бы искать повсюду, всю жизнь, но никогда бы так и не нашла причины, чтобы не доверять ему. Он защищал меня всё это время. От моего отца, от моего бывшего... от своих секретов.

Я киваю и смотрю мимо него на стеклянные двери, готовясь встретиться лицом к лицу с последним мужчиной в мире, которого хочу сейчас видеть. Всё, что произошло, произошло из-за него. Его эгоизма. Его одержимости властью и желанию победить любой ценой.

Но на этот раз он проиграл, и это самая большая потеря, которую он когда-либо понёс.

Он потерял меня.

— Пойдём.

Джейк прижимает меня к себе, делая медленные шаги, позволяя мне не торопиться. Мне это не нужно. Я решаю, что хочу покончить с этим как можно скорее.

Странно, но охранник и глазом не моргнул, когда Джейк обошёл металлоискатели и повёл меня прямо к лифтам. Барбара, многолетняя помощница отца, не задаёт вопросов о моём неожиданном визите или мужчине, который со мной, когда мы проходим мимо её стола. И Джейк не стучит в дверь кабинета моего отца, когда мы приходим, вместо этого он уверенно проходит внутрь его кабинета. Я хмурюсь при виде расколотой деревянной рамы, когда Джейк проводит меня внутрь, его хватка усиливается по мере того, как в поле зрения появляется кабинет моего отца.

Мой отец не сидит за своим столом и не заседает в суде. Он расхаживает туда-сюда, выглядя таким растрёпанным, каким я его никогда не видела прежде. Когда он смотрит через комнату и замечает меня, я впадаю в шок, когда он срывается, слёзы неудержимо текут по его лицу.

— Слава Богу! — он спешит ко мне, но резко останавливается, прежде чем заключить меня в свои объятия. Я поражена, когда замечаю, что он смотрит на Джейка словно спрашивая его разрешение. Какого хрена? Я молча проклиная Джейка за то, что он освободил меня и отдал в порочные лапы моего отца.

Папа обнимает меня и обнимает так, как никогда раньше не обнимал. Я не отвечаю на его объятия. Как я могу ответить, когда я не рада нашей встрече? Он солгал мне. Он перепробовал всё, чтобы убедить меня, что Джейк не подходит для меня, и когда эти усилия не увенчались успехом, продолжал манипулировать правдой, сказав мне, что у Джейка была жена, забыв при этом упомянуть, что жена Джейка умерла. Вдобавок ко всему, он заплатил Себастьяну, чтобы тот выдвинул обвинения против Джейка, чтобы разлучить нас. Я всегда знала, что мой отец безжалостен, но это? Этого я никогда не пойму. Я больше никогда не хочу его видеть.

— Камилла, мне так жаль.

Я смотрю на Джейка и чувствую его внутреннюю борьбу с желанием, вернуть меня в свои объятия. Я хочу, чтобы он это сделал. Я принадлежу ему.

— Я хочу домой, — заявляю я, чувствуя себя неловко из-за папиной вины и его чрезмерного внимания.

Папа отстраняется и сглатывает, оглядывая меня с ног до головы. Я остаюсь неподвижной и позволяю ему разглядеть себя с ног до головы. Себя, за ту, за кого он несёт ответственность.

— Я так рад, что ты в порядке, — говорит он.

— Не благодаря тебе, — машинально отвечаю я, без эмоционально. Мне необходимо уйти. Не дать ему даже малейшей возможности переложить его ответственность на себя. Он не отмоется от этого. От всего, что натворил.

Папа вздрагивает, уязвлённый, но я не испытываю к нему сочувствия. Я превратилась в бессердечную тварь.

— Моя маленькая звёздочка, пожалуйста, просто...

— Не надо! — кричу я, оглушая саму себя уровнем децибел своего голоса, отступая назад. Джейк тут же обнимает меня и успокаивает, пряча моё лицо у себя на груди и глядя по волосам. — Отвези меня домой, — прошу я, чувствуя, как вздымается его грудь. —

Пожалуйста.

— Камилла, пожалуйста. Я должен всё объяснить.

Я обращаю свой самый презрительный взгляд на своего отца, но прежде, чем успеваю нанести удар своими язвительными словами, Люсинда буквально влетает в дверь с серьёзным видом. Она хлопает глазами, оценивая меня с ног до головы, и слегка улыбается мне. Я улыбаюсь ей в ответ, чувствуя чёртово раскаяние за то, что ударила её по голове и убежала.

Она переводит взгляд на Джейка, её лицо снова становится серьёзным.

— У меня кое-что есть, — заявляет она.

Джейк напрягается.

— Что же?

Глаза Люсинды метаются, между нами. Я знаю почему. Эта информация будет вероятно неприятной. Может быть, даже не для моих ушей. Хуже уже быть не может.

— Продолжай, — подсказывает ей Джейк, и я поднимаю глаза, обнаруживая, что он пристально смотрит на моего отца. Он выглядит... извиняющимся?

Папа ёрзает, нервничая и чувствуя себя неловко.

— Продолжайте, — выдыхает он, подходит к своему столу и тяжело опускается на стул. — Теперь уже слишком поздно.

Люсинда подходит к столу, на ходу вытаскивая свой ноутбук.

— У меня есть осведомитель, который сказал мне, что у Скотта был необычный друг в тюрьме.

Она несёт какую-то тарабарщину. Я понятия не имею, о чём она говорит.

— Необычный — обычно означает — важный, — предполагает Джейк, разворачивая нас к папиному столу. Мой отец вновь привлекает моё внимание. Он выглядит как окончательно сломленный человек, сидящий в своём кресле, совсем не похожий на того человека, которого я знаю.

— Он делил камеру с Владимиром Сочинским.

Я ничего не понимаю, произнесённое имя для меня ничего не значит. По крайней мере, в течении следующих нескольких секунд так и есть.

Папины глаза расширяются.

— Сочинский? — спрашивает он. — Сочинский — девичья фамилия матери Ти Джея. Владимир был её старшим братом.

И как предзнаменование или что-то в этом роде, Ти Джей врывается в офис.

— О Боже, ты в безопасности! — он бросается ко мне, и я оказываюсь в его сильных объятиях. — Господи, Ками, я так волновался.

В одну минуту мне становится тепло в объятиях моего брата, а в следующую — нет. Джейк тут же отрывает его от меня и притягивает к себе, одарив Ти Джея убийственным взглядом.

— Где ты был? Как ты узнал, что Ками пропала? — подозрительно спрашивает Джейк.

— Папа позвонил мне, — Ти Джей хмурится, оглядывая всех присутствующих в кабинете. Я знаю, о чём сейчас думает, Джейк, и я должна успокоить его. Никогда. Ти Джей любит меня!

— Нет, Джейк, — предупреждаю его я, высвобождаясь из его объятий.

— Не смей разбрасываться своими обвинениями! — сзади раздаётся возмущённый папин голос, и я внезапно снова оказываюсь лицом к нему благодаря тому, что Джейк

развернул нас. — Ти Джей предан мне до мозга костей!

— Простите меня, — буквально скрежещет Джейк, начиная дёргаться, его гнев быстро возвращается. — Но я мало верю в честность вашей семьи.

Папа отступает через секунду, его глаза встречаются с моими.

— Ти Джей бы так не поступил, — шепчет он. — Он мой сын. Брат Камиллы!

— Что? — спрашивает Ти Джей, по-настоящему раздражённо. — Кто-то предполагает, что я похитил свою собственную сестру ради требования выкупа у собственного отца? Как, чёрт возьми, кому-то могло прийти в голову такое дурацкое объяснение?

— Потому что, — подхватывает Люсинда, выходя вперёд и внимательно разглядывая Ти Джея. Мне не нравится, что эти подозрения направлены на моего брата. Это безумие! — Человек, похитивший Камиллу, и человек, который сейчас лежит на заводе с пулей в голове, получивший её благодаря Джейку, делил камеру в Борстале с твоим дядей.

Лицо Ти Джея вытягивается.

— Моим дядей? — тихо шепчет он, глядя на меня. Он выглядит потерянным. Немного смущённым. Он не видел свою мать с тех пор, как папа развёлся с ней, и отец выиграл у неё дело в суде по опеке над Ти Джеем. Она вернулась в Россию.

— Владимир Сочинский. Старший брат твоей матери, — продолжает Люсинда, ожидая реакции Ти-Джея. — Он шантажировал твоего отца.

— Она пыталась связаться со мной, — выдыхает Ти Джей, его рука поднимается к груди и слегка надавливает на кожу. — Я сказал ей, что она мне не нужна, — он смотрит на папу, своего кумира, и разочаровывается. — Я сказал ей, что у нас с папой всё в порядке, и что она нам не нужна. С тех пор я о ней ничего не слышал.

— Когда это было? — спрашивает Джейк.

Ти Джей в замешательстве качает головой.

— Я не знаю... Месяца три назад?

— Когда ты получил первую угрозу? — Джейк спрашивает моего отца.

— Два месяца назад, — отвечает он. — Её брат всегда ненавидел меня. Но я понятия не имею, как они получили эти фотографии.

— Они явно следили за тобой, Логан. Искали что-нибудь, что угодно, что возможно использовать против тебя. Возможно, даже для того, чтобы подставить тебя, — Джейк бросает на моего отца обвиняющий взгляд. — И ты дал им повод.

Чего они хотели? И что получили?

Ти Джей смотрит на меня, печаль наполняет его глаза.

— Это всё моя вина.

Папа вскакивает со стула и бросается к сыну, берёт его за руки и обнимает. Это странное зрелище. Я никогда не видела, чтобы мой отец обнимал моего брата. У них всегда были непростые отношения. Любовь и ненависть.

— Это не твоя вина, сынок. Это всё из-за меня. Моего выбора. Это мои ошибки. Я совершил несколько ужасных ошибок.

Я была готова упасть в обморок от шока. Мой отец признал, что совершал ошибки?

— Какие ошибки, отец? — спрашиваю я. — Что ты дал им, что они использовали против тебя?

Он перестаёт утешать моего брата и целует его в макушку, прежде чем повернуться лицом к Джейку.

— Ты ей не сказал?

— Я не настраиваю её против тебя. Ты сам это сделал, — тихо отвечает Джейк.

— Что? — я блуждаю взглядом, между ними.

— Я принял неверное решение, которое в итоге дало им возможность выступить против меня, — бормочет папа, побеждённый.

— Плохое решение? — спрашиваю я, глядя на Джейка, когда он подходит и садится рядом со мной. Почему у меня такое впечатление, что он сел рядом со мной, потому что думает, что мне может понадобиться поддержка?

— Есть несколько фотографий, — папа вздыхает, его тело корчится от дискомфорта. — Несколько компрометирующих фотографий.

— Какого рода? — я оглядываюсь на других людей в комнате, замечая, что Джейк излучает неловкость; Люсинда тоже. Ти Джейк выглядит совершенно сбитым с толку.

— На них я. И женщина, — он замолкает. Пот у него на лбу и его нежелание смотреть на меня становится слишком очевидным.

— Какая женщина? — я начинаю раздражаться, мой гнев растёт от того, что мне никто не может сказать правду.

— Молодая женщина.

— Просто скажи мне! — кричу я, отталкивая Джейка, когда он пытается меня успокоить. — Перестань валять дурака и скажи мне!

— Ей было пятнадцать, — шепчет он, пристыженно. — Я не знал!

Ти Джейк ахает, с отвращением глядя на своего героя, и я сдаюсь.

— Меня шантажировали. Всё вышло из-под моего контроля. Я думал, что смогу справиться с этим сам. Я вмешался, чтобы защитить тебя. Это всё, что имело значение, моя маленькая звёздочка! Твоя безопасность! Джейк начал копать, приближаться к истине. Я не хотел, чтобы кто-нибудь знал!

И вот оно признание. Только я имела значение? Моя безопасность? Тогда какого хрена он уволил Джейка? Он просто посмешище! Всё, что его волнует, — это его репутация. Его бизнес и его деньги.

— Мне нужно идти, — я смотрю на Джейка, убеждаясь, что он видит моё отчаянное желание покинуть это место. Я услышала достаточно. — Пожалуйста, — умоляю я. Он знал. Джейк знал, но я не могу злиться на него. Я не могу считать его виноватым в том, что он держал меня в неведении. Он защищал меня. Даже сейчас, после всего, через что заставил нас пройти мой отец, он не хотел, чтобы на мне лежало бремя позорных действий моего отца.

Джейк кивает, но ему приходится отвлечься и не сразу подойти ко мне, так как раздаётся звонок телефона. Он хмурится и роется в кармане, вытаскивая дешёвый и незнакомый мне телефон.

— Неизвестный номер, — говорит он, глядя на Люсинду.

— Ненадолго, — она берёт телефон и принимает вызов, но ничего не говорит, указывая поднятым пальцем, чтобы все молчали. Она слушает. Слушает, а потом улыбается, обращаясь к Джейку с русским акцентом. Она спешит к своему ноутбуку и подключает телефон, поднимая руку, призывающую к молчанию.

Джейк открывает дверь и жестом выводит всех из кабинета, оставляя Люсинду одну. Как только он закрывает дверь, он проходит мимо моего отца и поднимает меня так, что мои ноги обхватывают его за талию, затем идёт по коридору к лифту, даже не дрогнув, когда мой отец внезапно оказывается рядом с нами, пытаясь оттащить меня от него. Он терпит

неудачу. Моя хватка на Джейке так же крепка, как и его на мне. Он буквально стряхивает моего отца с лёгкостью и решимостью, когда же я, наоборот, цепляюсь за Джейку, как будто он — всё, что у меня есть. Потому что я чувствую, что это так и есть.

Сильный.

Надежный.

Мой телохранитель.

Глава 35

Джейк

Было слишком поздно спасать Логана. Я не хотел, чтобы Ками знала всю глубину его предательства, но в конце концов я был бессилён остановить это. Он зашёл слишком далеко. Я хотел защитить её от боли, но я также хотел защитить её и от него самого.

Логану уже ничем нельзя было помочь. Человек, который всегда был опьянён властью, был бессилён. С ним было покончено. Эти фотографии никогда не исчезнут, ни за какие деньги или связи в мире.

Люсинда отследила звонок с одноразового телефона, который я извлёк из одежды Скотта, он был сделан из таунхауса в Северном Лондоне. Они нашли Владимира Сочинского и первую жену Логана, маму Ти Джей, и гору доказательств, которые надолго их упрячут за решётку, включая детали, которые соответствовали швейцарскому счёту, упомянутому в сообщениях, которые они отправляли Логану. Его первая жена была на мели. Логан мало что мог дать, ей после развода, и горечь, от потери сына и непристойное богатство Логана, которым он обзавёлся уже после их развода — всё это стало своего рода сигналом к действию для этой женщины. Она чувствовала себя обиженной, достойной наследницей его капитала, но не более того. Логан это предвидел.

Я практически силой отвёз Камиллу в больницу, чтобы её осмотрели, даже после её отказа. Этот нож. Я содрогаюсь каждый раз, когда думаю об этом: грязный и разрезающий кожу моей девочки. Пусть она и была недовольна, но не стала противостоят мне. Даже когда приехала полиция. Наблюдая за тем, как мой ангел рассказывает о каждом мгновении своего пребывания в плену, — самые худшие несколько часов в моей жизни. Её сила и уверенности ошеломили меня. Она самый настоящий боец. Мой маленький боец.

Появилась её мать, в миг охватившая собой всё пространство больницы, выкрикивающая приказы персоналу слева, справа и в центре. Её мать. О, её мать. Милая, но переживающая. Она купалась в лучах славы, будучи единственной из жён Логана, которая не отвернулась от него. Нелепая вещь, которой можно гордиться, так как я точно знаю, что она ничего так не хотела бы, как долбануть его по яйцам и прикончить. Однако тот факт, что её выплаты от бывшего мужа могут прекратиться, кажутся для неё несущественной проблемой. Она предпочла бы получить задницу Логана на тарелке, чем его деньги.

Цены на акции компаний Логана упали, словно камни, как только в прессе появились фотографии, и все газеты напечатали их. Какие бы отношения у него ни были с прессой, они были обречены. Его арестовали за секс с несовершеннолетней. Его третья жена бросила его, беременная ребёнком от другого мужчины, а его первая жена пыталась вымогать у него деньги. Он был разорён.

Ти Джей всё ещё находится в состоянии шока. Его честность была поставлена под сомнение. Он понятия не имел, что происходит. Он не видел свою мать с трёх лет и понятия не имел, чем она занимается. Бедняга чувствовал себя ужасно виноватым в произошедшем, хотя ему то и не за что было чувствовать себя виноватым. Ничего из того, что произошло, не

было его рук дела; это было дело рук их отца. Человек, страдающий манией величия, потерял всё.

Средства массовой информации набросились на эту историю, как стервятники, отрывая новые кусочки для истории тут и там, делая сенсацией то, что и так было достаточно сенсационным. И за всё это время Ками не проронила ни слезинки. Она держалась с достоинством, не общалась с прессой и не высказывала своего мнения об отце. Её похитили, и все хотели заполучить её, но не вышло.

То утешение, которое я испытываю, осознавая, что её психика не пошатнулась из-за всего пережитого, не поддавалось объяснению. Все причины, по которым я влюбился в неё, жестоко разбивались о стену непонимания, каждый раз как я просто смотрел на неё. Такую чертовски сильную. И я напитывался этой силой. Это мотивировало меня, заставляло хотеть быть тем человеком, которым я всегда должен был быть. Единственная причина, по которой я сейчас здесь, — она. Я никогда не смогу отплатить ей тем же. Но я постараюсь.

Всего через два дня после выяснения отношений в офисе Логана агент Ками позвонил ей по телефону, чтобы договориться о встрече с новым потенциальным инвестором для её и Хизер линии одежды. Я подумал, что, может быть, ещё слишком рано, хотя и держал эту мысль при себе. Ками была слишком взволнована, чтобы я мог её успокоить. Затем наступил следующий день, и я нисколько не удивился, когда она встала с постели и была готова отправиться в офис своего агента, вооруженная папками с бумагами и папками с рисунками, образцами тканей, а также своей лучшей подругой и партнёром. Я предложил их подвезти. Камилла вежливо отказалась, подарив понимающую улыбку. После того, как я так долго следил за ней, я изо всех сил пытался отпустить её от себя, постоянно напоминая себе, что она больше не в опасности.

Пока её не было, я ходил по её квартире, пока буквально не оставил свой след на ковре. И в тот момент, когда она вернулась домой, я понял по огоньку в её глазах, что она справилась. Не то, чтобы я сильно сомневался. Им предложили потрясающую сделку по линии одежды Ками и Хизер, я же получил подробный отчёт о встрече от начала и до конца. Камилле и её подруге не пришлось ни в чём идти на компромисс. Они получили всё, на что надеялись и ради чего так усердно трудились. Я так чертовски горжусь ею. На самом деле, ими обоими.

Я ещё не видел Эбби и Шарлотту. Мы разговаривали по телефону, Эбби была в курсе сумасшедших событий, и она проявила понимание. Она хорошая женщина. Я всегда это знал. Мне следовало бы больше доверять ей. Она совсем не похожа на свою сестру. Мою покойную жену. Эбби сострадательна и жизнерадостна. Я был благодарен ей за всё. Любая другая женщина уже давно бы от меня отказалась.

Я не могу дождаться, чтобы попытаться заглядить свою вину перед Шарлоттой, быть там, быть отцом, но мне необходимо сделать это правильно. Я начал планировать как всё правильно сделать, с того самого момента, как вышел из кабинета Логана с Ками, в моих объятиях, которые окутывали её как одеяло. Это будет шквал ужасных объяснений, которые маленькая головка Шарлотты, возможно, не сможет понять до конца. Но я молюсь, чтобы она поняла. Я молюсь, чтобы она дала мне возможность объяснить своё отсутствие. Я молюсь, чтобы её четырехлетний разум всё понял.

Прошла неделя, и когда я сижу на диване в гостиной Ками, слушая, как она болтает со своей мамой по телефону, положив голову мне на колени, то пытаюсь настроиться на предстоящий день. Всё было устроено, и тщательно продумано мной и Эбби. Ками знает, что

именно это заставляет меня помногу молчать и бояться будущего разговора, но она не придавала этому большого значения. Она просто сказала мне, что будет рядом, когда я буду готов.

Теперь я готов.

Я терпеливо жду, пока она закончит свой разговор с матерью, мои глаза скользят по её телу и замечают футболку, которую я так люблю, пока я пропускаю её волосы сквозь свои пальцы. Она смотрит на меня снизу-вверх, её глаза светятся счастьем.

— Что? — спрашиваю я, с любопытством приподнимая бровь. Она пытается скрыть усмешку.

Её плечи касаются моих бёдер от лёгкого пожатия плечами.

— Ничего.

— Конечно, с того места, откуда я на тебя смотрю, мне так не кажется.

Она проигрывает эту борьбу и вновь одаривает меня ухмылкой.

— Мама хочет знать, когда мы с ней поужинаем.

И это всё?

— Ты можешь поехать, куда и когда захочешь, — эти слова звучат гораздо искреннее, чем являются на самом деле. Отпустить её — это вызов, который я недооцениваю. Постоянно говорить себе, что она в безопасности, куда легче, чем просто верить в это.

Ее ухмылка становится шире.

— Она имеет в виду нас обоих.

О, хочет пообщаться?

— Нас? — слабо бормочу я, мягко накручивая её светлые локоны на кулак, пока моя рука не превращается в один сплошной комок волос. — Я не уверен, что это меня касается.

— Что именно?

— Ты, — это так и есть. — Ты — моя главная ценность.

— Ты подумаешь об этом? — спрашивает она, в её топазовых глазах теплится надежда.

Как я могу отказаться? Но я так долго был одинок, что сейчас не знаю, как это просто общаться. Как это завести нормальный разговор.

— Да, — соглашаюсь я, подталкивая её, чтобы она поднялась, когда я сажусь немного вперёд. Ради неё я сделаю всё, что угодно. — Вставай, нам пора.

— Почему? Куда ты уходишь?

Я встаю на ноги и смотрю вниз на неё, лежащую на диване, и не желавшую вставать с него.

— Мы собираемся кое-куда во вторую половину дня.

— Мы?

— Да, именно, — я беру её за руку и поднимаю на ноги, и прижимаю её к своей груди. Её короткий выдох касается моей шеи, и у меня слабеют колени. Всё происходящее со мной после того, как я встретил Камиллу Логан напоминает один сплошной сердечный приступ и агонию.

— Одевайся, — я целую её, но в то же время не позволяю нам сблизиться окончательно, помня, что, если мой таз коснётся её, мне конец. А мы не можем опаздывать.

В ответ она начинает ворчать, но не сильно и отрывает свои губы от моих, и прищурился глаза на меня, отступает.

— Я не знаю, куда мы направляемся. Что мне надеть?

— Что-нибудь красивое. Для девочек, — я указываю рукой на её голову. — И заплети

волосы, с одной стороны, — приказываю я, намереваясь быть таким же требовательным, как и выгляжу. Мне нравятся её причёска. Слегка взъерошенная и милая.

— Макияж? — спрашивает она, чертовски хорошо зная, каков правильный ответ на этот глупый вопрос.

— Ты испытываешь меня?

— Да. Мне нравится, когда ты такой властный, — она посылает мне воздушный поцелуй и разворачивается, направляясь в спальню, в такт покачивая задницей. Эта футболка. Просто и сексуально. Камиллу Логан нельзя игнорировать. И я никогда не планирую этого делать. Мне нужно выяснить, где она их купила. Ей необходимо по меньшей мере ещё семь таких чтобы сменять их по очереди.

Ей нравится, когда я команду? Я могу полностью понять сколько внутренней силы ей потребовалась проявить прежде, чем сказать мне это. Ками Логан, мисс упрямая и независимая, любит, когда я ей команду. Это даже к лучшему. Это не изменится. Она никогда не утратит своей дерзости, и я надеюсь, что этого не произойдёт. Это признание будет очень кстати, когда придёт время.

Улыбаясь, я направляюсь в душ, чтобы привести себя в порядок.

* * *

Я жду, когда паника даст о себе знать. Я вышел из машины, пошёл по улице и простоял в конце дорожки, ведущей к дому, по меньшей мере две минуты. Две минуты молчания, с рукой Ками в моей руке. Я чувствую себя слишком спокойно для такого важного момента. Что происходит?

— Ты в порядке? — Ками смотрит на меня, её рука переплетена с моей. Моя же вторая рука покоится в кармане джинсов.

— Да, — отвечаю я, потому что так оно и есть. Спокойно, уравновешенно и решительно. Всё благодаря женщине, чью руку я держу в своей руке. Я бросаю на неё быстрый взгляд и впитываю ещё немного той уверенности, которой она меня заряжает. — Я никогда не думал, что смогу это сделать.

Она приподнимается на цыпочки и прижимается губами к моей челюсти.

— Ты сможешь сделать всё, что угодно.

Закрыв глаза, я отвечаю на её поцелуй и обнимаю её за тонкую талию.

— Только потому, что ты здесь, — говорю я ей, идя с ней дальше.

Эбби ждёт нас, поэтому я не удивляюсь, когда дверь открывается и она появляется в проёме до того, как мы полностью поднимаемся по тропинке. Сейчас она выглядит более нервно, чем в тот ужасный день, когда всё пошло не по плану. Она улыбается и жестом приглашает нас войти, ободряюще поглаживая Ками по руке, когда мы проходим. Этот жест не остаётся незамеченным моим ангелом. Она сглатывает и смотрит на меня, в её глазах появляются слёзы. Однако она не позволяет им овладеть собой, стряхивая их, как самая храбрая девушка, коей она и является.

— Мы в сад, — говорит Эбби, указывая на столовую рядом с холлом. — Сегодня прекрасный день. Подумала, что было бы неплохо извлечь из этого максимум пользы.

Я киваю, и Ками отпускает мою руку, что заставляет меня на мгновение пошатнуться. Я бросаю на неё неуверенный взгляд, но она просто наклоняет голову в сторону двери, ведущей в столовую, будто говоря мне, что у меня всё получится.

Я могу это сделать. Набрав побольше кислорода, я прочищаю горло и медленно пробираюсь внутрь, чувствуя, что на этот раз могу взглянуть на лица, смотрящие на меня с

фотографий, развешанных на стенах коридора. Моя маленькая девочка. Она повсюду — позирует, запечатлена играющей, танцующей. Я никогда не видел столь совершенной маленькой малышки.

Мой темп замедляется, когда я сталкиваюсь лицом к лицу с фотографией моей умершей жены, выражение её лица светлое и счастливое. И снова я жду, что на меня нападёт дрожь, но этого не происходит.

Вся ненависть и горечь, которая давила на меня все эти годы, исчезла. Исчезла, как будто её никогда и не было. Я смотрю в глаза женщине, которая уничтожила меня, и не чувствую ничего, кроме грусти и печали. Мы оба совершали ошибки. Мы оба подвели нашу маленькую девочку. Но я единственный, кто остался, кто может всё исправить. Настолько, насколько это вообще возможно. Я передаю ей безмолвное сообщение, глядя прямо в её темные глаза.

Мне очень жаль, Моника.

Я не знаю, слышит ли она это. Будет ли это что-нибудь значить, для неё. Но мне очень жаль. Мне жаль, что я бросил свою маленькую девочку. Я шмыгаю носом, отрывая взгляд от образа моей жены. Звук детского визга доносится до дома, и я выглядываю из-за двери в столовую, видя, что двери во внутренний дворик распахнуты. Я осознаю, что Эбби и Ками маячат где-то у меня за спиной, вероятно, молча желая, чтобы я продолжил идти. Сделав один неуверенный шаг, я вхожу в комнату, увидев перед собой часть сада. Я не вижу Шарлотту, но слышу её. Она оживлённо с кем-то болтает, и я поворачиваюсь к Эбби, чтобы спросить, кто там с ней.

Эбби хихикает.

— Она устраивает чаепитие со своими плюшевыми мишками.

— О, — я демонстрирую принятие и понимание, когда на самом деле нахожусь в полнейшем шоке. Она разговаривает со своими плюшевыми мишками? Устраивает чаепитие? Моё молчаливое недоумение говорит о многом. Я ни хрена не понимаю, как ублажать или развлекать детей, тем более маленькую девочку, которая разговаривает со своими игрушками. Я вдруг начинаю очень нервничать, но заставляю себя двигаться вперёд, прежде чем струсить и убежать в куда-нибудь в горы.

Когда я заворачиваю за угол, то не могу не начать пялиться, немного ошеломленный увиденным. Это не чаепитие, это целый банкет. Садовый стол накрыт, а посередине расставлены блюда с фруктами и пирожными. Несколько бутылок воды разбросаны, а на двух из шести стульев сидят плюшевые мишки. Шарлотта, одетая в очаровательный хлопковый сарафан, её тёмные волосы собраны в высокий хвост, она раскладывает виноград по тарелкам, расставленным перед её медведями.

— Один или два, мистер Пигглс? — серьёзно спрашивает она, поднимая ложку с двумя красными виноградинами вверх. — Два? — спрашивает она, и я смотрю на медведя, как придурок, ожидая его согласия. — Жадный! — хихикает она, опрокидывая ложку на тарелку. Виноградины катятся по кругу, одна оказывается почти на краю тарелки и всё-таки падает с неё. Она замолкает, хватая виноградину рукой и бросает обратно на тарелку. — Нет, вы не можете встать из-за стола, — она машет ложкой перед носом медведя. — Только когда ты съешь весь свой ужин.

Я потерял дар речи. Разворачиваясь, чувствуя себя немного потерянно и глупо, я нахожу глазами Ками и бросаю на неё страдальческий взгляд. Я понятия не имею, что делать, и она это знает, но вместо того, чтобы подойти и помочь мне, она переводит взгляд на спину

Шарлотты и ободряюще улыбается мне. Затем Ками смотрит на Эбби, и она понимающе кивает, и они обе разворачиваются и уходят обратно в дом. Я смотрю на всё, открыв рот в ошеломлённом молчании, от того, что они бросают меня, оставляя на произвол судьбы.

Всё равно, что бросить меня на съедение грёбаным волкам! Они исчезают, даже не оглядываясь на меня, чтобы проверить, жив ли я вообще. Я прохожу вперёд весь в напряжении, на лбу у меня выступают капельки пота. Я не подписывался на это.

— Привет.

Милый маленький голосок заставляет меня вертеться вокруг себя сильнее, чем следовало бы, выражение моего лица, несомненно, паническое. Она смотрит на меня снизу-вверх, её крошечный подбородок высоко поднят, чтобы увидеть меня во весь рост. Я чувствую себя великаном. Эта маленькая куколка, не может причинить мне вреда. Громко прокашлявшись, я ругаю себя за то, что кажусь себе таким слабаком.

— Привет, — отвечаю я коротко, мило и мысленно, молясь, чтобы она взяла инициативу в свои руки и предупредила меня о том, куда зайдёт наш первый разговор.

Но она ничего не говорит. Просто смотрит на меня снизу-вверх, заставляя меня ёрзать и избегать её тёмных глаз. Она осматривает меня. Я не могу не задаться вопросом, к какому выводу она приходит. Молчание становится тягостным. По крайней мере, для меня. Шарлотта, кажется, вполне довольной, совершенно спокойно изучая меня.

Я снова кашляю и протягиваю руку, не понимая, какого чёрта я делаю.

— Я Джейк, — я стараюсь говорить тихо и как можно мягче. Я не хочу её пугать. Я достаточно боюсь за нас обоих.

Её маленькое личико искривляется от удовольствия, уголки розовых губ приподнимаются.

— Я знаю, кто ты, — она почти смеётся, но сдерживает себя, как будто понимает, что это может заставить меня чувствовать себя немного неловко.

— Знаешь? — я немного убираю руку от лица, наклоняя голову.

— Да. Ты мой папа, — она произносит это так буднично, без намёка на какие-то обвинения или недовольство.

Чёрт возьми, я в замешательстве. Просто так? Моё сердце сжимается в груди, болезненно сжимается снова и снова, пока я не чувствую необходимость надавить тыльной стороной кулака на грудь в попытке облегчить напряжение.

Она кладёт свою маленькую ручку в мою, и я смотрю вниз, видя, что её ладошка словно самая маленькая птичка в мире оказывается на моей руке. Те капельки жидкости, которые образовались у меня на лбу, каким-то образом добрались до моих глаз. Я смаргиваю подступившие слёзы и удивлённо смотрю на неё. Она улыбается. Это самое прекрасное зрелище, которое я когда-либо видел.

— Приятно познакомиться с тобой, папочка. Меня зовут Шарлотта. Я твоя маленькая девочка.

Моё больное сердце буквально взрывается в моей грёбаной груди, разлетаясь на крошечные осколки, которые всё сильнее отягощаются чувством вины, раскаянием и такой большой печалью.

— Я тоже рад с тобой познакомиться, — отвечаю я прерывающимся голосом, улыбаясь сквозь эмоции.

Я заслуживаю того, чтобы меня повесили. После всего, что я сделал — за то, что бросил эту маленькую девочку барахтаться в моей яме страданий — я заслуживаю того, чтобы меня

разрезали на куски и бросили на съедение стервятникам. Теперь я понимаю, что Шарлотта помогла бы мне. Мы бы с трудом, но всё же справились со всем. Она принесла бы свет в мой тёмный мир и придала бы мне необходимости решимости для того, чтобы найти свой путь. Это крошечное существо, такое живое и жизнерадостное, заставляет меня стыдиться.

Я обхватываю её маленькую ладонь своей огромной рукой и слегка надавливаю, надеясь, что она прочитает это так, как мне бы этого хочется. Я лишился дара речи.

Слегка хихикая, она сдвигает свою руку так, чтобы держать мою, и начинает тянуть меня к столу.

— У нас вечеринка.

Я смотрю на стол, вспоминая о том, что я впервые увидел, когда зашёл в сад. Чёрт возьми, она же не собирается заставлять меня разговаривать со своими мягкими игрушками, не так ли?

— Выглядит забавно, — размышляю я, пытаюсь подавить непреодолимые ошеломляющие чувства, которые вызвала у меня Шарлотта. Это никуда не годится. Все эмоции прочно застряли у меня в горле, и у меня нет ни малейшего шанса чтобы их унять.

— Сядь, — она отпускает мою руку и указывает туда, где она хотела, чтобы я сидел, и я быстро подчиняюсь, ожидая следующих указаний.

Она выглядит восхищённой моей готовностью, и моя грудь действительно немного раздувается от гордости за то, что я доставил ей удовольствие.

— У меня тоже есть стол и стулья, — она указывает в дальний конец сада, на крошечный столик и набор стульев. Моя нога больше, чем сиденья этих стульев. — Тётя Эбби сказала, что ты слишком большой и можешь сломать их.

Благослови Господи тётю Эбби. Я уже боюсь сломать хрупкую маленькую девочку. И я не хочу рисковать, и ломать её игрушки.

— Я думаю, тётя Эбби права.

Шарлотта приподнимается на стуле, выглядя ещё меньше, когда начинает тянуться к краю, чтобы дотянуться до стола, длинные тёмные пряди её конского хвоста прыгают по её маленьким плечам. Она берёт маленький чайник и наливает немного воды в чайные чашки с напёрсток.

— Выпей немного чая, — она передаёт чашку, и я неловко сжимаю её между большим и указательным пальцами, стараясь не выглядеть большим неуклюжим болваном.

— Спасибо, — я отказываюсь от крошечной чашки и ставлю её на стол, потянувшись к внутреннему карману. — Могу я тебе кое-что показать?

Она мгновенно заинтересовывается.

— Что показать?

— Я хотел бы показать тебе фотографию твоей мамы, если хочешь?

— Я видела много фотографий моей мамы.

Её ответ заставляет меня задуматься. Конечно, у неё есть фотографии матери. Коридор заставлен ими. Но этого фота там точно нет. Это единственная фотография, на которой мы с Моникой вместе.

— Это немного другая фотография.

Она немного опускает голову, а на маленьком лбу появляются глубокие морщины.

— Почему?

Теребя фотографию в кармане, я на мгновение задаюсь вопросом, правильно ли я всё делаю.

— Ну, потому что я тоже в кадре, — нервничая, я выпаливаю эти слова и вытаскиваю фото, прежде чем успеваю убедить себя, что это плохое решение. — Вот, — я передаю его, стараясь не смотреть на фото сам.

Я не знаю, почему я храню его всё это время. Возможно, акт мазохизма? Это кажется разумным объяснением. Я был одержим этим последние несколько лет. Или, может быть, в глубине души, под всей этой извращённой горечью, я знал, что однажды пойму истинный смысл произошедшего и сделаю всё, чтобы вернуть мою маленькую девочку. Я предпочитаю думать так.

Я зачарованно смотрю, как её глаза начинают сиять, как бриллианты, когда она впервые видит своих маму и папу вместе. Она долго изучает изображение, её взгляд блуждает по каждому дюйму фотографии.

— Ты знал мою маму? — наконец спрашивает она, глядя на меня снизу-вверх.

— Да, — я указываю на фотографию, но она больше на неё не смотрит, теперь она не сводит с меня своих любопытных глаз.

— Какой она была?

Какой она была? Я знаю, что Эбби наполнила её маленькую головку обилием информации, которая выставит её мать в наилучшем свете. И так и должно быть.

— Тётя Эбби всё тебе о ней рассказала.

— Я хочу, чтобы ты рассказал мне, Она кладёт фотографию и продолжает наблюдать за мной, ожидая продолжения.

Что я могу сказать? Что Моника сломала меня. Что заставила меня хотеть убивать людей каждый день до конца моей жизни. Причина, по которой я отсутствовал в жизни моей маленькой девочки, заключается в том, что она обманула меня и сделала ненавистным, эгоистичным ублюдком, и я хотел защитить свою малышку от этого?

— Она была замечательной и красивой, как и ты, — мой ответ с лёгкостью преодолевает всё пережитое дерьмо, когда я заставляю себя вспомнить хорошие времена. Например, как мы встретились. Например, как быстро мы влюбились друг в друга. Впервые за многие годы я позволил своему разуму заглянуть так далеко в прошлое — во времена, когда ещё не было того пережитого дерьма, гнева и боли. Они были похоронены слишком глубоко. Эти воспоминания было слишком трудно найти. Но сейчас найти их вышло куда легче, чем прежде.

Она хихикает, её длинные ресницы начинают трепетать.

— Ты уже закончил сражаться с плохими людьми, папочка?

Её странный вопрос заставляет меня испуганно поднять глаза.

— Хм?

— Тётя Эбби сказала, что однажды ты вернёшься домой, когда закончишь сражаться с плохими людьми, — она вопросительно наклоняет головку. — Ты уже закончил сражаться с плохими людьми?

Я мог бы рассыпаться на куски. Боже милостивый, я на грани того, чтобы превратиться в огромное рыдающее месиво.

— Да, — я прочищаю горло и беру фотографию со стола, засовывая её обратно в карман. — Все плохие люди ушли.

Это не так. Никогда не будет так. Но они были в моей прошлой жизни, и это то, что сейчас имеет значение. У меня не хватает духу опровергнуть её предположение. Её невинность заразительна. Поэтому я решаю подыграть ей.

— Значит, что теперь ты можешь начать быть моим папочкой?

Вот оно. Я больше не могу их сдерживать. Их накопилось слишком много, и этим слезам некуда деваться, кроме как пролиться по моим щекам. Я яростно стираю их, шмыгая носом, как дурак. Я киваю, эмоции душат меня.

— Почему ты плачешь, папа? — она наклоняется и кладёт свою руку на мою.

— Я плачу, потому что я счастлив, — отвечаю я ей. — Я действительно счастлив, что теперь могу быть твоим папой.

Я, блядь, понятия не имею, как это будет происходить. Моё чувство собственности по отношению к ней растёт с каждой секундой, что я сижу здесь. Я влюбился в неё. Безумно. Так чертовски сильно. Эта умная, милая, жизнерадостная маленькая девочка — моя. Я понимаю, что нам придётся делать всё постепенно. Познакомится поближе друг с другом. Сформировать связь. У меня нет на неё никаких прав или претензий, но когда я смотрю на неё через стол, то нахожу её горящие жизнью большие карие глаза.

Я понимаю...

Она полностью принадлежала мне, а я ей.

Глава 36

Ками

Наблюдая из кухонного окна, за тем, как он обращается с энергичной маленькой девочкой, я начинаю задыхаться, борясь с комком в горле. Он выглядел таким испуганным. Оставить его наедине с малышкой было одним из самых трудных решений, которые я когда-либо принимала. Но я полностью верю в него. Ему необходимо пройти через это, сделать последний шаг в своё прошлое и всё исправить. Прошедшая неделя прошла спокойно, я смирилась с предательством моего отца, а Джейк всё это время обдумывал своё будущее. Будущее со мной и, надеюсь, с той маленькой девочкой, которая сейчас знакомит Джейка со своими плюшевыми мишками. Я улыбаюсь, наблюдая, как Джейк осторожно протягивает руку и пожимает мягкую лапу очередной игрушки. Видит Бог, он находится в полнейшем ступоре от одного вида этой крошечной девочки и её коллекции плюшевых медведей.

— У него всё хорошо, — Эбби появляется рядом со мной у окна, нежно улыбаясь. — Она — настоящая фантазёрка. Никакого преувеличения.

Я слегка смеюсь, думая кое о ком с похожими качествами.

— Она просто очаровательна.

— Да, так и есть.

— Как ты с этим справилась?

— Ты просто делаешь, разве не так? Я всегда жила надеждой, что Джейк вернётся. Она знает, что мама на небесах, и она думает, что папа всё это время просто боролся со злодеями, — она смеётся, и я присоединяюсь к ней.

— Думаю, так и было.

— Да, — соглашается Эбби, кивая самой себе. — Я знала Джейка не так хорошо, но я была уверена, что он хороший человек, когда видела его. Жаль, что моя сестра так поступила с ним.

— Какой она была? — спрашиваю я, чувствуя себя спокойно. Я нахожусь на кухне с Эбби меньше получаса и чувствую себя такой расслабленной рядом с ней. Вокруг неё витает умиротворённость, словно какая-то успокаивающая аура, которую никто не в силах разрушить.

Она складывает руки на груди. Её тёмные волосы небрежно собраны в хвост, она одета в

рубашку с галстуком и джинсы, карманы которых забрызганы краской.

— Мы очень отличались друг от друга, — задумчиво говорит она, глядя в сад. — Моника была смелой, взвинченной и дерзкой. Я часто задавалась вопросом, как мы могли появиться на свет от одних и тех же родителей.

— Мы с братом тоже очень разные, но у нас разные матери.

Она смотрит на меня и улыбается.

— Я знаю.

Я чувствую, как румянец начинает подступать к моим щекам. Конечно, она знает. Все в Лондоне знают.

— Роман Моника и Джейка был немного бурным, — продолжает она, удивляя меня.

У меня не было намерения спрашивать или расспрашивать её об этой части жизни Джейка. Как бы глупо это ни звучало, и несмотря на то, что у них всё закончилось так ужасно, я не могла не чувствовать толику ревности. Немного обиды в сочетании с капелькой чего-то похожего на благодарность. Пожалуй, это была несколько странная смесь чувств по отношению к женщине, которая мертва. Да, я обижена на неё за то, что она в своё время буквально уничтожила Джейка, но и благодарна за то, что её неправильный выбор привёл его ко мне, для того, чтобы однажды я смогла помочь ему всё исправить. Я даже завидую, что она так на него подействовала.

— Они встретились, когда Джейк был дома в отпуске, — продолжает она, отрывая меня от моих мыслей. Потом она смеётся. — Они поженились до того, как он вернулся в Афганистан. Вскоре после этого она узнала, что беременна, и всё, — Эбби вздыхает и берёт свою кружку, задумчиво потягивая чай. — Я знала, что она совершает ошибку. Моника была требовательной женщиной, жаждала внимания, а Джейк не мог дать ей этого находясь на Ближнем Востоке.

«*Стань его лучшим другом*», — думаю я про себя, присоединяясь к Эбби и выпивая немного чая.

— Я очень любила свою сестру, но она была эгоистичной девушкой, — она смотрит на меня с грустной улыбкой на лице. — Она была так поглощена похотью, что не думала о том, чтобы быть женой и матерью дома пусть и находится какое-то время в одиночестве.

Я не знаю, что сказать, поэтому произношу единственное слово, что приходит в голову.

— Спасибо.

Она смотрит на меня с интересом.

— За что?

Я чувствую себя немного глупо, задаваясь вопросом, моё ли это дело, но я чувствую, что должна это сказать.

— За то, что присматривала за Шарлоттой. Это очень непросто, — эта женщина ни о чём таком не просила. Но она собралась и занялась делом, и сохранила уважение к Джейку в глазах его дочери. Она искренняя и хорошая женщина. Джейк никогда не сможет отплатить ей за всё то, что она сделала.

— Я люблю её, — я слышу дрожь в голосе Эбби и, пытаясь облегчить её печаль, я кладу руку ей на плечо. Она тут же начинает смеяться, отгоняя плохие эмоции. — Я веду себя глупо. Я мечтала об этом дне всю свою жизнь, и теперь, когда он настал, я чувствую себя немного подавленной. Я хотела, чтобы он увидел, какая она удивительная маленькая девочка. Я знала, что он влюбится в неё, как только увидит.

Её вера и сочувствие выше моего понимания, и я снова выглядываю в окно, и теперь

вижу Джейка с медведем на коленях, кормящего его клубникой, и Шарлотту, показывающую ему, как это необходимо делать правильно. Я смеюсь, наслаждаясь прекрасной сценой. Джейк улыбается, его глаза сияют от счастья, но на его лице написано чистое удивление, как будто он просто не может понять, как эта маленькая девочка заставляет его делать такие глупости.

— Я думаю, он покорён её, — размышляю я про себя.

— Это было само собой разумеющимся, — Эбби ставит свою кружку на стол. — О, они возвращаются, — она переводит свой мягкий взгляд на меня. — Может, мне стоит принести ему чего-нибудь покрепче чая?

— Да! — я хихикаю, как раз в тот момент, когда Шарлотта входит в кухню, волоча за собой Джейка. Я поджимаю губы и, увидев его, обнаруживаю, что Джейк выглядит гораздо более расслабленным, чем, когда я оставила его одного в саду.

Шарлотта встаёт передо мной, держа Джейка за руку.

— Мой папа сказал, что ты его ангел.

Я бросаю удивлённый взгляд на Джейка, и он беспечно пожимает плечами. Вау. Я этого не ожидала.

— Эм... Я... — я заикаюсь, как дура.

— Как моя мамочка? — она задаёт вопросы с невинностью, которая растопляет моё сердце. — Ты такой же ангел, как моя мамочка?

— Ну... я... — я думаю, как всё ей объяснить, чтобы она поняла, но ничего не выходит.

— Не совсем как твоя мамочка, — произносит Эбби, замечая мою неловкость. — Мама — ангел, потому что она попала на небеса. Ками — ангел, потому что она папина спасительница.

Я резко вдыхаю, глядя на Джейка. Он тоже выглядит немного шокированным.

— Что такое спаситель? — спрашивает Шарлотта.

Эбби, не обращая внимания на мои и Джейка ошеломлённые лица, немного наклоняется и кладёт ладони на колени, приближаясь к своей племяннице. Она улыбается Шарлотте, довольная и спокойная.

— Спаситель — это тот, кто делает другого человека счастливым, когда ему грустно, — она отчеканивает это простое объяснение, как будто готовилась к его объяснению, тем самым легко и спокойно справляясь с вопросом маленькой девочки, в то время как мы с Джейком оказались обескураженными под давлением вопроса малышки. Господи, с каждой минутой я всё больше нервничаю из-за этого. Как это вообще будет? Мы ещё не говорили о переезде или о том, как он произойдет.

— Почему папа грустил? — спрашивает она сама несколько грустно.

— Потому что он хотел быть здесь с тобой, но не мог, — мягко отвечает Эбби, успокаивая её.

Мой взгляд устремляется к Джейку, и я обнаруживаю, что его глаза прикованы к маленькой девочке, и в них бурлят эмоции. Я не знаю, сколько ещё я смогу держать себя в руках.

Шарлотта, кажется, вполне удовлетворённой ответом, отворачивается от своей тёти и возвращается ко мне.

— Спасибо тебе за то, что сделала моего папу счастливым! — благодарит она меня при этом сияя. — Теперь я тоже могу помогать тебе делать его счастливым! Потому что он сражался со всеми злодеями! И теперь он может быть моим папой!

О, боже мой. Я несколько раз сглатываю, заставляя себя улыбнуться, прежде чем бросаю быстрый взгляд на Джейка, чтобы понять, что происходит у него в голове. Я не могу сказать. Он выглядит растерянным, на его лице отражается что-то среднее между удивлением и замешательством.

— Не за что, — шепчу я.

— Папа попросил меня помочь ему кое с чем, — заявляет она, гордо выпячивая свою маленькую грудь вперёд.

Я тихо спрашиваю.

— Кое с чем?

Она кивает, берёт Джейка за руку обеими руками и повисает на нём.

— Ты должна выйти в сад.

Я бросаю на Джейка вопросительный взгляд, который, впрочем, он благополучно игнорирует.

— Я думаю, нам следует пойти в сад, — говорит он, прочищая горло и жестом предлагает всем нам пройти вперёд.

Я смотрю на Эбби, и она пожимает плечами, но на её лице появляется намёк на улыбку.

— Сад, — подтверждает она, кладя руку мне на спину, чтобы подбодрить меня.

Поскольку мне больше нечего не остаётся, кроме как делать то, что меня просят все трое, я следую за Шарлоттой, пока не оказываюсь в пышном зелёном саду, который мог похвастаться огородом, а также сараем, в котором каждая деревянная панель окрашена в разный цвет. Сочетание цветов между каждой доской говорит мне о том, что Шарлотта, возможно, принимала участие в его покраске.

— Не хочешь ли присесть? — спрашивает Джейк, обходя меня кругом и указывая на пустой стул.

— Я не знаю. А стоит?

— Да! — Шарлотта визжит, возбуждение нарастает, она толкает меня вперёд с силой, которую я не рассчитывала почувствовать в столь маленьком тельце. Я плюхаюсь в кресло, и она оценивает моё положение, затем смотрит на Джейка. — Ты высокий, папочка. Тебе нужно встать на колени, иначе ты не сможешь её поцеловать.

Я сажусь прямо, и Джейк смеётся, поднося палец к губам.

— Ш-ш-ш-ш.

Глаза Шарлотты округляются, и она прикрывает рот рукой.

— Упс!

— Что происходит? — спрашиваю я, мне определённо не нравится быть в неведении и одновременно в центре внимания.

Счастливая улыбка Джейка становится застенчивой, когда Шарлотта толкает его в бедро, подталкивая ближе ко мне. Я поднимаю на него глаза, и мне требуется несколько мгновений, чтобы понять, что его лицо приближается.

Потому что он опускается на колени.

Я в тревоге откидываюсь на спинку кресла. Боже мой, что он делает?

Он опускается на колени и берёт меня за руку, подтягивая к себе. Я делаю всё возможное чтобы по возможности затруднить ему задачу. С любопытством склонив голову набок, он тянет меня так, что я буквально дёргаюсь вперёд.

— Когда я сказал Шарлотте, что мы собираемся пожениться, — тихо начинает Джейк, — она спросила меня, как я спросил тебя о том согласна ли ты стать моей женой, —

он смотрит на свою ухмыляющуюся дочь и немного смеётся, нервно проводя рукой по волосам. — Она была не очень впечатлена.

Ей не понравилось? Но это было прекрасно. Однако я этого не говорю, потому что Шарлотта кивает в знак согласия, её маленькая головка быстро покачивается. Эбби смеётся сзади.

— Она сказала, что это не похоже на то, как делают предложение в сказке, — продолжает Джейк, его голос немного ломается, но Джейк собирает и втягивает воздух.

— Почему? — я смотрю на Шарлотту, и её маленькие глазки закатываются в нетерпении.

— Потому что он не подарил тебе кольцо! — кричит она. — У всех принцев есть кольцо для своей принцессы!

— О-о-о, — выдыхаю я, думая, что лучше не говорить ей, что в действительности у меня было кольцо. Пока она не смылось под душем.

— Теперь у него есть кольцо! — она буквально дрожит от возбуждения. — Отдай его ей, папочка!

Она знает?

Я прикусываю губу, чувствуя, как Джейк сжимает мои пальцы.

— Ты не возражаешь, если мы сделаем это ещё раз? — спрашивает он, немного смущённый.

Я заплачу. Я хочу сказать Джейку, что не нужно, но меня прерывает Шарлотта, ползущая по краю моего кресла и надевающая что-то мне на голову.

— Теперь ты настоящая принцесса, — заявляет она, спускаясь вниз.

Я протягиваю руку и чувствую пластиковую диадему, покоящуюся в моих волосах.

— Она принадлежала Золушке, — говорит она мне, как ни в чём не бывало.

Я нервно смеюсь.

— Спасибо, — она выглядит такой гордой собой.

Джейк смотрит на свою дочь, ожидая разрешения продолжать, и она, ухмыляясь, кивает в знак согласия. Затем он поворачивается ко мне и достаёт кольцо — красивое изящное кольцо с бриллиантом.

— Камилла Логан, — выдыхает он, и я начинаю задыхаться, сжимаю губы, чтобы не показать, что готова вот-вот разрыдаться, как дура. Я уверена, что Шарлотта не была бы впечатлена, увидев мои слёзы. Золушка не плакала. Джейк улыбается, такой ослепительной и счастливой улыбкой. Клянусь, он бы не дал Прекрасному Принцу даже шанса на победу. Он сжимает мою руку. — Буду ли принадлежать тебе вечно??

— Там не так! — Шарлотта раздражённо вскакивает.

— Хорошо! — Джейк смеётся, глядя на меня с сожалением. Он глубоко вдыхает. — Не окажете ли вы мне честь стать моей женой, Камилла Логан? — его рука сжимается вокруг моей, его улыбка застенчивая. — Я не могу представить свою жизнь без тебя. Я хочу быть рядом с тобой до конца наших дней на этой земле. Я хочу видеть твою прекрасную улыбку, слышать твой голос, смотреть, как ты работаешь. И я хочу делиться с тобой своим счастьем. Каждый день до конца наших дней, — он наклоняется вперёд и нежно гладит меня по щеке. — Ты выйдешь за меня замуж?

Я сглатываю, задыхаясь, заставляя свои губы оставаться плотно сжатыми, чтобы мои эмоции не могли вырваться наружу. Затем начинаю медленно кивать.

— Ты должна сказать — да! — произносит Шарлотта, и я хихикаю вместе с Эбби и

Джейком, пока Шарлотта ждёт, как я последую её инструкциям. Я не утруждаю себя тем, чтобы сказать ей, что мы уже прошли через всё это. Для неё это не будет иметь никакого значения, так как Джейк всё испортил как ей кажется.

Я отстраняюсь, улыбаясь сквозь переполняющие меня эмоции.

— Да, — чётко отвечаю я, принимая кольцо, когда Джейк надевает его мне на палец. — Теперь ты мой дом, — я умерла, я разбита, слёзы безостановочно текут по моим щекам. К чёрту Золушку. Должно быть, она была суровой сукой. — Ты для меня всё, Джейк Шарп.

— Ура! — Шарлотта визжит, и я смеюсь сквозь слёзы, видя, как она делает пируэт на месте.

Джейк со вздохом проводит большим пальцем по драгоценному камню.

— Спасибо, — тихо бормочет он.

— Вы должны поцеловаться сейчас! — Шарлотта начинает подпрыгивать в стороне от нас, хлопая в ладоши.

И я не трачу время впустую. Никому никогда не придётся повторять мне дважды, чтобы я поцеловала Джейка. Я бросаюсь в его объятия и прижимаюсь губами к его губам, толкая его обратно на траву, разрушая все свои запреты. Я теряюсь в дымке счастья, оптимизма и вечной любви, в то время как Шарлотта танцует вокруг наших распростёртых тел, хлопая в ладоши и подбадривая.

Мы прекращаем наш поцелуй только после того, как нам начинает не хватать воздуха, и после того, как Шарлотта потребовала, чтобы мы перестали целоваться. Присев на корточки у головы своего папы, сложив маленькие ручки и положив их на колени, она смотрит на меня, в то время как Джейк смотрит на неё снизу-вверх.

— Папа тоже подарил мне кольцо, — с гордостью объявляет она, протягивая мне свою пухлую ручку. — Он сказал, что оно волшебное.

Я смотрю вниз и вижу точную копию того обручального кольца с надписью, которое Джейк нарисовал мне на пальце в своём загородном убежище. Мои губы растягиваются в широкой улыбке, мой взгляд скользит к Джейку.

Он выглядит немного застенчиво и неловко.

— Тебе повезло, — говорит он, пожимая плечами. — Она хотела это, — он кивком указывает на мой безымянный палец, на котором идеально смотрелось моё кольцо с бриллиантом.

Я громко смеюсь, думая о том, о чём никогда бы не подумала. Я думаю о том, как я хочу и радуюсь возможности поделиться Джейком. Поделить его с этой энергичной, великолепной маленькой девочкой. Его маленькой девочкой. Всё, что его теперь и моё тоже. И Шарлотта теперь тоже моя.

Я вдыхаю свежий воздух и всепоглощающий аромат любви, окружающий меня, закрываю глаза и зарываюсь в грудь Джейка.

— Что теперь будет? — тихо спрашиваю я.

— А что ты хочешь, чтобы было?

— Я бы хотела жить в твой волшебной стране и жить долго и счастливо.

Я чувствую, как он улыбается мне в шею.

— Всё, что ты захочешь.

Шарлотта визжит, и мы оба смотрим на неё снизу-вверх.

— Я тоже хочу жить в волшебной стране! Можно мне, папочка? Можно, можно? — она выглядит почти напуганной возможностью отказа, и я смотрю на Джейка, уверенная в том,

что он с ней справится. И я определённо не заблуждалась. Я понимаю, что мы не сразу сможем увезти Шарлотту в сельскую местность, чтобы она всегда была вместе с нами в нашем счастливом будущем. Это потребует времени и глубокого обдумывания. Губы Джейка распрямляются, когда он смотрит на полное надежды лицо своей дочери, явно задаваясь вопросом, как ему следует подойти к этому, не расстраивая её и, самое главное, не наступая Эбби на пятки. Она воспитывала его дочь четыре года. Здесь с ней тоже необходимо считаться.

Эбби делает шаг вперёд и опускается на корточки, привлекая внимание Шарлотты.

— Может быть, ты сможешь ненадолго навещать меня по выходным. Просто до тех пор, пока папа и Камилла не приведут всё в порядок для тебя. Я уверена, что им ещё многое предстоит сделать, чтобы подготовить всё к твоему приезду, — она улыбается лёгкой натянутой улыбкой, и я вижу, каких усилий ей стоит произнести это, её голос немного дрожит.

Джейк начинает садиться, увлекая меня за собой. Я отодвигаюсь в сторону, понимая его намерение. Он тянется к руке Эбби и успокаивающе сжимает её.

— Спасибо, — тихо произносит он.

Эбби сглатывает и качает головой.

— И, конечно, им необходимо привести в порядок мою спальню, когда я буду приезжать к тебе в гости.

— Я буду принцессой в папиной заколдованной стране! — Шарлотта взволнованно подпрыгивает на месте, прежде чем броситься на Джейка и поваливает его на землю. Он смеётся, позволяя ей сесть верхом на свою грудь. Она серьёзно смотрит на него сверху вниз. — Я рада, что ты сейчас дома, папочка.

Скулы на его щеках начинают подрагивать, слёзы угрожают сотрясти его тело, когда он тянется к её пухлой щеке и нежно гладит её.

— Я тоже, детка. Я тоже. Я никогда больше не покину тебя.

Шарлотта падает на грудь своему папе, обнимая его своими маленькими ручками.

— Ты можешь быть моим королём, папочка.

Лицо Джейка исчезает в маленькой шейке его маленькой девочки, и он прижимает её к своей груди. Он прячет свои переполненные слезами глаза, в то время как я позволяю своим слезам течь по своему лицу, я так счастлива, ощутить, как наступивший в душе Джейка покой наполняет и меня.

У моей тени теперь есть своя собственная тень.

Конец

Notes

[

←1

]

Мэйфэйр — район (квартал) в центральном Лондоне, к востоку от Гайд-парка, в «сити» Вестминстер.

[

←2

]

4 фута — 121,92 см.

[

←3

]

Levi's марка джинс

[

←4

]

Смарти — фирма конфет

[

←5

]

Harvey Nichols — Британская сеть универмагов с центральным магазином в Найтсбридже в Лондоне.

[

←6

]

6 футов 4 дюйма — 195 см

[

←7

]

Аэрограф — прибор для бесконтактного нанесения макияжа.

[

←8

]

шесть фунтов четыре дюйма — 193 см

[

←9

]

Катастрофа над Локерби — Крупная авиационная катастрофа в результате теракта, произошедшая в среду 21 декабря 1988 года

[

←10

]

Pimm's — это одновременно марка британского спиртного напитка и изготавливаемый на его основе слабоалкогольный летний пунш.

[

←11

]

Karl Lagerfeld и *Christian Dior* — немецкий и французский модельер.

[

←12

]

Селфриджес (Selfridges) — сеть высококлассных универмагов в Соединённом Королевстве

[

←13

] Лабутены (Louboutins) — марка женской обуви

[←14

] Фут равно 30.479999 сантиметров

[←15

] 30 миль — 48,28 км

[←16

] 1 миля — 1,61 км

[←17

] шесть футов четыре дюйма = 193.04 см